

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

И
Н
О
Й

СТАЛИН

Юрий Жуков

ВАГРИУС

Annotation

Книга доктора исторических наук Ю. Жукова предлагает совершенно нестандартную версию событий в СССР второй половины 30-х годов. Написанная на основе уникальных документов, многие из которых и поныне носят гриф «секретно», она по-новому отвечает на вопросы: «Кто и зачем развязал массовые репрессии?», «Почему был убит Киров?», «Существовал ли на самом деле заговор против Сталина?»

[Для чтения рекомендуется использовать программы с поддержкой таблиц.]

- Ю. Н. Жуков

- Введение
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая
- Глава пятнадцатая

- [Глава шестнадцатая](#)
- [Глава семнадцатая](#)
- [Глава восемнадцатая](#)
- [Глава девятнадцатая](#)
- [Заключение](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)

- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 1
- 2
- 3
- 4

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [1](#)

- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [1](#)

- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [1](#)

- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)

- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)

- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [1](#)
- [2](#)

- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20

- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)

- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)

- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)

- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)

- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [44](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)

- [27](#)
- [28](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)

- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21

- 22
- 23
- 24
- 25
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)

- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)

Ю. Н. Жуков
ИНОЙ СТАЛИН
Политические
реформы в СССР в
1933–1937 гг.

Введение

Последние пятнадцать лет подтвердили старую, оказавшуюся к тому же и непреложной, истину. Нравится нам это или нет, но Сталин прочно вошел в историю XX века как один из самых значительных политических лидеров мира. Доказательством тому служит простой, очевидный, неоспоримый факт. Число книг, статей, телепередач о Сталине, пусть и предельно негативных, созданных в последние годы, многократно превзошло написанное о нем при его жизни.

Приходится признать и иное. Теперь имя Сталина служит своеобразным символом одной из эпох нашей истории, для оценок ее, сегодняшних представлений о том, в чем же должны заключаться национальные интересы страны, какой она должна быть, как развиваться, каким курсом следовать. И потому-то имя Сталина столь широко используется в политической борьбе как приверженцами правящего ныне режима, так и оппозицией.

При этом все политики, вне зависимости от того, кем себя полагают — сталинистами или антисталинистами, дружно

приписывают Сталину, ему одному и только ему, ответственность за все, что происходило со страной и в стране. Правда, сталинисты напоминают исключительно о положительных моментах, а антисталинисты излагают свой вариант прошлого, сплошь состоящего из недостатков и ошибок, насилия и преступлений. Все, сознательно или бессознательно, превращают Сталина в демиурга, единственного творца истории, ее движущую силу. Словом, занимаются мифотворчеством.

Мифы о Сталине далеко не новы. Первый, апологетический, начал слагаться еще в тридцатых

годах, приняв законченные очертания к началу пятидесятых. Второй, разоблачительный, — вслед за тем, после закрытого доклада Хрущева на XX съезде КПСС. Он фактически явился зеркальным отображением предыдущего, просто превратился из «белого» в «черный», отнюдь не изменив своей природы.

С началом перестройки, одним из лозунгов которой стала гласность, казалось, пришло время отрешиться от прежних заблуждений, в том числе и от обоих мифов. Прежде закрытый для исследователей Кремлевский архив ликвидировали. Фонды его в конце 1991 г. начали передавать в Российский центр

хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) — ныне Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) и созданный тогда же Центр хранения современной документации (ЦХСД) — ныне Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Начали, но не довели дело до конца. Без огласки и каких-либо объяснений в 1996 г. были вновь засекречены важнейшие, ключевые материалы. Их надежно запрятали в так называемом архиве Президента Российской Федерации. Вскоре таинственная операция получила объяснение. Она, как

выяснилось, позволила вернуть к жизни один из двух старых, изрядно обветшавших мифов.

Появились на свет, стремительно распространились, утвердились как «основополагающие» книги Д. А. Волкогонова, Р. А. Медведева, В. Д. Николаева, А. В. Антонова-Овсеенко и Л. Э. Разгона, статьи Ю. Н. Афанасьева, В. А. Коротича и Г. Х. Попова — людей, не скрывавших своей идеологической ангажированности, откровенной политической пристрастности. Неизбежно последовала и ответная реакция — столь же мифологизированные книги

Р. А. Косолапова, А. Н. Голенкова, В. М. Жухрая, А. Т. Рыбина, Ф. Д. Волкова, В. В. Карпова и Ю. В. Емельянова, других, не менее тенденциозных авторов.

Никто из них не отважился сказать правду: нам, как и прежде, неизвестна, недоступна во всей своей полноте совокупность материалов, которая и должна называться личным фондом Сталина. А потому сегодня и не может быть речи о создании его исчерпывающей, всеохватывающей политической биографии. Но, несмотря ни на что, необходимо сделать первый шаг для ее подготовки. Для начала постараться выяснить, почему же

именно Сталин, а не Троцкий, Зиновьев или Бухарин, вышел победителем из схватки за лидерство в партии, стал общепризнанным лидером страны, выразителем ее чаяний и надежд.

Разумеется, пока можно лишь подойти к ответу на существующие многочисленные принципиальные вопросы, и прежде всего на основной: к чему стремился, чего добивался Сталин всю жизнь? Только лишь бесконтрольной власти? И еще на один вопрос, не менее значимый: скрывал ли он свои замыслы, цели или же действовал открыто?

Отнюдь не претендуя на законченность и потому

бесспорность, отважусь только на одно: уйти от обеих предвзятых точек зрения, от обоих мифов; попытаться восстановить старое, некогда хорошо известное, а теперь старательно забытое, решительно незамечаемое, игнорируемое всеми.

Глава первая

...Откажемся от проторенного пути. Не станем останавливаться на детских и юношеских годах Сталина, ибо они ничего не дают для понимания его взглядов, мировоззрения, сложившихся позже. Здесь интересна разве что учеба в семинарии, да и то постольку, поскольку породила его своеобразную риторику: построение статей и речей в катехизисной форме вопросов-ответов. Да еще дидактичность — сознательное многократное повторение объяснений сложных проблем в чуть

ли не примитивной форме,
единственно доступной
неграмотному не только
политически населению.

Довольно долго Сталин весьма
резво оценивал себя, свои
способности и возможности. Во
всяком случае, полтора десятка лет
революционной деятельности
терпеливо занимался обыденной,
рутинной работой и довольствовался
скромным положением одного из
сотен или тысяч функционеров,
притом всего лишь провинциального
масштаба. Он даже не пытался
доказать товарищам, что претендует
на какую-либо иную, более высокую,
значимую роль. С первой серьезной

работой — «Марксизм и национальный вопрос» Сталин выступил лишь в 1913 г., когда признанными теоретиками марксизма в России считались Плеханов, Ленин, Троцкий, Зиновьев. Незадолго до этого он побывал делегатом на Таммерфорсской конференции, Стокгольмском и Лондонском съездах и был кооптирован в члены ЦК РСДРП большевиков.

Заявив о себе как о теоретике, Сталин сумел проявить оригинальность воззрений: предельный прагматизм — мышление категориями отнюдь не планетарными, стремление уйти от

абстрактных построений, встав на твердую почву российской действительности. И способность выделить лишь на первый взгляд второстепенную проблему, разглядев в ней далеко не последнюю роль для ближайшего будущего.

Обратившись к национальному вопросу, Сталин попытался решить ту конкретную задачу, которая, по его мнению, должна была существенно повлиять на судьбы России. Этим он определил себя скорее как государственный, нежели партийный деятель. Основываясь на детальном знании положения на сверхмногонациональном Кавказе, Сталин пришел к неординарному

выводу. Прежде всего, полагал он, необходимо обеспечить целостность страны и лишь потом намечать пути ее экономического, политического и культурного развития, искать оптимальные только для нее пути прогресса.

К национальному вопросу Сталин обратился, очевидно, потому, что стремился найти альтернативу процессам, отчетливо проявившимся уже в годы первой русской революции, а именно зародившимся и крепнувшим на окраинах чисто национальным формам борьбы с самодержавием, способным на следующем этапе развития событий превратиться в мощные

центробежные силы; привести к распаду империи, к отделению от нее Польши и Финляндии, Прибалтики и Украины, Закавказья и Средней Азии; оказаться тем непредсказуемым результатом новой революции, которую и ставили своей целью большевики.

Сталин, судя по всему, учитывал не только многонациональность, но и многоцивилизационность России, а в многоукладности видел не только союзника революции, но и ее противника. Пытаясь найти возможный выход из порочного круга, он предложил единственный, по его мнению, вариант решения национального вопроса, попытался

совместить трактовку марксизмом права наций на самоопределение с необходимостью сохранить целостность страны, отказаться как от нереальной от культурной автономии, на чем настаивали многие лидеры большевизма. Сталин объявил себя сторонником промежуточной позиции — уже исторически и экономически сложившихся многонациональных областных автономий.

«Единственно верное решение, — писал Сталин, — областная автономия, автономия таких определившихся единиц, как Польша, Литва, Украина, Кавказ и т.п.»¹. Он объяснил преимущества

именно такой структуры административного деления: «Она не межует людей по нациям, не укрепляет национальных перегородок — наоборот, она ломает эти перегородки и объединяет население»². И именно отсюда Сталин попытался вывести свое определение понятия «нация». Вслед за тем он заявил о невозможности абсолютизировать права наций на самоопределение, счел необходимым значительно ограничить их, подчинив общегосударственным интересам. Право на самоопределение, отмечал Сталин, возможно только тогда, когда оно «не попирает... прав других наций»³.

Иными словами, он настаивал на отказе от того права на самоопределение, которое провозглашалось марксизмом и которое всего пять лет спустя в соответствии с планами Антанты, при поддержке президента США Вудро Вильсона, легло в основу Версальского, Сен-Жерменского и Трианонского мирных договоров и стало основанием Версальской системы. Это способствовало появлению отнюдь не моноэтнических Чехословакии и Югославии, а также лимитрофов — Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы, то есть той системы, открытым оппонентом

которой Сталин оставался вплоть до середины 1941 г.

Для понимания воззрений Сталина важен высказанный попутно в той же работе и остававшийся неизменным, четко и ясно сформулированный его подход к решению всех без исключения проблем — «конкретно-исторические условия»⁴. Именно они, а не чье-либо авторитетное высказывание, официальные догмы и теории стали для Сталина основными. Они, а не что-либо иное, объясняют его приверженность политике такого же, как и он сам, прагматика Ленина, объясняют его собственные колебания и переломы,

готовность под воздействием реальных условий, ничуть не смущаясь, отказаться от ранее высказанных предложений и настаивать на иных, подчас диаметрально противоположных.

Назначенный сразу после революции 1917 г. наркомом по делам национальностей, Сталин отнюдь не стал торопиться защищать права больших и малых народов России, оказавшись приверженцем того административно-территориального устройства РСФСР, которое явилось максималистской формой его собственных представлений. Сталин вошел в число защитников

образования РСФСР в границах бывшей империи, но без Финляндии и Польши, не из национальных, а из территориальных единиц — областей. Те же слагались из нескольких уже бывших губерний, исторически и экономически связанных между собой. Именно эта структура, вместе с единой в тех же границах РКП(б), и противостояла вплоть до конца 1918 г. сепаратистским силам, которые привели к распаду страны, начавшемуся с заявления в конце 1916 г. Литвы, оккупированной германскими войсками, о «независимости». Распад страны завершился к концу 1918 г. опять же

формальным объявлением — ибо оно также делалось в условиях оккупации — об отделении от России Эстонии, Латвии, Белоруссии, Украины, Азербайджана, Армении и Грузии.

Под давлением неумолимой действительности Сталину пришлось согласиться с тем, что национализм оказался не просто живучим, но и более сильным чувством, нежели классовая солидарность. А это, в свою очередь, заставило признать как альтернативу независимости буржуазной суверенитет советских, но вместе с тем и национальных республик, согласиться с выделением юридически равных РСФСР трех

прибалтийских, Белорусской и Украинской. Мало того, пришлось заявить о признании национально-государственных автономий и в составе РСФСР. В марте 1919 г. — Башкирской, в следующем году — Татарской и Киргизской (Казахской). Правда, как наивно полагал Ленин, временно, только до появления там своего пролетариата, который якобы непременно откажется от такой формы существования.

Происходившее не изменило воззрений Сталина. Он даже еще более утвердился в них. В статье «Политика советской власти по национальному вопросу в России», опубликованной в октябре 1920 г., он

выразил — как основное обоснование своих взглядов — неуверенность в скорой победе мировой революции. И потому выступил против прямо связанной с нею, тогда широко распространенной теории о начавшемся отмирании государства, теории, вроде бы подтверждавшейся практикой «военного коммунизма».

Сталин предложил принципиально иное видение внутренней политики — необходимость укрепления государства, усиление его институтов. Стержневую же основу для этого в многонациональной РСФСР, только что испытавшей

воздействие сепаратистских сил, он видел в унитарности либо предельном приближении к ней. Пока, в конкретных условиях, — в жесткой взаимосвязи, взаимоподдержке центра и национальных окраин. Пояснил, что именно такой, не на словах, а в действительности проводившейся политикой и следует объяснять победу большевиков в гражданской войне. Сталин вновь, хотя и в несколько откорректированном виде, выдвинул прежнее предложение: «Требование отделения окраин от России... должно быть исключено»⁵.

Не опасаясь негативной реакции, Сталин утверждал: речь

идет здесь не о правах наций, которые неоспоримы, а об интересах народных масс как центра, так и окраин. Под последними же он подразумевал не Башкирию или Татарию, а «так называемые независимые государства» — Грузию, Армению, Польшу, Финляндию и другие. Словом, те страны, прежде входившие в состав империи, в которых к осени 1920 г. пока еще не удалось установить советскую власть. Более того, он твердо заявил, что «требование отделения окраин на данной стадии революции глубоко контрреволюционно», взамен суверенности соглашаясь, как и семь

лет назад, на прямо
противоположное. «Остается, —
приходил к заключению Сталин, —
областная автономия окраин,
отличающихся особым бытом и
национальным составом, как
единственно целесообразная форма
союза между центром и окраинами,
автономия, долженствующая связать
окраины России с центром узами
федеративной связи»⁶.

Саму автономию —
вынужденное отступление от
унитаризма, остававшегося для него
конечной целью, Сталин считал
необходимой лишь ради решения
промежуточной задачи —
ликвидации существенных различий,

если не сказать разрыва, в культурном, политическом и экономическом уровнях развития различных регионов страны. Он отводил автономии не самодовлеющую, а чисто служебную роль, признавал использование национальных языков для «школ, суда, администрации» как единственно пока возможное средство «постоянного вовлечения... масс в русло советского развития»⁷.

Именно эти, не скрываемые ни от кого взгляды и убеждения вызвали появление осенью 1922 г., с началом обсуждения формы создаваемого СССР, сталинского плана автономизации. Сталин решительно

отстаивал его в схватке с товарищами по партийному руководству, потерпев сокрушительное поражение в немалой степени и из-за того, что Ленин занял прямо противоположную позицию. Сталин вынужден был признать, что обстоятельства сильнее его, что он в данном вопросе изрядно поторопился, забежал далеко вперед. Пришлось согласиться на чуждый ему план и даже оберегать его, осознавая силу национализма.

В конце 1922 г. Сталин вынужден был смириться и отступить еще и потому, что тогда же оказался вовлеченным в более серьезную борьбу за лидерство

внутри узкого руководства⁸,
порожденную тяжелым
заболеванием Ленина и его
фактическим уходом из
политической жизни.

Зиновьев вместе со своим
верным союзником Каменевым не
без оснований опасался возвышения
Троцкого. В силу своего старого и
вполне заслуженного авторитета в
партии, необычайно широкой
популярности, приобретенной за
годы гражданской войны, да еще и
благодаря очевидной близости к
Ленину в последние месяцы, с
которым он солидарно выступал по
многим вопросам, Лев Давидович
мог законно и естественно занять

место единоличного лидера партии и страны.

Потому-то Зиновьеву и потребовалось привлечь на свою сторону Сталина, почти никому тогда не известную политическую фигуру, предварительно серьезнейшим образом усилив его роль и полномочия. Выдвинув его в апреле 1922 г. на тогда же созданный пост генерального секретаря ЦК РКП(б), Зиновьев, видимо, был уверен, что тем самым подчинит себе не столько Сталина, сколько партию, формально одну из секций возглавляемого им Коминтерна.

Сталин принял предложение Зиновьева и вошел в «тройку», новое

узкое руководство. Однако стал использовать свое новое положение не только для оттеснения Троцкого, а и для превращения партии в надежную скрепу только что созданного СССР, весьма непрочного, более всего напоминавшего конфедерацию. Сталин, без сомнения, понимал, что страна в первую очередь нуждается в восстановлении промышленности, сельского хозяйства и транспорта, пришедших в полный упадок за годы мировой и гражданской войн. И пока разруха не ликвидирована, можно, но лишь временно, не опасаться за целостность СССР. В отличие от Троцкого и Зиновьева Сталин сумел

осознать уже тогда и потенциально огромную роль Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), третьей по значимости общесоюзной структуры после партии и армии, и стал использовать ее, опираясь на идейную близость с Дзержинским. Так они вместе добились уже в августе 1922 г. запрещения свободного доступа Троцкого в Горки к Ленину, ограничив их общение только письмами.

...Смерть Ленина ускорила процесс, шедший уже почти два года. «Тройке» удалось провести на пост председателя СНК СССР Рыкова, не имевшего определенной, твердой

позиции, хотя и находившегося на правом фланге партии. Спустя полгода ввели в ПБ Бухарина, с 1917 г. редактора «Правды», а с апреля 1924-го еще и нового теоретического органа, журнала «Большевик», — человека, также стоявшего тогда на правых позициях и потому противника закрепления Троцкого в роли преемника Ленина.

Только шесть месяцев спустя, в январе 1925 г., «тройка», уже обеспечив большинство в ПБ и ЦК, сумела выполнить первую часть своих замыслов: снять Троцкого с поста председателя РВС СССР — наркома по военным и морским делам, чем обезопасила себя от ни на

чем не основанных опасений
возможных его бонапартистских
поползновений.

Весь 1924 г., пока продолжалась
борьба с Троцким как вполне
возможным вождем, Сталин —
политик еще относительно слабый,
игравший вторую роль, — занимал
двойственную позицию. Как член
«тройки» он отбивался от нападков
Троцкого и его ближайшего
сподвижника Преображенского, их
чуть ли не прямых обвинений в свой
адрес, на XII партсъезде назвал
надуманными заявления левых о
начавшемся перерождении,
бюрократизации партии, о
противостоянии в ней двух

поколений, о том, что чистка, мол, стала оружием расправы большинства — Зиновьева, Каменева, Сталина — с меньшинством — Троцким и его сторонниками. Но одновременно Сталин и защищал Троцкого — как генсек обеспечил отклонение в начале года предложения петроградского губкома об исключении Троцкого из партии, а в конце года — требования Зиновьева и Каменева о выводе его из ПБ. Сталин стремился сохранить некое равновесие в узком руководстве, не допустить усиления позиций Зиновьева.

Из тех же соображений в том же

1924 г. Сталину пришлось во второй раз пойти на достаточно серьезные уступки и в национальном вопросе — согласиться с исчезновением двух областных автономий, которым он придавал большое значение. В июне была завершена ликвидация Горской республики, а в декабре произошло «национально-государственное размежевание» в Средней Азии: расчленение Туркестанской АССР, Бухарской и Хивинской народных советских республик.

В то же время Сталину не раз приходилось делать заявления, которые должны были укрепить доверие к нему обеих основных

группировок в партии: открыто признавать безусловность ленинского положения, в соответствии с которым империализм считался «кануном социалистической революции»; рассматривать СССР всего лишь «как подспорье, как средство ускорения победы пролетариата в других странах» и категорически отрицать возможность построения социализма в отдельно взятой стране, то есть в СССР. В цикле лекций «Об основах ленинизма», прочитанных в конце апреля — начале мая в Свердловском университете, Сталин чуть ли не дословно повторил ленинскую мысль: «Слов нет, что для полной

победы социализма, для полной гарантии от восстановления старых порядков необходимы совместные усилия пролетариев нескольких стран... Слов нет, что нам нужна поддержка»⁹.

Даже через год после поражения Гамбургского восстания он утверждал: «Неверно, что решающие бои были уже, что пролетариат был разбит в этих боях. Решающих боев не было еще хотя бы потому, что не было массовых, действительно большевистских партий, способных привести пролетариат к диктатуре»¹⁰. Но, заявляя так, Сталин подыгрывал Троцкому, одновременно нанося чувствительный удар

Зиновьеву, проводимой именно им политике Коминтерна.

В конце года он выступил как фанатичный интернационалист, сторонник идей Троцкого и Зиновьева, подчеркнув прямую зависимость судеб СССР от революционного процесса на Западе. «Мировая революция, — писал Сталин, — будет разворачиваться тем скорее и основательнее, чем действительнее будет помощь первой социалистической страны рабочим и трудящимся массам всех остальных стран»^{[11](#)}.

Отстранение Троцкого от поста Наркомвоенмора развязало Сталину руки, позволило не только

фактически выйти из «тройки», но и вновь выражаться более искренне, отстаивая не групповые, а собственные взгляды. При переиздании брошюры «Об основах ленинизма» он внес в нее существенную поправку — обыграл слово «окончательная» во фразе о невозможности построения социализма в одной стране, предварив это положение принципиальным уточнением: «Упрочив свою власть и поведя за собой крестьянство, пролетариат победившей страны может и должен построить социалистическое общество»¹². Столь казуистическим способом он мог теперь в равной

степени, лишь в зависимости от обстоятельств, акцентировать внимание либо на долженствовании построения социализма в СССР, либо на невозможности осуществить его... окончательно.

Зачем же Сталину потребовалась такая сложная, двузначная теоретическая конструкция? Видимо, чтобы нанести удар по Троцкому, так и не отказавшемуся от утверждения о невозможности для СССР в одиночку «устоять перед лицом консервативной Европы» и видевшему выход лишь в мировой революции. Но в равной, если не большей степени для того, чтобы

добиться поддержки всей партии при решении задачи модернизации экономики СССР.

Ни для кого не было секретом, что, хотя к середине 1925 г. восстановление народного хозяйства закончилось, приблизившись к показателям 1913 г., СССР по-прежнему отставал от передовых стран мира, даже от разгромленной, опутанной репарациями Германии. Становилось все очевиднее, что Советский Союз больше не может существовать лишь во имя весьма призрачной идеи мировой революции, подчинять только этой цели весь свой потенциал, силы и средства. Он нуждается в

возвращении к нормальному, естественному развитию.

Назревшую необходимость срочно найти выход из тупика, в котором оказался СССР в силу догматической ориентации его лидеров на «пришествие» мировой революции, которая и разрешит-де все накопившиеся проблемы, доказала своеобразная дискуссия, возникшая в конце 1924 г. Фактически начал ее Преображенский — статьей в журнале «Вестник Коммунистической академии», предложив сделать главную ставку во внутренней политике на ускоренную индустриализацию и проводить ее за

счет накопления государственных
средств, получаемых
преимущественно от крестьянства.

В апреле 1925 г. со своей программой выступили и правые. Бухарин предложил альтернативный курс, бросив призыв: «Обогащайтесь!», обращенный к середнякам и кулакам. Он уверял, что чем богаче будет подавляющая часть населения — крестьяне, тем больше страна за счет лишь налогов да прибыли от продажи деревенских промышленных товаров сможет направлять средств все на ту же индустриализацию. Бухарин только предлагал растянуть ее на неопределенно длительный срок и

поставить в зависимость от результатов сельскохозяйственного производства, весьма неустойчивого в силу климатических и почвенных условий страны.

Так обозначилась единственная цель, но два пути к ней.

О сути своего видения пути развития СССР Сталин открыто заявил в докладе «К итогам работы XIV конференции РКП(б)», сделанном 9 мая 1925 г. Как и все остальные члены узкого руководства, он признал единственной целью индустриализацию. Обосновал ее привычными ссылками на Ленина, на его слова, что «окончательной» победа большевиков станет только

тогда, «когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база крупной промышленности»¹³. Заодно Сталин постарался сыграть не только на разуме, но и на чувствах, используя сохранившиеся утопические надежды и ожидания практически всего населения, но особенно наиболее ортодоксальных коммунистов, большей частью левых по убеждениям, остававшихся в душе противниками политики НЭПа, политики «отступления». Сталин отважился установить, но опять же ссылаясь на Ленина, прикрываясь

им, примерную дату победы пролетарской революции во всемирном масштабе: ее можно ожидать через 10–20 лет... «правильных отношений с крестьянством»¹⁴.

Так Сталин на практике начал осуществлять ту линию поведения, которую определил для себя еще в марте 1922 г. в статье «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов». Главное — составить «план организации решающего удара в том направлении, в котором удар скорее всего может дать максимум результатов»¹⁵. Потому он и принял индустриализацию как генеральную линию партии и страны. Ну а способ

ее осуществления, полагал, подскажут конкретно-исторические условия. Пока же средства можно получать, опираясь на союз с середняком и вытесняя кулака.

Совместив предложения левых и правых, Сталин полагал, что объединил партию выдвинутой ею же общей целью. Но он ошибся. Своей компромиссной, центристской по сути позицией он вызвал к жизни «новую оппозицию», уже не предлагавшую собственный вариант политического курса, а направленную прямо против самого Сталина. Оппозиция, объединила в основном терявших позиции сторонников и Зиновьева, и

Троцкого, да еще привлекла на свою сторону Крупскую, человека, близкого Ленину.

Не дав оппозиции перерасти в большинство и потому сохранив свои позиции, Сталин заметил, что не жаждет крови, не пойдет на те решительные меры, право на которые предоставлял в подобных случаях съезду Устав партии. В заключительном слове он призвал к примирению, успокаивая проигравших. «Мы против политики отсечения, — сказал Сталин, но тут же оговорился: — Это не означает, что вождям позволено будет безнаказанно ломаться и садиться партии на голову»¹⁶. Все же

прорвавшуюся скрытую угрозу, вроде бы отнесенную на будущее, Сталин претворил в жизнь довольно быстро, уже на первом пленуме ЦК нового созыва, продемонстрировав всем, что значат и пост генсека, и подчиненный ему аппарат ЦК.

...При создании ПБ в марте 1919 г., в самый разгар гражданской войны, особо оговаривались его численность — «5 членов центрального комитета», и функции — «принимает решения по вопросам, не терпящим отлагательств»^{[17](#)}. Истинный же смысл ПБ раскрывали не эти общие слова, а персональный состав. Ленин — председатель СНК,

Троцкий — нарком по военным и морским делам, Крестинский — нарком финансов, Сталин — нарком по делам национальностей, Каменев — председатель столичного Московского Совета. Тем самым демонстрировалось, что практически ПБ является узким руководством страны, скорее государственным, нежели партийным органом, объединяет не теоретиков и идеологов, а практиков, глав тех ведомств, от которых зависела тогда судьба РСФСР.

Сущность ПБ изменилась в 1921 г., когда гражданская война была выиграна, но мировая революция так и осталась весьма отдаленной

перспективой, когда потребовалось найти новые, более реальные ориентиры, выразившие бы национальные интересы страны. На этот раз ПБ оказалось своеобразным «круглым столом», собравшим представителей различных взглядов на пути дальнейшего развития. Необходимо было коллективно, а потому с помощью неизбежного консенсуса, выработать новый курс. Однако очень скоро из-за болезни Ленина ПБ снова преобразилось и стало средоточием борьбы за власть. Создание же «тройки» сделало практически невозможным достижение согласия, любого, но общего решения. Не позволило и

резво оценить ситуацию, пересмотрев старое представление о якобы неизбежной и близкой победе мировой революции, оставив страну в неопределенности, медленно углублявшей кризис.

То, что произошло на XIV съезде, продемонстрировало наличие и более опасных симптомов — действительно начавшегося перерождения партии, точнее, отдельных ее губкомов, а вместе с ними и конференций, съездов. Губкомы становились ареной столкновений, сведения личных счетов, проявления неумной жажды власти, сопровождавшихся шельмованием политических

противников. Партия все дальше уходила от роли, взятой ею же в Октябре, единственной власти в стране.

Судя по последующим событиям, Сталин оказался единственным человеком в партийном руководстве, понявшим всю пагубность сложившегося положения. Он осознал, что РКП(б) почти исчерпала свои возможности, свершив то, ради чего и создавалась, — захват власти и ее удержание. Мирная созидательная работа требовала принципиально иной, кардинально перестроенной партии, призванной решать иные и по-иному, нежели прежде, задачи.

Начал Сталин с самого простого, но того, что должно было «дать максимум результатов», — с реорганизации ПБ, возвращения ему изначальной функции. На пленуме 1 января 1926 г., умело манипулируя «мнениями» членов ЦК, он добился, казалось бы, немногого. Такого состава ПБ, в котором из старых его членов не было только Каменева, зато появились лица явно вторых ролей, твердые сторонники генсека — Молотов, Ворошилов, Калинин, Именно они вместе с оказавшимися также «управляемыми» Рыковым и Томским дали Сталину большинство — шесть голосов из

девяти — и позволили уже во второй половине года пойти на то, чего на съезде он вроде бы обещал не делать: в июле «отсечь», вывести из ПБ Зиновьева, а в октябре и Троцкого. Тем самым практически была уничтожена прежняя, но всего лишь мнимая представительность в ПБ различных мнений и взглядов, в конечном счете сводившихся к остававшейся неизменной, несмотря ни на что, ориентации на мировую революцию. Заодно Сталин заменил Зиновьева Молотовым на посту председателя ИККИ.

Реорганизовав ПБ чисто формально — увеличив число его членов с первоначальных пяти до

девяти, но заполнив его своими явными приверженцами, уже только этим Сталин решительно порывал с традициями «старой гвардии». Продолжая яростно полемизировать не с членами ПБ, а с лидерами теперь уже «объединенной» оппозиции, слишком поздно сплотившей бывших непримиримых противников — Троцкого и Зиновьева, он только упрочивал собственную линию.

В декабре 1926 г., выступая на VII пленуме ИККИ, в который раз Сталин отстаивал свой план, доказывая, что он не означает отказа или отхода от социалистической идеи, а лишь на неопределенный

срок сужает ее территориально. «Политическая база социализма, — отмечал он, — у нас уже создана, это диктатура пролетариата». Развивал мысль: «Экономическая база социализма далеко еще не создана, и ее надо еще создавать». И конкретизировал: чтобы ее создать, надо «соединить сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целое хозяйство»¹⁸.

Обосновывая свой курс внутри ВКП(б), Сталин предлагал решать принципиально иные, откровенно национальные задачи, считая их более верными и убедительными. «Мы должны приложить все силы к тому, — уточнял он, — чтобы сделать

нашу страну экономически
самостоятельной, независимой,
базирующейся на внутреннем
рынке...»¹⁹

Ничего и нигде не говорил
Сталин лишь о той цене, которую
придется заплатить СССР за
экономическую независимость. За
индустриализацию и модернизацию.
За социалистическую систему
хозяйства, которая может развиваться
«бешеными» темпами и обогнать
капиталистическую за весьма
короткий срок и тем самым позволит
достичь конечной цели — создания
общества процветания и
благоденствия, с самым высоким
уровнем жизни — общества

социалистического.

Вопрос о цене все же возник. Закономерно, неизбежно, естественно, и привел к очередному конфликту в партии.

XIV съезд не только утвердил курс на индустриализацию как необходимую предпосылку модернизации экономики СССР, принял он решение и о плановом отныне развитии народного хозяйства. Поначалу в виде эксперимента — только на один 1925/26 хозяйственный год. План был весьма небольшой по объему и капиталовложениям, вполне реалистический. Успешное выполнение как его, так и

следующего, на 1926/27 г., должно было обеспечить использование средств, полученных в основном от внешней торговли, давшей именно в 1926/27 г., впервые за весь советский период, активное сальдо — 57 млн. золотых рублей.

Слишком оптимистично пожившись на сохранение, а возможно, и рост накоплений такого рода, Сталин подтолкнул партию и страну на следующий шаг. В октябре 1927 г. объединенный пленум ЦК — ЦКК принял решение о директивах по разработке плана развития народного хозяйства уже на пять лет. В декабре аналогичное постановление вместе с

контрольными цифрами очередного годового плана принял и XV съезд. На нем-то и обозначилось расхождение во мнениях по основному вопросу: откуда, каким образом будут получены средства для выполнения пятилетки.

Сторонники Сталина твердо рассчитывали на прежний источник внутренних накоплений, на расширение внешней торговли в целом, на увеличение статей экспорта, который состоял тогда наполовину из пушнины (17%), нефти и нефтепродуктов (15,4%), лесоматериалов и спичек (12,6%), марганца (2,2%). Вторая же половина складывалась из

сельскохозяйственной продукции — яиц, масла, зерна (5,4%), льна и кудели, жмыха, мяса, сахара²⁰. И Микоян — нарком внешней и внутренней торговли, и Орджоникидзе — нарком РКИ и председатель ЦКК, поддерживая предложение Сталина, полагали вполне возможным увеличить продажу за рубеж нефти, зерна, мяса и масла. А может быть, и получить иностранные займы или кредиты под гарантию того же экспорта.

Обсуждение источников финансирования пятилетнего плана скорее всего завершилось бы приемлемым для всех решением, если бы одновременно не

обозначилась еще одна достаточно серьезная проблема — нехватка хлеба в городах. Производители товарного зерна — те, кого относили к кулакам и середнякам, отказывались продавать его государству, мотивируя это тем, что за вырученные деньги ничего не могут приобрести. Только начавшись, индустриализация сразу же породила дефицитную экономику, ставшую хронической нехватку самых необходимых, элементарных товаров широкого потребления.

Сталин, отстаивая прежде всего генеральную цель, вынужден был преуменьшить значение возникших сложностей. Опасаясь нового

раскола партии, который мог бы оставить его в меньшинстве, Сталин пошел на компромисс с Бухариным, согласившись с необходимостью в качестве первоочередной задачи укреплять союз с середняком, а на кулачество оказывать чисто экономическое давление, например, не предоставлять государственных кредитов. Взамен же Сталин получил поддержку своей новой аграрной политики, выражавшейся в коллективизации деревни, постепенном «переходе мелких и разрозненных крестьянских хозяйств в крупные объединенные хозяйства на основе общественной обработки земли»^{[21](#)}.

Выдвинув эту вторую и параллельную программу действий, Сталин не учел лишь одного: резкого увеличения продуктивности аграрного сектора, становящегося «социалистическим», а следовательно, и роста доходов в лучшем случае можно было ожидать не раньше, чем через год-другой. Сама по себе коллективизация, что бы она ни обещала в будущем, не могла изменить конкретную ситуацию к лучшему. Потому-то согласованные на съезде решения отнюдь не ликвидировали нехватку хлеба, а сохранили и даже усилили ее. Чтобы выправить положение, пришлось пойти на чрезвычайные

меры — реквизицию зерна в деревне, возродившую практику времен мировой и гражданской войн.

Инициировав «хлебозаготовки», даже приняв в них личное участие, Сталин недвусмысленно обозначил и истинное отношение к крестьянству, и готовность в случае необходимости исправить или спасти положение, прибегая к крайностям, к репрессиям. Он продемонстрировал, что добиваться индустриализации станет любой ценой, сколь высока она ни окажется.

Столь откровенное поведение Сталина, в сущности, и породило очередную конфронтацию в партийно-государственном

руководстве. На пленуме в июле 1928 г. возобновилась полемика внешне вроде бы о политике по отношению к середнякам, в действительности же — об источниках финансирования пятилетки, а отсюда и о ее объемах и темпах. В результате было отсрочено утверждение одного из двух существовавших вариантов плана, «оптимального» и «минимального», что всего через год привело к роковым последствиям.

Трое членов ПБ — Бухарин, Рыков и Томский, — поддержанные замнаркома финансов Фрумкиным и некоторыми другими видными деятелями партии, отказались одобрить реквизиции в деревне и

репрессии по отношению к середнякам, объявив такую практику ревизией решений XV съезда. Они настаивали на «минимальном» варианте пятилетки при обязательном развитии наравне с тяжелой и легкой промышленности, считали, что темпы коллективизации должны определяться успехами индустриализации, а не наоборот.

Сталин не пошел на обострение конфликта, хотя и не постеснялся широко использовать аргументы, заимствованные у левых, у Преображенского. Он не сказал открыто о конце НЭПа, который и определял отношение партии к крестьянству. Как бывало уже не раз,

Сталин занял уклончивую позицию. И использовал тезис Бухарина о возрастании классовой борьбы по мере продвижения к социализму, хотя и дал понять, что имеет в виду лишь кулачество, этот «капиталистический элемент» деревни. Сталин признал актуальность всех решений XV съезда и потому согласился на прекращение реквизиций зерна, повышение закупочных цен на 20%. Взамен же получил заявление, подписанное всеми членами ПБ, о единстве, отсутствии разногласий среди них.

Вслед за тем легко и просто он настоял на утверждении именно

«оптимального» плана пятилетки: 26 марта 1929 г. — на расширенном заседании СНК и СТО СССР, 29 апреля — на XVI партконференции, 28 мая — на V съезде Советов СССР. Началом же пятилетки решили считать первоначально задуманную дату — 1 октября 1928 г.

Но тем деловая активность Сталина не ограничилась. В ноябре он добился вывода Бухарина из ПБ, а вскоре позволил вернуть из ссылки многих видных троцкистов и утвердить их на высоких государственных постах, в основном в ВСНХ. Он потворствовал резкому усилению темпов коллективизации, давая все основания считать: он, а

вместе с ним и узкое руководство, и практически вся партия пошли по пути, настойчиво рекомендованному левыми. То есть по пути форсированной индустриализации за счет выкачивания всех средств из деревни.

Сталин не только сделал очередной стратегический выбор в пользу взглядов левых, троцкистов. Он воспользовался всеохватывающей перестройкой, дабы претворить в жизнь свою старую идею по национальному вопросу. Согласно инициированной им административной реформе были ликвидированы уезды и губернии, взамен образованы мелкие по

размерам округа и гигантские края и области. Но последние только в РСФСР, всего 14. Помимо них, ту же самостоятельность придали еще семи заведомо полиэтническим автономным республикам: Башкирской, Дагестанской (временно), Карельской, Крымской, Казахской, Татарской и Якутской. Остальные оказались наравне с округами составной частью краев и Казахской АССР. Тем самым, не меняя конституцию, лишь юридически не ущемляя права союзных республик, Сталину удалось понизить их статус. Уравняв их с новыми административными единицами, добился именно того,

что семь лет назад задумывалось как территориально-национальная автономия. Практически Сталин достиг унитарности, подкрепив ее жесткой системой управления всеми стройками и большей частью сельского хозяйства прямо из Москвы, через ВСНХ и Наркомзем СССР.

В том же 1929 г., как результат официальной пропаганды сути и значения «оптимального» плана и «сплошной» коллективизации, возродились прежние утопические воззрения, подогреваемые статьями Зиновьева и Ларина надежды, что результатом первой пятилетки станет создание экономической базы

социализма, а второй — уже коммунизма. Следовательно, не позже чем через пять лет утвердится социализм в его классической форме — без частной собственности и семьи, без классов и государства. Многие, особенно молодежь, начали немедленно «коллективизировать» быт. К весне 1930 г. только в одном Ленинграде существовало 110 коммун с десятью тысячами «коммунаров»²².

Другим выражением той же тенденции стало повсеместное строительство в городах домов-коммун, состоявших из двух групп помещений: «жилых ячеек» — квартир преимущественно

однокомнатных, без кухни; и «общественного сектора» — одной для всех жильцов столовой с фабрикой-кухней, клуба, яслей и детского сада. В конце 1929 г. ВСНХ подготовил, а в начале следующего года провел конкурс проектов уже «социалистических городов». Нижний Новгород, Запорожье, Новокузнецк, Магнитогорск, другие места крупнейших строек пятилетки должны были отныне формироваться лишь из домов-коммун.

Но именно тогда Сталину пришлось срочно корректировать обозначившийся курс, не только не отвечавший его взглядам, слишком левый, явно утопичный, но и не

соответствовавший реальным условиям. В марте он опубликовал статью «Головокружение от успехов», где подчеркивал: «Нельзя насаждать колхозы силой... механически пересаживать образцы колхозного строительства в развитых районах в районы неразвитые». Заодно Сталин позволил себе вволю поиздеваться над «революционерами», которые «дело организации артели начинают со снятия с церкви колоколов», стремятся «перепрыгнуть через самих себя... обойти классы и классовую борьбу». И сделал вывод: «надо положить конец этим настроениям»^{[23](#)}.

С подобными «настроениями» покончили уже в мае 1930 г. постановлением ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта», осуждавшей попытки «перескочить через те преграды на пути к социалистическому переустройству быта, которые коренятся, с одной стороны, в экономической и культурной отсталости страны, а с другой — в необходимости в данный момент максимального сосредоточения всех ресурсов на быстрой индустриализации страны»²⁴.

Срочная корректировка курса весной 1930 г. стала необходимой и по иной, более серьезной причине —

из-за охватившего весь мир в октябре — ноябре 1929 г. финансового кризиса, практически сразу же приведшего к депрессии.

Добиваясь экономической независимости СССР, упорно именуя этот процесс «социалистическим строительством», Сталин исходил из обязательной интеграции, хотя и в минимальной степени, в мировую систему хозяйства. Ведь для осуществления пятилетнего плана требовалось приобретать за рубежом строительные машины и рельсы, оборудование для создаваемых предприятий и целые заводы, нанимать иностранных специалистов и оплачивать все за счет

поступлений от внешней торговли либо получая краткосрочные кредиты. Теперь же, в условиях кризиса, постоянно предрекаемого большевиками-теоретиками, но разразившегося для них неожиданно, да еще в самый неблагоприятный для СССР и планов Сталина момент, следовало буквально на ходу, импровизируя, резко поменять политику. Исходить следовало из того, что никто из деловых партнеров Советского Союза больше ничего не будет покупать, а, напротив, потребует чуть ли не немедленной выплаты по уже предоставленным кредитам.

Сталин оказался перед сложной

дилеммой. Либо признать правоту и левых — Троцкого, Зиновьева, и правого — Бухарина, единодушно предсказывавших именно такой результат попытки в одиночку, без поддержки пролетариата, победившего в промышленно развитых странах Европы, модернизировать национальную экономику. Либо упорно, невзирая ни на что, продолжить осуществление пятилетнего плана и использовать для этого все возможные средства, самые жестокие и суровые.

Сталин избрал второе. И потому ему сначала пришлось обосновать возможность применения в

ближайшем будущем насилия. Он объявил, выступая летом 1930 г. на XVI съезде: «Репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления»²⁵. Неизбежность и политическую окраску приобрела борьба уже не только с кулаками, но и со специалистами, не пожелавшими добровольно терпеть лишения, участвуя в строительстве социализма, в том числе участниками давнего «шахтинского» дела, и новых — «Промпартии», «Союзного бюро меньшевиков», «Крестьянской трудовой партии».

Затем Сталин приступил к другим, столь же радикальным

действиям. В июле из ПБ вывели Томского, в декабре — Рыкова. Был сформирован новый состав СНК СССР, с заменой глав ключевых для выполнения пятилетнего плана ведомств. В июле наркомом иностранных дел утвердили Литвинова, в октябре наркомом финансов — Гринько, председателем ВСНХ — Орджоникидзе, наркомом внешней торговли Розенгольца, в декабре главой правительства — Молотова, сохранившего и пост председателя исполкома Коминтерна. Им и предстояло решительно, не считаясь ни с чем, проводить в жизнь заведомо непопулярные решения, спасти курс

на индустриализацию любой самой дорогой ценой.

«Наш рабочий класс, — объяснял Сталин в отчетном докладе XVI съезду, — идет на трудовой подъем не ради капитализма, а ради того, чтобы окончательно похоронить капитализм и построить в СССР социализм... Отнимите у него уверенность в возможности построения социализма, и вы уничтожите всякую почву для соревнования, для трудового подъема, для ударничества. Отсюда вывод: чтобы поднять рабочий класс на трудовой подъем и соревнование и организовать развернутое наступление, надо было прежде всего

похоронить буржуазную теорию троцкизма о невозможности построения социализма в нашей стране»²⁶.

Все эти способы воздействия, избранные Сталиным, должны были дать максимальный результат в ближайшие год-два. От еще одного решения, принятого тогда же, результатов следовало ожидать гораздо позже, в весьма отдаленном будущем. С 1 сентября 1930 г. в СССР, впервые за всю многовековую историю страны, вводилось всеобщее бесплатное и обязательное четырехклассное начальное обучение, чем делался самый значительный шаг по пути

ликвидации культурной отсталости народов страны.

Продолжавшаяся индустриализация сказывалась во всем: в резком обесценивании, инфляции рубля; в острой, усиливающейся нехватке всего необходимого, что заставило ввести карточную систему на продукты питания и товары широкого потребления; в опасном сокращении экспорта, что привело в 1931 г. к самому большому пассивному сальдо во внешней торговле — около 300 млн. золотых рублей. Однако Сталин упорно шел раз избранным путем к намеченной цели, не позволяя ничему и никому остановить себя.

Потому и решился на самые крайние, необычайно жесткие меры, полностью используя послушные ему властные органы — ПБ и СНК.

Сам пятилетний план неофициально был резко сокращен, до уровня несоизмеримо более низкого, нежели недавно Сталиным же отвергнутый «минимальный» вариант. Он был сведен в январе 1931 г. к 65 «ударным стройкам», уже прошедшим нулевой цикл, в которые была вложена большая часть предусмотренных для них средств. Обо всех остальных забыли — до лучших времен.

Вновь были резко усилены темпы коллективизации,

неотвратимо ставшей сплошной. Пойти на такой шаг пришлось исключительно ради того, чтобы поставками фуражного зерна срочно расплатиться с Германией по краткосрочным долгам, вызвав тем страшный голод, охвативший большую часть Украины и Северного Кавказа.

Летом 1931 г. было одобрено предложение ОГПУ о широком использовании труда заключенных на стройках, лесоразработках, на шахтах и рудниках преимущественно в отдаленных, неосвоенных районах страны, куда иным образом привлечь рабочую силу оказалось невозможным. Сделано было то, что

и породило вскоре ставший печально знаменитым ГУЛАГ.

Было проведено массовое, второе по счету, изъятие церковных ценностей. Дано согласие на продажу полотен великих старых мастеров из Эрмитажа Гульбенкяну, владельцу крупнейшей тогда на Ближнем Востоке нефтяной компании, — ради увеличения экспорта бакинской и грозненской нефти и Меллону, миллионеру и министру финансов США, чтобы получить от него разрешение на продажу в Соединенные Штаты советских спичек и марганца. Это, в частности, и позволило Розенгольцу доложить XVII съезду: баланс

внешней торговли в 1933 г. оказался наконец активным и принес стране доход в 150 млн. золотых рублей. Он почему-то умолчал о более значимом: к концу того же года СССР сумел выплатить две трети зарубежных долгов, взятых для осуществления первого пятилетнего плана, — около 1 млрд. золотых рублей.

Постоянно меняя тактику, в главном — в стратегии — Сталин оставался последовательным. Не считаясь ни с чем, он и в дальнейшем намеревался продолжать столь же форсированную индустриализацию, которая, по его убеждению, только и могла

обезопасить страну, советскую власть. Он не ошибся, ибо именно такое решение оказалось не просто единственно верным, но и своевременным. В начале 30-х гг. политическая ситуация в мире резко ухудшилась, породив отнюдь не надуманную, как прежде, а вполне реальную угрозу войны. Для СССР же — на два фронта.

Глава вторая

Межвоенное двадцатилетие...

Термин этот давно устоялся и прочно вошел в словари историков и политологов. Определяется он двумя датами: подписанием победителями в Первой мировой войне, странами Антанты, 28 июня 1919 г. в Версале мирного договора с побежденной Германией, только что ставшей республикой, и нападением нацистской Германии 1 сентября 1939 г. на Польшу, что послужило началом Второй мировой войны. Но Версальский мир оказался на редкость хрупким, непрочным, в

действительности он продлился не два десятилетия, а всего одно. Во всяком случае, для Восточной Азии.

Японию, практически не участвовавшую в войне, не удовлетворило приобретение бывших германских колоний — Каролинских, Марианских и Маршалловых островов в Тихом океане и бухты Цзяочжоу на китайском Шаньдунском полуострове. В ночь на 19 ноября 1931 г., воспользовавшись как предлогом взрывом полотна Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) под проходившим японским воинским эшелоном, Токио отдал приказ разоружить

китайские гарнизоны во всех городах
вдоль ЮМЖД и занять их. Лидер
партии гоминьдан и глава
национального — нанкинского
правительства Китая Чан Кайши
запретил диктатору Трех восточных
провинций (Маньчжурии) маршалу
Чжан Цзолишу оказывать какое бы то
ни было сопротивление захватчикам,
дабы избежать расширения
конфликта, перерастания его в войну.
Однако японские вооруженные силы
все же не ограничились лишь зоной
ЮМЖД и оккупировали всю
Маньчжурию. А 9 марта 1932 г.
объявили ее «независимым
государством» Маньчжоу-Го,
возглавляемым сыном последнего

китайского императора Пу И.

Советско-японская граница, прежде практически морская, увеличилась почти вдвое — за счет появления весьма протяженного, от Владивостока чуть ли не до Читы, сухопутного участка. На нем почти сразу же разместились мощная японская армейская группировка, генералы которой не скрывали своих агрессивных устремлений. Но первыми расценили происшедшее как угрозу для СССР отнюдь не в Москве. Посланник США в Китае Джонсон сообщал 13 января 1932 г. в Государственный департамент:

«Я все более и более

убеждаюсь, что японские действия в Маньчжурии должны рассматриваться больше всего в свете русско-японских отношений, чем китайско-японских... Высшие военные власти Японии пришли к заключению, что для них имеется возможность действовать в Маньчжурии и продвинуть японскую границу дальше на запад в подготовке к столкновению с Советской Россией, которое они считают неизбежным»¹.

Сталин и узкое руководство в целом, занятые нелегкими проблемами, связанными с индустриализацией, — поиском новых зарубежных кредитов или займов, созданием легкой промышленности, механизацией РККА и сокращением ее численности — поначалу не хотели верить в серьезность возникшей на востоке угрозы. Видимо, уповали на иное, безопасное для СССР развитие событий.

11 ноября 1931 г. в городе Жуйцзине открылся I Всекитайский съезд рабочих и крестьянских депутатов. Он провозгласил образование Китайской советской

республики, сформировал Совет народных комиссаров во главе с Мао Цзэдуном и Реввоенсовет, который возглавил Чжу Дэ. Руководство китайской компартии обратились к гоминьдану с предложением прекратить шедшую пять лет братоубийственную гражданскую войну и создать единый антияпонский фронт. Чан Кайши отклонил предложение и бросил все имевшиеся в его распоряжении силы против советских районов. Однако те устояли, отразили нападение. Более того, 5 апреля 1932 г. Китайская советская республика объявила Японии войну.

Как свидетельствуют факты,

Сталин решил, что новая ситуация коренным образом изменит положение в Китае, приведет рано или поздно к рождению общего фронта коммунистов и гоминьдана, который и вынудит Японию повернуть свои армии на юг, от советской границы. Поэтому он пытался сделать все, лишь бы не раздражать, не провоцировать Токио. Он предложил начать переговоры о продаже принадлежавшей Советскому Союзу Китайской восточной железной дороги (КВЖД), потребовал полного прекращения «подрывной работы ОГПУ и Разведупра в Маньчжурии»². Однако в то же время Сталин остался

равнодушным к предложению
национального, гоминьдановского
Китая восстановить
дипломатические отношения,
разорванные еще в 1929 г., и
заключить пакт о ненападении.

19 июня 1932 г. Сталин писал из
Сочи, где он находился в отпуске, в
Москву Молотову, что США
«пытаются вовлечь нас лаской в
войну с Японией... Предложение
нанкинцев о пакте ненападения —
сплошное жульничество. Вообще
нанкинское правительство сплошь
состоит из жуликов». Правда, на
всякий случай сделал оговорку: «Это
не значит, конечно, что мы не
должны считаться с этими жуликами

или их предложением о пакте ненападения»³. Но уже через девять дней, скорее всего под влиянием наркома иностранных дел М. М. Литвинова, Сталин стал менять свое отношение к проблеме. 28 июня он дал указание остававшимся в Москве членам узкого руководства — Молотову, Кагановичу, Ворошилову и Орджоникидзе:

«Согласен, что в отношении Нанкина нужна сдержанность, но позицию сдержанности нужно проводить так, чтобы не получилось отталкивание

нанкинцев в объятия Японии. Этот вопрос, как и вопрос о наших отношениях с Америкой, имеет прямое отношение к вопросу о нападении Японии на СССР. Если Япония благодаря нашей излишней сдержанности и грубости к китайцам заполучит в свое распоряжение нанкинцев и создаст единый фронт с ними, а от Америки получит нейтралитет, — нападение Японии на СССР будет ускорено и обеспечено»⁴.

Заняв такую промежуточную позицию, Сталин не спешил с принятием окончательного решения. Да, с его согласия в Москве заведующий 2-м восточным отделом НКВД Б. П. Козловский и в Женеве М. М. Литвинов начали вялотекущие переговоры с представителями национального Китая. Козловский и Литвинов настаивали прежде всего на ни к чему не обязывающем восстановлении полномасштабных дипломатических отношений, которые, мол, и позволят позже вернуться к вопросу о пакте о ненападении. И лишь для того, чтобы оказать давление на Японию, 1 июля «Известия» оповестили мир о

проходивших беседах. Но в то же время, и не менее официально, узкое руководство оценило события в Жуйцзине как важную победу тактики и стратегии Коминтерна. В тезисах по докладу О. В. Куусинена XII пленуму ИККИ, одобренных Сталиным 16 августа⁵, с нескрываемой гордостью отмечалось: «Наступил конец относительной стабилизации капитализма... В Китае — революционная ситуация, на значительной территории — победа советской республики... В Китае — массовый подъем антиимпериалистической борьбы, развертывание советского движения,

крупные успехи героической китайской Красной армии...»⁶

Только четыре месяца спустя Сталин отважился сделать выбор, отказавшись от надежды на скорую победу революции в Китае. 12 декабря 1932 г. в Женеве М. М. Литвинов и глава китайской делегации на Конференции по сокращению и ограничению вооружений Янь Хойцин обменялись нотами, объявившими о восстановлении нормальных дипломатических и консульских отношений между СССР и нанкинским правительством⁷, отношений Москвы с тем режимом, который шестой год вел

кровопролитную борьбу с коммунистами, с Китайской советской республикой. Но пакт о ненападении с Нанкином был заключен только 21 августа 1937 г., уже после открытой агрессии Японии против Китая.

...Еще более взрывоопасная ситуация начала складываться в Европе, а породили ее события в Германии, которую начиная с конца 1917 г. большевики рассматривали как идеальный и самый надежный центр пролетарской революции и на которую летом 1923 г. сделали основную ставку и «отодвигаемый» от власти Л. Д. Троцкий, и пришедший ему на смену

Г. Е. Зиновьев, и будущий лидер правых Н. И. Бухарин. 14 октября «Правда», редактируемая Бухариным, опубликовала подборку материалов без подписи «Какое дело русскому крестьянину до германской революции». В одном из них утверждалось:

«Соединение самой могучей техники и промышленности Германии с сельским хозяйством нашей страны будет иметь неисчислимы благодетельные последствия. И та, и другая получают громадный толчок

к развитию».

В том же был непоколебимо уверен и Зиновьев. Две недели спустя в «Правде» он заявлял: «Союз с победоносной пролетарской революцией (в Германии — Ю.Ж.) может быстро и радикально обезвредить опасные стороны нашего НЭПа. Союз пролетарской Германии и Советской России создал бы новую фазу НЭПа, ускорил бы и упрочил бы развитие нашей государственной промышленности и подрезал бы в корне тенденцию новой буржуазии занять гос подставное положение в хозяйстве нашего Союза Республик»⁸. Практически то же

утверждал Троцкий.

«Мы сейчас, — писал он, — несомненно, подходим вплотную к одному из тех исторических узлов, которые определяют дальнейшее развитие на ряд лет, а по всей вероятности, и десятилетий. Центром европейских и мировых проблем является Германия»⁹.

Даже девять лет спустя, в июле 1932 г., в Кремле сохранялись те же, уже явно несбыточные и не отражающие политическую реальность надежды. На настроения Сталина и других членов узкого руководства не повлияли очевидные факты. В частности, тот, что ни самый глубокий в Европе

экономический кризис, ни
порожденная им невиданная ранее
массовая безработица и
сопутствующий ей голод не
отразились на активности
германского пролетариата, не
привели пусть даже к отчаянному,
заведомо обреченному на поражение
революционному выступлению.
Несмотря на очевидную
утопичность, Сталин — по сути, от
имени ИККИ — одобрил лозунги для
организуемой германской
компартией всеобщей забастовки:
«Долой правительство Папена! Да
здравствует рабоче-крестьянская
республика — Советская
Германия!»¹⁰ Ответ на такой призыв

был получен две недели спустя — на прошедших внеочередных выборах в рейхстаг КПП оказалась на третьем по поддержке избирателей месте после нацистов и социал-демократов. Такое же положение сохранилось и при новых выборах, прошедших 6 ноября. Коммунисты получили всего 100 мандатов из 608, социал-демократы — 121, нацисты — 196.

Не просто сложная — предельно напряженная ситуация вскоре разрешилась, но отнюдь не в пользу мировой революции. 30 января 1933 г. президент Гинденбург назначил канцлером Гитлера и поручил ему формирование правительства. 27

февраля нацисты инсценировали поджог рейхстага, обвинив в этом коммунистов — лидера коммунистической фракции Эрнста Толлера, а также болгарских эмигрантов Димитрова, Попова и Танева. На следующий день Гитлер подписал декрет «Об охране народа и государства», которым приостанавливалось действие семи статей конституции, гарантирующих права и свободы граждан. 3 марта был арестован лидер КПГ Эрнст Тельман. На еще одних, проведенных 5 марта, выборах нацисты в блоке с националистами сумели получить абсолютное большинство голосов. Спустя шесть недель были

распущены профсоюзы, а затем и все, кроме нацистской, политические партии. В Германии, где так и не произошла пролетарская революция, победил, придя к власти чисто демократическим путем, нацизм с его никогда не скрываемой доктриной ревизии Версальского договора, реванша, расчленения СССР, превращения Украины и Белоруссии в «жизненное пространство» только для немцев.

Первой реакцией на события в Германии стало выступление министра иностранных дел Франции Поля Бонкура в Женеве на заседании политической комиссии Конференции по сокращению и

ограничению вооружений,
вырабатывавшей определение
агрессии. Он поднял вопрос о столь
же важной, с его точки зрения,
назревшей необходимости
заключения пакта о взаимопомощи в
случае агрессии. Закончив речь,
Бонкур демонстративно подошел к
полпреду СССР во Франции
В. С. Довгалеvскому и пожал его
руку, выразив тем без слов, с кем его
страна желала бы заключить такой
пакт¹¹. Ту же идею, но уже от имени
Малой Антанты — Чехословакии,
Румынии и Югославии — изложил 8
марта министр иностранных дел
Чехословакии Эдуард Бенеш в беседе
с представителем СССР в Праге

А. Я. Аросевым. Однако всего десять дней спустя Бенеш, из-за якобы выявившегося отрицательного отношения к пакту Румынии, попросил «считать его предложение и весь вопрос не существующими»¹².

В действительности Бенеш лукавил, ибо истинной причиной его отказа от собственных слов оказалось иное. В тот день, 18 марта, Муссолини предложил Великобритании, Франции и Германии заключить Пакт четырех — «пакт согласия и сотрудничества», предусматривавший прежде всего возможность пересмотра условий Версальского мирного договора,

признание равенства прав Германии в области вооружений, а кроме того, принятие в будущем аналогичных решений в отношении остальных проигравших войну центральных держав — Австрии, Венгрии и Болгарии. Почти сразу же против сущности Пакта четырех выступили Польша и страны Малой Антанты, не без основания опасавшиеся ревизии своих границ. А вскоре ту же позицию заняла и Франция, осознавшая весьма опасные последствия и для себя. Поэтому пакт, хотя и подписанный 15 июля 1933 г. в Риме Муссолини и послами Франции, Великобритании и Германии, так и не был

ратифицирован ни одной из четырех стран.

Обеспокоенная становившейся все более и более несомненной угрозой со стороны Рейна, Франция начала свою игру.

6 июля М. М. Литвинов сообщил шифротелеграммой лично Сталину о том, что французский премьер Эдуар Эррио и Поль Бонкур, причем каждый порознь, предупредили его о подготовке германо-польских переговоров для обсуждения возможности заключения между двумя странами пакта о ненападении^{[13](#)}.

Оставалось слишком мало сомнений в том, что Варшава

намеревается сменить ориентацию с Парижа на Берлин, нарушив равновесие. Не могло серьезно повлиять на менявшуюся ситуацию и то, что Чехословакия отклонила предложение Гитлера решить судетскую проблему также путем только двусторонних переговоров. Парижу срочно требовался более сильный союзник, и непременно к востоку от жаждавшей реванша нацистской Германии.

Именно поэтому 19 ноября Поль Бонкур встретился в Женеве с Довгалеvским и поведал ему о нажиме, «которому подвергается Франция со стороны Англии и Италии в смысле дальнейших

уступок Германии». Выходом из тупикового положения было бы, по его мнению, вступление СССР в Лигу наций. Не имея необходимых полномочий, советский полпред вынужден был дать на такое недвусмысленное предложение отрицательный ответ. Однако глава внешнеполитического ведомства Франции не оставил своих попыток. В ходе новой встречи с Довгалевским, 22 ноября, еще раз вернулся к тому же вопросу, только на этот раз был более откровенным.

«Если бы французское общественное мнение, — заметил он, — узнало и убедилось бы в том, что Франция может осуществить

положительную политику путем создания прочного барьера против натиска гитлеровской Германии, то это внесет успокоение в общественное мнение и выбьет оружие из рук тех, кто настаивает на сговоре с Германией».

Барьер же Бонкур представлял себе «в виде договора о взаимопомощи» и считал «вопрос назревшим и не терпящим отлагательств»¹⁴.

В тот же день на помощь своему французскому коллеге поспешил Бенеш. Правда, он говорил еще не о договоре, а лишь о том, что должно было ему предшествовать, — установлении дипломатических

отношений СССР со странами Малой Антанты, в том числе и с Чехословакией, с которой Советский Союз поддерживал всего лишь официальные (полудипломатические) отношения. Бенеш добавил, что «в Чехословакии, которая не имеет спорных вопросов с СССР, вопрос назрел настолько, что возобновление отношений не представляет серьезных трудностей»¹⁵.

Неделя потребовалась узкому руководству на то, чтобы почти принять судьбоносное решение, которое заставило бы в корне пересмотреть не только внешнеполитический курс страны,

но и стратегию и тактику
Коминтерна, а вместе с тем и
внутриполитическую пропаганду.
Ведь требовалось дать согласие на
вступление не просто в какую-то
международную организацию, а в
Лигу наций, ту самую, которую, в
полном соответствии с оценками
Ленина, в СССР определяли
следующим образом:

«Ничем не прикрытый
инструмент
империалистических
англо-французских
вожделений... Лига
наций — опасный
инструмент, направленный

своим острием против
страны диктатуры
пролетариата»[16](#).

29 ноября Н. Н. Крестинский, в
отсутствие М. М. Литвинова,
который готовил в Вашингтоне
установление дипломатических
отношений с США, руководивший
Наркоминделом, сообщил
Довгалеvскому: «Вопрос о Лиге
наций считаем дискутабельным и
согласны обсудить. Но при этом у
нас будут существенные оговорки,
которые изложим при конкретных
переговорах, если таковые будут
иметь место. Вопрос о
взаимопомощи также считаем

дискутабельным и не прочь выслушать конкретные предложения. Можете на основании директив (решения ПБ — Ю.Ж.) начать беседу с Бонкуром»¹⁷.

К переговорам приступили уже 5 декабря. Бонкур, естественно, прежде всего спросил Довгалецкого, не может ли тот «сказать что-либо нового по поводу Лиги наций», и услышал невнятный — оговоренный в Москве — ответ: «Жду... конкретных предложений». Но все же Бонкур постарался объяснить свой настойчивый интерес к теме. Вступление Советского Союза в Лигу наций, сказал он, «весьма облегчило бы переговоры о взаимопомощи,

которые в противном случае будут очень затруднены, ибо взаимопомощь не будет гармонировать с пактом Лиги наций, не говоря уже о том, что Польше будет трудно увильнуть от участия в договоре о взаимопомощи, если СССР станет членом Лиги»¹⁸. Так, хотя и контурно, он обозначил суть идеи, замысленной на Ке д'Орсе, где располагалось министерство иностранных дел. Подписание договора о взаимопомощи Франции, Советского Союза, Польши, стран Малой Антанты в случае нападения Германии на одну из них обуславливалось непременно вступлением СССР в Лигу наций.

В создании европейской системы безопасности Москва была заинтересована не меньше, если не больше, Парижа, ибо она снимала ставшую вполне реальной для страны угрозу войны на два фронта или борьбы с нацистской Германией один на один. При решении такой задачи не возникло бы никаких проблем, если бы не необходимость вступать в еще вчера осуждаемую и проклиняемую Лигу наций. Требовалось сделать выбор: либо старые доктрины, либо гарантия безопасности СССР. Сделать выбор следовало очень быстро, так как любая затяжка вынудила бы Париж поддержать Пакт четырех,

подтолкнув тем самым Германию к агрессии против одного Советского Союза. Вступление же в Лигу наций неминуемо повлекло бы обязательный отказ, пусть даже на словах, от противопоставления СССР остальным странам, от идеи мировой революции; серьезную корректировку или, возможно, свертывание на время деятельности Коминтерна и, наконец, пересмотр внутренней политики, в которой пришлось бы соотноситься с уставом международной организации.

И выбор был сделан так же кулуарно, как до сих пор шло обсуждение вопроса о вступлении в Лигу наций, в рамках узкого

руководства — Сталин, Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Ворошилов — с привлечением лишь тех, без кого нельзя было обойтись — Литвинова и Крестинского. Это произошло 9 декабря даже без оформления как решения ПБ. А через день нарком иностранных дел поспешил известить полпреда в Париже: «Мы взяли твердый курс на сближение с Францией»¹⁹. Литвинов поторопился, на неделю опередив события. Окончательно решение ПБ о согласии СССР вступить в Лигу наций формально было принято 19 декабря 1933 г. узким руководством в присутствии Литвинова и Довгалева²⁰, срочно вызванного в

Москву. Оно, в частности, гласило:

«Дать тов. Довгалеvскому для ответа Бонкуру следующие директивы: 1. СССР согласен на известных условиях вступить в Лигу наций. 2. СССР не возражает против того, чтобы в рамках Лиги наций заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии».

Были сформулированы детали будущего, пока еще проблематичного

пакта, которые в любом случае должны были закрепить тесные отношения Советского Союза с Францией, а кроме того, предусматривали помощь и на случай нападения Японии. Помимо этого, но уже чисто декларативно, всего лишь как необходимая дань идеологии были занесены в «директиву» и те условия вступления СССР в Лигу наций, на выполнение которых ПБ просто не могло рассчитывать. Среди них — арбитраж «лишь по спорам, которые... будут иметь место после вступления Союза в Лигу»; исключение из статута Лиги наций санкционирования войны для

решения международных споров; отмена мандатного управления великими державами ряда территорий; обязательность «для всех членов Лиги расового и национального равноправия»^{[21](#)}.

В полном соответствии с указаниями из Москвы 28 декабря Довгалецкий изложил «условия» Полю Бонкуру, который сразу же согласился с большинством советских предложений. Одобрив перечень участников будущего пакта, он подчеркнул: «Самое существенное — это СССР, Польша, Франция и Чехословакия»^{[22](#)}. По мнению Бонкура, настоящие переговоры о создании Восточного

пакта только начинались.

«Директивы» Довгалеvскому занесли в «особую папку» решений ПБ, что означало право знакомства с ними лишь для нескольких человек, призванных претворять их в жизнь, и недоступность их для всех остальных членов ЦК. Несмотря на это, Сталин поспешил разгласить тайну, обращая тем возможное негодование со стороны противников вступления страны в Лигу наций исключительно на себя. Уже 25 декабря он принял корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс» Дюранти и дал ему интервью. Он вполне преднамеренно намекнул американскому журналисту на секретное решение.

Дюранти: Всегда ли исключительно отрицательна ваша позиция в отношении Лиги наций?

Сталин: Нет, не всегда и не при всяких условиях... Несмотря на уход Германии и Японии из Лиги наций (19 октября и 27 марта 1933 г. соответственно. — *Ю.Ж.*), — или, может быть, именно поэтому — Лига может стать некоторым тормозом для того, чтобы задержать возникновение военных действий или помешать им. Если это так, если Лига сможет

оказаться неким буторком на пути к тому, чтобы хотя бы несколько затруднить дело войны и облегчить в некоторой степени дело мира, то тогда мы не против Лиги. Да, если таков будет ход исторических событий, то не исключено, что мы поддержим Лигу наций, несмотря на ее колоссальные недостатки.

4 января 1934 г. все центральные газеты Советского Союза опубликовали это интервью. А спустя три недели в Москве

открылся XVII съезд ВКП(б). Открылся традиционным отчетным докладом Сталина о работе ЦК за истекшие три с половиной года, который начался с неизменной для такого рода докладов характеристики международного положения. Но Сталин ни словом не обмолвился о самом главном — об уже предрешенном, и в самое ближайшее время, повороте во внешней политике и о том, что его сделало единственно возможным. Скорее всего, Сталин расценил отсутствие какой-либо реакции на свои слова о вроде бы возможной «поддержке» Лиги наций либо как полное непонимание смысла сказанного,

либо как нежелание ортодоксальных кругов партии начинать дискуссию по этому поводу. И потому заговорил о более привычном для слушателей, о том, чего от него и ждали, — о революционной ситуации. Правда, в отличие от оценок, данных XII пленумом ИККИ, он отметил, что революционный кризис только назревает, а чуть позже выразился еще более осторожно — «он будет назревать». Затем, как то бывало уже не раз, напомнил об угрозе войны и пообещал делегатам: в случае нападения империалистических держав на СССР, «отечество рабочего класса всех стран», его «многочисленные друзья... в Европе

и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям»²³. Таким весьма прозрачным эвфемизмом Сталин продемонстрировал свою твердую веру в пролетарскую солидарность.

Вместе с тем в докладе прозвучали и явно новые, необычные ноты. Говоря о росте фашизма, о его победе в Германии, Сталин многозначительно заметил:

«Господствующие
классы капиталистических
стран старательно
уничтожают или сводят на
нет последние остатки
парламентаризма и
буржуазной демократии,

которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе против угнетателей»²⁴.

Он впервые обозначил вполне возможную, с его точки зрения, альтернативу мировой революции. И даже не мирный путь компартий к власти, а лишь использование парламентов для защиты интересов трудящихся — то, что до сих пор большевиками и Коминтерном напрочь отвергалось как реформизм.

Затем, вернувшись вдруг к внутренним проблемам, Сталин перечислил по значимости то, на что СССР может рассчитывать в

сложившейся международной обстановке. На первое место поставил экономическую и политическую мощь страны, только потом — моральную поддержку трудящихся за рубежом. Но он не ограничился учетом классовой солидарности, а тут же присоединил к ней не менее, судя по контексту, значимое — наличие стран, не заинтересованных в развязывании новой войны, имея в виду прежде всего Францию. На последнее же место Сталин поставил Красную армию, признав тем ее слабость, порожденную отсутствием современного вооружения, так как оборонную промышленность лишь

предстояло создать — в ходе выполнения второго пятилетнего плана.

Судя по всему, действительно значимыми, даже решающими в конкретных условиях Сталин полагал усилия советской дипломатии, проводившей «кампанию за заключение пакта о ненападении». Он объяснил такую оценку тем, что между Советским Союзом и некоторыми странами Запада — опять же Францией, а также Польшей «нежелательные отношения начинают постепенно исчезать... атмосфера, зараженная взаимным недоверием, начинает рассеиваться». И сделал отсюда логический вывод,

вновь намекнув на близкий поворот внешнеполитического курса. «Если интересы СССР, — сказал Сталин, — требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это без колебаний»²⁵.

Однако и этого Сталину показалось мало, и он твердо произнес ранее немыслимое, просто невозможное. Отныне единственной для ВКП(б) задачей должно было быть отстаивание, обеспечение национальной безопасности страны, а не становившейся все более призрачной идеи пролетарской солидарности и связанных с нею

интересов мировой революции. «Мы, — предельно однозначно пояснил Сталин, — ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР»^{[26](#)}.

О грядущих вскоре переменах свидетельствовали и многие другие положения доклада Сталина, в том числе итоговая оценка сложившихся социально-экономических отношений:

«Удельный вес
социалистической системы
хозяйства в области
промышленности
составляет в настоящее

время 99%, а в сельском хозяйстве, если иметь в виду посевные площади зерновых культур, — 84,5% ... Социалистический уклад является безраздельно господствующей и командующей силой во всем народном хозяйстве»[27](#).

Следовательно, несомненно подразумевал докладчик, настало время не просто заявить о завершении НЭПа, но и сделать соответствующие политические выводы, зафиксировать отмеченные

сдвиги со всеми вытекающими юридическими и идеологическими последствиями.

Столь же многозначительным оказался и раздел доклада, посвященный собственно партии, положению в ней. Начал Сталин с констатации восстановления ее единства. Сказал, что «разбиты и рассеяны» троцкисты, правые уклонисты и национал-уклонисты, олицетворением последних сделав Н. А. Скрыпника — члена ЦК и ИККИ, наркома просвещения УССР, покончившего с собой в июле 1933 г. Лишь упомянул, не назвав поименно, «его группу», к которой следовало отнести писателей Н. Хвылёвого с

его открытым призывом «Прочь от Москвы!», П. Гирняка, М. Ялового (Юлиана Шпола), историков М. Яворского, М. Равич-Черкасского, философа В. Юринца, филологов Е. Курило, Е. Тимченко, театрального режиссера Л. Курбаса, некоторых других, незадолго перед тем обвиненных П. П. Постышевым в пропаганде национализма^{[28](#)}.

Просто перечислив троцкистов, правых, национал-уклонистов, Сталин почему-то не вспомнил о громких, достаточно хорошо известных партии конкретных политических делах, заставивших ПБ и ЦК в октябре 1932-го — апреле 1933 г., то есть как раз за отчетный

период, принимать специальные постановления. Словно забыл о деле «контрреволюционной группы», она же «Союз марксистов-ленинцев» М. Н. Рютина, П. А. Галкина, М. С. Иванова, других почти неизвестных партфункционеров, подготовивших манифест «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», а также обращение «Ко всем членам ВКП(б)», написанных с откровенно правых позиций и содержавших чисто фракционную критику проводимого сталинской группой курса. Не упомянул докладчик и о потрясшей партию высылке в октябре 1932 г. Зиновьева в Кустанай и Каменева в Минусинск, правда,

возвращенных в Москву год спустя. Они были высланы только за то, что знали о документах, написанных Рютиным, но не сообщили о них в ЦКК, как того требовала партийная этика. Умолчал Сталин, хотя прежде непременно использовал бы подобную информацию для разжигания страстей, о деле члена коллегии наркомата снабжения Н. Б. Эйсмонта и начальника Главдорстроя при СНК РСФСР В. Н. Толмачева, обвиненных в правом уклоне. Умолчал и о «бухаринской школе» — «антипартийной группе правых А. Н. Слепкова», за связь с которой исключили из партии и сослали в

Тобольск Н. А. Углова, в 1921–1929 гг. первого секретаря Петроградского и Нижегородского горкомов, Московского обкома, секретаря ЦК ВКП(б).

Всерьез говорить о только что нанесенном сокрушительном ударе по правым Сталин не стал, явно не желая обострять положение. Он сосредоточил внимание делегатов съезда на ином — на «путанице по ряду вопросов ленинизма в головах отдельных членов партии, которая нередко проникает в нашу печать и которая облегчает дело оживления остатков идеологии разбитых антиленинских групп». «Путаница в головах» отражала в равной степени

взгляды как левой, так и правой оппозиций, но главным образом левой. Но, заняв умеренную позицию, Сталин ограничился тем, что предложил всего только «поднять теоретический уровень партии на должную высоту... Не замазывать, а критиковать смело отклонения некоторых товарищей от марксизма-ленинизма»²⁹. Обрушился он в праведном гневе на другого врага — на безликую и нефракционную опасность, на бюрократизм, причем столь же сильно, как это делал Троцкий всего десять лет назад.

«Бюрократизм и канцелярщина аппаратов управления, — провозгласил Сталин, — болтовня о

„руководстве вообще“ вместо живого и конкретного руководства, функциональное построение организаций и отсутствие личной ответственности, обезличка в работе и уравниловка в системе зарплаты, отсутствие систематической проверки исполнения, боязнь самокритики — вот где источники наших трудностей, вот где гнездятся теперь наши трудности». Резкую, но поначалу довольно общую мысль он уточнил: «Это люди с известными заслугами в прошлом, люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков... Как быть с такими работниками? Их

надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом. Их надо смещать с понижением в должности и опубликовывать об этом в печати. Это необходимо для того, чтобы сбить спесь с этих зазнавшихся вельмож-бюрократов и поставить их на место. Это необходимо для того, чтобы укрепить партийную и советскую дисциплину»³⁰.

Говоря так, Сталин уже не оставил сомнений у слушателей, что имеет в виду в равной степени руководителей и партийных, и советских без различия чинов и рангов.

По сути, ту же мысль, хотя и не

полностью и несколько своеобразно, развил Л. М. Каганович в докладе по оргвопросам. В своих построениях он исходил из двух решающих факторов: во-первых, успехов индустриализации, во-вторых, наличия не доставшихся «в наследство» от прошлого, а собственных, воспитанных и обученных за годы советской власти специалистов³¹.

«Шахтинский процесс, как все последующие процессы, — отметил Лазарь Моисеевич, — вскрыл, что многие из наших коммунистов — руководящих работников, не зная техники, не пытаясь овладеть ею (здесь Каганович имел в виду

специальное среднее и высшее образование — Ю.Ж.), слепо доверялись этим (старым — Ю.Ж.) специалистам, работали как „комиссары“ худшего типа». Ну а теперь положение изменилось, «Советский Союз превратился в страну массового технического образования... Молодые специалисты, окончившие вузы и техникумы в годы первой пятилетки, составляют более половины всех специалистов».

Потому-то, а также исходя из вполне обоснованного дальнейшего роста как промышленности, так и числа новых специалистов, Каганович объявил об очередной

реорганизации структуры
партаппарата всех уровней, о
переходе в ней к производственно-
отраслевому принципу с
максимальным использованием
коммунистов не с «прошлыми
заслугами», а обладающих высшим
образованием.

Существовавшие с лета 1930 г.
функциональные отделы ЦК
ВКП(б) — оргинструкторский,
административно-хозяйственных и
профсоюзных кадров, культуры и
пропаганды, агитации и массовых
кампаний — ликвидировались.
Вместо них впервые за всю историю
партии образовывались
отраслевые — промышленный,

транспортный,
сельскохозяйственный, планово-
финансово-торговый, которые
должны были осуществлять
повседневное наблюдение за работой
соответствующих наркоматов и
ведомств. Сходными задачами
надеялся и еще один отдел,
политико-административный,
призванный контролировать силовые
органы: союзные — наркомат по
военным и морским делам, суд и
прокуратуру, ОГПУ;
республиканские — наркоматы
внутренних дел, юстиции. Другую,
чисто партийную группу составляли
отделы культуры и пропаганды,
институт Маркса — Энгельса —

Ленина (на правах отдела), руководящих партийных органов (ОРПО). Последнему предстояло не столько наблюдать за работой, сколько подбирать и представлять на утверждение ПБ кандидатуры на должности первых и вторых секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов, председателей совнаркомов союзных и автономных республик, край- и облисполкомов, согласовывать состав соответствующих центральных комитетов и бюро^{[32](#)}.

Тем самым узкое руководство в лице ПБ с помощью вроде бы обычной, административной по характеру реформы устанавливало

абсолютный и к тому же вполне официальный — все перемены закреплялись новой редакцией устава партии — контроль над всеми без исключения наркоматами и комитетами. Истинная власть трансформировалась, становилась принципиально иной. Из прежней двуединой — партийно-советской, хотя и тесно переплетавшейся, но все же сохранявшей хотя бы видимость некоторой самостоятельности каждой из ветвей, она превращалась в откровенно партийную, теперь более сложную, многоступенчатую. Раньше члены узкого руководства могли непосредственно воздействовать только на те

структуры, которые сами же и возглавляли: В. М. Молотов — аппарат Совнаркома СССР, К. Е. Ворошилов — наркомат по военным и морским делам, Г. К. Орджоникидзе — наркомат тяжелой промышленности, оставляя остальные за теми наркомами и председателями комитетов, которых считали верными, надежными. Теперь же, пусть и не прямо, а через ПБ и отделы ЦК, право создавать и формировать которые узкое руководство негласно оставило за собой, оно получало контроль уже за всеми без исключения органами советской власти.

Своеобразный

«административный» переворот, без сомнения, породило стремление узкого руководства в соответствии с заветами великого немецкого стратега генерала Карла Клаузевица перед решающей схваткой прежде всего укрепить свои тылы. О том же свидетельствовала и необычная умиротворяющая позиция на съезде Сталина, всячески пытавшегося ничем не спровоцировать очередной раскол или какое-либо идеологическое противостояние в ЦК, сохранить в нем пусть чисто внешнее, но все же единство и согласие хотя бы на время, ибо он остро нуждался в стабильности для того, чтобы очень скоро осуществить

крутой поворот курса партии и страны. Поначалу предполагались перемены во внешней политике, что являлось наиболее важным, первостепенным. А затем, вне всякого сомнения, должно было произойти и то, о чем отнюдь не под сурдинку предупредил Сталин: смена широкого руководства³³, замена тех, кто обладал заслугами лишь в прошлом как активный участник революции и гражданской войны.

Делегаты съезда, давно привыкшие и к поискам очередных «врагов», и ко всевозможным реорганизациям, в том числе и партаппарата, видимо, всерьез не

задумались ни о заявлении Сталина о бюрократии как главном источнике всех трудностей, ни о предложении Кагановича. Единогласно утвердили резолюции по обоим докладам и новый устав партии. Одобрили и состав ЦК, существенно не отличавшийся от предыдущего.

Как и прежде, из 71 члена ЦК восемнадцать (около 25%) оказались теми, кто в разные годы входил в состав высших партийных органов, давно уже являлся членом или кандидатом в члены ПБ, секретарем ЦК: И. В. Сталин — генеральный секретарь, К. Е. Ворошилов — нарком по военным и морским делам, Л. М. Каганович — 2-й

секретарь ЦК ВКП(б) и первый —
МК и МГК, М. И. Калинин —
председатель ЦИК СССР,
С. М. Киров — первый секретарь
Ленинградского обкома,
С. В. Косиор — первый секретарь ЦК
КП(б) Украины, В. В. Куйбышев —
председатель Госплана СССР,
В. М. Молотов — председатель СНК
СССР, Г. К. Орджоникидзе — нарком
тяжелой промышленности СССР,
А. А. Андреев — нарком путей
сообщения, А. И. Микоян — нарком
снабжения СССР,
Г. И. Петровский — председатель
ЦИК УССР, П. П. Постышев — 2-й
секретарь ЦК КП(б) Украины и
первый — столичного Харьковского

обкома, Я. Э. Рудзутак — председатель упраздненной съездом Центральной контрольной комиссии — ЦКК ВКП(б), В. Я. Чубарь — председатель СНК УССР, Я. Б. Гамарник — начальник Политуправления РККА (в 1924–1928 гг. 1-й секретарь Дальневосточного крайкома, в 1928–1929 гг. — 1-й секретарь ЦК КП(б) Белоруссии), А. В. Косарев — генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ, Н. М. Шверник — первый секретарь ВЦСПС (в 1926–1927 гг. секретарь ЦК ВКП(б), в 1927–1929 гг. — 1-й секретарь Уральского обкома).

Вторую по важности группу членов ЦК, 35% от его численности,

составили партийные функционеры
рангом несколько ниже. Первые
секретари почти всех региональных
партийных организаций:

К. Я. Бауман — Среднеазиатского
бюро ЦК ВКП(б) (в 1929–1930 гг. 1-й
секретарь МК и секретарь ЦК
ВКП(б)), Л. П. Берия —
Закавказского крайкома,
И. М. Варейкис — обкома
Центрально-Черноземной области,
Е. Г. Евдокимов — Северо-
Кавказского крайкома,
А. А. Жданов — Горьковского
обкома, В. И. Иванов — Северного
обкома, А. Икрамов — ЦК КП(б)
Узбекистана, И. Д. Кабаков —
Свердловского обкома,

А. И. Криницкий — Саратовского
обкома, Л. И. Лаврентьев — Дальне-
Восточного крайкома,
Л. И. Мирзоян — Казахстанского
крайкома, И. П. Носов —
Ивановского обкома,
М. О. Разумов — Восточно-
Сибирского крайкома,
И. П. Румянцев — Западного обкома,
К. В. Рындин — Челябинского
обкома, М. М. Хатаевич —
Днепропетровского обкома,
Б. П. Шеболдаев — Азово-
Черноморского крайкома,
Р. И. Эйхе — Западно-Сибирского
крайкома. Вторые секретари:
К. И. Николаева — Ивановского
обкома, Н. С. Хрущев — МК и МГК.

Руководители остальных, подчиненных непосредственно ЦК ВКП(б) региональных партийных организаций: ЦК КП(б) Белоруссии — Н. Ф. Гикало, Средне-Волжского крайкома — В. П. Шубриков, Нижне-Волжского крайкома — В. В. Птуха, Татарского обкома — А. К. Лепа, Башкирского — Я. Б. Быкин, Крымского — К. А. Семенов, были избраны кандидатами в члены ЦК.

Ко второй же группе членов ЦК — партийных функционеров — следует отнести и заведующих ликвидированных отделов: А. И. Стецкого — культуры и пропаганды, Н. И. Ежова —

распределительного, а также ответственных работников исполкома Коминтерна — В. Г. Кнорина, Д. З. Мануильского, И. А. Пятницкого.

Менее представительного выглядели в составе ЦК советские работники. Главы союзных наркоматов: С. С. Лобов — лесной промышленности, И. Е. Любимов — легкой промышленности, М. М. Литвинов — иностранных дел, Я. А. Яковлев — земледелия, Г. Г. Ягода — председатель ОГПУ, а также председатель правления Центросоюза И. А. Зеленский (в 1921–1924 гг. 1-й секретарь МК, в 1924-м — секретарь ЦК РКП(б), в

1925-1931 гг. — председатель
Средне-Азиатского бюро ЦК ВКП(б).
Первые заместители наркомов
союзных наркоматов:
Н. К. Антипов — упраздненного
съездом РКИ, И. П. Жуков — связи,
М. М. Каганович и Г. Л. Пятаков —
тяжелой промышленности,
К. В. Уханов — снабжения,
В. И. Межлаук — председателя
Госплана. Руководители
республиканских структур:
председатель СНК РСФСР
Д. Е. Сулимов, его заместитель
Д. З. Лебедь, нарком просвещения
РСФСР А. С. Бубнов (в 1924–1929 гг.
начальник политуправления РККА),
полномочный представитель ОГПУ

по СССР и председатель ГПУ СССР
В. А. Балицкий³⁴.

Именно они, а также и
остальные — почетные, как
Н. К. Крупская и
Г. М. Кржижановский, либо
номинальные члены ЦК и 68
кандидатов в члены ЦК — в день
закрытия съезда, 10 февраля,
собрались на свой первый пленум
17-го созыва, для того чтобы
образовать постоянно действующие
высшие органы партии. Однако и в
его ходе новаций не было. ПБ
избрали в том же составе, который
сложился еще в декабре 1930 г.:
Андреев, Ворошилов, Каганович,
Калинин, Киров, Косиор, Куйбышев,

Молотов, Орджоникидзе, Сталин
плюс кандидаты в члены ПБ —
Микоян, Петровский, Постышев,
Рудзутак, Чубарь. Лишь секретариат
подвергся небольшим изменениям. В
него, как и прежде, вошли Сталин, но
уже без титула «генеральный», и
Каганович; новичками же в такой
должности стали Жданов и Киров.
Из этих людей и сложилась вершина
многоуровневой пирамиды власти —
неизменное, хотя и неформальное
узкое руководство. Его старый
состав — Сталин, Молотов,
Каганович, Ворошилов,
Орджоникидзе — пополнился
Ждановым, что и превратило
«пятерку», в «шестерку».

Вполне реальная, полная и безраздельная власть узкого руководства или, как ее называли, сталинской группы, выражалась в полномочиях ее членов. Сталин, как председательствующий на заседаниях ПБ и секретариата, сохранил за собой общее руководство, то есть право утверждать ту или иную повестку дня и определять степень готовности выносимых на рассмотрение проектов решений. Схожие функции, но только применительно к СНК СССР, остались за Молотовым. Ворошилов, как и прежде, возглавлял то самое ведомство, которое со времен гражданской войны рассматривалось всеми как главная

гарантия существования и безопасности советской власти — наркомат по военным и морским делам. Орджоникидзе продолжал лично контролировать важнейшую в условиях индустриализации тяжелую промышленность, включавшую теперь такие новые для страны отрасли, как авиационная, автомобильная, тракторная.

Двое членов узкого руководства согласно решению ПБ от 10 марта³⁵ разделили между собой ответственность за народное хозяйство. Л. М. Каганович, оставаясь 1-м секретарем МК и избранный председателем новой лишь по названию Комиссии

партийного контроля, за которой сохранились функции прежней ЦКК, получил дополнительно еще и должность заведующего транспортным отделом ЦК — стал куратором наркомата путей сообщения и главного управления дорожного транспорта при СНК СССР при заместителе Жданове, отвечавшем за водный транспорт. Тому же Жданову, утвержденному поначалу еще и заведующим сельскохозяйственным отделом, вверили заботу обо всем аграрном секторе, то есть наркоматах земледелия, зерновых и животноводческих совхозов, комитете заготовок при СНК СССР.

Затем, с 10 апреля, став заведующим другим отделом, планово-финансово-торговым³⁶, он получил контроль за деятельностью наркоматов финансов, внешней торговли, снабжения, Госбанка СССР. Тем самым Жданов, не только не член ПБ, но даже еще и не кандидат в члены, вставлял попеременно то над членом ПБ Куйбышевым, то над кандидатом в члены ПБ Микояном. Собственно, в этих, казалось бы, нарушениях иерархической подчиненности и заключалась сущность узкого руководства.

Остальные члены и кандидаты в члены ПБ, включая и избранного

секретарем ЦК Кирова, но игравшего ту же роль, что и Косиор, составили не второй, а всего лишь третий уровень власти. Помимо исполнения прямых обязанностей, они должны были своими голосами одобрять либо отклонять решения ПБ и постановления ЦК, являвшиеся обязательными не только для партии, но и — как совместные постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР — для всей страны. Сами же проекты таких решений задумывались и готовились на втором уровне, которым являлась также немногочисленная группа, включавшая преимущественно остальных заведующих отделами ЦК.

Д. А. Булатов был утвержден на важнейшем для региональных партийных комитетов посту заведующего ОРПО. Н. И. Ежов возглавил на сей раз промышленный отдел, который надзирал за работой прежде всего выделенных в 1932 г. из ВСНХ наркоматов лесной и легкой промышленности и тех предприятий, которые в соответствии с решением ПБ от 15 марта 1934 г. предстояло передать в ведение совнаркомов союзных и, возможно, автономных республик³⁷. Вместе с тем по совместительству Ежова утвердили еще и в должности заместителя председателя КПК. А. И. Стецкий получил теперь в свое подчинение

оба прежних идеологических отдела, объединенных в культпроп. А всего через месяц эту группу пополнил Я. А. Яковлев, сменивший 10 апреля Жданова в должности заведующего сельскохозяйственным отделом³⁸. Кроме того, в тот же второй эшелон власти входил и М. М. Литвинов, нарком иностранных дел, ибо все вопросы внешней политики обсуждались и решались исключительно внутри узкого руководства Сталиным, Молотовым, Кагановичем и, в случае необходимости, Ворошиловым.

Окончательно подотчетность отделов установили только 4 июня 1934 г. постановлением ПБ «О

распределении обязанностей между секретарями ЦК». В соответствии с ним отдел культуры и пропаганды, особый сектор — канцелярия ПБ, возглавляемая А. Н. Поскрёбышевым, а также собственно ПБ оказались в ведении Сталина. За работу промышленного и транспортного отделов, КПК, ВЛКСМ и вместе с тем оргбюро ЦК стал отвечать Каганович. Жданов же должен был «наблюдать за работой» сельскохозяйственного, планово-финансово-торгового отделов, ОРПО, управления делами и секретариата ЦК³⁹.

Однако значение данного документа отнюдь не

ограничивалось заурядной
проблемой установления обычной
четкой субординации в партийном
аппарате, решением всего лишь
чисто административных задач.
Фактически постановление
закрепило полное слияние еще
недавно существовавших, хотя и
формально самостоятельно, двух
ветвей власти — партийной и
советской, установило вместе с тем
двойной контроль за деятельностью
всех без исключения наркоматов и
ведомств, региональных структур.
Сделано это было самым простым
способом — концентрацией
вопросов подбора и расстановки
кадров только в соответствующих

отделах ЦК.

Вместе с тем документ содержал и еще две весьма примечательные детали. Он лишний раз подтвердил, что один из четырех секретарей ЦК Киров так и не получил никаких дополнительных обязанностей, проистекавших из его нового положения во власти, остался лишь 1-м секретарем Ленинградского обкома и членом ПБ, что давало ему право только голосовать по подготовленным, и внесенным на обсуждение проектам решений. Кроме того, постановление лишний раз подчеркнуло и особую, предельно самостоятельную роль Литвинова, ведомство которого,

НКВД, так и не было включено в сферу ответственности кого-либо из секретарей ЦК либо других членов узкого руководства персонально.

Ставшее несомненным усиление власти, сконцентрированной в руках сталинской группы, невозможно объяснить лишь властолюбием. Возможно, здесь сыграла роль жесткая необходимость именно такого шага в условиях реальной военной опасности, угрозы весьма близкого по времени нападения на СССР одновременно с запада и востока. А кроме того, стремление всемерно обезопасить себя накануне принятия тех важных решений, в том числе и в области внешней политики,

вряд ли одобренных бы наиболее активной частью партии, то есть широким руководством, о намерении сменить которое заявил на съезде Сталин.

Свидетельствовало постановление от 4 июня и еще об одном важном процессе. Секретари ЦК, поначалу возглавившие половину новых отделов, завершали подбор кадров для них, тех, кто и должен был вести повседневную, даже рутинную работу. Подтверждает такое предположение то, что уже 9 июля ПБ утвердило в должности заведующего транспортным отделом вместо Кагановича явно рекомендованного ему членом ПБ и

одновременно наркомом путей
сообщения Андреевым
ответственного сотрудника НКПС
Н. Н. Зимина⁴⁰.

Таким образом, к середине 1934
г. из членов узкого руководства
только Жданов помимо всех прочих
своих обязанностей лично руководил
планово-финансово-торговым
отделом. Само образование
отраслевых отделов ЦК и
утверждение большинства их
заведующих сразу же повлекло
непременную в подобных случаях
частичную реорганизацию
правительства Советского Союза⁴¹.

Однако до завершения всех
запланированных кадровых

перестановок, буквально на следующий день после закрытия съезда, сталинская группа неожиданно оказалась перед весьма сложной дилеммой. От нее требовалось, и притом незамедлительно, во всеуслышание выбрать одно из двух. Либо выразить верность идеям пролетарской солидарности, мировой революции, но в таком случае предстать перед западными демократиями двуличными политиканами, доверять которым ни в коем случае нельзя. Либо столь же открыто отречься от вчерашних идеалов и принципов, подтвердив тем, но уже в глазах партии, давнишний тезис Троцкого о

своём перерождении, теперь уже
бесспорном оппортунизме, даже
ревизионизме.

Глава третья

За год до XVII съезда ВКП(б) в Австрии, так и не оправившейся от экономического кризиса, произошел государственный переворот. Канцлер Энгельберт Дольфус, лидер правящей христианско-социальной партии, в марте 1933 г. распустил парламент, в апреле запретил Щуцбунд (Союз обороны) — военизированную социал-демократическую организацию, а в мае — компартию. В августе он объявил о создании по сути реваншистского, антиверсальского по целям блока с Венгрией под эгидой фашистской

Италии, а в начале 1934 г. подготовил проект новой конституции, которая должна была превратить Австрию в авторитарное государство, исключающее существование каких-либо политических партий.

В ответ компартия 11 февраля призвала страну ко всеобщей забастовке, а рабочих — к оружию. Вице-канцлер поспешил использовать это воззвание как неоспоримое подтверждение существования «марксистско-большевистского заговора» и ввел осадное положение, рабочие же, и шуцбундовцы, и коммунисты, начали возводить баррикады на улицах Линца и Вены, Брука и Граца.

Однако их силы оказались слишком слабыми, чтобы оказать сопротивление армии, полиции, жандармерии и даже отрядам Хеймвера (Союза защиты родины) — военизированной христианско-социальной организации. Бои, унесшие жизни тысячи двухсот человек, продолжались всего четыре дня и закончились поражением повстанцев. Около одиннадцати тысяч их было арестовано, некоторые руководители боевых дружин казнены.

Казалось, прямой долг большевиков требовал от ЦК ВКП(б), исполкома Коминтерна незамедлительно выступить в

поддержку братьев по классу, первыми в Европе после 1923 г. сделавших попытку начать пролетарскую революцию. Однако никаких обращений, заявлений, воззваний, даже просто слов моральной поддержки так и не появилось. В СССР все ограничилось публикацией никак не отражавших позицию советского руководства телеграмм ТАСС о развитии событий в Австрии с обязательной ссылкой на телеграфные агентства Чехословакии, Швейцарии, даже Германии. Правда, появлялись они на первых полосах газет, да еще под подчеркнуто антифашистскими по смыслу шапками: «Бои между

рабочими и фашистами в Австрии», «Вооруженная борьба австрийских рабочих против фашизма», «Рабочие Австрии героически продолжают вооруженную борьбу против фашизма», «Рабочие кварталы Вены в огне и крови»¹. Центральный орган ЦК ВКП(б) «Правда» сопроводил информацию двумя комментариями Карла Радека. В первом, «Венский набат», в номере от 15 февраля, когда бои уже затихли, он оптимистически утверждал: «Пролетариат переходит в контрнаступление. Австрийское восстание, чем бы оно ни кончилось, является авангардным боем...» Во втором же, увидевшем свет гораздо позднее, 26 февраля, — «Бои за

австрийский плацдарм», Радек уже забыл о проблемах мировой революции и разбирал политическую ситуацию, складывавшуюся в Центральной Европе. Ну а в «Известиях», помимо информации, дали серию репортажей Ильи Эренбурга «Гражданская война в Австрии». Правда, лишь месяц спустя, в первой половине марта².

Общим для всех материалов, опубликованных советской прессой в связи с боями в австрийских городах, стало преднамеренное акцентирование внимания читателей на том, что выступление рабочих организовал Шуцбунд, а поражение

было вызвано предательством вождей социал-демократии. Участие и роль коммунистов в боях сознательно замалчивались.

Столь осторожно пройдя между Сциллой и Харибдой большой политики, узкое руководство смогло вернуться к решению самой важной для себя задачи — подготовки партии и страны к радикальной смене курса. Для этого оно попыталось весьма своеобразно укрепить все еще весьма непрочное единство в ВКП(б), консолидировав наиболее активных членов ее, продолжавших мыслить в рамках идейных взглядов бывших фракций и оппозиционных групп. Постаралось сделать безусловными

союзниками тех, кто в глубине души оставался сторонником давних лидеров: Троцкого, Зиновьева, Бухарина, «безвожденцев» — левых, но отказавшихся слепо следовать за одним из двух бывших вождей. Выразились же действия по единению в традиционных, вполне приемлемых для обеих сторон кадровых решениях, назначениях подвергшихся ранее опале людей на посты, которые если и не возвращали во власть — вроде бы лишь пока, то безусловно приближали к ней.

Начались такие назначения в самом конце 1933 г., дабы наиболее склонные к конформизму видные оппозиционеры — левые

Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Е. А. Преображенский, К. Б. Радек; правые Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский — смогли выступить с покаянно-панегирическими речами на XVII съезде партии, признав окончательную правоту Сталина и верность предложенного им генерального курса³.

Поздней осенью 1933 г. возвратили в Москву из второй ссылки Зиновьева и Каменева. В декабре их восстановили в партии и одновременно предоставили ответственную работу. Зиновьева утвердили членом редколлегии теоретического органа партии журнала «Большевик», а Каменева —

директором книжного издательства «Academia» и по совместительству директором Института мировой литературы и только что созданного Литературного института⁴.

Еще раньше, в середине 1932 г., подыскивали вполне приемлемую должность и для одного из самых активных сторонников Троцкого, Радека, который после восстановления в рядах ВКП(б) в 1930 г. прозябал в редакции газеты «Известия». Его назначили заведующим созданного специально под него Бюро международной информации (БМИ) в структуре Культпропа. А 19 мая 1934 г., отнюдь не по забывчивости, ПБ вторично

приняло решение о БМИ, повысив его статус — теперь БМИ действовало при ЦК⁵.

Столь же радикально узкое руководство изменило и судьбу Бухарина, вынужденного с конца 1929 г. довольствоваться чуждой его знаниям и интересам работой в ВСНХ-НКТП. По предложению Сталина решением ПБ от 20 февраля 1934 г. его назначили ответственным редактором второй по значимости в стране газеты-официоза «Известия»⁶. А вскоре, 13 марта, последовало решение и по Н. А. Угланову, еще одному из лидеров правого уклона, в 1924–1928 гг. являвшемуся 1-м секретарем МК,

в 1926–1929 гг. — кандидатом в члены ПБ. Его не только исключили из партии по делу Рютина, но и выслали из столицы: сначала в Астрахань, а затем в Тобольск. Но прощение Углового было, в отличие от Бухарина, далеко не полным. Его лишь восстановили «в рядах ВКП(б) — отменив перерыв пребывания вне партии с 9.X.32 по 10.III.34», и потому предложили «Обь-Иртышскому обкому ВКП(б) выдать т. Углову партбилет»⁷.

В еще более сложном положении оказался Х. Г. Раковский, в прошлом весьма активный и убежденный троцкист, возглавлявший правительство УССР

в 1919–1923 гг., а затем находившийся в почетной ссылке полпредом СССР в Великобритании и Франции. Из Новосибирской области, уже настоящей ссылки, он 5 марта (весьма возможно, узнав о переменах в положении Зиновьева, Каменева и Бухарина) направил в ПБ просьбу о восстановлении его в партии. Поначалу, 13 марта, узкое руководство отклонило ее, но изменило свое решение, получив 17 марта еще одно письмо Раковского следующего содержания: «ЦК ВКП(б) заверяю, что полностью и целиком разделяю генеральную линию партии, категорически исключаю всякую мысль оставить за

собой какие-либо лазейки и бесповоротно порываю с контрреволюционным троцкизмом. Если мне разрешили бы выехать в Москву, я придал бы моему заявлению ту форму и содержание, которое бы целиком удовлетворило ПБ ЦК ВКП(б)». Такое откровенно уничижительное послание тут же получило одобрительную резолюцию Сталина: «По-моему, можно разрешить Раковскому приезд в Москву»⁸.

18 апреля в «Правде» на второй и третьей полосах полуторным подвалом было опубликовано «Заявление Х. Раковского в Центральный комитет ВКП(б)». В

нем содержалось все, что так остро необходимо было узкому руководству. «В течение почти семи лет, — писал Раковский, — я боролся с генеральной линией, боролся страстно, самообольщаясь тем, что мои взгляды правильны. Теперь мое заблуждение для меня ясно». 22 апреля ПБ предложило КПК рассмотреть вопрос о партийной принадлежности Х. Г. Раковского⁹. Несколько позже его назначили начальником управления учебных заведений Наркомздрава РСФСР.

Почти одновременно такие же метаморфозы произошли и с еще одним известным троцкистом, Л. С. Сосновским, довольно

популярным после революции журналистом, исключенным, как и многие сторонники Троцкого, из партии в декабре 1927 г. 27 февраля 1934 г. «Правда» опубликовала и его открытое заявление — «Письмо Сосновского Л. в Центральный комитет ВКП(б)», а вскоре его трудоустроили, причем по специальности, что бывало крайне редко, — в редакцию «Известий».

Своеобразная выборочная партийная амнистия, в свою очередь, породила негласную кампанию, направленную против возникавшего в пропаганде культа Сталина. Резонно опасаясь, что в новых условиях, сложившихся после

возвращения к активной деятельности, да еще в столице, Зиновьева, Каменева, Радека, Раковского, Сосновского, Бухарина, чрезмерное усердие склонных к лести и подхалимажу партийных чиновников окажет ему медвежьую услугу, Сталин предпринял решительные меры. 10 апреля по его предложению ПБ объявило «выговор редакциям „Правды“ и „Известий“ за то, что без ведома и согласия ЦК и т. Сталина объявили десятилетний юбилей книги т. Сталина „Основы ленинизма“ и поставили тем самым ЦК и т. Сталина в неловкое положение». 4 мая ПБ приняло еще одно, тождественное по смыслу

предыдущему, решение: «Принять предложение т. Сталина об отмене решения Заккрайкома о постройке в Тифлисе Института Сталина. Реорганизовать строящийся в Тифлисе Институт Сталина в филиал Института Маркса — Энгельса — Ленина». Наконец, своеобразный итог такого рода действиям подвело еще одно решение ПБ, принятое в конце года, 17 декабря: «Утвердить просьбу т. Сталина о том, чтобы 21 декабря, в день пятидесятилетия его рождения, никаких празднеств или торжеств или выступлений в печати или на собраниях не было допущено»^{[10](#)}.

И все же гораздо больше

волновал и заботил узкое руководство не нарождавшийся культ личности, а непредсказуемая реакция на готовившиеся перемены со стороны четвертого уровня власти. Прежде всего его ядра — первых секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов, непосредственно подчиненных ЦК ВКП(б). Для превентивной борьбы с этой частью бюрократии, о которой Сталин столь непочтительно отозвался на съезде, были использованы бюрократические же меры — резкое увеличение численности первых секретарей, что автоматически вело к понижению их реальных прав и значимости в

широком руководстве.

...Районирование, начатое в 1923 г., должно было коренным образом изменить конституционно закрепленное государственное устройство, ликвидировать основанные на чисто национальном принципе три его главных звена: СССР, союзные республики, автономные республики и области, а также приравненные к ним губернии. Предполагалась иная, всего из двух звеньев, система, базирующаяся на экономическом уровне развития конкретных территорий и хозяйственном тяготении их: СССР, союзные и некоторые автономные республики,

создаваемые только в РСФСР края и области. Деление на губернии (там, где оно существовало) упразднялось.

Эта реформа спустя семь лет привела к резкому, четырехкратному сокращению основных территориально-административных единиц. Вместо существовавших в Советском Союзе около ста губерний осталось всего тринадцать, но уже краев и областей, к тому же лишь в Российской Федерации: Северо-Кавказский, Сибирский, Дальне-Восточный, Северный, Нижегородский, Средне-Волжский и Нижне-Волжский края; Уральская, Западная, Ивановская, промышленная, Московская,

Ленинградская и Центрально-Черноземная области. Помимо них той же относительной самостоятельностью обладали также и шесть автономных республик, входивших в РСФСР: Татарская, Башкирская, Карельская, Крымская, Казахская и Якутская.

Однако даже такая упрощенная административная структура не соответствовала партийной. Для партии реально существовали не двадцать восемь союзных и автономных республик, краев и областей, а всего двадцать два равных друг другу первых секретаря. Именно они в своих регионах не столько отвечали за идеологическую работу,

сколько контролировали строительство и функционирование уже вступивших в строй предприятий, а равно и «свои» МТС, колхозы и совхозы; именно они, двадцать два первых секретаря, и являлись подлинной властью. Ну а то, что они составляли еще и основу ЦК, структуры, которая избирала на своих пленумах высшие партийные органы — ПБ, секретариат, оргбюро и, следовательно, в конечном итоге и узкое руководство, превращало их в серьезных и опасных конкурентов сталинской группы. Усиливало такое положение еще и то, что все без исключения первые секретари не только вели бескомпромиссную

борьбу с представителями левой и правой оппозиций, но вместе с тем сохраняли свои в основном левые убеждения.

Частичное разукрупнение, поначалу порожденное необходимостью более эффективного управления народным хозяйством, созданным в ходе индустриализации и коллективизации, началось уже в 1930 г.^{[11](#)}

Всего за год число подотчетных ЦК ВКП(б) региональных парторганизаций возросло с двадцати двух до тридцати пяти. Вместе с тем качественно изменился, был фактически размыт и прежний состав широкого

руководства. Ведь только двое из десяти первых секретарей новых крайкомов и обкомов являлись членами ЦК: Саратовского — А. И. Криницкий, по своей прежней должности начальника политуправления Наркомзема СССР, и Челябинского — К. В. Рындин, занимавший ранее пост секретаря МК. Еще двое входили в состав КПК: П. Д. Акулинушкин, переведенный 1-м секретарем Красноярского обкома из КПК, где он работал уполномоченным по Одесской области, и Д. А. Булатов, не справившийся с должностью заведующего ОРПО ЦК ВКП(б) и потому пониженный, направленный

возглавлять Омский обком. Остальные новые первые секретари: Северо-Кавказского крайкома — Е. Г. Евдокимов, ранее полномочный представитель ОГПУ по большому Северо-Кавказскому краю; Кировского обкома — А. Я. Столяр, перед тем 2-й секретарь Горьковского крайкома; Оренбургского — А. Ф. Горкин; Курского — Н. У. Иванов; Читинского — Голюдов, не занимали столь высокого положения. Им еще только предстояло беспорочной службой завоевать право быть избранными на следующем съезде членами или кандидатами в члены ЦК. Тем самым они оказывались в

полной зависимости от ОРПО, оценивавшего их деятельность и устанавливавшего соответствие полученным должностям, но в еще большей степени — от узкого руководства. И в силу этого отныне им следовало беспрекословно поддерживать любые предложения, которые выдвинут Сталин и его группа.

Разукрупнение некоторым образом повлияло и на положение одного из членов узкого руководства, А. А. Жданова. Возглавлявшего четыре года Среднеазиатское бюро К. Я. Баумана отозвали в Москву и решением ПБ утвердили в должности заведующего планово-финансово-

торговым отделом ЦК¹².

Назначение Баумана окончательно освободило Жданова от вынужденной повседневной рутинной работы в аппарате ЦК (еще ранее он был освобожден от обязанностей заместителя заведующего транспортным отделом¹³) и позволило полностью посвятить себя решению важной задачи идейного воспитания молодого поколения. Для этого прежде всего реформировать школьное образование, избавив его от «классового подхода», привнесенного в революционную эпоху, и одновременно пересмотреть существующие, не просто

господствующим, но монополярным
взгляды и оценки на прошлое
человечества, в том числе и народов,
находящихся СССР, исторической
школы М. Н. Покровского с ее, как
вскоре стали говорить, «вульгарным
социологизмом» и «экономическим
материализмом».

Еще 20 марта ПБ утвердило
внесенное от имени наркома
просвещения РСФСР А. С. Бубнова,
заведующего культпропом
А. И. Стецкого и его заместителя
Н. Н. Рабичева, то есть тех, кто в
своей деятельности являлся
подконтрольным Жданову,
несомненно программное
предложение. «Считать

необходимым, — указывалось в нем, — создание к июлю 1935 г. следующих учебников: 1) История древнего мира, 2) История средних веков, 3) Новая история, 4) История СССР, 5) Новая история зависимых и колониальных народов. Поручить комиссии в составе тт. Бубнов (созыв), Жданов и Стецкий» подготовить список возможных их авторов. В решении ПБ содержалось требование незамедлительно разработать «проект предложений о структуре низшей и средней школы». Наконец, столь же неотложным признавалось в нем и представление теми же лицами «проекта предложений по восстановлению

исторических факультетов в составе университетов»¹⁴. Тех самых, которые были упразднены еще в 1919 г. и заменены факультетами общественных наук с четырехлетним курсом обучения.

Так обозначилось второе, после внешнеполитического, направление кардинальных реформ, призванных максимально искоренить из образования то, что пока еще считалось одним из завоеваний революции и достижений советской власти — обязательного классового подхода.

Выполнить вторую и третью части решения ПБ от 20 марта оказалось несложно, ибо для этого

требовались всего лишь административные меры. Уже 29 марта ПБ смогло утвердить первую авторскую группу для создания школьного учебника истории СССР. В тот же день еще одним решением ПБ «признало необходимым восстановить с 1 сентября 1934 г. исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах, а затем в Томском, Казанском, Ростовском и Саратовском»^{[15](#)}.

Несколько больше времени, что вполне естественно, потребовалось для реформирования системы школьного образования — только 15 мая ПБ утвердило его новую

структуру. Ее подвергли не очень значительным изменениям: увеличили общий срок обучения с девяти до десяти лет; нулевую группу для восьмилетних детей заменили подготовительным классом для семилетних; четырехклассную «школу первой ступени» просто переименовали в начальную. «Вторую ступень», прежде складывавшуюся из трехклассного «1-го концентри» и двухклассного «2-го концентри», преобразовали в неполную и полную среднюю школу соответственно с семью и десятью годами обучения. Кроме того, в школьную программу в качестве обязательных предметов ввели ранее

отсутствовавшие историю и географию¹⁶.

Исполнение же первой части решения натолкнулось на непреодолимые трудности, порожденные тем, что авторский коллектив не сразу получил необходимые конкретные указания, каким должен стать новый школьный учебник. Поэтому вскоре потребовалось личное вмешательство Сталина, вынужденного при этом заняться проблемой отнюдь не исторической или педагогической, а сугубо политической. Обостренный интерес его вызвала позиция редакции журнала «Большевик» в связи с

двадцатилетием начала Первой мировой войны. Поводом же послужило предложение директора Института Маркса — Энгельса — Ленина В. В. Адоратского опубликовать в № 13–14 теоретического органа партии ранее не переводившуюся на русский язык статью Энгельса «Внешняя политика русского царизма», написанную в 1890 г.

Получив, как и все остальные члены ПБ, эту работу для казавшейся поначалу чисто формальной визы одобрения, Сталин буквально на следующий день направил остальным девяти читателям, что бывало крайне редко, резко

отрицательный письменный отзыв. Не смущаясь, что критикует не кого-либо, а признанного классика марксизма, он обрушил свой гнев не столько на Адоратского или редакцию «Большевика», сколько на возмущившее его содержание статьи. Главные ее недостатки он увидел в объяснении Энгельсом причин мировой войны, к которой, по мнению автора, уже катилась Европа. Разумеется, не за четверть века до начала мировой бойни, а двадцать лет спустя судить об истинных, коренных поводах ее возникновения было гораздо легче. Но Сталина в данном случае меньше всего интересовала

возможная

естественная ошибка, допущенная Энгельсом. Для него гораздо значимее оказалось иное: со всей неизбежностью вытекающее из публикации негативное отношение к налаживавшемуся в 90-х годах XIX века франко-русскому союзу, лишение российской внешней политики «всякого доверия в глазах общественного мнения Европы и прежде всего Англии»¹⁷.

Вождя возмутила возможность весьма актуальной исторической параллели, слишком явный, хотя и выраженный эзоповым языком призыв воспротивиться повторению того же альянса. На этот раз — против не имперской, а нацистской

Германии.

22 июля Сталину удалось настоять на своем. В тот день ПБ признал «нецелесообразным печатание статьи Ф. Энгельса „Внешняя политика русского царизма“ в „Большевике“»¹⁸. Это был первый случай в истории РСДРП — РКП(б) — ВКП(б), когда высший орган партии решился на запрет работы того, кто рассматривался той же партией как один из основоположников научного коммунизма, вождь и учитель международного пролетариата. Того, кто был, по словам Ленина, после Маркса «самым замечательным ученым и учителем современного

пролетариата во всем
цивилизованном мире».

Но и этого оказалось
недостаточно, чтобы пресечь
становившуюся уже несомненной
критику нового
внешнеполитического курса узкого
руководства. В том же номере
«Большевика», для которого
поначалу предназначалась статья
Энгельса, появилась другая,
написанная Зиновьевым, —
«Большевизм и война». В статье,
прямо приуроченной к
двадцатилетию начала Первой
мировой войны, бывший
руководитель Коминтерна,
постоянно цитируя Ленина, ссылаясь

на десятки его работ, провозглашал как незыблемые старые, пятнадцатилетней давности, положения: «Большевизм — это международное революционное движение», «предотвратить новую войну... может только победа пролетарской революции в решающих странах». Своеобразно расценив расклад сил в мире: «коалиция японского империализма с фашистской Германией под руководством и протекторатом английского империализма против СССР», он заодно предрек казавшуюся ему очень близкой победу революции во Франции, которая сразу же «покажет дорогу

рабочим Англии, Германии, Австрии и ряда других стран». В том, что все произойдет именно так, он был твердо уверен. Настолько, что фактически предлагал отказаться от подготовки отпора агрессорам, отдав все силы лишь одному — усилению работы национальных секций Коминтерна, то есть европейских компартий, приближая тем и ликвидацию угрозы войны, и уже якобы близкую победу пролетариата в Европе. Заодно Зиновьев многозначительно повторил свою (и всех большевиков) старую оценку социал-демократии: она, мол, «очень ценна для буржуазии, не менее ценна, чем фашизм»¹⁹.

На этот раз Сталин не отважился на прямую критику, ибо в таком случае ему пришлось бы подвергнуть пересмотру и слишком многие утверждения Ленина. Он избрал для дискредитации Зиновьева иной способ, воспользовавшись тем, что в том же номере «Большевика» были опубликованы и редакционные комментарии Зиновьева к письму Энгельса, адресованному некоему Иоанну Надежде. 5 августа Сталин направил членам ПБ, В. В. Адоратскому, а также редколлегии журнала — В. Г. Кнорину, А. И. Стецкому, Г. Е. Зиновьеву и П. Н. Поспелову — новое письмо-отзыв. В нем расценил

журнальные комментарии как сознательную фальсификацию мыслей Энгельса о грядущей войне, опровергая утверждения Зиновьева, что Энгельс якобы «стоит целиком на пораженческой позиции», что «аналогичную позицию Ленин отстаивал в войне 1914 г.». Десять дней спустя по настоянию Сталина ПБ утвердило текст постановления ЦК «Об ошибках редакции „Большевик“». В нем в виде преамбулы были чуть ли не дословно повторены основные положения письма Сталина и сделан грозный вывод: «Написанные т. Зиновьевым комментарии являются выражением троцкистско-меньшевистской

установки». После такого утверждения вполне предсказуемо следовали и суровые оргвыводы:

«1. Объявить выговор редакции журнала „Большевик“.

2. Вывести т. Зиновьева из состава редакции „Большевик“.

3. Снять т. Кнорина с поста ответственного редактора „Большевик“.

4. Утвердить следующий новый состав редакции: тт. Стецкий (редактор), Таль, Кнорин, Поспелов»[20](#).

Так Зиновьев лишился не только высокой трибуны, позволявшей ему после длительного перерыва напрямую общаться с партией, но и просто работы. А 1 сентября последовало еще одно кадровое назначение. Решением ПБ П. Ф. Юдина, тогда никому не известного выпускника Института красной профессуры, утвердили заместителем заведующего культпропа по науке²¹, сделав его тем самым своеобразным партийным цензором не только публикаций новых работ Маркса, Энгельса, Ленина, но даже и ссылок на их труды.

Только разобравшись с

проблемой слишком опасных
политических последствий
различного рода исторических
разысканий, Сталин уже не в
одиночку, а совместно со Ждановым
и Кировым написал третье и
четвертое — за месяц! — письма-
отзывы. На этот раз — по поводу
конспектов школьных учебников по
истории СССР и новой истории.
Малозначимые на тот момент,
письма эти так и не легли в основу
ни постановлений ЦК, ни решений
ПБ и далеко не случайно были
опубликованы сами по себе только
полтора года спустя. Поначалу
преследовалась одна-единственная
цель: авторскому коллективу

предлагалось всего лишь по-новому
посмотреть на прошлое;
отрешившись от прежних
представлений, осознать всю
сложность и противоречивость
исторического процесса,
излагавшегося советскими учеными с
легкой руки власти и скончавшегося
два года назад М. Н. Покровского
предельно упрощенно, схематично.

Оба новых отзыва оказались
необычно короткими, свелись, по
сути, к общим требованиям избегать
«затасканных, трафаретных
определений», добиваться
«грамотности с точки зрения
марксизма». Действительно же
значимые указания коллективу

авторов содержались в нескольких фразах.

«Нам нужен, — отмечалось в первом отзыве, — такой учебник истории СССР, чтобы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР... и чтобы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории». А несколько выше: «В конспекте не учтена борьба течений в правящей коммунистической партии СССР и борьба с троцкизмом как с проявлением мелкобуржуазной контрреволюции». «Мы считаем, — подчеркивалось во втором отзыве, — большой ошибкой, что авторы

конспекта обрывают историю на 1923 г. Эту ошибку надо исправить, доведя историю до конца 1934 г.»²².

Не трудно заметить, что самым важным для первого отзыва стало использование непривычного тогда понятия «народ» вместо непреложного «класс», а для обоих — пожелание, мягко говоря, предельно актуализировать учебники, доведя их содержание до времени окончания работы над ними, чтобы в них успели попасть те события, которым еще предстояло произойти, а также и для того, чтобы отразить в них окончательный разрыв власти с полностью отвергнутыми как правыми, так и

левыми внутрипартийными
течениями. Но последнее требование
не означало непременною
политизацию школьного
образования. Напротив, решение ПБ,
принятое за три месяца перед тем, 23
апреля, потребовало прямо
обратного:

«Предложить
Наркомпросам союзных
республик и ЦК ВЛКСМ
(по линии
пионерорганизации)
немедленно прекратить
проработку решений XVII
съезда партии и вопросов
марксистско-ленинской

теории в начальной школе... В средней школе не допускать перегрузки детей общественно-политическими занятиями»[23](#).

Сведения обо всех этих решениях так и не вышли за рамки широкого руководства. Однако общедоступная информация, что время от времени появлялась на страницах газет и журналов, необычайно широко использовалась в устной пропаганде. Это свидетельствовало о том, что тогда, летом 1934 г., и начал исподволь претворяться в жизнь новый курс

сталинской группы, признаки чего, хотя большей частью косвенные, были не только многочисленны, но и разнообразны, а потому и весьма убедительны.

Так, по постановлению Совнаркома УССР от 17 марта 1934 г., которое никак не могло быть принято без санкции на то узкого руководства, столицу союзной республики перевели из промышленного и пролетарского, хотя и преимущественно русского по населению, Харькова, где она пребывала с 1919 г. Все центральные учреждения, включая прежде всего ЦК КП(б) Украины, ВуЦИК и СНК, уже в конце июня прочно

обосновались в Киеве, являвшемся в далеком прошлом центром Киевской Руси и Русской православной церкви, а в годы революции и гражданской войны служившем местом официального пребывания националистических правительств, петлюровской Украинской народной республики, гетманской Украинской державы. Вынуждало же задуматься о происшедшем, искать в нем некий потаенный смысл то, что событие это последовало слишком быстро за заявлением Сталина на съезде о полном разгроме «национал-уклонистов».

В те же летние дни, 13 июня, ПБ приняло решение и о другом

переезде — Академии наук СССР, с момента создания находившейся в столице Российской империи. Шестнадцать лет спустя ее воссоединили с высшими государственными органами страны в одной географической точке — Москве, новой и вместе с тем старой столице.

Скорее показными, явно имевшими всего лишь демонстративный характер, стали последовавшие тогда же переименования двух силовых ведомств. 19 июня наркомат по военным и морским делам, созданный под таким названием еще 8 ноября 1917 г. по декрету II

Всероссийского съезда Советов, получил новое — наркомат обороны (НКО). Однако более значимым оказалось не это простое переименование, а то, что одновременно упразднялся Революционный военный совет (РВС, Реввоенсовет) СССР, юридически — высший военно-политический орган управления вооруженными силами страны. Ведь в соответствии с законодательством не Наркомвоенмору, а председателю РВС СССР подчинялись командующие войсками военных округов, флотами, начальники различных центральных управлений, объединявшихся собственно

наркоматом. Реорганизация являлась важной и своевременной, ибо ликвидировала порочное, недопустимое в принципе для армии и флота двоевластие, уравнивала, наконец, НКО по положению и функциям с остальными наркоматами. В то же время она и порывала последние, уже чисто ассоциативные связи с изначально самобытной, классово чистой и революционной Красной армией, способствовала окончательному забвению первого председателя Реввоенсовета Республики Троцкого и оказавшихся бесплодными надежд на близкую победу мировой революции.

Такой же, по сути, игрой в слова оказалась и другая реорганизация, начатая еще в марте для создания союзного НКВД (перед тем наркомвнуделы являлись только республиканскими) с включением в него подлежащего реформированию ОГПУ²⁴. Но 10 июля, когда ЦИК СССР принял подготовленное комиссией ПБ постановление, практически ничего не изменилось. Да, одиозное во всем мире ОГПУ упразднили, но тут же возродили под другим названием — Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. Однако, как оказалось, включили не ОГПУ в НКВД, а НКВД в ОГПУ,

придав последнему ведущую в наркомате роль, сделав остальные главки всего лишь вспомогательными придатками ГУГБ. Более того, одного из основных разработчиков проекта реорганизации Г. Г. Ягоду, занимавшего пост заместителя председателя ОГПУ (в последние месяцы — при смертельно больном В. Р. Менжинском), подчеркнуто назначили наркомом внутренних дел Советского Союза.

Действительно же важным, свидетельствующем о несомненном приближении реформирования политической системы страны, стал иной акт: постановление ЦИК СССР от 14 апреля о введении нового

высшего почетного звания — Героя Советского Союза, заменившего существовавшее перед тем и очень схожее по названию — Герой Труда, установленное в июле 1927 г. и присваивавшееся трудящимся за особые заслуги в области производства. Новое звание не только подменяло уже в своем названии труд как главную обязанность работоспособных граждан, служением Отчизне, стране. Ко всему прочему, оно и открывало эпоху героизации, возвеличивания подвигов. Потому-то первыми Героями Советского Союза стали не рабочие и шахтеры, трактористы и колхозники, а

беспартийные полярные летчики: М. В. Водопьянов, И. В. Доронин, Н. П. Каманин, С. А. Леваневский, А. В. Ляпидевский, В. С. Молоков, М. Т. Слепнев, спасшие во льдах Чукотского моря участников арктической экспедиции и экипаж «Челюскина».

Тем временем советская дипломатия продолжала делать все возможное, дабы ускорить создание оборонительного Восточного пакта. Добивалась этого, несмотря на те негативные события в Европе, которые вынудили пересмотреть первоначальный состав блока, предусматривавший обязательное участие в нем — по мнению Парижа

и Москвы — Чехословакии и Польши, и только Москвы — еще и стран Прибалтики.

«Начальник государства» и «первый маршал» в первые годы независимости Польши, а теперь по должности всего лишь военный министр, но, как и прежде, высший авторитет в стране Юзеф Пилсудский всегда стремился проводить политику «качелей», попеременного сближения то с Берлином, то с Москвой. После подписания 25 июля 1932 г. трехлетнего договора с Советским Союзом о ненападении он счел своевременным и необходимым добиться 26 января 1934 г.

аналогичного в принципе соглашения, но уже сроком на десять лет, с Германией. Оно предусматривало отказ двух стран от пересмотра границ и применения силы для разрешения территориальных споров, прежде всего наиболее острого из них, по проблеме Польского (Данцигского) коридора.

Предоставляя некоторые, как оказалось, чисто иллюзорные гарантии Польше, это соглашение нанесло ощутимый удар по той системе коллективной безопасности, создания которой добивались Франция и СССР. Посетивший в феврале Москву министр

иностранных дел Польши Юзеф Бек прямо заявил Литвинову, что «он не видит в настоящее время опасности со стороны Берлина или вообще опасности войны в Европе». В записи беседы, предназначенной узкому руководству, Литвинову пришлось констатировать: «Налицо, несомненно, серьезный поворот в ориентации политики Польши. Вряд ли Польша могла бы безговать нашим сотрудничеством и в то же время отдаляться от Франции, не получив откуда-либо новых гарантий или обещания гарантий»²⁵. Не смог изменить позицию Пилсудского и Бека и визит в Варшаву в апреле министра иностранных дел Франции

Луи Барту.

Вскоре не менее тревожные сообщения стали поступать из Прибалтики. 12 марта премьер-министр Эстонии Карл Пятс совместно с военным министром совершил государственный переворот. Для начала просто узурпировал власть в стране, а несколько позже «оформил» диктатуру роспуском государственного собрания (парламента), запретом деятельности всех партий, кроме созданного для поддержки своего авторитарного режима Изамаалита (Отечественного союза), и, как апогей переворота, провозгласил

себя регентом государства. Три месяца спустя схожий до деталей переворот произошел и в Латвии. Там 15 мая премьер-министр Карл Ульманис, также опираясь на армию и ее главнокомандующего Балодиса, установил личную диктатуру, вскоре ликвидировав все демократические свободы, распустил сейм (парламент) и политические партии. Явно прогерманские настроения как Пятса, так и Ульманиса заставили Москву серьезно усомниться в возможности присоединения Эстонии и Латвии к Восточному пакту.

М. М. Литвинов блестяще воспользовался кризисной ситуацией

и поспешил избавиться от своих давних противников в НКВДе, не очень и скрывавших старые прогерманские настроения. Опираясь на решение ПБ от 15 августа 1933 г., предусматривавшего ликвидацию в наркоматах коллегий²⁶, он сумел добиться 10 мая освобождения от должностей двух своих заместителей, Г. Я. Сокольникова и Л. М. Карахана, курировавших соответственно дальневосточные и ближневосточные страны²⁷. Временно он смирился с сохранением на посту заместителя только Н. Н. Крестинского.

Тогда же Литвинов сумел завершить и очень важную для него и

политики узкого руководства смену полпредов в ключевых для создания Восточного блока европейских столицах. В Берлин был переведен Я. З. Суриц из Анкары, в Варшаву — Я. Х. Давтян из Афин. Полпредом в Праге стал С. С. Александровский²⁸, а в Париже после смерти В. Г. Довгалецкого утвердили В. П. Потемкина, перед тем занимавшего тот же пост в Риме.

Кадровые перемещения, проведенные по инициативе Литвинова, явно подтверждали то доверие, которое узкое руководство выражало и ему лично, и тому, как именно он проводил в жизнь новый внешнеполитический курс. Вместе с

тем твердые действия наркома способствовали укреплению позиций Москвы на международной арене. Далеко не случайно именно тогда решительно поменялось отношение Малой Антанты к идее Восточного пакта.

В январе 1934 г. конференция министров иностранных дел этой региональной организации заявила о «своевременности» возобновления их государствами дипломатических отношений с СССР, что являлось непрямым и вполне нормальным условием для заключения Восточного пакта. Однако от рекомендаций к конкретным решениям Малая Антанта перешла

несколько позже. 2 июня ее Постоянный совет признал, что «политические и дипломатические условия позволяют... возобновить дипломатические отношения с СССР»²⁹, а уже 9 июня они были установлены Румынией и повышены в ранге Чехословакией. Правда, здесь нельзя не отметить ту положительную роль, которую сыграли Луи Барту и Эдуард Бенеш. Их настойчивость, несомненно, повлияла на позицию, занимаемую министром иностранных дел Николае Титулеску, который больше не требовал отказа Советского Союза от прав на Бессарабию как неперемennого условия для

нормализации отношений между двумя странами и продолжения переговоров о присоединении к Восточному пакту Бухареста.

Изменившаяся позиция Малой Антанты и позволила Луи Барту сделать решающий шаг в выполнении достигнутых в конце минувшего года договоренностей с Кремлем. 15 сентября по официальному предложению Франции 30 государств — членов Лиги наций обратились к СССР с предложением вступить в эту международную организацию. Советское правительство, как и предусматривалось директивами Довгалеvскому, приняло

предложение, и 18 сентября ассамблея Лиги наций проголосовала не только за принятие СССР, но и за включение его представителя как постоянного члена в Совет Лиги.

И чуть ли не сразу узкому руководству пришлось на деле доказывать незыблемость своего нового курса, вновь продемонстрировать бесповоротный отказ от былой приверженности идее мировой революции, столь пугавшей страны Запада.

3 октября в очередное правительство Испании, формировавшееся Лерусом, должны были войти три представителя реакционной клерикально-

монархической Испанской
конфедерации автономных правых. В
ответ коммунистическая партия
призвала трудящихся страны ко
всеобщей забастовке и вооруженному
восстанию³⁰. Но призыв этот
практически не был поддержан.
Только в северо-западной
провинции, Астурии, выступления
приняли острый характер. В Овьедо,
ее центре, представители
социалистов, коммунистов и анархо-
синдикалистов образовали
революционный комитет, который в
считанные часы сумел сформировать
пятидесятитысячную армию,
главным образом из шахтеров. Две
недели плохо вооруженные, не

обладавшие необходимой подготовкой повстанцы сдерживали натиск батальонов иностранного легиона и иррегулярных марокканских частей, но 20 октября, потеряв свыше тысячи убитыми и две тысячи ранеными, вынуждены были капитулировать.

Реакция — разумеется, не правительства СССР, а ЦК ВКП(б) и исполкома Коминтерна на второе за год в Европе выступление пролетариата с оружием в руках — оказалась подчеркнуто отстраненной, как и в феврале на события в Австрии. Ни денежных средств, ни оружия, ни профессиональных революционеров

в Испанию не отправили. Вместо всего этого давалась обширная, но лишь в первые четыре дня, газетная информация — сообщения собственных корреспондентов «Правды» и «Известий» в Париже и Лондоне, но с непременной ссылкой на зарубежные телеграфные агентства и под вызывавшими прилив оптимизма и энтузиазма шапками: «Всеобщая забастовка охватила всю Испанию. Бои на улицах Мадрида», «Революционные выступления в Испании. Астурия в руках рабочих», «Революционная борьба в Испании. Каталония отделилась от Испании»³¹.

Зато именно в те самые дни был

предан гласности новый курс
Коминтерна, решительно
порывавшего со своим одиозным
прошлым «экспортера революций».
Сначала парижская «Юманите», а
затем и московская «Правда»
опубликовали обращение ИККИ «К
Социалистическому
Интернационалу. К рабочим и
работницам всех стран». ИККИ
обращался ко вчерашним своим
заклятым врагам «с предложением
немедленных совместных
выступлений как для оказания
поддержки борющемуся испанскому
пролетариату, так и для борьбы
против поддержки правительства
Леруса правительствами других

капиталистических стран»³². Это была уже совершенно иная, нежели проводившаяся пятнадцать лет подряд, стратегия. События в Испании использовались как предлог для закрепления того, что стало исподволь осуществляться на практике еще с лета.

...15 июля национальный совет французской социалистической партии принял предложение коммунистов о совместных действиях против фашизма и войны. 27 июля генеральный секретарь ФКП Морис Торез и бессменный с 1920 г. председатель соцпартии, редактор ее центрального органа, газеты «Попюлер», Леон Блюм подписали

пакт о единстве действий. Эта договоренность всего через два с половиной месяца принесла ощутимые плоды: 32 дополнительных депутатских места для обеих партий, полученные на кантональных выборах. Используя достигнутый успех, Торез, выступая 24 октября в Нанте, выдвинул новое предложение — о полном объединении сил коммунистов уже не только с социалистами, но и с радикалами для создания Народного фронта. Огласил он эту свою инициативу, несмотря на категорическое возражение, высказанное ему накануне членом президиума ИККИ Пальмиро

Тольятти. А на пленуме ЦК ФКП, проходившем 1 и 2 ноября, несомненно получив одобрение узкого руководства из Москвы и лично Сталина, Торез еще раз заявил о необходимости перехода от конфронтации к союзу с социалистами и радикалами³³.

Обо всем этом сообщали советские газеты, умолчав о не менее важных для понимания нового курса событиях. О том, что 18 октября Китайская советская республика, этот реальный второй очаг всемирной революции, самоликвидировалась под несомненным давлением Москвы. Ведь, продолжая борьбу с армиями

национального правительства Чан Кайши, она фактически способствовала закреплению Японии в Маньчжурии и расширению зоны агрессии. Газеты много недель спустя уведомили всего лишь о перебазировании, об очередном «освободительном походе» китайской Красной армии под руководством Мао Цзэдуна и Чжу Дэ, вскоре прославленном как героический «Великий северный».

Однозначная позиция, занятая Кремлем летом–осенью, облегчила и ускорила продвижение к Восточному пакту. Литвинов в Женеве сумел достичь полного взаимопонимания с Пьером Лавалем — новым

французским министром
иностранн^{ых} дел. 22 ноября
Литвинов шифротелеграммой
сообщил Сталину, что поначалу блок,
оформляемый пока протоколом,
включит три страны: Францию.
Чехословакию и СССР. 25 ноября
узкое руководство одобрило такой
шаг, а потому, после взаимного
согласования всех поправок³⁴,
Литвинов и Лаваль подписали 5
декабря «Протокол между Союзом
Советских Социалистических
Республик и Французской
республикой по вопросам,
касающимся переговоров о
Восточном пакте». Он
предусматривал:

«...Оба правительства не согласятся на переговоры, которые имели бы целью заключение ими многосторонних или двусторонних соглашений, могущих нанести ущерб подготовке и заключению Восточного регионального пакта или соглашений, с ним связанных, или заключение соглашений противных духу, которым руководствуются оба правительства...»³⁵

Два дня спустя, также в Женеве, было объявлено о присоединении «к

принципам Восточного пакта в той же форме и в том же духе, в котором он был задуман», и Чехословакии. Правда, Эдуард Бенеш сделал это как обмен письмами между двумя министрами иностранных дел. Обращаясь к Литвинову, он сообщал:

«От имени моего правительства я также всецело присоединяюсь к Протоколу, подписанному Вами 5 декабря 1934 г. в Женеве от имени правительства Союза ССР с г. Пьером Лавалем, министром иностранных дел Французской

республики. Совершая это
присоединение,
правительство
Чехословацкой республики
принимает все в нем
обусловленное и
обязывающее таким
образом взаимно
указанным в упомянутом
Протоколе способом все
три правительства»^{[36](#)}.

Однако несколькими днями
ранее, вечером 1 декабря, все
дальнейшие строго продуманные,
планомерные и спокойные действия
узкого руководства по созданию
системы коллективной безопасности

оказались под угрозой. В Смольном у
своего кабинета неким Николаевым
был убит член ПБ, секретарь ЦК
ВКП(б) С. М. Киров.

Глава четвертая

Детали убийства Кирова легко воссоздаются по сохранившимся телеграммам, рапортам, медицинским заключениям, датированным первыми днями декабря 1934 г., по протоколам допросов как Леонида Николаева, так и десяти свидетелей, дававших показания в день трагического происшествия, всего через два-три часа после убийства¹.

Из протокола допроса Николаева 9 декабря:

«— Как вы провели

день 1 декабря вплоть до момента убийства?

— В этот день должен был состояться актив по вопросам об итогах пленума². Я дважды звонил жене на службу и просил достать билеты на актив. К часу дня я выяснил, что жена не сможет достать билеты, поэтому после часа я поехал в Смольненский райком партии — проспект имени 25 октября, где обратился к сотрудникам районного комитета Гурьянову и Орлову с просьбой дать

мне билет на актив. Гурьянов отказал, а Орлов обещал, предложив прийти за ним к концу дня. Для страховки я решил съездить в Смольный и там попытаться через знакомых сотрудников городского комитета получить билет. С 1 часа 30 минут дня до 2 часов 30 минут дня я находился в здании Смольного, наган был при мне...»

*Из показаний сотрудницы
отдела руководящих партийных
органов Ленинградского горкома*

А. П. Бауэр-Румянцевой, 1 декабря:

«1 декабря в начале 15 часов вошел в комнату № 431 на третьем этаже Николаев, работавший в РКИ в Смольном и числившийся там, и обратился ко мне с просьбой дать ему пропуск на актив. Я ему ответила, что у меня пропуска нет и мы сами не идем. Тогда он меня спросил, где сидит Смирнов, работающий по кадрам. Я ему сказала, что Смирнов сидит в комнате рядом...»

Из показаний Николаева от 9 декабря:

«...Встретил
сотрудников Денисову,
Шитик, Смирнова, Ларина,
Петрошевич — у всех
просил билет. Только один
Петрошевич обещал дать
билет, но только к концу
дня. В ожидании конца дня
я решил погулять возле
Смольного, полагая, что
скорее всего получу билет у
Петрошевича. По
истечении часа вновь зашел
в Смольный....»

*Показания П. П. Лазюкова,
сотрудника оперативного отдела³
(далее — оперод) управления НКВД
по Ленинградской области, 1
декабря:*

«Заступил на пост
вместе с К. М. Паузером у
дома, где проживал
Киров — проспект
Красных зорь, дом 26/28, в
9 часов 30 минут утра. В
16.00 Киров вышел из дому
по направлению к
Троицкому мосту по
правой стороне. Впереди
него шел сотрудник
оперода Трусков, Лазюков и

Паузер сзади, в десяти шагах. У моста Киров сел в свою машину, а охрана — в свою и поехали по маршруту Троицкий мост — набережная Жореса — Литейный проспект. — ул. Войнова — ул. Слуцкого — ул. Тверская — Смольненская площадь. Машина т. Кирова въехала в ворота, а мы задержались у стоянки. Т. Паузер первый выскочил из машины, а я остался сзади него. Тов. Кирова у ворот Смольного встречали Александров, Бальковский

и Аузен (сотрудник
наружного наблюдения),
которые приняли его. Я и
Паузер остались в
вестибюле Смольного
ждать т. Кирова...»

*К. М. Паузер, сотрудник
оперода УНКВД, 1 декабря:*

«На подъезде
Смольного стояли т.
Борисов — оперативный
комиссар, и помощник
коменданта Смольного т.
Погудалов. Все мы, то есть
я, Лазюков, Аузен,
Бальковский, Борисов и

Погудалов, вошли в
вестибюль, довели т.
Кирова до дверей, ведущих
к лестнице на верхние
этажи. Я, т. Лазюков, т.
Погудалов остались у
дверей, а т. Борисов, т.
Аузен и т. Бальковский
отправились по лестнице
за т. Кировым...»

*М. В. Борисов⁴, сотрудник
оперода УНКВД, 1 декабря:*

«...Добравшись до
коридора, я шел по
коридору от него
(Кирова — Ю.Ж.) на

расстоянии 20 шагов. Не доходя двух шагов до поворота в левый коридор, я услышал выстрел. Пока я вытащил револьвер из кобуры и взвел курок, я услышал второй выстрел. Выбежав на левый коридор, я увидел двух лежащих у дверей приемной т. Чудова. Лежали они на расстоянии 3/4 метра друг от друга. В стороне от них лежал наган. В том же коридоре, я видел, находился монтер областного комитета Платоч. Тут же выбежали из дверей работники

областного комитета. Их фамилии я не помню...»

Николаев, показания 9 и 3 декабря:

«...По истечении часа вновь зашел в Смольный⁵, вошел в уборную. Выйдя оттуда, увидел Кирова, направлявшегося в свой кабинет. Это было на третьем этаже здания, было примерно 4 часа 30 минут вечера...»

«Выйдя из уборной, я увидел, что навстречу мне, по правой стороне

коридора, идет С. М. Киров на расстоянии от меня 15–20 шагов. Я остановился и отвернулся к нему задом, так что когда он прошел мимо меня, я смотрел ему вслед в спину. Пропустив Кирова от себя шагов на 10–15, я заметил, что на большом расстоянии от нас никого нет. Тогда я пошел за Кировым вслед, постепенно нагоняя его. Когда Киров завернул за угол налево к своему кабинету, расположение которого мне было хорошо известно, вся половина

коридора была пуста — я побежал шагов за пять, вынув наган на бегу из кармана, навел дуло на голову Кирова и сделал один выстрел в затылок. Киров мгновенно упал лицом вниз. Я повернул назад, чтобы предотвратить нападение на себя сзади, взвел курок и сделал выстрел, имея намерение попасть себе в висок. В момент взвода курка из кабинета напротив вышел человек в форме ГПУ, и я поторопился выстрелить в себя. Я почувствовал удар в

голову и свалился...»

*С. А. Платоч, монтер
Смольного, из показаний 1 декабря:*

«...Дойдя по коридору до угла левого коридора, мы (с кладовщиком Г. Г. Васильевым — Ю.Ж.) увидели, что с нами поравнялся т. Киров. Васильев попросил меня закрыть стеклянную дверь на левом коридоре, которая ведет в 4-ю столовую. Я побежал впереди Кирова шагов на 8, вдруг услышал сзади выстрел. Когда я

обернулся, раздался второй выстрел. Я увидел, что т. Киров лежит, а второй медленно сползает на пол, опираясь на стену. У этого человека в руках находился наган, который я взял у него из рук. Когда я у стрелявшего в т. Кирова брал наган, он был как будто без чувств».

*Г. Г. Васильев, кладовщик
Смольного, из показаний 1 декабря:*

«...Я направлялся к себе в комнату. По дороге вижу, что идет т. Киров. Я

счел неудобным, что стеклянная дверь открыта, и послал встретившегося мне Платоча, чтобы он ее закрыл, и продолжал идти к себе в комнату. Не успел я сделать двух шагов, как раздался выстрел. Я повернул обратно, добежал до угла левого коридора, как раздался второй выстрел, и я увидел, что лежат двое. Я схватился за голову и подумал, что, наверное, т. Кирова убили, но туда я не побежал до выстрела...»

*М. Д. Лионикин, инструктор
Ленинградского горкома (тот самый
человек в форме ГПУ), из показаний 1
декабря:*

«Я в момент
выстрелов находился в
прихожей секретного
отдела областного
комитета. Раздался первый
выстрел, я бросил бумаги,
приоткрыл дверь, ведущую
в коридор, увидел человека
с наганом в руке, который
кричал, размахивая
револьвером над головой. Я
призакрыл дверь. Он
произвел второй выстрел и

упал. После этого я и
работники секретного
отдела вышли из прихожей
в коридор. В коридоре на
полу против двери в
кабинет т. Чудова лежал т.
Киров вниз лицом, а сзади,
на метр отступя, лежал
стрелявший в него человек
на спине, широко раскинув
руки в стороны. В коридоре
уже много собралось
товарищей, в том числе тт.
Чудов, Кодацкий, Позерн⁶ и
т.д. Срочно была вызвана
врачебная помощь.
Стрелявший начал
шевелиться,

приподниматься. Я его поддержал, и начали обыскивать, отнесли в изолированную комнату (информационный отдел, № 493). В это же время другие отнесли раненого т. Кирова в его кабинет».

А. М. Дурейко, сотрудник оперода УНКВД, показания 1 декабря:

«...Узнав, что приехал т. Киров, я пошел по коридору (третьего этажа — Ю.Ж.). Я направлялся навстречу т.

Кирову. Его сзади сопровождал т. Борисов. Через некоторое время, две-три минуты, раздались один за другим два выстрела. Побежавши на выстрелы, я увидел двух, лежавших на полу. Тут набежало много народу, главным образом сотрудники областного комитета, здесь же я увидел т. Чудова. Я бросился к стрелявшему и тут же начал его обыскивать. У него при обыске был найден ряд документов. Во время

прохода т. Кирова по коридору по нему ходило много народу...»

Таковы установленные вечером 1 декабря 1934 г. факты, на которые еще не мог повлиять, далее если бы того и хотел, Сталин. Ведь пока он находился в Москве, в своем кремлевском кабинете, и узнал об убийстве Кирова уже после того, как начался допрос свидетелей. Дополняющие и одновременно подтверждающие друг друга показания десяти очевидцев полностью опровергают, по сути единственную бытующую версию событий.

В половине пятого вечера 1 декабря в коридорах, ведущих к кабинету Кирова, было довольно многолюдно. Необходимо опровергнуть еще одну легенду, твердо закрепившуюся в литературе. Борисов отнюдь не являлся телохранителем («прикрепленным») Кирова. Ему, одному из многих сотрудников охраны Смольного, вменялось сопровождение члена политбюро только от подъезда здания до кабинета и обратно. Практически аналогичные обязанности, но лишь применительно к большому и малому (левому) коридорам третьего этажа, исполнял и сотрудник оперода

УНКВД А. М. Дурейко.

*А. Л. Молочников, начальник
экономического отдела (ЭКО)
УНКВД, объяснительная записка от
9 декабря:*

«Первого декабря сего года, будучи в кабинете т. Медведя, около 4 часов 30 минут позвонил телефон. Тов. Медведь положил трубку, распорядился вызвать машину, так как его вызвал т. Киров. Через 3–5 секунд раздался второй телефонный звонок. Тов. Медведь с первых же слов, бросив трубку, крикнул: „В

Кирова стреляли!“ — и тут же сорвался с места и вместе с вбежавшим т. Фоминым⁷, которому, очевидно, тоже позвонили, убежал. По аппарату никаких распоряжений не было. Поскольку большое количество сотрудников управления имело билеты на актив, я тут же по своему отделу дал распоряжение всем быть на месте. То же я предложил сделать Лобанову по ОО (особому отделу — Ю.Ж.). Минут через 20 я получил распоряжение выслать 30

сотрудников в Смольный, что было тут же выполнено. Вместе с сотрудниками в Смольный поехал и я. В Смольном я узнал, что убийца жив и отправлен в НКВД. В самом Смольном я узнал, что при убийце найден ряд документов, в том числе и партбилет. Минут через 40 после моего приезда т. Медведь поручил мне и т. Губину⁸ допросить комиссара Борисова и выяснить подробности покушения. Я попросил одного из комиссаров

указать мне или привести т.
Борисова. Ко мне привели
человека в штатском лет
50-ти...»

Между тем обозначилась первая
подлинная странность следствия.
Ровно через 15 минут после рокового
выстрела, в 16.45, в здании
управления НКВД по Ленинграду и
области (Литейный проспект, дом 4)
заместитель начальника 4-го
отделения секретно-политического
отдела УНКВД Л. Коган уже начал
допрос... Милды Драуле, жены
Николаева. Четверть часа — это
ровно столько времени, сколько
требуется для того, чтобы спуститься

с 3-го или 2-го этажа Смольного, сесть в машину и проехать практически по прямой, по улице Войнова до здания УНКВД, подняться на два или три этажа. Однако в протоколе допроса Драуле не сохранились те листы, на которых, без сомнения, можно было бы найти и сведения о месте ее задержания и объяснение причины допроса прежде всего ее. Протокол содержит лишь общие обязательные данные — кто, где, когда, кого допрашивает, а также самую общую характеристику, которую дала Милда Драуле своему мужу, Николаеву.

Только час спустя начался допрос свидетелей в Смольном.

*Из рапорта начальника
транспортного отдела УНКВД
Перельмута от 4 декабря:*

«1/XII-34 г., около
17.00 начальник отделения
оперода Хвиюзов передал
мне приказание т. Медведь
прибыть с группой
сотрудников в Смольный
(произвести допрос
Борисова и других). Я
допрашивал двух
сотрудников обкома (на
самом деле А. П. Бауэр-
Румянцеву и двух
сотрудников оперода,
П. П. Лазюкова и

К. М. Паузера — Ю.Ж.). Продолжать допросы других сотрудников не мог, так как был вызван в управление для организации охраны пути следования специальных поездов и обеспечения встречи их на вокзале...»

В эти же часы Молочников допрашивал М. В. Борисова, С. А. Платоча, Г. Г. Васильева, А. М. Дурейко, а начальник управления милиции Ленинграда и области Л. Жупахин — М. Д. Лионюка и других.

Самого же убийцу, Николаева,

допрашивать было невозможно. Как свидетельствует медицинский акт, составленный врачами, вызванными в УНКВД, даже в 18.40 Николаев все еще оставался в шоке: «...Пульс 80 ударов в минуту; на вопросы не отвечает, временами стонет и кричит; в данный момент имеются явления общего нервного возбуждения». Николаева пришлось положить на носилки и в санитарном автомобиле в 19.00 его доставили во 2-ю ленинградскую психиатрическую больницу. Там же установили: исследуемый «в состоянии истерического припадка, при сильном сужении поля сознания; наблюдается ожог левой ноздри

(нашатырь) и значительное выделение слюны. К 21 часу он настолько пришел в себя, что представилась возможность сделать ему две ванны с последующим душем и переодеванием. Замечалась все время театральность поведения. Заключаем, что Николаев находился в кратковременном истерическом реактивном состоянии. Реактивное состояние: две фазы.

1) судороги (впоследствии симуляция);

2) в дальнейшем возможно повторение истерических припадков».

Несмотря на это, еще в 18.20 Ф. Д. Медведь подготовил в

Смольном первое донесение в
Москву. Оно гласило:

«Наркомвнудел
СССР — тов. Ягода. 1
декабря в 16 часов 30
минут в здании Смольного
на 3-м этаже в 20 шагах от
кабинета тов. Кирова
произведен выстрел в
голову тов. Кирову шедшим
навстречу ему
неизвестным, оказавшимся
по документам
Николаевым Леонидом
Васильевичем, членом
ВКП(б) с 1924 г., рождения
1904 г. Тов. Киров

находится в кабинете. При нем находятся профессора-хирурги Добротворский, Феертах, Джанелидзе и другие врачи. По предварительным данным, тов. Киров шел с квартиры (ул. Красных зорь) до Троицкого моста. Около Троицкого моста сел в машину в сопровождении разведки (охраны — Ю.Ж.), прибыл в Смольный. Разведка сопровождала его до третьего этажа. На третьем этаже тов. Кирова до места происшествия сопровождал

оперативный комиссар
Борисов. Николаев после
ранения тов. Кирова
произвел второй выстрел в
себя, но промахнулся.
Николаев опознан
несколькими работниками
Смольного (инструктором-
референтом отдела
руководящих работников
обкома Владимировым Вас.
Тих. и др.) как работавший
ранее в Смольном. Жена
убийцы Николаева по
фамилии Драуле Милда,
член ВКП(б) с 1919 г., до
1933 г. работала в обкоме
ВКП(б). Арестованный

Николаев отправлен в управление НКВД ЛВО (Ленинградского военного округа — Ю.Ж.). Дано распоряжение об аресте Драуле. Проверка в Смольном производится»⁹.

Эта телеграмма была получена в Москве и расшифрована в 19 часов 15 минут.

Только около одиннадцати часов вечера начальник УНКВД Медведь, замначальника Фомин, начальник ЭКО УНКВД Молочников, замначальника ОО ЛВО Янишевский и замначальника СПО УНКВД Стромин смогли приступить к

допросу Николаева.

Из протокола:

«Вопрос: Сегодня, 1 декабря, в коридоре Смольного, вы стреляли из револьвера в секретаря ЦК ВКП(б) тов. Кирова. Скажите, кто вместе с вами является участником в организации этого покушения?

Ответ: Категорически утверждаю, что никаких участников в совершении мною покушения на тов. Кирова у меня не было. Все это я подготовил один, и в

мои намерения никогда я никого не посвящал.

Мысль об убийстве Кирова у меня возникла в начале ноября 1934 г. ... Причина одна — оторванность от партии, от которой меня оттолкнули (исключение 8 месяцев назад)... Цель — стать политическим сигналом перед партией, что на протяжении последних 8—10 лет на моем пути жизни и работы накопился багаж несправедливого отношения к живому человеку. Эта историческая

миссия мною выполнена. Я должен показать всей партии, до чего довели Николаева... План совершения покушения — никто мне не помогал в его составлении... Я рассматривал покушение как политический акт. Чтобы партия обратила внимание на бездумно бюрократическое отношение к живому человеку... Я сделал это под влиянием психического расстройства и сугубого впечатления на мне событий в институте (Истории

партии — Ю.Ж.)
(исключение из партии)...»

На следующий день при очередном допросе, Николаев так дополнил свои объяснения:

«Я не предполагал, что, совершив убийство, мне не удастся покончить жизнь самоубийством. Кроме того, подобными записями (дневником) я подготавливал себя морально к совершению убийства и самоубийства».

Изучение бумаг, оказавшихся у Николаева при себе, дополнило

складывавшуюся картину психического склада преступника. Оказалось, что убийство он замыслил не в начале ноября, а гораздо раньше. Что еще 14 октября, накануне того дня, когда его у дома на проспекте Красных зорь, в котором жил Киров, задержали сотрудники оперода как подозрительную личность, но, проверив документы, по распоряжению начальника отдела А. А. Губина отпустили, он написал предсмертную записку:

«Дорогой жене и
братьям по классу! Я
умираю по политическим

убеждениям, на основе исторической действительности.

Поскольку нет свободы агитации, свободы печати, свободы выбора в жизни и я должен умереть. Поскольку и ЦК (Политбюро) не подоспеет, ибо там спят богатырским сном».

Теми же мыслями был проникнут столь же косноязычно изложенный его дневник, который Николаев вел, по его признанию, с помощью жены.

В 22.30 в Москву, наркому Ягоде,

ушла вторая телеграмма, подписанная Медведем. В ней кратко излагались показания Милды Драуле, относившиеся только к ее мужу. В частности, о том, что, когда Николаева исключили из партии, у него уже имелось зарегистрированное оружие. Спустя два часа, в 0.40 2 декабря, начальник ленинградского управления НКВД отправил Ягоде еще одну телеграмму:

«В записной книжке Николаева запись: „герм. тел. 169-82, ул. Герцена 43“» (это действительно адрес германского консульства)^{[10](#)}.

В полночь первого дня следствия обозначились три наиболее возможные версии, объясняющие трагическое происшествие. Во-первых, убийство на почве ревности. Это и сегодня подтверждается косвенными фактами. Например, допросом Милды Драуле ровно через пятнадцать минут после убийства Кирова. То есть тем, что следователям не требовалось выяснять, есть ли у Николаева жена, а если есть, кто она, где ее нужно искать. Очевидно, что Драуле не только находилась в тот роковой момент, скорее всего, в Смольном, но ее считали прямо причастной к

убийству. О том же свидетельствует и одна из записей в дневнике Николаева: «М., ты бы могла предупредить многое, но не захотела». В пользу этой же версии говорит и странная неполнота первого протокола допроса Драуле, отсутствие в деле обязательного плана места преступления.

Однако следствие сразу же и без проверки отказалось от такой версии. Видимо, потому, что она бросала тень на моральный облик одного из лидеров партии, подтверждала и без того ходившие по городу разговоры о частых кутежах Кирова с женщинами во дворце Кшесинской.

По-иному отнеслось следствие к «германскому следу», обнаруженной связи Николаева с германским консулом. Обратить внимание на эти отношения, более чем странные, заставило следующее. Рано утром 2 декабря консул Германии Рихард Зоммер внезапно, без обычной процедуры уведомления уполномоченного наркомата иностранных дел, выехал в Финляндию. Он покинул СССР практически сразу же после того, как городское радио передало сообщение об убийстве Кирова, правда, не назвав фамилии Николаева.

Первые же шаги по разработке данной версии обнаружили еще один

весьма настораживающий факт. Оказалось, что Николаев несколько раз посещал германское консульство, после чего направлялся в магазин Торгсина, где оплачивал покупки дойчмарками. Правда, такое расследование сразу же приняло довольно своеобразную форму.

5 декабря Николаева начали расспрашивать о визите в... латвийское консульство.

Из протокола допроса:

«Это было за
несколько дней до
проведения опытной
газовой атаки в городе. В
справочном бюро я

получил номер телефона и
адрес консульства...»

Объяснил же Николаев свое
необычное желание так: консулу
сказал, что «должен получить
наследство... являюсь латышом,
говорил на ломаном русском языке».

6 декабря Николаева начали
расспрашивать о другом, реальном
визите:

«— Когда вы
обратились в германское
консульство?

— Это было спустя
несколько дней после
посещения латвийского

консульства. В телефонной книжке я установил номер телефона германского консульства и позвонил туда. С консулом мне удалось переговорить лишь после неоднократных звонков.

— Какой вы имели разговор с консулом?

Я отрекомендовался консулу украинским писателем, назвал при этом вымышленную фамилию, просил консула связать меня с иностранными журналистами, заявил, что в результате путешествия

по Союзу имею разный
обозрительный материал,
намекнул, что этот
материал хочу передать
иностранным журналистам
для использования в
иностранной прессе. На
все это консул ответил
предложением обратиться в
германскую миссию в
Москве. Эта попытка
связаться с германским
консульством, таким
образом, закончилась
безрезультатно...»

Следователи столь простыми,
аполитичными объяснениями

Николаева не удовлетворились. И Ежов, выступая с заключительным словом на февральско-мартовском пленуме 1937 г., имел все основания сказать по поводу убийства Кирова: чекисты «на всякий случай страховали себя еще кое-где и по другой линии, **по линии иностранной** (выделено мной — Ю.Ж.), возможно, там что-нибудь выскочит»[11](#).

Действительно, следствие три недели разрабатывало данную версию, претерпевшую странные метаморфозы. Всякий раз чекисты заставляли Николаева говорить лишь о латвийском консульстве. 20 декабря: я «просил консула связать

нашу группу с Троцким... На встрече третьей или четвертой — в здании консульства — консул сообщил мне, что он согласен удовлетворить мои просьбы и вручил мне пять тысяч рублей»... 23 декабря: латвийский консул «деньги дал для подпольной работы...» Наконец, 25 декабря на вопрос о том, как зовут латвийского консула, ответил: «Не могу вспомнить, его фамилия типично латышская». Но зато Николаев наконец сообщил дату первого визита к латвийскому консулу — 21 или 22 сентября 1934 г.

Таким образом, чекисты не отказались вплоть до окончания следствия от «германского следа» —

факта получения денег в консульстве, однако более чем своеобразно интерпретировали имеющиеся данные. Все переадресовали консулу Латвии, весьма возможно, чтобы не вызвать ухудшения отношений с Германией, и без того непростых после обвинения в шпионаже и диверсиях германского генерального консула в Одессе Гана и пяти граждан Германии — сотрудников посреднической фирмы «Контроль К^о», осуществлявшей закупки зерновых в СССР¹².

Медведь на допросах Николаева 1 и 2 декабря, а 3 декабря сменивший его замнаркома НКВД Агранов¹³ упорно придерживались иной

версии. Настоячиво добивались от Николаева признания, что он убил Кирова только по личным мотивам, благо биография убийцы, обнаруженные у него письма и дневники давали тому предостаточно оснований.

Леонид Васильевич Николаев родился в Петербурге 18 мая 1904 г. Отец кустарь, умер задолго до революции. Мать — Николаева Мария Тихоновна, 1870 г. р., беспартийная, работала уборщицей трамвайного парка. Жена — Драуле Милда Петровна, 1901 г. р., из крестьян Лужского уезда, член ВКП(б) с 1919 г. Двое детей — сын Маркс 1927 г. р. и сын Леонид 1931 г.

р. Проживал Николаев с женой и детьми по адресу: Ленинград, улица Батенина, дом 9/39, квартира 17.

Из показаний Милды Драуле от 1, 2 и 3 декабря:

«В детстве Николаев был болезненным, до семилетнего возраста не ходил. Учился в Петрограде, школу — высшее городское училище — не окончил. Приблизительно с двенадцати лет был отдан в учение частнику-кустарю на Выборгской стороне. После революции опять

„где-то“ учился. В годы гражданской войны уехал на Волгу, там в „каком-то сельсовете“ был писарем».

Вернулся в Петроград в 1922 г., работал в Выборгском райкоме комсомола, затем техническим секретарем комсомольской ячейки на заводе «Красная заря». В 1924 г. направлен в Лугу заведующим общим отделом укома комсомола. Там познакомился с Милдой Драуле, работавшей в укоме партии, вступил с нею в брак в 1925 г.

С конца 1925 г. Николаев снова в Ленинграде. Работал на освобожденных комсомольских

должностях в Конторучете, одном из научных институтов, на заводах «Красная заря», № 7 (бывший «Арсенал») культпропагандистом цеховой ячейки, им. Карла Маркса. В 1930 г. направлен в Восточно-Сибирский край на хлебозаготовки.

В начале 1931 г. Л. В. Николаев вернулся в Ленинград, работал референтом оргинструкторского отдела обкома ВКП(б), заведующим финансовым сектором областного совета общества «Долой неграмотность», в 1932–1933 гг. — инспектором областной РКИ, с сентября 1933 г. по апрель 1934-го — разъездным инструктором областного Истпарта, откуда уволен

и где исключен из партии за отказ подчиниться решению о мобилизации «на транспорт», для работы в одном из политотделов какой-либо железной дороги. По апелляции 17 мая восстановлен Смольненским райкомом ВКП(б) в партии, но со строгим выговором, занесенным в учетную карточку. 5 июня подал апелляцию в горком, но получил отказ. 3 августа послал апелляцию и письмо на имя Сталина в Москву, в ЦК ВКП(б), откуда ответ так и не получил.

Из показаний Драуле от 1 декабря:

«...С

момента

исключения его
(Николаева — Ю.Ж.) из
партии он впал в
подавленное настроение,
находился все время в
ожидании решения его
вопроса, о его выговоре в
ЦК и нигде не хотел
работать. Он обращался в
районный комитет, но там
ему работу не дали. На
производство он не мог
пойти по состоянию
здоровья — у него
неврастения и сердечные
припадки...»

Из показаний М. Л. Николаевой

от 11 декабря:

«...В материальном положении семья моего сына Леонида Николаева не испытывала никаких затруднений. Они занимали отдельную квартиру из трех комнат в кооперативном доме, полученную в порядке выплаты кооперативного пая. Дети были также полностью обеспечены всем необходимым, включая молоко, масло, яйца, одежду и обувь. Последние 3—4 месяца

Леонид был безработным, что несколько ухудшило обеспеченность его семьи, однако даже тогда они не испытывали особой нужды».

Из показаний Драуле от 1 и 3 декабря:

«Читая книги, он делал иногда заметки, писал несколько раз свою автобиографию, причем один раз переписал ее печатными буквами. На мой вопрос, для чего он это делает, он объяснил мне,

что хочет, чтобы старший сын Маркс мог ее читать и изучать. Высказывал желание придать изложению автобиографии литературный характер, для этого читал Толстого, Горького и других авторов с целью усвоения, как он мне говорил, их стиля...

У него были настроения недовольства по поводу исключения его из партии, однако они никогда не носили антисоветского характера. Это была, скорее, обида за нечуткое, как он говорил,

отношение к нему. В последнее время Николаев был в подавленном состоянии, больше молчал, мало со мной разговаривал. На настроение его влияло еще неудовлетворительное материальное положение и отсутствие возможности с его стороны помочь семье...»

«...Человек он нервный, вспыльчивый, однако эти черты особо резких форм не принимали. У него бывали иногда сердечные припадки. Истерических

припадков не было. Он вел дневник. Последний раз я знакомилась с его дневником летом...».

«Сначала мы условились писать о детях, а затем дневник стал отражать упадочные настроения Николаева, который выражал тревогу по поводу материальной необеспеченности семьи... До августа 1934 г. я принимала участие в записях, в августе я находилась в отпуску в Сестрорецке, после отпуска не помню,

принимала ли участие...»

Из показаний Николаева от 16 и 17 декабря с пояснением содержания своих записей:

«В письме „Мой ответ перед партией и отечеством“ я сравнивал себя с Андреем Желябовым, говорил: „Я веду подготовку (убийства Кирова — Ю.Ж.) подобно Желябову“».

«Уподобляя себя деятелю освободительного движения эпохи Екатерины Второй Радищеву, я писал

(в дневнике — Ю.Ж.), что „его сила была в том, что он не мог равнодушно молчать, видя непорядки“».

Но не только подобные, бесспорные факты давали все основания и дальше разрабатывать чисто бытовую версию мотива убийства Кирова. Казалось, даже судьба близких родственников Николаева складывалась как по заказу для подтверждения именно такой версии в близком будущем. Его единоутробный брат, Петр Алексеевич, командир отделения батальона связи 58-го полка, расквартированного в Ленинграде,

дезертировал 14 ноября. Он опасался ответственности за растрату тридцати рублей, выданных ему на покупку трансформатора. Брат Милды Драуле, Петр Петрович, счетный работник 8-го отделения милиции города Ленинграда, в апреле 1934 г. за растрату был осужден, уже отбывал срок наказания в исправительно-трудовом лагере города Свободный, Дальне-Восточный край, на строительстве БАМа.

И все же Агранов решительно отказался не только от весьма сомнительной по политическим мотивам «иностранный» версии, но и от бытовой, которая могла бы

удовлетворить всех.

Только вечером 4 декабря, когда Сталин уже вернулся в Москву, направленность следствия резко изменилась. Оно впервые получило — «агентурным путем» — от Николаева фамилии людей вне семейного круга, тех, с кем обвиняемый более десяти лет назад работал в Выборгском райкоме комсомола. Более того, в тот же день и сам Николаев подтвердил «агентурные данные».

Вопрос: Какое влияние на ваше решение убить Кирова имели ваши связи с оппозиционерами-

троцкистами?

Ответ: На мое решение убить Кирова повлияли мои связи с троцкистами Шатским, Котолыновым, Бардиным и другими.

Получив такое «признание», Агранов незамедлительно сообщил в Москву Сталину и Ягоде:

«...Выяснено, что его (Николаева — Ю.Ж.) лучшими друзьями были троцкист Котолынов Иван Иванович и Шатский Николай Николаевич, от

которых многому научился. Николаев говорил, что эти лица враждебно настроены к тов. Сталину. Котолынов известен Наркомвнуделу как бывший троцкист-подпольщик. Он в свое время был исключен из партии, а затем восстановлен. Шатский — бывший анархист, был исключен в 1927 г. из рядов ВКП(б) за контрреволюционную деятельность. В партии не восстановлен. Мною дано распоряжение об аресте Шатского и об

установлении
местопребывания и аресте
Котолынова. В записной
книжке Леонида Николаева
обнаружен адрес Глебова-
Путиловского.

Установлено, что Глебов-
Путиловский в 1923 г. был
связан с
контрреволюционной
группой „Рабочая правда“.
Приняты меры к
выяснению характера связи
между Николаевым и
Глебовым-Путиловским. В
настоящее время Глебов-
Путиловский — директор
антирелигиозного

Несмотря на появление у следователей новой, чисто политической версии, позволявшей связать убийцу с троцкистской оппозицией, советская пропаганда придерживалась первоначальной оценки трагедии, относительно нейтральной, появившейся в газетах еще 2 декабря. Убийство объявлялось делом «врагов рабочего класса, советской власти, белогвардейцев». Даже 6 декабря, выступая на похоронах Кирова в Москве, Молотов заявил: в его смерти повинны некие абстрактные «враги рабочего класса, его белогвардейские подонки, его

агенты из-за границы»¹⁵. Такое мнение настойчиво и довольно весомо подкреплялось газетными сообщениями о проходивших в те дни в Москве, Ленинграде, Минске «ускоренных» судебных процессах над подлинными белогвардейцами, проникшими в СССР нелегально, обвинявшимися в подготовке террористических актов.

Тем временем верхушка ГУГБ НКВД СССР, оставшаяся в Ленинграде, — Я. С. Агранов, начальник ЭКО Л. Г. Миронов, замначальника СПО Г. С. Люшков, помощник начальника ЭКО Д. М. Дмитриев — стала настойчиво разрабатывать как основную

политическую версию. Арестовали, допросили не только Шатского, но и Котолынова — студента Политехнического института, в недалеком прошлом члена ЦК ВЛКСМ и исполкома Коммунистического Интернационала молодежи. Это позволило практически сразу же выйти на качественно новый уровень подозреваемых, тех, кто не только давным-давно работал с Николаевым в Выборгском райкоме комсомола, Лужском укоме либо сталкивался с ним опять же по работе в Ленинградском горкоме, но и, быстро выдвинувшись в руководство ВЛКСМ, действительно был связан с

зиновьевской оппозицией, открыто блокировался с троцкистами.

В своих откровенных показаниях — ибо они и не предполагали, как те будут использованы и к каким последствиям приведут для них самих и очень многих других — Н. Н. Шатский, И. И. Котолынов, В. В. Румянцев, В. И. Звездов, И. С. Антонов, Г. В. Соколов, И. Г. Юскин, Л. О. Ханник, А. И. Толмазов, А. И. Александров отнюдь не скрывали общеизвестных фактов. Рассказывали о своих прежних близких знакомствах по Ленинградскому губкому и Северо-Западному бюро ЦК ВКП(б), тем

самым партийным органам, которые долгие годы возглавлял Зиновьев. Среди прочих был назван и А. М. Гертик, в то время проживавший в Москве и работавший помощником управляющего Объединенным научно-техническим издательством. Его арестовали 8 декабря, а два дня спустя во время допроса он назвал среди своих близких товарищей по партии И. П. Бакаева — в 1923–1924 гг. председателя Петроградской губернской контрольной комиссии РКП(б), активного участника «новой оппозиции», а перед арестом — управляющего Главэнергосети, и Г. Е. Евдокимова — в 1923–1924 гг.

заместителя председателя
(Зиновьева) Петросовета, в 1925-м —
первого секретаря Ленинградского
губкома, в 1926-м — секретаря ЦК и
члена оргбюро ЦК ВКП(б). За этим
последовала новая волна арестов,
допросов. Наконец, 14 декабря
следователи впервые зафиксировали
в протоколах очередных показаний
фамилии Г. Е. Зиновьева,
Л. Б. Каменева, Г. И. Сафарова — в
1922–1926 гг. редактора
«Ленинградской правды», активного
участника «новой оппозиции», после
признания ошибок и восстановления
в партии направленного на работу в
ИККИ, а также многих других,
арестованных только два-три года

спустя.

Своеобразным подарком следствию стало прежде всего то, что практически у большинства арестованных при обыске находили оружие. Один, два, а то и три-четыре револьвера, вполне законно остававшихся у их владельцев после гражданской войны, но теперь становившихся бесспорным доказательством подготовки терактов. Кроме того, у всех имелась литература, однозначно оценивавшаяся как «контрреволюционная» — «Платформа» группы Рютина, различные заявления и групповые письма вождей оппозиции в адрес

съездов партии, ЦК ВКП(б). Мало того, у арестованного тогда же, в середине декабря, К. Н. Емельянова обнаружили хранимый им архив «ленинградской» оппозиции.

Все это вело к неизбежному. Следователям лишь оставалось получить, зафиксировав протоколами допросов, столь нужные при создавшейся ситуации данные о подлинных настроениях в среде сторонников Зиновьева, так и не отказавшихся от своих прежних убеждений и взглядов.

*Из показаний И. С. Горшенина
от 21 декабря:*

«По вопросам

международной политики
и деятельности
Коминтерна московский
зиновьевский центр
придерживался следующих
установок:

а) фашистский
переворот в Германии и
приход к власти Гитлера
объяснялись неправильной
политикой Коминтерна и
ЦК ВКП(б)...

б) венское восстание
(выступление
щуцбупдовцев), по мнению
Зиновьева и других членов
нашего центра,
использовано

Коминтерном для
укрепления компартии
Австрии тоже не было...

в) относительно
революции в Испании
существовало мнение, что
и в данном случае
Коминтерн сыграл
пассивную роль...»

*Из показаний В. В. Тарасова от
22 декабря:*

«Страна находится в
тяжелом положении.
Руководство партии не
видит выхода из этого
положения. Сталин ведет

страну к тому, чтобы
ввязаться в войну, исходя
при этом из того
положения, что лучше
погибнуть в войне с
буржуазией, нежели
вследствие провала
внутренней политики,
являющейся результатом
неправильного
руководства... Сталин
ведет пролетарскую
революцию к гибели».

*Из показаний В. В. Румянцева от
22 декабря:*

«В случае

возникновения войны
современному руководству
ВКП(б) не справиться с
теми задачами, которые
встанут, и неизбежен
приход к руководству
страной Каменева и
Зиновьева».

*Из показаний Г. Е. Евдокимова
от 24 декабря:*

«...В ноябре 1934 г. он
(Зиновьев — Ю.Ж.)
критиковал работу по
созданию единого фронта,
обвиняя французскую
компартию и тем самым

руководство Коминтерна в том, что во Франции они идут на единый фронт...»

*Из показаний И. С. Горшенина
от 25 декабря:*

«В основе нашей критики международной политики ЦК ВКП(б) лежала предпосылка, что т. Сталин сознательно не активизирует деятельность Коминтерна, переносит центр всего внимания на официальную наркомдельскую дипломатию и по существу

приносит в жертву идеи построения социализма в одной стране, интересы мировой революции».

Однако и Зиновьев, и Каменев категорически отказывались признавать даже факт обсуждения каких-либо политических вопросов со своими старыми соратниками. Так, 21 декабря Каменев заявил:

«Мое твердое убеждение в устойчивости и обороноспособности нашей страны основывалось на том, что крестьянство приняло

колхозный строй и
убедилось в его реальной
выгоде, а меры,
проводимые
правительством в
международной политике,
в частности вступление в
Лигу наций и сближение с
Францией, укрепляют наше
международное положение
и ослабляют опасность
войны».

Зато Николаев с готовностью
соглашался со всем тем, что ему
навязывало следствие как признание.

Подтверждал то, что отрицал
первые три дня после убийства

Кирова. 18 декабря сказал: «Да, я принадлежал к зиновьевско-троцкистской контрреволюционной организации». Но вместе с тем повторял и свои прежние утверждения. 17 декабря заявил на допросе: «По вопросу о войне я утверждал, что опасности войны для Советского Союза нет, между тем партия непрерывно указывает на огромную угрозу войны».

Открыто проявилось принципиально новое определение «причины» убийства Кирова сразу же после ареста 16 декабря Зиновьева и Каменева. На следующий же день и в передовице «Правды», и в небольшой заметке,

опубликованной там же, о
состоявшемся накануне пленуме
Московского комитета партии
появилось фактически одно и то же
объяснение. То, которое и
утвердилось на последующие
двадцать лет:

«Гнусные, коварные
агенты классового врага,
подлые подонки бывшей
зиновьевской
антипартийной группы
вырвали из наших рядов
тов. Кирова».

И все же слишком многое
свидетельствовало даже тогда, что

политическая версия служила далеким от поиска истины целям и не отражала истинного представления тех, кто руководил следствием, о сути трагического события. Ведь и после появления закрытого письма «ко всем организациям партии» — «Уроки событий, связанных со злодейским убийством С. М. Кирова» (17 января 1935 г.) Ягода позволил себе в закрытом письме по НКВД от 26 января, не упоминая практически о «зиновьевцах», утверждать иное. Мол, и в ленинградском управлении НКВД, и в 4-м отделении его оперативного отдела, занимавшегося исключительно охраной Кирова и

здания Смольного, царили «преступная бездеятельность», «благодушие», «самоуспокоенность». Если бы, делал Ягода вывод, служба охраны действовала «строго по инструкции», то убийства Кирова не произошло бы. Даже Агранов, возглавлявший следствие, лично допрашивавший многих подозреваемых, уже после процессов, 3 февраля, на оперативном совещании в НКВД довольно недвусмысленно отметил: «Нам не удалось доказать, что „московский центр“ знал о подготовке террористического акта против тов. Кирова»¹⁶.

Откровенная двойственность в

оценке результатов следствия, продолжавшегося месяц, в известной степени объясняет и количество последовавших за ним судебных процессов — пяти по фактически одному уголовному делу. На них откровенно превалировала политическая заданность, желание во что бы то ни стало обезглавить, сокрушить бывшую зиновьевской оппозицию и решить эту задачу исключительно судебным путем.

Через три недели после выстрела в Смольном, 22 декабря, центральные газеты СССР опубликовали сообщение «В народном комиссариате внутренних дел». Оно информировало, что

предварительное расследование убийства Кирова закончено и дело передано в военную коллегияу Верховного суда СССР.

«Установлено, — отмечалось в сообщении, — что убийство тов. Кирова было совершено Николаевым по поручению террористического подпольного „Ленинградского центра...“ Мотивами убийства тов. Кирова явилось стремление добиться таким путем изменения нынешней политики в духе так называемой зиновьевско-троцкистской платформы...»¹⁷

Первый процесс оказался на редкость непродолжительным. Он начался 28 декабря в 14 час, 20 мин.,

а завершился в 5 час. 45 мин. 29 декабря. Завершился неизбежным приговором, вынесенным выездной сессией военной коллегии Верховного суда СССР, «за организацию и осуществление убийства тов. Кирова» четырнадцати обвиняемых к расстрелу. Причем не только Николаева — единственного, чья вина была бесспорна, но еще и его бывших товарищей по комсомольской работе, тех самых, кого выявило следствие как просто близких знакомых Николаева: Н. С. Антонова, В. И. Звездова, И. Г. Юскина, Г. В. Соколова, И. И. Котолынова, Н. Н. Шатского, А. И. Толмазова, И. П. Мясникова,

Л. О. Ханика, В. С. Левина,
Л. И. Сосицкого, В. В. Румянцева,
С. О. Мандельштама.

Сегодня их обвинение в прямом соучастии слишком уж напоминает ритуальное жертвоприношение при похоронах племенного вождя. Но в конце декабря 1934 г. оно воспринималось иначе, служило более чем веским доводом в пользу существования и террористической подпольной организации, и подготовленного ею заговора и исключало даже самую мысль о возможности действий Николаева в одиночку, да еще по каким-то личным мотивам.

Практически тогда же, в 20-х

числах декабря, руководство НКВД предполагало, если удастся, провести еще один процесс, напрямую связанный с убийством Кирова. Для него намечалась небольшая группа из восьми человек как видных, так и мало кому известных сторонников Зиновьева — И. П. Бакаев, А. М. Гертик, С. М. Гессен, А. С. Куклин, Я. В. Шаров, Л. Я. Файвилович, И. С. Горшенин, В. С. Булах — тех, кто уже в ходе следствия продемонстрировал готовность давать нужные показания. И еще — Милда Драуле, которой предстояло, как можно догадаться, «чистосердечно» подтвердить

прямую связь между зиновьевцами Москвы и Николаевым. Вместе с тем готовилось и заседание Особого совещания, перед которым должны были предстать 137 человек, на чье признание собственной вины рассчитывать не приходилось. Им загодя определили различные меры наказания — от восьми лет ссылки до пяти лет заключения в Суздальский концлагерь либо в Ярославский, Челябинский, Верхнеуральский политизоляторы. В этой группе находились Зиновьев, Каменев, Сафаров, Вардин, Залуцкий, Евдокимов, Федоров. Уверенность высшего руководства страны именно в таком близком

решении была столь сильна, что о нем уведомили и все население — публикацией в газетах 23 декабря очередного сообщения «В народном комиссариате Внутренних дел».

План, не предполагавший прямого обвинения Зиновьева и наиболее известных его сторонников в причастности к убийству Кирова, отвергли три недели спустя. Заменили иным, в соответствии с которым дела семерых видных оппозиционеров перенесли для процесса, а Драуле выделили в отдельное судопроизводство.

Второй и третий процессы проходили также в Ленинграде, 15–16 января 1935 г. На первом из них,

«по делу Зиновьева, Евдокимова, Гертик и других» («Московский центр»), носившем откровенно политическую окраску, предстало 19 человек, в том числе: Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Е. Евдокимов, И. П. Бакаев, А. М. Гертик, А. С. Куклин, И. С. Горшенин, Я. В. Шаров. Если за три недели до того НКВД во всеуслышание заявил, что в отношении большинства из них «следствие установило отсутствие достаточных данных для предания их суду», то теперь якобы нашлись весьма веские факты, подтверждающие вину обвиняемых. Факты столь весомые, что мера наказания колебалась от десяти лет

тюремного заключения (Зиновьеву, Гертику, Куклину, Сахову) до пяти (Каменеву, Башкировой, Браво)¹⁸.

Третий официальный процесс, явившийся следствием убийства Кирова, в те же дни проводило Особое совещание. Оно быстро рассмотрело дела 77 человек, из которых 65 были членами партии (их исключили из рядов ВКП(б) только после ареста), а 57 действительно в прошлом являлись активными участниками оппозиции. Более того, именно в данную группу включили таких непримиримых противников политики сталинской группы, как Г. И. Сафаров, П. А. Залуцкий, А. И. Александров, Я. И. Цейтлин,

К. С. Соловьев, в прошлом в той или иной степени открыто участвовавших в оппозиции, разделявших взгляды и позиции Зиновьева. Вместе с ними попали на скамью подсудимых первая жена Зиновьева — С. Н. Равич, хранитель части зиновьевского архива К. Н. Емельянов, а также чуть ли не все родственники Николаева — его мать М. Т. Николаева, сестры Е. В. Рогачева и А. В. Пантюхина, муж последней В. А. Пантюхин, двоюродный брат Г. В. Васильев, жена брата А. А. Николаева-Максимова.

Подобная пестрота, разноликость группы, представшей

перед Особым совещанием, объяснялась, скорее всего, теми трудностями, которые необходимо было преодолеть и следователям, и только что избранному первым секретарем Ленинградского обкома А. А. Жданову, санкционировавшему все аресты. С одной стороны, требовалось изолировать бывших участников оппозиции, а с другой — хоть как-то доказать предъявляемые им обвинения, чего на обычном, даже закрытом суде добиться вряд ли было возможно. Отсюда, несомненно, и та «мягкость» Особого совещания, председателем которого являлся Агранов. Сорок человек приговорили к заключению в

концлагерь сроком на 5 лет, 7 человек — на 4 года, 25 человек — к ссылке на 5 лет, 4 — на 4 года, 1 — на 2 года¹⁹.

23 января, на этот раз в Москве, военная коллегия Верховного суда СССР определила судьбу бывшего руководства УНКВД по Ленинградской области. Начальника управления Ф. Д. Медведя и его первого заместителя И. В. Запорожца, вообще отсутствовавшего в городе с середины ноября, приговорили к 3 годам тюремного заключения. Начальника оперода А. А. Губина, замначальника особого отдела Д. Ю. Янишевского, начальника 4-го

отделения (охраны) М. И. Котомина, уполномоченных различных отделов Г. А. Петрова, П. М. Лобова, А. М. Белоусенко, А. А. Мосевича — к 2 годам, а еще одного уполномоченного, М. К. Бальцевича — к 10 годам. Так была оценена их «преступная бездеятельность»²⁰.

Наконец, 26 января 1935 г. закрытое постановление ПБ, занесенное в «особую папку», завершило карательные меры по отношению к зиновьевской оппозиции, зарегистрированной секретно-политическим отделом УНКВД по Ленинградской области. 663 бывших сторонников Зиновьева

высылались на 3–4 года на север Сибири и в Якутию, и еще 325 человек переводились из Ленинграда на работу в другие районы страны^{[21](#)}.

Завершилось дело об убийстве Кирова пятым по счету процессом, информация о котором в то время нигде не появилась. 9 марта 1935 г. в Ленинграде выездная сессия военной коллегии Верховного суда СССР «за соучастие в совершении Николаевым теракта» приговорила к расстрелу М. П. Драуле, ее сестру О. П. Драуле 1905 г. р., члена ВКП(б) с 1925 г., работавшую секретарем парткома Выборгского дома культуры, и ее мужа Р. М. Кулинера 1903 г. р., члена ВКП(б) с 1923 г., начальника

планового отдела треста Ленштамп
22.

Итак, за убийством Кирова последовали беспрецедентные, небывалые еще по масштабам аресты, жесточайшие репрессии. На пяти процессах приговорили к расстрелу 17 человек, к тюремному заключению на различные сроки — 76 человек, к ссылке — 30 человек, да к тому же сугубо партийным постановлением к высылке — 988 человек. Затронула же столь суровая кара в подавляющем большинстве бывших участников оппозиции, но лишь зиновьевской.

Следствие по делу об убийстве Кирова и порожденные им процессы

завершились, но слишком многое так и осталось необъясненным, даже в закрытом письме ЦК. И прежде всего, почему столь раздувавшийся шумной пропагандистской кампанией в декабре 1934-го — январе 1935 г. «терроризм», который якобы стал для оппозиции единственным орудием политической борьбы против сталинской группы, не привел к адекватным мерам со стороны узкого руководства? Не привел к изменению штатного расписания и структуры органов охраны высших должностных лиц партии и государства (это все же произошло, но лишь в ноябре 1936 г.)?

Отсутствовал ответ и на самый важный, решающий вопрос: почему именно выстрел в Смольном 1 декабря 1934 г. послужил для Сталина поводом для начала устранения своих политических противников с помощью репрессий? Ведь если принять во внимание то, на чем даже сегодня упорно настаивают последовательные антисталинисты безотносительно к их политической ориентации, — чисто патологические черты характера Сталина, приписываемая ему паранойя, постоянный и безосновательный, безумный страх за свою жизнь, власть, судьбу, то следует оценить два события. Два

события, позволявших Сталину, пожелай он того, начать ликвидацию своих противников более чем на год раньше.

Как достаточно хорошо известно, 18 августа 1933 г. у Сталина начался очередной отпуск, который он решил использовать и для ознакомительной поездки по стране. Из Москвы Сталин выехал поездом «особой нормы» в Нижний Новгород. Там пересел на теплоход «Клара Цеткин» и плыл до Сталинграда. Четыре дня путешествия по Волге в компании с Ворошиловым, Ждановым и начальником оперативного отдела ОГПУ и по совместительству

специального отделения (охраны) К. В. Паукером пролетели незаметно. Столь же спокойной, ничем не нарушаемой оказалась и поездка автомобилем от Сталинграда до Сальска, посещение воинской части и конного завода, где хозяином выступил инспектор кавалерии РККА С. М. Буденный. От Сальска через Тихорецкую до Сочи Сталин и Ворошилов снова ехали поездом.

25 августа в 23 часа 55 минут они прибыли в Сочи, а спустя примерно час выехали на «Бьюике» Сталина на одну из правительственных дач — «Зеленую рощу» близ Мацесты. И практически сразу же, при проезде через

небольшой Ривьерский мост в самом центре Сочи, произошло то, что на языке милицейских протоколов ныне именуется дорожно-транспортным происшествием. На «Бьюик», в котором сидели Сталин с Ворошиловым, налетел грузовик. Охрана, находившаяся во второй, хвостовой машине, немедленно открыла стрельбу. Испуганный более других всем происшедшим шофер грузовика — им оказался некий Арешидзе, изрядно выпивший перед злополучным рейсом, — тут же скрылся, пользуясь темнотой и знанием местности. После непродолжительной задержки Сталин и Ворошилов поехали

дальше. На следующее утро в Сочи были приняты экстраординарные меры, издано и расклеено по всем улицам постановление горисполкома, ужесточавшее правила дорожного движения во всем районе: все без исключения шоферы обязаны были незамедлительно пройти перерегистрацию и заодно дать подписку в том, что будут нести самую строгую ответственность за любые, даже незначительные нарушения вводимых правил.

Месяц спустя, 23 сентября, Сталин, уже перебравшийся на другую дачу — «Холодную речку» близ Гагры, решил совершить морскую прогулку на незадолго до

того доставленном из Ленинграда катере «Красная заезда». В 13 часов 30 минут катер отвалил от причала и взял курс на юг, к мысу Пицунда, где Сталин и сошел на берег. После пикника отправился назад, на дачу. Однако разыгравшаяся непогода, поднявшая сильную волну, затянула возвращение на лишних два часа. Уже при подходе к Гагре, примерно в 17 часов, катер был внезапно обстрелян с берега из винтовки. К счастью для всех, пули легли в воду и на борту никто не пострадал.

Поздно вечером из Тбилиси в Пицунду прибыли 1-й секретарь Заккрайкома Л. П. Берия и начальник управления погранвойск НКВД

ЗСФСР С. А. Гоглидзе. Согласно бытующей легенде именно они якобы инспирировали это покушение на Сталина лишь для того, чтобы Лаврентий Павлович смог прикрыть собою любимого вождя, спасти ему жизнь и доказать тем самым свою безграничную преданность, готовность погибнуть, но обезопасить Иосифа Виссарионовича. На самом же деле Бериин пришлось всячески оправдываться, доказывать свою невиновность и непричастность к происшедшему, вместе с Гоглидзе и Н. С. Власиком, в то время помощником начальника 4-го отделения (охраны) высших

должностных лиц страны оперотдела
ОГПУ, отдыхающими на
Черноморском побережье Кавказа,
проводить расследование инцидента.
Им требовалось во что бы то ни
стало найти «стрелочников», чтобы
именно на них и возложить всю вину
за очередное чрезвычайное
происшествие.

Спустя два дня до истины
удалось докопаться. Установили, что
была допущена преступная
небрежность, что пограничный пост
не был информирован о задержке
катера, что рядовой пограничник
никак не отреагировал на появление
«неизвестного» судна в закрытой
зоне, а командир отделения Лавров,

проявив излишнюю инициативу, выхватил у подчиненного винтовку и сделал положенные по уставу три предупредительных выстрела.

Обо всем этом по ходу расследования Власик, Берия и Гоглидзе сообщали в Москву Ягоде и вернувшемуся к месту службы Паукеру по несколько раз в день. И с огромным трудом, но все же сумели доказать свою непричастность к происшедшему, определить истинных виновных — шестерых пограничников — тех, кто находился в наряде, включая Лаврова, и их командиров — начальника поста Гетманенко, начальника погранотряда Абхазии Микеладзе²³.

Это покажется сегодня странным, но Сталин даже не предложил следствию рассматривать каждое из чрезвычайных происшествий порознь как возможные теракты, а оба вместе — как действия неких заговорщиков.

Коренным образом он изменил свое отношение к такого рода событиям лишь после ленинградских событий.

Практически два года после убийства Кирова, несмотря на выдвинутый официально новый тезис о терроризме как основном орудии бывшей оппозиции, оставалась без изменений служба охраны высших должностных лиц

СССР. Она была образована в октябре 1920 г. как специальное отделение при президиуме коллегии ВЧК и насчитывала всего 14 человек, которыми руководил А. Я. Беленький. В 1930 г. спецотделение вошло в состав оперативного отдела ОГПУ, получив шефом К. В. Паукера. И возросло за все время существования до немногим более ста человек, что объяснялось просто. Если с конца 1920 г. сотрудники спецотделения обеспечивали безопасность только троих — Ленина, Троцкого и Дзержинского, то начиная с 8 июня 1927 г. — уже семнадцати — всех членов и кандидатов в члены ПБ (они

же и руководство СНК СССР). Лишь с назначением Ежова наркомом внутренних дел в структуре ГУГБ 28 ноября 1936 г. образовали самостоятельный первый отдел (охраны)^{[24](#)}.

Глава пятая

Ответы на вопросы, поставленные в предыдущей главе, как и объяснение лишь мнимой загадочности репрессий, последовавших за убийством Кирова, кроются в тех событиях, которые произошли за весьма короткий отрезок времени. Тот, что разделил два сообщения. НКВД — опубликованное во всех центральных газетах 23 декабря 1934 г., несомненно, согласованное с узким руководством: «Следствие установило **отсутствие достаточных данных** (выделено мной — Ю.Ж.)

для предания суду» Зиновьева и Каменева. И второе — прокуратуры СССР, появившееся также в центральных газетах, но через три недели, 16 января 1935 г. Оно было прямо противоположным по содержанию — о найденных якобы доказательствах причастности Зиновьева и Каменева к убийству Кирова.

Именно в эти двадцать три дня, разделившие два противоречивших друг другу сообщения, и произошло то, о чем ранее никто из самых прозорливых противников Сталина не мог даже помыслить. Предельно четко обозначилась смена уже не только внешнеполитического, но и

внутриполитического курса. Стало явным, неоспоримым рождение того, что и следует понимать под термином «сталинизм», но без какой-либо предвзятой, личностной, заведомо негативной оценки. Того, что означало на деле всего лишь решительный отказ от ориентации на мировую революцию, провозглашение приоритетной защиту национальных интересов СССР и требование закрепить все это в конституции страны. Словом, ничем не прикрытый этатизм.

Начался же такой поворот спустя четыре месяца после XVII партсъезда, 25 июня 1934 г., с двух решений ПБ, из-за предельной

скупоści сведений о них и вроде бы обыденности не привлeкших внимания. Вeдь в них утверждалось всего лишь донельзя рутинное — даты созыва и повестки дня очередных съездов Советов, XVI всероссийского и VII всесоюзного. Предусматривались, среди прочих, соответственно пятым и четвертым пунктами доклады «по конституционным вопросам»¹. При такой формулировке речь в них могла пойти о чем угодно но скорее всего, если исходить из практики, — о закреплении в основном законе только что образованных наркоматов либо о чем-либо сходном. Между тем, если бы о том стало известно,

должна была насторожить весьма необычная процедура принятия этих решений, нарушившая все существовавшие, хотя и неписанные правила.

29 мая 1934 г. секретарь президиума ЦК СССР А. С. Енукидзе направил в ПБ письмо, написанное на простом листе бумаги, а не на официальном бланке: «Партгруппа ВКП(б) президиума ЦИК Союза ССР наметила созыв VII съезда Советов Союза ССР 15 января 1935 г. и приняла следующий порядок дня: ... 6. Конституционные вопросы... По поручению партгруппы прошу обсудить этот вопрос на одном из заседаний политбюро». Двумя днями

позже появилось еще одно обращение, по содержанию аналогичное до мельчайших деталей предыдущему, на этот раз от М. И. Калинина и секретаря партгруппы президиума ВЦИК Н. Новикова. Оформленное по всем правилам, уже на бланке президиума ВЦИК, оно содержало просьбу утвердить созыв съезда Советов республики 5 января 1935 г. и повестку дня, в которой шестым пунктом значился «доклад об изменениях и дополнениях конституции РСФСР».

Почти месяц оба документа оставались «без движения», хотя рассмотреть их можно было уже 6

июня, на ближайшем протокольном заседании ПБ, либо раньше, либо чуть позже, ибо никаких существенных замечаний или разногласий суть их пока не должна была вызвать. Однако решение последовало только 25 июня, накануне очередного заседания ПБ. Скорее всего, именно в тот день Сталин и внес в оба документа незначительные поправки. Вычеркнул в них вторые пункты повестки дня — доклады о втором пятилетнем плане, а двум схожим по смыслу шестым пунктам, ставшим пятыми, придал единообразие: «доклад по конституционным вопросам». После этого заведующий

особым сектором ЦК
А. Н. Поскребышев зафиксировал,
что оба решения приняты «без
голосования», но в опросе почему-то
приняли участие лишь два члена
ПБ — В. Я. Чубарь и А. А. Андреев²,
а отнюдь не Каганович, Молотов,
Сталин и кто-либо другой. Как
показали дальнейшие события, такое
оформление решений не было
результатом простой небрежности.

Несомненно, слова Сталина в
докладе на XVII съезде партии о
возможности использовать
парламентаризм и буржуазную
демократию оказались далеко не
случайными и имели отношение не
только к европейским странам.

Именно от даты произнесения их, скорее всего, и следует вести отсчет медленно вызревавшей идеи конституционной реформы в СССР. Идеи, которая стала приобретать конкретные черты в мае 1934 г., но поначалу, возможно, мыслилась довольно скромно — всего лишь как внесение «изменений и дополнений» в основной закон.

Полная идентичность обращений партгрупп президиумов ЦИК СССР и ВЦИК позволяет утверждать, что Енукидзе и Калинин готовили их вместе, тщательно согласуя содержание и последовательность докладов. Весьма возможно, делалось это при

прямом участии Сталина, а также и тех, кому по положению следовало быть в курсе подобных вопросов, — главы правительства Молотова и второго секретаря ЦК Кагановича. Так как произойти подобная встреча, даже в узком составе, непременно должна была до 29 мая, ее следует отнести к 10 мая. Тому дню, когда Енукидзе и Калинин во второй раз после 10 марта побывали в кремлевском кабинете Сталина, где присутствовали Молотов, Литвинов, Ворошилов, Орджоникидзе, Куйбышев, Жданов и Ягода³.

В пользу именно такой датировки первых шагов конституционной реформы говорит

еще один, правда, также косвенный факт. Прервавшиеся в феврале 1934 г. в связи с образованием коалиционного кабинета Гастона Думерга переговоры с Ке д'Орсе возобновились 1 мая. В тот день М. И. Розенберг, замещавший смертельно больного Довгалецкого, сообщил в Москву, что сумел добиться от нового министра иностранных дел Луи Барту согласия продолжить активные действия своего предшественника по созданию Восточного пакта⁴.

С этого момента ситуация стала коренным образом меняться, что позволило группе Сталина приступить к работе по изменению

конституции. Нельзя исключить, что поначалу предполагалось любым способом и под каким угодно предлогом изъять из нее первый раздел — «Декларацию об образовании СССР», пронизанную духом открытой конфронтации со многими странами. «Декларация» не только провозглашала, что «со времени образования советских республик государства мира раскололись на два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма». В соответствии с генеральной целью Коминтерна и идеей мировой пролетарской революции объявлялось: «Новое Советское государство открыто всем

социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем», оно является «решительным шагом на пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику»⁵.

Неоспоримые, хотя опять же косвенные данные позволяют установить и другое. Подготовку доклада «по конституционным вопросам» поручили Енукидзе. Вызвано это было, судя по всему, двумя обстоятельствами. Прежде всего тем, что Авель Сафронович с дореволюционной поры, еще по подпольной работе в Закавказье являлся очень близким Сталину

человеком. Мало того, никогда не принимал активного участия в политических баталиях, долгие годы сотрясавших партию, не участвовал ни в одной из оппозиций. С июля 1919 г. бессменно занимал свой пост — секретаря сначала ВЦИК, а с образованием Советского Союза — ЦИК СССР, безукоризненно исполнял весьма нелегкие обязанности, повседневно руководя юридически высшим органом власти страны, одновременно законодательным и исполнительным.

Для выполнения важного и необычного задания Енукидзе располагал достаточным временем — полугодием, хотя из

него и выпадали два месяца отпуска, предоставленного ему 21 мая⁶. Однако, судя по всему, работа Енукидзе над «дополнениями и изменениями конституции», которые предстояло утвердить в январе следующего года, а также их обоснованием в виде доклада практически началась только в конце ноября или в начале декабря. Прийти к такому выводу заставляет журнал посетителей кремлевского кабинета И. В. Сталина, зафиксировавший встречи Енукидзе и Сталина после четырехмесячного перерыва 1, 4 и 5 декабря⁷, всего за месяц до намеченной даты открытия Всероссийского съезда Советов.

Но почему же возникла столь длительная пауза? Начиная с июля узкое руководство более всего было озабочено внешнеполитической проблемой — трудностями, возникшими при создании Восточного пакта, в котором столь остро нуждался СССР. Несмотря на то, что 2 июля о поддержке идеи заключения пакта заявила Чехословакия, 8-го — Великобритания, 13-го — Италия, 29-го — Эстония и Литва, 2 августа — Латвия, стало ясно, что враждебная позиция Германии и Польши, стремление к изоляционизму Великобритании отдаляли перспективу заключения

договора о коллективной безопасности. Новый этап активности советской дипломатии начался после вступления СССР в Лигу наций, а завершился два с половиной месяца спустя подписанием с Францией протокола и обменом письмами с Чехословакией, что положило начало созданию пакта. Потому-то группа Сталина и смогла вернуться в декабре к задуманному реформированию политической жизни страны.

С опозданием по меньшей мере на неделю, 10 января 1935 г., Енукидзе завершил работу над теми предложениями, которые и должны

были лечь в основу докладов на всероссийском и всесоюзном съездах Советов. «Основываясь на Ваших указаниях, — писал он лично Сталину, — о своевременности перехода к прямым выборам органов советской власти (от райисполкомов до ЦИК СССР), представляю на обсуждение ЦК следующую записку об изменениях порядка выборов органов власти Союза ССР и союзных республик». А далее пространно, на восьми страницах, излагал то, что сам же сумел кратко выразить во втором документе — проекте постановления VII съезда Советов СССР:

«Установленный
конституцией 1918 г. и
действующий до
настоящего времени
порядок многостепенных
выборов местных
исполкомов, ЦИКов
союзных и автономных
республик и ЦИКа СССР
был вызван
необходимостью
подавления
сопротивляющихся
советской власти
буржуазно-помещичьих
классов, вооруженной
борьбой с ними рабочих и
беднейших слоев

крестьянства при малочисленности в те годы по сравнению с крестьянством ведущего революционного класса — пролетариата, распыленностью и отсталостью крестьянских масс и преобладанием в хозяйстве нашей страны капиталистического уклада. В настоящее время социалистический уклад является безраздельно господствующим. Коллективизированное более чем на 75% крестьянство...

превратилось в
многомиллионную
организованную массу...
Учитывая все эти
изменения и в целях
дальнейшего
непосредственного
приближения органов
власти к массам
трудящихся на основе все
более полного
осуществления ими
советского демократизма
на практике VII съезд
Советов Союза ССР
постановляет: 1. Признать
целесообразным и
своевременным переход к

выборам районных, областных и краевых исполкомов, ЦИКов союзных и автономных республик и ЦИКа Союза ССР прямым и открытым голосованием избирателей непосредственно на избирательных собраниях, на которых избираются члены городских и сельских советов, с установлением одинаковых норм представительства для городского и сельского населения...»⁸

Заслуживает внимания прежде

всего формулировка названия
проекта постановления — «Об
изменениях порядка выборов органов
власти Союза ССР и союзных
республик».

Несомненно
предложенная Сталиным, она была
гораздо шире того, на чем Енукидзе
сосредоточил внимание — введение
прямых выборов, а также равных
прав городского и сельского
населения или рабочих и крестьян,
что юридически означало отказ от
диктатуры пролетариата. Наконец,
достаточно значима еще одна деталь
объяснительной записки —
предложение вынести ее на
обсуждение не ПБ, а пленума ЦК.
При действовавшей процедуре это

могло затянуть решение вопроса и даже привести к отказу от конституционной реформы или весьма серьезному корректированию ее. Правка Сталиным проекта постановления дает основание предположить, что Енукидзе проигнорировал третью, бесспорно известную ему составляющую намечаемой избирательной системы. Ведь не случайно Иосиф Виссарионович при чтении документа дважды заменил слово «открытые» (выборы) на «тайные». Следовательно, уже на первом этапе реформы Сталин стремился полностью отказаться от той советской избирательной системы,

достоинства которой
пропагандировались шестнадцать
лет, и перейти к иной, отвергаемой
по принципиальным соображениям,
уничижительно называемой
буржуазно-демократической.

Не найдя, чего он, скорее всего,
не ожидал, в Енукидзе сторонника
своих взглядов и идей, Сталин не
отказался от задуманного. Уже 14
января 1935 г., но, вполне возможно,
и на день-два ранее он перепоручил
подготовку проекта постановления
ЦИК СССР и его обоснование
Молотову. Когда же удостоверился,
что Вячеслав Михайлович выполнил
то, что требовалось, воспользовался
переносом даты открытия съезда

Советов СССР сначала на десять дней, а затем еще на три — в связи со скоропостижной кончиной Куйбышева. 25 января Сталин направил членам и кандидатам в члены ПБ, а также Енукидзе и Жданову письмо, раскрывающее его замысел.

«Рассылая записку Енукидзе, — отмечал Иосиф Виссарионович, — считаю нужным сделать следующие замечания. Помоему, дело с конституцией Союза ССР обстоит куда сложнее, чем это может показаться на первый

взгляд. Во-первых, систему выборов надо менять не только в смысле уничтожения ее многостепенности. Ее надо менять еще в смысле замены открытого голосования закрытым (тайным) голосованием. Мы можем и должны пойти в этом деле до конца, не останавливаясь на полдороге. Обстановка и соотношение сил в нашей стране в данный момент таковы, что мы можем только выиграть политически на этом

деле... Во-вторых, надо иметь в виду, что конституция Союза ССР выработана в основном в 1918 г. Понятно, что конституция, выработанная в таких условиях, не может соответствовать нынешней обстановке и нынешним потребностям... Таким образом, изменения в конституции надо провести в двух направлениях: а) в направлении улучшения ее избирательной системы; б) в направлении уточнения ее социально-экономической основы...

Предлагаю:

1. Собрать через день-два после открытия VII съезда Советов пленум ЦК ВКП(б) и принять решение о необходимых изменениях в конституции Союза ССР.

2. Поручить одному из членов политбюро ЦК ВКП(б) (например, т. Молотову) выступить на VII съезде Советов от имени ЦК ВКП(б) с мотивированным предложением: а) одобрить решение ЦК ВКП(б) об изменениях конституции Союза ССР; б) поручить

ЦИК Союза ССР создать конституционную комиссию для выработки соответствующих поправок к конституции с тем, чтобы одна из сессий Союза ССР утвердила исправленный текст конституции, а будущие выборы органов власти производились на основе новой избирательной системы.

Сталин»⁹.

Сталин вынужден был отказаться от введения новых норм избирательной системы уже на

предстоящем съезде. Но саму идею он так и не оставил, просто решил поступить по-иному, точно рассчитав во времени программу действий. Программу, подразумевавшую, что новая избирательная система должна быть все же принята не позднее осени 1936 г. — ведь сессии ЦИК СССР собирались за двухлетний срок своего созыва всего три раза, а задуманные прямые, равные и тайные выборы пройдут не позже конца все того же 1936 г., когда истекал срок полномочий депутатов VII съезда Советов СССР.

На сей раз Сталину удалось настоять на своем, правда, для этого ему пришлось прибегнуть к

нетривиальным действиям.

В день открытия съезда, 28 января, с отчетным докладом о работе правительства выступал Молотов. Уже во внешнеполитическом разделе он сказал непривычное: «В сложной международной обстановке идет соревнование **и вместе с тем сотрудничество двух противоположных систем**» (выделено мной — *Ю.Ж.*). А далее развил, конкретизировал это положение, опровергавшее главную мысль первого раздела еще действовавшей конституции.

«Не видеть приближения новой войны, — отметил Молотов, —

значит не видеть и закрывать глаза на главную опасность... В последний период перед нами по-новому встал вопрос об отношении к Лиге наций... Поскольку в вопросе об обеспечении мира Лига наций может играть теперь известную положительную роль, Советский Союз не мог не признать целесообразность сотрудничества с Лигой наций... Советское правительство не только проявляло инициативу, но и поддерживало шаги других государств, направленные к охране мира и международной безопасности. В связи с этим следует отметить нашу активную поддержку предложения Франции о так

называемом Восточном пакте взаимопомощи...»

В докладе Молотова принципиально новое содержалось не только в международном разделе. Закончился он столь же неожиданным для всех, еще более значимым для судеб страны тезисом о необходимости немедленного пересмотра основного закона.

«Советская конституция, — пока крайне скупо выразился Молотов, — должна быть подвергнута такой переработке, чтобы в ней были закреплены такие завоевания октябрьской революции, как создание колхозного строя, ликвидация капиталистических

элементов, победа социалистической собственности»^{[10](#)}.

Корректировка конституции в такой интерпретации выглядела вполне естественной, не могла вызвать сомнения и тем более неприятия. Поэтому-то 30 января ПБ и приняло опросом нужное Сталину, но лишь формально, для соблюдения правил игры, весьма обтекаемое по смыслу постановление:

«О конституции СССР
и пленуме ЦК.

1. Созвать 1 февраля в
3 часа дня пленум ЦК
ВКП(б) и принять решение
о необходимых изменениях

в конституции Союза ССР.

2. Поручить одному из членов политбюро ЦК ВКП(б) (например, т. Молотову) выступить на VII съезде Советов от имени ЦК ВКП(б) с мотивированным предложением: а) одобрить решение ЦК ВКП(б) об изменениях в конституции Союза ССР; б) поручить ЦИК Союза ССР создать конституционную комиссию для выработки соответствующих поправок к конституции с тем, чтобы одна из сессий ЦИК Союза

СССР утвердила
исправленный текст
конституции, а будущие
выборы органов власти
производились на основе
новой избирательной
системы»[11](#).

Пленум же, собравшийся 1
февраля, принял более радикальное
решение, буквально повторив все, что
содержалось в письме Сталина:

«3. Об изменениях в
конституции СССР (т.
Сталин).

1. Принять
предложение т. Сталина об

изменениях в конституции СССР в направлении: а) дальнейшей демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов равными, многостепенных — прямыми, открытых — закрытыми; б) уточнения социально-экономической основы конституции в смысле приведения конституции в соответствие с нынешним соотношением классовых сил в СССР (создание новой социалистической

индустрии, разгром
кулачества, победа
колхозного строя,
утверждение
социалистической
собственности как основы
советского общества и т.п.).

2. Поручить комиссии
в составе тт. Сталина,
Молотова, Калинина,
Кагановича и Енукидзе
набросать проект
постановления VII съезда
Советов СССР на основе
предложения т. Сталина об
изменениях в конституции
СССР.

3. Поручить т.

Молотову выступить на съезде Советов и внести проект изменений конституции СССР от имени ЦК ВКП(б)»¹².

И все же сначала, как и предусматривалось повесткой дня, 5 февраля слово предоставили Енукидзе. Он же с подчеркнутой отстраненностью поведал:

«VII съезду Советов предстоит рассмотреть двоякого рода поправки и изменения конституции. Первое — это те изменения и поправки, которые в

процессе нашей
законодательной работы и
на основе указанных выше
социально-экономических
изменений ЦИК Союза
ССР уже приняты и
действуют. Об этих
формальных изменениях и
дополнениях мне и
поручено доложить VII
съезду Советов»¹³.

Но уже на следующий день со
вторым докладом выступил Молотов.
Как предусматривали и письмо
Сталина, и резолюция ЦК, Вячеслав
Михайлович обстоятельно
проанализировал обе части

выдвинутой проблемы, лишь поменяв их последовательность. Сначала дал оценку соотношения классовых сил в стране, которое, мол, и вынуждало изменить конституцию, а затем перешел к собственно изменениям, названным им предельно четко: «Демократизация советской избирательной системы».

Именно во втором разделе нового доклада Молотов неожиданно даже для членов ЦК, утверждавших резолюцию, заговорил о непредусмотренном.

«Единственное ограничение, — отметил Вячеслав Михайлович, — советская конституция устанавливает для эксплуататорских элементов и

для наиболее враждебных
трудящимся прислужников старого
строя (бывшие полицейские,
жандармы, попы и т.п.)». Потом
напомнил, что еще в 1931 г. ЦИК
СССР установил порядок
возвращения избирательных прав
лишенным их, благодаря чему число
таковых сократилось до немногим
более 2 миллионов человек, или
2,5% от численности взрослого
населения страны. А завершил он
мысль более чем многозначительно:
«В Советском Союзе открыта дорога
к полноправной жизни для всех
честных тружеников, и круг
лишенцев все более сокращается. Мы
идем к полной отмене всех

ограничений в выборах в советы, введенных в свое время в качестве временных мер».

Затем Молотов обосновал изменение избирательной системы, заметив, что тайные выборы (которые отказался принять Енукидзе) прежде всего «ударят со всей силой по бюрократическим элементам и будут для них полезной встряской». Завершил же доклад словами, прямо повторявшими высказанное Сталиным год назад на партийном съезде о парламентаризме, который вполне может быть использован.

«Мы, — заявил Молотов, — получаем таким образом дальнейшее

развитие советской системы в виде соединения непосредственно выбранных местных советов с непосредственными же выборами своего рода советских **парламентов** в республиках и **общесоюзного советского парламента** (выделено мной — Ю.Ж.)»^{[14](#)}.

Иностранные журналисты, аккредитованные в Москве, после второго доклада Молотова о предстоящем изменении конституции единодушно оценили сказанное как подлинную сенсацию, обещание крупнейшей для СССР политической реформы. Выделяли такие использованные Молотовым термины, как «общесоюзный

парламент», «ответственность перед родиной», «советский патриотизм». Правда, в своих сообщениях подчеркивали и иное — сохранение, несмотря ни на что, однопартийной системы. И все же даже такой подход не менял общей положительной оценки происходившего. Так, корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Барнес отмечал:

«По-видимому,
компартия считает, что
задача ликвидации
антисоветских и
оппозиционных элементов
выполнена в такой степени,
что введение закрытого

голосования не может представлять опасности для режима»¹⁵.

Единогласно, как и пленум, VII съезд Советов СССР без каких-либо замечаний или поправок, вообще без обсуждения принял постановление, сформулированное Сталиным в полемике с Енукидзе еще 25 января, — о внесении в конституцию обнародованных изменений, об избрании комиссии для подготовки исправленного текста основного закона, о необходимости «ближайшие очередные выборы органов советской власти в Союзе ССР провести на основе новой

избирательной системы»¹⁶.

Предусмотренную постановлением конституционную комиссию сформировали сразу, 7 февраля, при открытии первой сессии ЦИК Союза ССР седьмого созыва. Включили в нее 31 члена ЦИК, представлявших три группы широкого руководства, в том числе сопредседателей ЦИК СССР, а также секретаря ЦИК СССР А. С. Енукидзе, председателей союзного и республиканских совнаркомов, наркомов, прокурора СССР и его заместителя, редакторов газет «Правда» и «Известия». В комиссию вошли также И. В. Сталин и А. А. Жданов.

Единственным, чье присутствие в конституционной комиссии поначалу выглядело по меньшей мере странным и ничем не обоснованным, оказался И. С. Уншлихт, начальник Главного управления гражданского воздушного флота. Но очень скоро все прояснилось. 3 марта Енукидзе освободили от обязанностей секретаря ЦИК СССР, на вакантную должность назначили Акулова и в помощь ему еще и Уншлихта, утвержденного в тот же день секретарем Союзного совета ЦИК СССР¹⁷, впоследствии часто исполнявшего обязанности секретаря ЦИК СССР.

Послушание,

продемонстрированное сначала участниками пленума, а вслед за тем и делегатами съезда Советов, в подавляющем большинстве коммунистами, отстаивавшими в революцию и гражданскую войну прямо противоположные фундаментальные положения — закрепленные Конституцией РСФСР, перенесенные в Конституцию СССР, вошедшие как незыблемые принципы в программу Коминтерна, принятую 1 сентября 1928 г., можно объяснить только одним. Тем, что далеко не случайно, 18 января, во время работы съезда, газеты опубликовали две важные информации: «О приговоре военной коллегии Верховного суда по

делу Зиновьева Г. Е., Евдокимова Г. Е., Гертик А. М. и других», а также «В народном комиссариате внутренних дел СССР», известившей об осуждении 78 видных сторонников Зиновьева. Они наглядно и убедительно продемонстрировали, что может ожидать несогласных с новым курсом Сталина.

Тем и завершились события, начавшиеся с выстрела Николаева в Смольном. Своим жестоким итогом показали, что Сталин воспользовался в своих политических интересах первым же случайно представившимся предлогом — убийством Кирова — совсем не для

того, чтобы расправиться с рудиментарной оппозицией. Он прибег к крайним мерам, не применявшимся прежде к столь высоким по положению членам партии, только для того, чтобы заставить членов ЦК поддержать его новый курс. Отказаться от старой избирательной системы, а заодно и кардинально изменить конституцию...

Убийство С. М. Кирова, а также скоропостижная смерть В. В. Куйбышева, последовавшая 25 января 1935 г., привели к вполне предсказуемым последствиям: пополнению состава ПБ, в котором должно быть десять человек. На

первофевральском пленуме на вакантные места в ПБ были избраны А. И. Микоян и В. Я. Чубарь, причем выбор на них пал отнюдь не из-за их стажа кандидатами в члены ПБ. Такое же положение занимал с того же 1926 г. и Г. И. Петровский, а Я. Э. Рудзутак не только являлся кандидатом в члены ПБ с 1923 г., но и входил в ПБ в 1926–1932 гг. Скорее всего, причиной избрания именно Микояна и Чубаря послужила не их партийная, а чисто государственная деятельность, особенно в последнее полугодие, при подготовке и проведении отмены карточной системы. В свою очередь, их места кандидатов в члены ПБ заняли

А. А. Жданов, что должно было произойти непременно в соответствии с его положением в узком руководстве, и Р. И. Эйхе, первый секретарь Западно-Сибирского крайкома. Судя по всему, они должны были всего лишь уравновесить в высшем партийном органе украинскую группу — С. В. Косиора, Г. И. Петровского и П. П. Постышева. Ведь для Жданова постоянным местом работы становился Ленинград, а для Эйхе оставался Новосибирск.

Более значимыми оказались другие кадровые решения, и прежде всего направление Жданова в Ленинград первым секретарем

обкома, что при сложившихся после убийства Кирова обстоятельствах вынуждало его чуть ли не полностью отрешиться от тех обязанностей, которые ранее были возложены на него как на секретаря ЦК. Отъезд Жданова из Москвы привел к неожиданному скоропалительному возвышению Н. И. Ежова, решением ПБ от 27 февраля введенного в секретариат ЦК. Но только этим функции Ежова не ограничились. Его заодно утвердили и председателем КПК вместо Кагановича. Еще одним секретарем в тот же день стал А. А. Андреев, сдавший свои дела наркома путей сообщения все тому же Л. М. Кагановичу. Последнего на

основном его партийном посту несколько разгрузили: оставили за ним должность первого секретаря Московского горкома, а руководителем московской областной партийной организации утвердили Н. С. Хрущева¹⁸.

Эти оказавшиеся ключевыми кадровые перестановки, в свою очередь, привели к очередному перераспределению обязанностей между секретарями ЦК, проведенному решением ПБ от 9 марта. На Андреева возложили ведение заседаний Оргбюро, но подготовку повестки дня разделили между ним и Ежовым, что еще накануне являлось функцией одного

человека, Кагановича. Кроме того, Андреева утвердили заведующим промотделом ЦК (вместо Ежова) и поручили «наблюдение за работой» транспортного отдела, поставив его до некоторой степени над Кагановичем как наркомом путей сообщения. Ежову, в дополнение к уже имевшимся у него двум должностям, добавили третью, утвердив заведующим ОРПО вместо Д. А. Булатова, внезапно пониженного, но без предъявления каких-либо претензий по работе, до поста первого секретаря Омского обкома¹⁹.

Так была произведена расстановка сил в узком руководстве.

Произошло не только внезапное
возвышение Андреева и Ежова, почти
состоявшееся их вхождение в узкое
руководство, но и столь же резкое
понижение роли Кагановича и
Жданова. Подчеркнул новое, весьма
ослабленное положение Кагановича
немотивированный перевод его
креатуры, заведующего
транспортным отделом
Н. Н. Зимина, начальником
политуправления НКПС²⁰. О том же,
но уже по отношению к Жданову,
свидетельствовала передача
курирования четырех отделов ЦК —
сельскохозяйственного, планово-
финансово-торгового, политико-
административного и руководящих

партийных органов лично Сталину²¹.

Непосредственным результатом перераспределения обязанностей между секретарями ЦК явилось очередное расслоение высшей власти. Теперь уже само узкое руководство оказалось как бы двухуровневым. На первом остались только трое — Сталин, Молотов и Ворошилов. На втором — только что введенный в его состав Андреев, а также Каганович, Орджоникидзе и Жданов, которые по различным причинам перестали принимать участие в выработке важнейших решений, но сохранили формальное право одобрять либо отклонять их. Но если для Андреева, Кагановича,

Орджоникидзе новое положение оказалось, скорее всего, следствием их конкретного вклада в подготовку реформирования политической системы страны, то для Жданова — лишь вынужденным, временным, связанным только с необходимостью именно в данный момент работать вне столицы, отдавая все силы «искоренению» подлинных или мнимых остатков былой зиновьевской оппозиции. Подтверждает такое предположение решение ПБ, принятое 20 апреля и обязывавшее «Жданова из трех десятидневок месяца одну десятидневку проводить в Москве для работы в секретариате ЦК»²².

Видимо, Сталин очень нуждался в его помощи и поддержке.

Еще одним следствием перераспределения оказалась и значительная перегруппировка сил внутри второго эшелона власти, где его прежняя основа, заведующие отделами ЦК как таковые, утратила в целом старые позиции. Сразу же выделились те, кто в своей повседневной деятельности начал «выходить» непосредственно на Сталина, подчиняться только ему, — Стецкий, Яковлев, Бауман и Ежов. Новое иерархическое положение в аппарате ЦК резко подняло их статус. Но особенно заметно преобразилась роль Ежова, который теперь стал

заниматься кадровыми делами. Более того, он соединил в своих руках контроль при назначении первых секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов с функциями «великого инквизитора» — председателя КПК. Однако первая же попытка Ежова даже не подчинить, нет, просто использовать ГУГБ НКВД и его архивы для проверки биографий членов партии была резко пресечена. Несмотря на предварительное условное согласие со стороны Я. С. Агранова помочь в этом КПК, последовало решительное и категорическое возражение Сталина^{[23](#)}.

Пополнил в те дни эту третью

по уровню властную группу, включавшую теперь Ежова, Стецкого, Яковлева и Баумана, а также наркома иностранных дел Литвинова, только один человек — А. Я. Вышинский, сменивший 3 марта на посту прокурора СССР И. А. Акулова, утвержденного вместо Енукидзе секретарем ЦИК СССР²⁴. Перемены, хотя и незначительные, затронули и широкое руководство²⁵. Но кадровые перемещения, существенно изменившие расстановку сил на вершине власти, пока еще не начали оказывать влияние на внутреннюю политику, что оставалось делом весьма близкого будущего. Наипервейшими и наиважнейшими

для узкого руководства оставались внешнеполитические вопросы: как можно скорее превратить хотя и официальные, но всего лишь договоренности с Францией и Чехословакией в реальные, подкрепленные подписанием и ратификацией договоры о создании Восточного пакта; сделать все возможное для присоединения к нему не только Румынии, стран Прибалтики, но и Великобритании, а если удастся, то и Польши. Словом, все то, что внезапно оказалось проблематичным из-за попыток Пьера Лавалля найти иное решение, которое позволило бы Парижу укрепить отношения с Москвой и

Лондоном, не испортив их окончательно с Берлином и Римом²⁶.

Политика уступок разрешила наконец неопределенную для Москвы ситуацию. Восприняв позицию Лондона и Парижа как явную, нескрываемую слабость, Гитлер продолжил свою реваншистскую, антиверсальскую политику. 13 января он провел в Саарской области, находившейся под управлением Лиги наций, плебисцит, позволивший восстановить полный контроль Берлина над этим богатым углем районом. 13 марта Гитлер объявил, что Германия считает себя свободной от обязательств, запрещавших ей иметь военную

авиацию, а три дня спустя подписал закон о введении всеобщей воинской повинности и воссоздании германской армии (вермахта) в составе 12 корпусов и 36 дивизий. Тем самым он бросил открытый вызов и Лиге наций, и Франции с Великобританией.

Обеспокоенный столь вопиющим нарушением Версальского договора, коалиционный кабинет Макдональдс направил в Берлин министра иностранных дел Джона Саймона, а вслед за тем — лорда-хранителя печати Антони Идена в Москву, Варшаву и Прагу. В столице СССР Идеи имел две беседы, 28 и 29 марта,

с Литвиновым, в ходе которых отметил: «Для британского правительства ясно, что без такого (Восточного — Ю.Ж.) пакта не может быть обеспечена безопасность на востоке Европы, а стало быть, и общеевропейское умиротворение». Однако на прямой вопрос Литвинова, как отнеслось бы британское правительство к заключению Восточного пакта взаимопомощи без Германии, ответил, что он несколько затрудняется дать вполне определенный и официальный ответ. Данный вопрос еще не обсуждался британским правительством, это будет сделано после его возвращения

в Лондон^{[27](#)}. 29 марта Идена приняли Сталин и Молотов, и вновь речь шла практически о позиции Великобритании в отношении Восточного пакта^{[28](#)}.

Единственным итогом московских переговоров стало совместное коммюнике, в котором указывалось на заинтересованность обеих стран в укреплении европейской коллективной безопасности, на отсутствие противоречия интересов между обеими странами по всем основным проблемам международной политики и на взаимопонимание того, что «целостность и преуспевание каждой из них соответствуют интересам

другой»²⁹. После возвращения в Лондон Иден, однако, так и не смог переубедить других членов кабинета, не желавших, чтобы Великобритания участвовала в каких-либо европейских блоках. Но все же московские переговоры серьезнейшим образом повлияли на точку зрения Парижа.

12 апреля советские газеты опубликовали сообщение ТАСС о достижении между Францией и СССР соглашения по вопросу о конвенции безопасности. Две недели спустя, 2 мая, в Париже В. П. Потемкин и П. Лаваль подписали столь долгожданный для Кремля советско-французский

договор о взаимопомощи. В нем было зафиксировано то, чего столь настойчиво добивалось более года узкое руководство:

«Статья 2. В случае, если... СССР или Франция явились бы, несмотря на искренние мирные намерения обеих стран, предметом не вызванного нападения со стороны какого-либо европейского государства, Франция и взаимно СССР окажут друг другу немедленно помощь и поддержку»^{[30](#)}.

Под «каким-либо европейским государством» здесь, несомненно, подразумевалась нацистская Германия. А 16 мая аналогичный как по смыслу, так и по содержанию договор подписали в Праге С. С. Александровский, полпред СССР в Чехословакии, и Э. Бенеш, чехословацкий министр иностранных дел^{[31](#)}.

Только теперь узкое руководство смогло позволить себе заняться и другими проблемами, первой из которых стало окончательное решение судьбы А. С. Енукидзе, демонстративно отвергшего новый курс Сталина, но тем не менее так и не подавшего в отставку со своего

чрезвычайно ответственного поста.

Глава шестая

«Дело Енукидзе», оно же «Кремлевское дело» или — как его стали называть в НКВД и ЦК — дело «Клубок», началось в январе 1935 г. с уведомления Сталина одним из его ближайших родственников о существовании заговора во главе с Енукидзе и комендантом Московского Кремля Р. А. Петерсоном с целью устранения узкого руководства. Но следствие сразу же пошло по иному пути — изучения доносов на трех уборщиц кремлевских зданий, ведших «клеветнические» разговоры.

*А. М. Константинова, 23 года,
незадолго до того перебравшаяся из
Подмосковья в столицу:*

«Товарищ Сталин
хорошо ест, а работает
мало. За него люди
работают, потому он такой
и толстый. Имеет себе
всякую прислугу и всякие
удовольствия».

*А. Е. Авдеева, 22 года, из
подмосковной деревни:*

«Сталин убил свою
жену. Он не русский, а
армянин, очень злой и ни
на кого не смотрит

хорошим взглядом. А за ним-то все ухаживают. Один двери открывает, другой воды подает».

Б. Я. Катинская, 22 года:

«Вот товарищ Сталин получает денег много, а нас обманывает, говорит, что он получает двести рублей. Он сам себе хозяин, что хочет, то и делает. Может, он получает несколько тысяч, да разве узнаешь об этом?»

По данным секретно-политического отдела (СПО) НКВД, эти разговоры велись незадолго до 7

ноября 1934 г. И практически сразу нашлись «доброхоты», уведомившие о них кремлевское начальство. Осведомленными оказались и А. С. Енукидзе, и Р. А. Петерсон, не придавшие случившемуся никакого значения. Енукидзе не дал «делу» ход, так как не доверял доносам, полагая, что, скорее всего, тут оговор. Петерсон просто не обращал внимания на разговоры, тем более уборщиц, за чаепитием.

НКВД не захотел пройти мимо того, что квалифицировалось уголовным кодексом как государственное, контрреволюционное преступление по статье 58¹: «Пропаганда или

агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти», влекущие «лишение свободы на срок не ниже шести месяцев». 20 января начальники СПО Г. А. Молчанов и оперативного отдела К. В. Паукер лично провели первые допросы несчастных уборщиц, хотя вполне могли доверить следствие кому-либо из руководителей отделений или заместителей, поскольку у них самих и без того хватало дел, более важных, действительно ответственных. Предстояло подготовить два последних процесса, напрямую связанных с убийством Кирова: руководства ленинградского

областного управления НКВД во главе с Медведем; жены Николаева, М. Драуле, ее сестры с мужем. Необходимо было организовать процесс по откровенно надуманному делу А. Г. Шляпникова, С. П. Медведева и других бывших лидеров давно забытой «рабочей оппозиции». Кроме того, у СПО впереди была и весьма трудоемкая работа — выявление сторонников Зиновьева, обреченных на высылку из Ленинграда, составление списка «социально чуждых» людей, которым отныне не дозволялось проживать в старой столице.

Словом, забот было предостаточно, однако Молчанов и

Паукер лично занялись явно
третьестепенным делом —
«антисоветской» болтовней каких-то
уборщиц. Ведь тут не могло быть
ничего, кроме проявления
характерных для определенной
социальной среды настроений,
отражавших представления
малограмотных, не имевших никакой
профессии жителей деревни,
напрямую затронутых
коллективизацией. Тех, кто не
захотел работать в колхозах, ушел на
заработки в Москву, где и столкнулся
с новыми трудностями с карточной
системой, с острейшим жилищным
кризисом. Вместе с тем они либо
увидели сами, либо слышали от

других о том, как живут власть предержащие, ощутили контрасты, особенно разительные в Кремле.

Поначалу Молчанов и Паукер, а затем Молчанов, заместитель начальника СПО Г. С. Люшков, начальник 2-го отделения СПО М. А. Каган (пожалуй, ключевая фигура следствия по «Кремлевскому делу») и его заместитель С. М. Сидоров вроде бы преследовали лишь одну цель — установить «источник клеветнических слухов». Однако 11 дней допросов, которые проводили настоящие асы своего дела, привели к ничтожным, по существу, результатам. К выяснению только

того, что за чаепитием речь шла о том, что Сталин «свою жену застрелил», «в нашей стране рабочие голодают». Да к расширению списка неблагонадежных уборщиц, что, правда, можно было сделать и более простым способом. Были выделены основные «клеветники» — Авдеева, Жалыбина, Мишакова, Орлова. И еще появилась новая обвиняемая, телефонистка коммутатора Кремля М. Д. Кочетова.

Если бы руководство СПО ограничилось лишь допросами уборщиц, то никакого «Кремлевского дела» не возникло бы. Но оно все же появилось после ареста 27 января Б. Н. Розенфельда, племянника

Каменева, работавшего вне Кремля — инженером московской ТЭЦ, а четырьмя днями позже еще и А. И. Синелобова, порученца коменданта Кремля. Их «взяли», хотя никаких видимых оснований для того не было. Ни одна из допрошенных уборщиц не назвала их фамилии, ибо они не только не могли знать их, но просто не подозревали об их существовании.

Розенфельд и Синелобов, судя по доступным сегодня документам, были обречены, загодя предназначены в жертву. Ведь их аресты ничем формально не мотивировались: ни чьими-либо показаниями, ни хотя бы доносами.

И потому можно с большой долей вероятности утверждать, что НКВД действовал по некоему заранее подготовленному плану. Его сотрудники давно уже и тщательно вычислили, кого необходимо арестовать для создания «дела», для быстрого выведения следствия на Комендатуру Кремля (КК) и правительственную библиотеку. Словом, на «Кремль». И как заодно связать искомую «контрреволюционную организацию» с одним из бывших лидеров бывшей внутрипартийной оппозиции — с Каменевым.

Действительно, допросы Розенфельда позволили сразу же

получить нужные показания на его отца, Н. Б. Розенфельда, иллюстратора по договору издательства «Academia», которое возглавлял по совместительству брат последнего, Л. Б. Каменев, и на мать, Н. А. Розенфельд (урожденную княжну Бебутову!), длительное время работавшую в правительственной библиотеке Кремля. Через последнюю — на ее коллег, на тех, кто в конце концов и дал решающие показания, — на Е. К. Муханову и Е. Ю. Раевскую (еще одну урожденную княжну, Урусову).

Чистосердечный же рассказ Синелобова о том, с кем он дружил, чаще всего общался, о чем беседовал,

послужил основанием для новых арестов — помощника коменданта Кремля В. Г. Дорошина, начальника спецхраны и помощника Петерсона И. Е. Павлова, коменданта Большого кремлевского дворца И. П. Лукьянова, начальника административно-хозяйственного управления КК П. Ф. Полякова и его сестры, К. И. Синелобовой, служившей опять же в правительственной библиотеке.

Только теперь руководство СПО смогло говорить и о «Кремлевском деле», и о трех составляющих его группах — уборщиц, библиотекарей, комсостава КК, да еще и связать «дело», хоть пока и косвенно, с

Каменевым. Правда, поначалу подследственных удалось уличить только в «антисоветских разговорах», в «распространении клеветнических слухов». Сами же «клевета», «слухи» подразумевали наказуемые по тем временам разговоры на запретные темы, в частности, о «неестественной» смерти Н. С. Аллилуевой — ее Сталин «застрелил» (Авдеева), она была «отравлена или покончила жизнь самоубийством» (Синелобов), «покончила жизнь самоубийством» (Раевская). В первых числах февраля удалось установить и один из источников слухов. Дорошин признал: «Петерсон собрал группу

товарищей и заявил, что Аллилуева умерла неестественной смертью».

Другой темой досужих разговоров, но только среди сотрудников правительственной библиотеки и комсостава КК, стало более свежее событие — убийство Кирова. Как было установлено признаниями допрашиваемых, бытовавшая в их среде версия резко отличалась от официальной. Раевская: «Убийство Кирова совершено на личной почве». Н. А. Розенфельд: «Киров убит на романической почве». Примечательно то, что обсуждение убийства Кирова приводило и к другой теме: мол, Сталин обвинил в

этом преступлении Зиновьева и Каменева из-за политического соперничества, что «Ленин ценил Зиновьева и Каменева как своих ближайших соратников» (Дорошин).

Третьей темой явилось обсуждение того, что следователи называли «Завещанием Ленина», комментирование этой широко распространенной в среде комсостава КК работы Владимира Ильича в «троцкистском духе», то есть акцентируя критику Сталина. Кроме того, но лишь однажды, прозвучала и четвертая, столь же крамольная, по мнению СПО, тема — о необходимости переработки, изменения

конституции. Павлов показал, что помощник коменданта Кремля по политической части Кононович в беседе с Дорошиным «заявил, что это решение является следствием нажима буржуазных государств на Советский Союз».

И все же то, что следователям удалось установить за 17 дней допросов, никак не выходило за рамки «распространения клеветнических слухов», «клеветы на руководство ВКП(б)». Только поэтому в протоколах первоначальное обвинение большинства арестованных в «систематическом распространении провокационных слухов» настойчиво

и вполне преднамеренно подменялось иным, более выгодным НКВД — «контрреволюционными взглядами». Ну а такие «взгляды» тут же чисто софистически превращались в «контрреволюционные действия», а участники обсуждений «Завещания Ленина» в троцкистском духе — в «троцкистскую группу».

Вот наиболее типичный пример подобного свободного истолкования показаний:

Вопрос: Признаете ли вы, что Дорошин вел с вами систематические беседы и передавал вам

клевету в отношении руководства партии?

Ответ: Признаю приведенные мною факты, в числе которых был случай троцкистской клеветы Дорошина на руководство ВКП(б).

Вопрос: Почему вы не сообщили парторганизации и своему начальству о контрреволюционных действиях Дорошина?

Ответ: Признаю в этом свою вину.

Вопрос: Вы разделяли контрреволюционные взгляды Дорошина?

Ответ: Нет, я контрреволюционных взглядов Дорошина не разделял.

Вопрос: Чем же вы можете объяснить, что вы скрыли от партии известные вам контрреволюционные действия Дорошина и проявили себя в этом вопросе как двурушник и предатель?

Ответ: Я признаю себя виновным в том, что я не сообщил партии известные мне контрреволюционные

действия (выделено мной — Ю.Ж.) Дорошина. В двурушничестве и предательстве виновным себя не признаю.

Вопрос: Ваши ответы говорят о вашей неискренности. Вы скрываете от следствия, что разделяли контрреволюционные взгляды Дорошина.

Ответ: Нет, я взглядов Дорошина не разделял.

Все арестованные из числа комсостава КК искренне полагали, что разговоры — это всего лишь

разговоры, что ни к чему они привести не могут. И тем загоняли следствие в тупик. Так, тот же Дорошин признал, не ведая в том большой вины, что обсуждал «Завещание Ленина», говоря при этом с Лукьяновым, Павловым, Поляковым, Синелобовым «о роли Зиновьева прежде и теперь». Но, признав сам по себе факт подобных бесед, под давлением следствия вынужден был согласиться и с тем, что люди, высказывавшиеся в таком «троцкистском» духе, являются «троцкистами» и составляют «троцкистскую группу». Но на том готовность Дорошина идти на поводу у следствия иссякла. Со своей

стороны и следовательно пока еще ничего не мог предложить Дорошину для хотя бы косвенного подтверждения своей версии:

Вопрос: Какую цель вы преследовали, участвуя в названной вами группе троцкистов?

Ответ: Ответить на этот вопрос затрудняюсь.

Вопрос: Какую цель вы преследовали, распространяя клевету на руководство ВКП(б)?

Ответ: Специальной цели не преследовал.

Весьма возможно, что начавшееся с пустяка «дело» так бы ничем и не закончилось. Вернее, завершилось бы осуждением на небольшие, «не ниже шести месяцев», сроки заключения десятка-другого сознавшихся «клеветников». Закончилось бы именно так, если бы не одно неосторожное, оказавшееся роковым высказывание все того же Дорошина, которое повлекло за собой изменение направленности следствия: появление, а затем и закрепление обвинения всех, кого привлекли по «Кремлевскому делу», в подготовке террористического акта — убийства Сталина.

7 февраля, отвечая на откровенно наводящий вопрос следователей Молчанова и Кагана, Дорошин обмолвился:

«Секретные данные расшифровывались... Я знал список 17-ти (члены политбюро партии, руководящие партийно-советские работники — Ю.Ж.) в связи с занимаемой должностью, но неправильная система в использовании этого списка привела к тому, что из секретного он превратился в

несекретный. По моим подсчетам, этот список расшифрован перед 8 ротами красноармейцев-курсантов кремлевского гарнизона».

На следующий день Молчанов и Каган вновь потребовали от Дорошина рассказать, но более подробно, о том, что тот назвал рассекречиванием.

«Список 17-ти, — объяснял Дорошин, — включает в себя всех членов политбюро, кандидатов и отдельных

руководителей партийно-советского аппарата... Этот список ведется дежурным по управлению комендатуры Кремля и дежурным помощником коменданта Кремля. Представляет из себя зашифрованную таблицу под номерами, означающими, фамилии... По зашифрованному цифрами списку мы (я имею в виду помощников коменданта Кремля и дежурного по управлению Кремля) отмечаем въезд в Кремль указанных в списке

лиц, выезд их из Кремля и место пребывания путем сообщений в дежурную комендатуру по телефону от охраны с постов. Также по этим спискам получает извещение от постов охраны дежурный по управлению Кремля... Список введен по приказанию заместителя коменданта Королева. Хранится он на столе у дежурного по управлению и дежурного коменданта и после суточного дежурства докладывается Королеву».

Только это, относящееся к его повседневным обязанностям, и было сказано за два дня допросов Дорошиным. Больше ничего.

Разумеется, такое признание, даже если его можно было назвать признанием, иными словами — констатацией собственной вины, а не просто рассказом о подробностях своей службы, следовало оценивать лишь как преступную халатность, не больше. Ведь, в сущности, курсанты расшифровали пресловутый «список 17-ти» из-за несовершенства самой системы охраны. Отождествление номера в списке с конкретным лицом из узкого руководства обязательно было бы сделано, и отнюдь не

специально, каждым курсантом, простоявшим на посту месяц-другой. Но можно было — а допрашивавшие Дорошина следователи Молчанов и Каган так и поступили — признать «расшифровку» разглашением государственной тайны. И из этой оценки сделать соответствующий вывод, весьма желательный для СПО, о сознательности, преднамеренности такого поступка. Мало того, дальнейшее формально логичное развитие подобного предположения заводило весьма далеко — к признанию факта «расшифровки» косвенной уликой существования некоего «заговора», направленного против партийно-советского

руководства.

Таким, шедшим самым в руки следователей «фактом» НКВД не мог не воспользоваться. И он поспешил это сделать, еще не зная наверняка, чем же завершится само следствие. Всего через шесть дней, 14 февраля, ПБ по представлению наркома Г. Г. Ягоды утвердило решение «Об охране Кремля», документ, кардинальным образом изменивший всю систему обеспечения безопасности и правительственных зданий, и проживавших в Кремле членов руководства страны.

Отныне из ведения КК полностью исключалась, во-первых, любого рода хозяйственная

деятельность, в том числе и незавершенная реконструкция Большого Кремлевского дворца — объединение Андреевского и Александровского залов в один огромный — Свердловский, предназначенный для заседаний всесоюзных и всероссийских съездов Советов, которые прежде проводились в Большом театре. Во-вторых, предельно сужались функции КК, становившейся «организацией, ведающей только охраной Кремля». В-третьих, существенно менялась и прямая подчиненность КК. Ее выводили из-под ЦИК и НКО, переподчиняли «народному комиссариату внутренних дел по

внутренней охране и народному комиссариату обороны по военной охране». Дабы конкретизировать это новое положение, четвертый пункт решения гласил: «Назначить заместителем коменданта Кремля по внутренней охране тов. Успенского Александра Ивановича», прежде занимавшего пост замначальника управления НКВД по Московской области. Заместителем же коменданта по гарнизону утвердили Королева.

Следующие пункты решения были не менее существенными. Они предусматривали незамедлительный вывод из Кремля многочисленных советских учреждений, ежедневно

привлекавших не только
значительное количество служащих,
но еще и огромный поток различного
рода просителей — приемные и
канцелярии ЦИК СССР, ВЦИК,
Центральной избирательной
комиссии, а заодно и
предназначенные для их
обслуживания всевозможные
мастерские и столовую. Наконец,
последний, десятый пункт решения
расширял масштабы этой
своеобразной эвакуации, поручал
Ягоде, Енукидзе, Петерсону,
Молчанову, Паукеру и
М. П. Фриновскому (начальнику
главного управления пограничной и
внутренней охраны НКВД) «в 2-

месячный срок разработать и представить в ЦК ВКП(б) план реорганизации охраны Кремля», одновременно организовав вывод Школы имени ВЦИК, которая и являлась собственно военным гарнизоном, насчитывавшим 8 рот, то есть полторы тысячи красноармейцев и командиров.

По сути, последний пункт был самым значимым. Ведь вывод Школы имени ВЦИК сводил на нет всю дальнейшую роль Петерсона и его нового заместителя Королева, ибо лишал их того самого гарнизона, которым они, военнослужащие, и должны были командовать. Их должности оказывались

призрачными, чисто номинальными, даже фиктивными. Зато реальное руководство переходило к Успенскому. Он не только сохранял полномочия по руководству системой внутренней охраны, но получал для ее обеспечения мощное подкрепление — полк специального назначения НКВД, который начали срочно формировать для несения службы в Кремле.

Но поскольку армейский гарнизон Кремля еще сохранялся на ближайшие несколько месяцев, уже 19 февраля приказом по НКВД для контроля за Школой имени ВЦИК создали особое отделение — орган военной контрразведки, к тому же на

правах отдела, да еще в прямом подчинении наркома Ягоды.

Так НКВД сумел возобладать в незримой постороннему взору закулисной борьбе, шедшей между двумя ведомствами еще с гражданской войны, борьбе, начатой Дзержинским и Троцким, продолженной Ягодой и Ворошиловым. Еще 17 апреля 1920 г. Троцкий, председатель Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмор, сумел добиться смещения с должности коменданта Кремля балтийского матроса П. Д. Малькова, которому сначала протезировал Свердлов, а после его смерти — Енукидзе, нанеся тем

самым обиду и секретарю ВЦИК. Троцкий настоял на назначении комендантом Петерсона, для всех — «своего» человека (перед тем начальника его знаменитого бронепоезда и личной охраны). Если до 14 февраля 1935 г. отвечали за безопасность Кремля и вместе с тем контролировали там положение Енукидзе и НКО, то теперь единственным хозяином столичной цитадели становился только НКВД, мимоходом подчинив себе заодно еще и кремлевскую телефонную станцию и правительственный гараж.

...Тем временем избранный Молчановым метод следствия привел

к запланированным результатам. Количество арестованных с каждым новым допросом, с каждой новой названной фамилией просто знакомых, не говоря уже о друзьях, росло как снежный ком. Круг подследственных все дальше уходил за стены Кремля. Еще 8 февраля Дорошин в числе тех, с кем он регулярно общался, назвал своего односельчанина — слушателя 4-го курса Военно-химической академии имени Ворошилова В. И. Козырева. Ну а тот во время допроса уже на следующий день назвал не только однокурсников, но и общего для них знакомого, химика по образованию (незаконченное высшее)

М. К. Чернявского — начальника 12-го отделения разведывательного управления штаба РККА. Однако, как и прежде, практически никто из допрашиваемых не каялся ни в каких преступлениях. Сознавались они все в тех же грехах — передаче друг другу, чтении и обсуждении «Завещания Ленина», сожалениях о том, что недавний глава Коминтерна Зиновьев не только отстранен от руководства партией, но и из-за враждебности к нему Сталина арестован и осужден. Лишь высказывания Чернявского придавали таким беседам несколько иную окраску. Вернувшись летом 1933 г. из служебной командировки в США, Чернявский делился своими

впечатлениями. А заодно и заявлял, сравнивая развитие экономики, уровень жизни в США и СССР, о невозможности воплотить в жизнь главный лозунг партии — догнать и перегнать Америку. Иными словами, «порочил» суть и задачи как минувшей, так и начавшейся второй пятилетки.

И все же для дальнейшего хода следствия и его направленности решающими стали не показания Чернявского, а неожиданное, крайне важное для СПО странное признание бывшей сотрудницы правительственной библиотеки дворянки Мухановой. Ее, по единодушному мнению (или, вернее,

подозрению) коллег, до ухода еще в конце 1933 г. из правительственной библиотеки любовницу Енукидзе, расспрашивали главным образом о том, как она попала осенью 1933 г. в дом отдыха Большого театра. Следователи намеревались, без сомнения, получить новые факты, подтверждающие уже имевшиеся вопиющие данные об аморальном поведении и бытовом разложении Енукидзе. Муханова же по простоте душевной не только откровенно поведала 16 февраля Молчанову, Люшкову и Кагану, как явно незаконно, только благодаря теплым отношениям с Енукидзе приобрела путевку, но и о том, что там, на юге,

в доме отдыха, познакомилась и сблизилась с проводившей там же свой отпуск сотрудницей консульства Великобритании Н. К. Бенксон, которая почти год более или менее регулярно навещала ее в Москве. Вот это-то и позволило Молчанову и его подчиненным завершить построение чисто умозрительной, не подкрепленной ни одним неоспоримым доказательством версии о существовании в Кремле неких «контрреволюционных» групп, связанных не только между собой, но и с заграницей.

Отныне рабочая версия СПО выглядела следующим образом. Первая группа — сотрудники

правительственной библиотеки,
через Н. А. Розенфельд выходящие на
Каменева, через Муханову — на
заграницу, через Муханову и
Раевскую — на Енукидзе, через
Синелобову — на КК. Вторая
группа — комсостав КК, через
Дорошина связанная со слушателями
Военно-химической академии и с
разведупром штаба РККА.
Целенаправленные отныне допросы,
шедшие вторую половину февраля,
софистическая подмена в их ходе и,
главное, в протоколах основных
понятий-обвинений позволили
укрепить версию столь прочно, что
она уже не менялась в своей основе
на протяжении следующих пяти

месяцев, вплоть до завершения следствия и составления обвинительного заключения. Терялись лишь становившиеся ненужными детали, например, только поначалу «перспективные» признания еще одной сотрудницы правительственной библиотеки, Л. К. Пелипейко, о ее «контактах» с посольством Ирана. Видимо, из-за того, что «разработка» такой линии — встречи один раз с русской няней ребенка посла — оказалась после признания Мухановой явно ненужной. Версия обретала благодаря все новым показаниям новые «группы», связанные с первоначальными двумя.

Незадолго перед тем НКВД начал информировать о ходе следствия Н. И. Ежова. Ему, избранному 1 февраля секретарем ЦК, уже 11 февраля ПБ поручило вместе с З. М. Беленьким, заместителем председателя КПК, «проверить личный состав аппаратов ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР (так в тексте — *Ю.Ж.*), имея в виду наличие элементов разложения в них и обеспечение полной секретности всех документов ЦИКа и ВЦИКа»². Только потому Ягода и направил Ежову 12 февраля протоколы допросов Н. А. Розенфельд и еще одного сотрудника правительственной библиотеки,

М. Я. Презента, вместе с сообщением о том, что «дополнительно арестованы» библиотекари А. П. Жашкова и З. И. Давыдова. А 17 февраля Ежов получил, но не от наркома, а от Молчанова, «Сборник № 1 протоколов допросов по делу Дорошина В. Г., Лукьянова И. П., Синелобова А. И., Мухановой Е. К. и других». Данные материалы неоспоримо свидетельствовали о реальной «засоренности социально-чуждыми элементами» одного из кремлевских учреждений — правительственной библиотеки, о моральном разложении, даже «буржуазном перерождении» Енукидзе, о политической

неблагонадежности комсостава КК. Словом, обо всем том, что требовало срочного вмешательства ЦК и принятия самых решительных мер.

Но именно тогда, к концу февраля, наметился и первый сбой в следствии. Четко обозначилась третья — после необычного, беспрецедентного допроса уборщиц лично Молчановым и Паукером, после ничем внешне не мотивированных арестов Розенфельда и Синелобова — странность «Кремлевского дела». Следствие внезапно как бы завершилось. 3 марта ПБ приняло решение о Енукидзе, опубликованное на следующий день газетами как

постановление ЦИК СССР:

«В связи с ходатайством ЦИК ЗСФСР о выдвижении тов. Енукидзе Авеля Сафроновича на пост председателя Центрального исполнительного комитета ЗСФСР, удовлетворить просьбу тов. Енукидзе Авеля Сафроновича об освобождении его от обязанностей секретаря Центрального исполнительного комитета Союза ССР»³.

Через день, 5 марта, проходившая в Тифлисе вторая сессия ЦИК ЗСФСР освободила Мусабегова от поста председателя президиума и утвердила вместо него Енукидзе⁴.

Внешне все выглядело предельно благопристойно. Ни форма, ни содержание — с неизменным упоминанием личной просьбы — решения ПБ не позволяли усомниться, что речь идет о передвижении Енукидзе по горизонтали, а не по вертикали власти. Его оставляли на том же уровне законодательной структуры. Просто освобождали от обременительного поста, что вполне могло быть связано с состоянием

здоровья либо возрастом — как-
никак пятьдесят восемь лет. Его
назначали на почетный и вместе с
тем чисто представительский пост,
давали своеобразную синекуру,
позволявшую жить в Тифлисе и
Москве: председатель ЦИК ЗСФСР
по конституции являлся и
сопредседателем президиума ЦИК
СССР. Подтверждало именно такой
смысл решения еще и то, что
Енукидзе оставляли членом
конституционной комиссии,
образованной 8 февраля на первой
сессии ЦИК СССР седьмого созыва.
Единственное, что должно было
насторожить, но только самого
Енукидзе, что ни он, ни ЦИК ЗСФСР

никуда ни с какой просьбой не обращались.

В действительности за решением крылось нечто серьезное, даже опасное для Енукидзе. Ведь далеко не случайно сдача дел преемнику, И. А. Акулову, до 3 марта прокурору СССР, процедура обычно формальная, растянулась на три недели и сопровождалась предъявлением вопросов, более напоминающих обвинения. Только теперь Енукидзе мог осознать до конца, что решение о переводе его в Тифлис — фикция, что его просто сместили с того поста, который позволял ему на протяжении пятнадцати лет играть в Кремле одну

из важнейших ролей, и не в последнюю очередь благодаря подчиненности ему, хотя и наравне с Ворошиловым, КК.

Вполне возможно, 3 марта могло появиться и иное решение ПБ, более резкое по форме, с суровыми оргвыводами. Не произошло так, скорее всего, по двум причинам. Во-первых, что нельзя полностью исключить, из-за позиции Сталина, с которым Енукидзе связывали давние, более чем дружеские отношения, о чем свидетельствует весьма веский факт. В октябре 1921 г. Енукидзе, проходя партийную чистку, в числе тех, кто его может рекомендовать, назвал Сталина, Орджоникидзе и

Ворошилова. Одновременно, представляя подробнейшую автобиографию, должен был заверить ее. И некто иной, как Сталин, согласился взять на себя такую ответственность. Подписал документ: «Правильность изложенного удостоверяю»⁵.

Трудно вообразить, что за прошедшие с тех пор годы отношение Сталина к другу и соратнику по революционной борьбе могло без серьезных на то причин резко измениться. Тем более что Енукидзе на посту секретаря сначала ВЦИК, а с декабря 1922 г. — ЦИК СССР не занимался политикой, не участвовал ни в одной оппозиции, никогда не

выражал своего мнения при определении курса партии, исполнял только свои прямые обязанности.

Не могла, во-вторых, стать решающей для Сталина и информация о моральном облике Енукидзе. Ведь тот квартировал в Кремле, а потому его личная жизнь проходила у всех на глазах. Наверняка знали об увлечении старого холостяка Енукидзе молодыми красивыми женщинами и Сталин, и другие члены ПБ.

Между тем с конца февраля СПО стремится доказать уже не только существование в Кремле контрреволюционной организации, но и подготовку ею

террористического акта против Сталина. Подследственных упорно расспрашивали о том, что в той или иной степени могло подтвердить именно такой вариант версии. Более того, пытались связать «заговор» почему-то с одним Каменевым, предуготовляя ему роль организатора либо вдохновителя попытки устранения Сталина. Да еще, пока лишь намеком, отмечали и некое весьма опосредованное отношение к этому Енукидзе.

Следствие преуспело в задуманном, добилось необходимых показаний. Видимо, потому, что выбор Н. А. Розенфельд и Мухановой оказался далеко не случайным, стал

психологически обоснованным
после трех недель общения с ними
следователей. Скорее всего, именно в
них, и только в них, удалось
разглядеть потенциальную
готовность, по крайней мере на
допросах, взять на себя роль
экзальтированных фанатичек,
способных идти даже на смерть ради
некоей идеи, стать новыми
Шарлоттами Корде, Фанни Каплан
то ли самостоятельно, то ли по
подсказке, по внушению все тех же
Молчанова и Кагана.

Муханова, 4 марта —
Молчанову, Люшкову, Кагану:

«Розенфельд мне

говорила, что на Ленина
было покушение,
совершенное Каплан, а на
Сталина вот никак не
организуют. Она сказала,
что нужна русская
Шарлотта Корде для
спасения русского народа...
Мои контрреволюционные
убеждения приводили меня
еще тогда (в 1932 г. —
Ю.Ж.) к мысли о
необходимости убить
Сталина, и я полностью
разделяла
террористические
намерения
Н. А. Розенфельд».

Н. А. Розенфельд, 4 марта —
начальнику экономического отдела
(ЭКО) НКВД Л. Г. Миронову,
начальнику 3-го отделения ЭКО
Чертоку: по словам ее бывшего мужа,
Каменев «говорил о своем тяжелом
положении, о том, что все зло в
Сталине, который виновен в этом его
положении, что Сталин ему мстит,
что пока будет Сталин, положение
его останется таким же тяжелым...

Вопрос: К какому
выводу в результате бесед
Розенфельда с Каменевым
пришли вы и Розенфельд?

Ответ: Мы пришли к
выводу о необходимости

активной борьбы с
руководством ВКП(б)
вплоть до
террористических актов.

Вопрос: Вы и
Розенфельд Н. Б. пришли к
этому самостоятельно?

Ответ: Нет, на это в
значительной мере повлиял
Каменев Л. Б., который, как
это мне подтвердил
Розенфельд Н. Б., говорил
последнему о
необходимости устранения
Сталина».

Муханова, 4 марта:

Н. А. Розенфельд говорила ей, что

«Каменев озлоблен на Сталина и не успокоится, пока не будет играть активной политической роли, что возможно только при условии, если Сталин будет отстранен от руководства», а это «возможно только его уничтожением». Розенфельд «дала мне понять, что террористический акт над Сталиным готовится по прямому поручению Каменева». На вопрос же о том, как конкретно они намеревались совершить убийство, Муханова ответила: надо только «добратся до библиотеки Сталина, а там вопрос будет решен в зависимости от обстановки, в которой мы очутимся». Потому-то, добавила Муханова,

Н. А. Розенфельд просила
Л. Н. Минервину, секретаря
Енукидзе, устроить их обеих в
библиотеку Сталина.

Подтверждение именно такой
версии получило следствие и в
показаниях некоторых других
привлеченных по «Кремлевскому
делу». Так, П. И. Гордеева и
Т. П. Бураго, сотрудницы (до ареста)
правительственной библиотеки,
показали, что Н. А. Розенфельд и
Муханову интересовало, где
находится квартира Сталина.
В. А. Барут, работавший в
правительственной библиотеке с
1931 по 1932 г., а затем около года в
Оружейной палате (только это и дало

следствию основание поначалу утверждать о существования в кремлевском музее отдельной «террористической группы)», отметил: «Розенфельд подчеркивала, что Енукидзе оказывает ей поддержку». Брат же Каменева, до развода в 1922 г. муж Н. А. Розенфельд, 5 марта уточнил: мол, она в 1932 г. «впервые заговорила о необходимости убийства Сталина... С этой целью она обхаживала Енукидзе».

Вскоре в следствии, пока лишь накапливавшем данные, наступил качественный сдвиг. Муханова — несомненно, по прямой подсказке тех, кто вел допрос, — сделала 8

марта решающее для «Кремлевского дела» заявление. Неожиданно она поведала о том, что никак не могла по элементарным правилам конспирации знать, о чем должен был в «чистосердечном признании» сообщить только Каменев, ибо ему и отводили роль «руководителя заговора». Агранов (вряд ли замнаркома случайно вел этот допрос) и Молчанов восприняли как должное то, что Муханова им рассказала. Якобы «организация» состоит из пяти групп: в правительственной библиотеке; в КК; в Оружейной палате; бывших троцкистов вне Кремля; из художников. Только так следствие

смогло систематизировать
полученную информацию по
довольно своеобразному
принципу — профессии, месту
работы всех тех, чьи фамилии хотя
бы раз были названы кем-либо из
допрашиваемых.

Положение несколько
осложнилось из-за позиции, занятой
во время допросов по «Кремлевскому
делу» уже отбывавшими наказание
Зиновьевым и Каменевым.
Последний 20 марта и 11 апреля
категорически отрицал все. И то, что
показал его брат, и то, в чем
«сознались» Н. А. Розенфельд и
Муханова. Зиновьев же активно
подыгрывая следователям, а заодно и

«топил» своего старого соратника, не забывая, где следует остановиться. 19 марта он заявил:

«Каменев не был ни капельки менее враждебен партии и ее руководству, чем я, вплоть до нашего ареста... Каменеву принадлежит крылатая формулировка о том, что „марксизм есть теперь то, что угодно Сталину“... Читая „Бюллетени оппозиции“, подробно информировал Каменева о содержании этих документов и о моем

положительном отношении к отрицательным оценкам, которые давал Троцкий положению в стране и партии... Призыв Троцкого „убрать Сталина“ мог быть истолкован как призыв к террору...

Контрреволюционные разговоры, которые мы вели с Каменевым и при Н. Б. Розенфельде... могли преломиться у последнего в смысле желания устранить Сталина физически», мы же говорили в смысле «замены его на посту генерального

секретаря ЦК ВКП(б)».

Воспользовалось следствие и еще одними показаниями — настоящего троцкиста С. М. Мрачковского, 19 марта охарактеризовавшего оставшихся на свободе единомышленников. После этого появилась возможность спроецировать такую информацию на материалы «Кремлевского дела», превратить Б. Н. Розенфельда — племянника Каменева, и С. Л. Седова — сына Троцкого, в рьяных последователей Льва Давидовича и заодно образовать из них и их товарищей взамен «группы в Оружейной палате» группу

«троцкистской молодежи». Так к концу марта сложился очередной вариант структуры «контрреволюционной организации».

Тем временем продолжал работать с материалами «Кремлевского дела» и Ежов, для которого его собственные выводы из данного следствия послужили не только серьезным подспорьем для создания «теоретической» работы «От фракционности к открытой контрреволюции», завершенной в конце 1935 г., но и своеобразным трамплином для стремительного восхождения по ступеням иерархической лестницы, приведших

его во власть. Как председатель комиссии по проверке личного состава ЦИК СССР и ВЦИК, он начал с изучения тех материалов, которые имелись в КПК. А в них обнаружил, что первые «сигналы» о «засоренности» аппарата учреждений Кремля относятся уже к лету 1933 г. Именно тогда сотрудник секретного отдела ЦК Цыбульник сообщил заведующему секретной частью ЦИК СССР В. К. Соколову о наличии среди служащих «антисоветских элементов». То же донесла и сотрудница правительственной библиотеки Буркова в заявлении от 29 сентября 1933 г.

Оба «сигнала» опирались на один источник «достоверной информации»: рассказ работавшей в той же библиотеке Журавлевой, сначала подруги Мухановой, а после ссоры с нею — «правдолюбницы», поспешившей уведомить начальство обо всем услышанном: что Муханова из древнего дворянского рода, в 1918 г. якобы сотрудничала с контрразведкой Чехословацкого корпуса, ее отец был белым офицером, что Бураго — дворянка и «антиобщественница», что Н. А. Розенфельд — урожденная княжна Бебутова, ее бывший муж — брат Каменева, а сын — троцкист.

Явная очевидность этих

обвинений как следствия заурядной
склоки в женском коллективе и
повлияла, скорее всего, на то, что
заявлению Журавлевой в свое время
не дали хода. Однако теперь, когда
появилось «Кремлевское дело», Ежов
расценил обнаруженные им
документы как весомое
доказательство давнего
существования
«контрреволюционной
организации». Укрепили же его в
таком убеждении те протоколы
допросов, которые он стал получать
из НКВД, сначала время от времени,
а начиная с 4 марта, после решения
ПБ о Енукидзе, — регулярно,
практически каждый день. На их

основании Ежов и подготовил черновой вариант того документа, который после редактуры, скорее всего лично Сталиным и Молотовым, получил необычное название: «Сообщение ЦК ВКП(б) об аппарате ЦИК СССР и тов. Енукидзе».

В документе, утвержденном ПБ 21 марта, слегка приоткрывалась завеса тайны, окутывавшей решение от 3 марта. Прежде всего оно дезавуировало решения как ЦИК СССР, так и ЦИК ЗСФСР. Теперь оказывалось, что Енукидзе был «переведен на меньшую работу в качестве одного из председателей ЦИКа Закавказья, причем представительство Закавказской

федерации в ЦИК СССР в качестве одного из председателей последнего оставлено за т. Муталибовым». И тут же разъяснялось: «Действительные мотивы этого перемещения не могли быть объявлены официально в печати, поскольку опубликование могло дискредитировать высший орган советской власти». А затем в «Сообщении» излагалась суть дела.

«В начале текущего года, — указывалось в нем, — стало известно, что среди служащих правительственной библиотеки и сотрудников комендатуры велась систематическая

контрреволюционная травля в отношении руководителей партии и

правительства, особенно в отношении товарища Сталина, с целью их дискредитации. При ближайшем расследовании органами НКВД источников распространения этой травли было обнаружено в последнее время несколько связанных между собою контрреволюционных групп, ставивших своей целью организацию террористических актов в отношении руководителей советской власти и партии и в первую очередь в отношении товарища Сталина».

Хотя следствие еще продолжалось и до суда «дело» не дошло, «Сообщение», тем не менее, называло «контрреволюционные

группы»: в правительственной библиотеке (Н. А. Розенфельд, Бебутова, Муханова, Давыдова, Бураго, Раевская и др.); в КК (Дорошин, Поляков, Павлов, Синелобов, Лукьянов и др.); троцкистской молодежи (Л. Я. Нехамкин, С. Л. Седов, Асбель, Белов и др.). А далее сознательно подчеркивалось:

«Многие из участников и в особенности участниц кремлевских террористических групп (Нина Розенфельд, Раевская, Никитинская и

др.) пользовались прямой поддержкой и высоким покровительством тов. Енукидзе. Многие из этих сотрудниц тов. Енукидзе принял на работу и с некоторыми из них сожительствовал».

Казалось бы, после такого утверждения должен был последовать пункт о необходимости отдать секретаря ЦИК СССР под суд. Однако здесь в «Сообщении» делался странный поворот на 180 градусов. Маловразумительный, алогичный:

«Само собой

разумеется, что тов. Енукидзе ничего не знал о готовящемся покушении на товарища Сталина, а его использовал классовый враг как человека, потерявшего политическую бдительность, проявившего несвойственную коммунисту тягу к бывшим людям».

Именно такое, предельно мягкое объяснение поведения Енукидзе и позволило смягчить намеченные оргвыводы.

«Учитывая же вскрытые следствием факты, — отмечалось в

„Сообщении“, — и особенно за последнее время, ЦК считает необходимым обсудить на ближайшем пленуме ЦК вопрос о возможности оставления тов. Енукидзе в составе членов ЦК ВКП(б)»⁶.

Между тем комиссия ПБ под председательством Ежова завершила порученную ей чистку служащих Кремля. Из 107 сотрудников аппарата ЦИК СССР, в том числе и правительственной библиотеки, были оставлены на работе лишь 9. Об этом Ежов рассказал в докладах, сделанных 23 марта на трех закрытых партсобраниях: работников ЦИК СССР, ВЦИК, совнаркомов

СССР и РСФСР, гаража особого назначения; КК, специальной охраны и отдельной роты охраны; Школы имени ВЦИК. Он поставил в известность коммунистов об отрицательной роли во всем происшедшем Енукидзе, о том, что в правительственной библиотеке арестован 21 человек, в КК — 14, а всего под следствием находятся 65 человек.

Реакция Енукидзе на происходящее оказалась элементарно простой. Он не стал возражать, спорить, защищать себя. Промолчал, признавая тем самым все обвинения в свой адрес. Решил переждать грозные события. Практически сразу,

25 марта, направил в ПБ заявление: «По состоянию моего здоровья я не могу сейчас выехать в Тифлис — место моей новой работы. Прошу предоставить мне двухмесячный отпуск для поправления моего здоровья с выездом для этого в Кисловодск». На следующий день просьба Авеля Сафроновича, возможно, не в последнюю очередь и потому, что тот не стал выяснять, в какой же должности ему предстоит работа в Тифлисе, была удовлетворена⁷.

Ежов, казалось, не заметил, что НКВД подsunул ему выгодную только наркомату версию, которую ему пришлось принять и отстаивать как

собственную, выстраданную. Не заметил или, во всяком случае, не обратил внимания на многие странности, противоречия, явные несуразности в переданных ему материалах, которые должны были его насторожить.

Например, что Муханова никак не годилась на ту роль, которую ей отвели Молчанов и Каган. При всем желании она не могла проникнуть в Кремль для совершения теракта, ибо еще в декабре 1933 г. уволилась из правительственной библиотеки и перешла на работу в Кинокомбинат. По той же причине она не могла и сообщить Бенксон сведения о системе охраны Кремля,

действующей в настоящем, а не в прошлом.

Более того, решающим для Ежова при оценке результатов следствия должен был бы стать вопрос: зачем «разветвленной контрреволюционной организации» поручать убийство Сталина двум женщинам, не умевшим пользоваться оружием, даже не представлявшим, как конкретно они будут осуществлять задуманное преступление? И это при том, что среди арестованных «заговорщиков» находились высшие чины КК, люди, прошедшие гражданскую войну и потому отменно владевшие оружием. Люди, руководившие обеспечением

безопасности членов узкого руководства, в том числе и Сталина, а потому знающие все слабые места системы охраны в Кремле, чем и должны были бы воспользоваться прежде всего. Но Ежов не придавал значения такому важному обстоятельству, проигнорировал его, бездумно восприняв версию НКВД.

Нельзя исключить и иной интерпретации происходившего. Столь же возможно, что Ежова поставили в известность об изменившихся после 3 марта правилах игры. Уведомили (кто именно — Сталин, Ворошилов, кто-то другой?) о том, что армейских не следует затрагивать. Как бы забыть о

них. Даже о тех четырнадцати, кто был арестован. Поэтому-то Ежов мог вполне сознательно проигнорировать вопиющий факт, что из ста семидесяти протоколов допросов и восьми — очных ставок, поступивших к нему из НКВД за февраль и март, только один (!) отражал показания сотрудников КК, в частности Синелобова. Причем протокол не содержал ни намека на «полезные» для следствия сведения. На все многочисленные вопросы, призванные в любой форме подтвердить лишь одно — передачу им данных о системе охраны Кремля сестре — библиотекарю правительственной библиотеки, он

отвечал на редкость однозначно: «Не помню», «Не знаю», «Не было», «Отрицаю».

Всего лишь как председатель КПК, словно «забыв» о существовании «Кремлевского дела», Ежов в первых числах апреля подписал протокол о вынесении Р. А. Петерсону строгого выговора «за отсутствие большевистского руководства подчиненной комендатурой, слабую политико-воспитательную работу среди сотрудников и неудовлетворительный подбор кадров». Одно слово «неудовлетворительный» в протоколе фактически перечеркивало вскрытый следователями НКВД «заговор с

целью убийства Сталина».

Петерсона явно выводили из-под удара и в прямом, и в переносном смысле. 9 апреля ПБ утвердило решение, основанное на протоколе КПК, по которому его освободили от обязанностей коменданта Кремля⁸, а вскоре перевели в столицу Советской Украины к Якиру. Назначили помощником (заместителем) командующего Киевским военным округом по материальному снабжению и на два года исключили из числа причастных к «Кремлевскому делу».

Сразу же после появления «Сообщения ЦК» прежний вариант структуры «контрреволюционной

организации» СПО вновь скорректировал. Ввел в нее еще одну группу, более соответствовавшую predetermined и уже объявленной цели «заговорщиков». А для того воспользовался готовностью Мухановой признать и подтвердить все, что требовалось.

28 марта во время очередного допроса Муханова предалась воспоминаниям. Рассказала, как переехала в 1922 г. в Москву из Самары и поселилась на квартире у знакомого отца, некоего Г. Б. Синани-Скалова, служившего в гражданскую войну офицером у Колчака и потом якобы поддерживавшего отношения с

бывшими сослуживцами. Все они, по словам Мухановой, входили в подпольную белогвардейскую организацию, в которую вовлекли и ее, молодую и неопытную девушку. Ни Муханову, ни следователей не смутили важные детали биографии Синани — то, что он несколько лет выполнял ответственное задание советской власти в Монголии и Китае, что после возвращения на родину стал работать в... исполкоме Коминтерна.

«Белогвардейская группа» оказалась последним достижением следствия. Допросы, продолжавшиеся весь апрель, не принесли ничего нового,

неожиданного. Лишь
«подтвердились» очередными
показаниями уже имевшиеся
«признания», ставшие единственным
доказательством существования
«контрреволюционной организации»
и ее преступных замыслов. И потому
2 мая Ягода направил Сталину
докладную записку:

«Следствие по
Каменеву Л. Б.,
Розенфельд Н. А.,
Мухановой Е. К. и др. в
подготовке
террористических актов
над членами политбюро
ЦК ВКП(б) в Кремле

заканчивается.

Установлено, что
существовали
террористические
группы — 1) В
Правительственной
библиотеке Кремля, 2) В
Комендатуре Кремля, 3)
Группа военных
работников-троцкистов, 4)
Группа троцкистской
молодежи, 5) Группа
белогвардейцев. Считал бы
необходимым заслушать
дела этих групп на
Военной коллегии
Верховного суда без вызова
обвиняемых и расстрелять

организаторов террора и
активных террористов...
Всего 25 человек.

Что касается
Каменева, то следствием
установлено, что
Каменев Л. Б. являлся не
только вдохновителем, но и
организатором террора.
Поэтому полагал бы дело о
нем вновь заслушать на
Военной коллегии
Верховного суда. Дела на
остальных 89 обвиняемых
рассмотреть часть на
Военной коллегии
Верховного суда, часть на
Особом совещании»⁹.

Теперь все выглядело так, будто следствие завершено, процессы можно проводить в ближайшие дни, а затем, лишь для подведения политического итога, созывать пленум, о котором уже было объявлено. Но именно тогда в «Кремлевском деле» и опять же без какой-либо видимой причины возникла очередная пауза, которой — ничего не зная о ней — воспользовался Енукидзе.

Он не мог и представить себе, что происходит в тиши кабинетов руководителей НКВД. Но скорее всего, просто ощущая ту напряженную атмосферу, которая начинала все сильнее и сильнее

давить на него в Кисловодске, в санатории «Каре», понимая изменение отношения к себе после читки «Сообщения ЦК» на закрытых партсобраниях, наконец осознал серьезность своего положения. И 8 мая обратился в президиум ЗакЦИК с заявлением об отставке.

Енукидзе почему-то предполагал, что его заявление может быть отклонено, и, чтобы добиться желаемого, направил письмо в Заккрайком, Л. П. Берию. Сочтя, что и этого недостаточно, послал аналогичное обращение еще и в ПБ:

«Уважаемые

товарищи. Прилагаю при
сем копии писем,
посланных 8 мая с.г.
секретарю Заккрайкома
ВКП(б) и президиуму
Закавказского
Центрального
исполнительного комитета
об освобождении меня от
обязанностей председателя
ЗакЦИКа, прошу
политбюро: 1.
Удовлетворить мое
ходатайство и дать
соответствующее указание
Заккрайкому. 2. Решить
вопрос о моей работе».

Последний, самый важный для себя пункт Енукидзе преподобнейше изложил в четвертом письме — секретарю ЦК Ежову:

«...Отпуск мой кончается в конце этого месяца. Мне, конечно, очень хотелось бы получить какую-нибудь работу в Москве, но если это нельзя, то согласен остаться работать здесь.

...Если бы ЦК назначил меня уполномоченным ЦИК по обеим группам курортов, а

нынешних

уполномоченных моими
замами, было бы удобнее и
лучше. Работа от этого
выиграла бы в смысле
проведения единообразных
мер в деле благоустройства
этих курортов и лучшего
использования кадров.

Все это пишу Вам для
сведения и сообщаю, что
возьму любую работу, на
какую ЦК направит
меня»[10](#).

Ежов письмо Енукидзе получил
13 мая и сразу же направил Сталину,
сопроводив припиской: «Так как из

его заявления видно, что его отпуск на днях кончается, прошу разрешения вызвать его для допроса по ряду вопросов». Сталин почему-то проигнорировал просьбу Ежова и наложил резолюцию: «Молотову, Кагановичу и другим. Освободить т. Енукидзе от обязанностей предЦИК Закавказья и дать ему пост уполЦИК СССР по Минералводской группе, оставив группу Сочи за т. Метелевым». В тот же день ПБ утвердило предложение Сталина опросом (в нем приняли участие Ворошилов, Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Андреев)¹¹.

Таким решением узкое руководство и лично Сталин

вынуждены были опровергнуть содержание собственного же «Сообщения ЦК», признать, что Енукидзе действительно был избран председателем ЗакЦИК, а не одним из председателей. Да еще пойти навстречу Авелю Сафроновичу, назначить его на ту самую должность, которой он столь настойчиво и даже убедительно добивался. А две недели спустя Енукидзе вернулся в Москву не для дачи показаний в КПК, а для участия в пленуме ЦК.

6 июня, на второй день работы пленума, с предусмотренным повесткой дня докладом «О служебном аппарате секретариата

ЦИК Союза ССР и товарище А. Енукидзе» выступил Ежов. Выступил весьма своеобразно, далеко отойдя от конструкции и содержания недавнего «Сообщения ЦК».

Начал Ежов, и, как оказалось, далеко не случайно, с напоминания о выстреле в Смольном, чтобы сразу же задать необходимый тон, привлечь внимание собравшихся к главному.

«При расследовании обстоятельств убийства товарища Кирова в Ленинграде, — заявил Ежов, — до конца еще не была вскрыта роль Зиновьева, Каменева и Троцкого в подготовке террористических актов против

руководителей партии и советского государства. Последние события показывают, что они являлись не только вдохновителями, но и прямыми организаторами как убийства товарища Кирова, так и подготовлявшегося в Кремле покушения на товарища Сталина».

Только затем Ежов сообщил о «последних событиях». О том, что НКВД «вскрыл пять связанных между собой, но действовавших каждая самостоятельно террористических групп», и уточнил: «Все они представляли собой единый контрреволюционный блок белогвардейцев, шпионов, троцкистов и зиновьевско-

каменевских подонков. Все эти озлобленные и выкинутые за борт революции враги народа объединились единой целью, единым стремлением во что бы то ни стало уничтожить товарища Сталина».

Так впервые официально и безапелляционно бывшие вожди внутрипартийной оппозиции и их сторонники были объявлены контрреволюционерами, врагами народа, сознательно объединены с белогвардейцами, противопоставлены отнюдь не большинству партии, а только Сталину. Причем не как его идейные противники, имеющие свои взгляды на то, какими должны быть курс

ВКП(б) и политика Советского Союза, а как заговорщики, террористы. Для подтверждения этого тезиса и послужило «Кремлевское дело», якобы широко разветвленное, далеко уходящее за пределы Кремля.

«Часть (заговорщиков — Ю.Ж.), — продолжил Ежов, — все свои планы строит на организации покушения вне Кремля, для чего собирает сведения и ведет наблюдение за маршрутами поездок товарища Сталина, узнает, где он живет за пределами Кремля, в какие часы больше всего выезжает, и, наконец, ищет удобного случая для организации покушения на Красной

площади во время демонстрации. Другая часть главную ставку ставит на организацию покушения в самом Кремле, в особенности рассчитывая и добиваясь проникнуть на квартиру к товарищу Сталину». Вот тут-то Николай Иванович напрямую связал «террористов» с бывшим секретарем ЦИК СССР. «Свой план проникновения на квартиру к товарищу Сталину, — сказал он, — они строят на использовании личных связей с т. Енукидзе и с его приближенными, наиболее доверенными сотрудниками».

Все более и более входя в роль прокурора, обличающего на суде преступников, Ежов начал

использовать свои козыри — «признания» подследственных, разумеется, не полностью, а только те отрывки из них, в которых шла речь о якобы готовившихся покушениях на Сталина, точнее, о намерениях, о всего лишь принципиальной возможности таковых. Легко жонглируя заранее подобранными цитатами, Ежов позволил себе — для пущего эффекта — упомянуть показания и тех, кто полгода назад проходил по делу Николаева. Но все же, не теряя из виду основную цель, он постарался свести результаты следствия по «Кремлевскому делу» к прямой и равной ответственности

Зиновьева и Каменева, попытался убедить участников пленума в том, что именно они «в своем стремлении пробраться к власти, ставили ставку на внутренние и главным образом внешние отношения». Заговорщики, по его словам, загодя распределили сферы действий: «Организатором террора в Ленинграде был Зиновьев, все время поддерживавший связи с ленинградскими троцкистами (так в тексте! — Ю.Ж.), в Москве организатором террора был Каменев».

Опираясь на материалы, полученные из НКВД, Ежов вновь и вновь стремился усугубить вину Каменева. Мол, Муханова сообщила

следствию: «О группе, возглавлявшейся Н. Розенфельд, могу показать, что она была непосредственно связана с Л. Б. Каменевым». Из ее же слов, подтвержденных опять же голословными признаниями Б. Н. и Н. Б. Розенфельдов, следовало, что «сам Каменев непосредственно направляя всю деятельность групп, давал им указания и был в курсе всей подготовки убийства товарища Сталина».

Не обошел Ежов и роли Троцкого, его личной ответственности за терроризм. Правда, в данном случае он мог сослаться не на чьи-то сомнительные

показания, а на откровения самого Льва Давидовича, на его провокационную, по сути, статью «Рабочее государство, термидор и бонапартизм».

«Нынешний политический режим в СССР, — писал Троцкий, — есть режим „советского“ (или антисоветского) бонапартизма по типу своему ближе к империи, чем к консульству... Противоречие между политическим режимом бонапартизма и потребностью социалистического развития представляет важнейший источник внутренних кризисов и непосредственную опасность самого существования СССР как рабочего

государства»¹². Мало этого, Троцкий не только признал существование в Советском Союзе политического терроризма, но и фактически оправдал его. Он отмечал в статье «Сталинская бюрократия и убийство Кирова»: «Политическая и моральная ответственность за самое возникновение терроризма в рядах коммунистической молодежи лежит на Сталине»¹³.

Именно это утверждение недавнего героя октябрьской революции и гражданской войны, оспорить подлинность которого было невозможно, позволило Ежову сделать оказавшийся столь страшным по своим последствиям вывод.

Троцкий, провозгласил секретарь ЦК, «стал теперь главным вдохновителем и организатором террора против вождей партии и правительства, мобилизуя вокруг себя все террористические элементы внутри и вне СССР».

Только потом, практически в конце доклада, Ежов обратился к заявленной теме. Вспомнил о Енукидзе и подведомственном ему совсем недавно аппарате секретариата ЦИК.

«Ярким примером политической слепоты и полной потери классовой бдительности, — заявил Ежов, — примером такого преступного благодушия является

член ЦК ВКП(б) тов. Енукидзе. Партия оказала ему огромное доверие. В течение полутора десятка лет он состоял секретарем ЦИК. Ему фактически была доверена охрана Кремля. Только благодаря его преступному благодушию, полной потере классового чутья и политической бдительности, контрреволюционным зиновьевско-каменевским и троцкистским элементам удалось пробраться в Кремль и организовать там террористические группы».

Подкрепив такое обвинение опять же лишь материалами следствия по «Кремлевское делу», Ежов заключил: «Товарищ Енукидзе

должен быть наказан самым суровым образом, потому что он несет политическую ответственность за факты, происходившие в Кремле». Но тут же он предложил необъяснимо мягкое наказание: «ЦК выносит на рассмотрение пленума вопрос о выводе т. Енукидзе из состава членов ЦК ВКП(б)»^{[14](#)}.

Казалось, доклад должен был задать тон для последовавшего обсуждения. Однако большинство участников пленума решило всячески уклоняться от политических аспектов вопроса, и прения пошли по иному пути.

Первым взял слово секретарь Закавказского крайкома Л. П. Берия.

Он даже не упомянул ни Троцкого, ни Зиновьева с Каменевым, вел речь лишь о Енукидзе. Мимоходом Берия коснулся «позорных ошибок» того в далеком прошлом: «заигрывание с меньшевиками в ответственные периоды нашей революции», «фальсифицирование» истории бакинской социал-демократической организации (имелась в виду автобиография Енукидзе, опубликованная Энциклопедическим словарем «Гранат» в 1927 г. — Ю.Ж.). Лишь затем Берия перешел к тому, что счел самым важным. «Ему персонально, — возмущенно сказал Лаврентий Павлович, — доверена была охрана штаба нашей

революции, охрана вождя и учителя т. Сталина, за которого бьются сердца миллионов пролетариев и трудящихся. И что в итоге, товарищи, оказалось? Надо прямо сказать, что т. Енукидзе оказался в положении изменника нашей партии, изменника нашей родины... Предложения товарища Ежова совершенно правильны. Но, по-моему, они недостаточны. Товарища Енукидзе надо не только вывести из состава Центрального комитета партии, надо вывести и из состава президиума ЦИК, и вообще из ЦИК»¹⁵.

Схожим образом построили свои выступления Шкирятов и Акулов. Говорили только об аппарате

секретариата ЦИК СССР, о том, каким он был плохим при Енукидзе, как была проведена в нем чистка, каким он стаи теперь. Правда, Акулов — но, видимо, в силу своего нового положения — затронул еще и вопрос охраны Кремля.

«Сейчас комендант Кремля, — сообщил он, — имеет специального заместителя, который ведает только охраной Кремля и который в этой части подчинен НКВД... Секретариат ЦИК к охране не имеет никакого отношения».

Только генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины С. В. Косиор, выступивший сразу после Берии, счел необходимым высказаться по

всем проблемам, затронутым в докладе Ежова. Также начал с выстрела в Смольном, связал его с тем, что Енукидзе «аппарат ЦИК передал в руки классовых врагов: троцкистов, белогвардейцев и всякой сволочи... открыл двери всякого рода террористам и кому угодно». Затем обрушил свой гнев на бывших лидеров партии:

«Совершенно ясна линия Зиновьева, Каменева и Троцкого. Совершенно ясно, что все эти люди, делавшие раньше ставку на наши трудности, на то, что мы сломаем себе шею на

целом ряде мероприятий крупных и мелких, которые проводились под руководством ЦК и товарища Сталина нашей партией и нашей страной. Их ставка оказалась битой. На что теперь эти люди могут надеяться? Их последняя ставка, их последняя надежда — террор, это совершенно ясно. То, что здесь читал т. Ежов, не требует никаких комментариев, никаких добавлений. Лозунг оголтелого террора дает Троцкий всем своим

сторонникам.

Организаторами
террористической борьбы
здесь были Зиновьев и
Каменев. Это значит, что
мы должны
рассматривать как
прямого врага не только
троцкиста, не только
зиновьевца, а каждого —
кто бы он ни был, — кто
хотя бы в малейшей
степени ведет себя
двусмысленно, кто играет
на руку классовому врагу.
Мы должны его
изолировать, ибо это
опасный враг. Тут мы не

можем делать никакой
разницы между
белогвардейцами, всякого
рода офицерскими
террористическими
организациями, с одной
стороны, и троцкистами и
зиновьевцами, с другой.
Эта разница давно исчезла.
Мы должны с ними
расправиться беспощадно
(выделено мной — Ю.Ж.)».

Вернувшись затем к Енукидзе, к
собственно «Кремлевскому делу»,
Косиор в оценках услышанного
превзошел докладчика.

«На примере Енукидзе мы должны показать партии тип человека, людей, которые являются самым слабым нашим местом, которые являются основной опорой, ставкой классовых врагов. Людей, которые в Ленинграде допустили убийство тов. Кирова, мы судили и сурово наказали их по советским законам. Здесь мы имеем дело несколько не меньшей значимости, наоборот — фактами еще большей значимости. Вот почему тут должно быть

применено самое суровое наказание».

И предложил исключить Енукидзе из партии, сознавая, что в таком случае у НКВД появится право его арестовать... [16](#)

После столь кратких прений слово предоставили Енукидзе, который не стал каяться в грехах подлинных или мнимых, а воспользовался трибуной, чтобы решительно отвести от себя основные обвинения.

«Тут было, — твердо начал он, — много неправильного сказано в отношении аппарата ЦИК. Во-первых аппарат этот многократно

менялся за все время своего существования. И в смысле качественного состава, и в смысле партийной прослойки он подвергался изменениям. Но не изменялся порядок приема работников в Кремль. Это можно проверить по документам. Всякий поступающий работать в Кремль проходил определенный стаж проверки и лишь после этого зачислялся в штат. Проверка проходила с участием органов Наркомвнудела. Никто не принимался в Кремль без их отзыва. Это относится решительно ко всем сотрудникам».

Отклонив таким образом

главное обвинение, вернее, разделив ответственность за все происшедшее с НКВД, Енукидзе убедительно объяснил и свою позицию после принятия решения от 3 марта.

«После того, — сказал он, — что было обнаружено в библиотеке и комендатуре Кремля и тотчас же после того, как это стало мне известно, я немедленно же заявил товарищам — членам политбюро, что снятие меня с поста секретаря ЦИК совершенно правильно. Я своим отношением и своим доверием к аппарату не обеспечивал безопасность в Кремле, и потому меня надо было снять». И тут же вновь перешел в атаку: «Я очень

сожалею, что тут были притянуты вопросы личного разложения, сожительства с некоторыми и так далее. Я здесь, товарищи, совершенно откровенно вам говорю, что ни с кем из арестованных, какие бы ни были письма или показания, ни с кем из арестованных я не сожительствовал».

И только затем Енукидзе позволил себе признание ошибок, покаяние:

«Когда мне комендант Кремля сообщил, что вот такая-то уборщица ведет контрреволюционные разговоры, в частности

против товарища Сталина,
я вместо того, чтобы
немедленно арестовать и
передать эту уборщицу в
руки Наркомвнудела,
сказал Петерсону:
проверьте еще раз, потому
что было очень много
случаев оговора — зря
доносили против того или
другого. Конечно, нельзя
было терпеть такое
положение и нужно было
немедленно же принять
меры. Это мое
распоряжение коменданту
Кремля попало в руки
Наркомвнудела и затем к

товарищу Сталину. Товарищ Сталин первый обратил на это внимание и сказал, что это не просто болтовня, что за этим кроется очень серьезная контрреволюционная работа. Так и оказалось на самом деле».

Признал Енукидзе и другое: то, что принял Раевскую на службу в правительственную библиотеку, несмотря на возражения НКВД; что затянул реорганизацию охраны Кремля, намеченную именно им еще осенью 1934 г.; что принятие на работу в аппарат ЦИК СССР

«бывших людей» явилось с его стороны потерей бдительности, хотя «об этих лицах известно было также и органам наркомвнудела».

Словом, построил свою защиту Енукидзе весьма умело, даже профессионально, и завершил выступление весьма своеобразно:

«Мне кажется, что в дальнейшем ни годы мои, ни здоровье не позволят мне подняться на ту высоту доверия, которую я занимал. Несмотря на это, я ни в малейшей степени не прошу у партии снисхождения. По

отношению ко мне нужно
применить именно ту меру,
которая может послужить
уроком в дальнейшем для
всякого коммуниста,
стоящего на том или ином
посту, чтобы
действительно усилить
бдительность и поставить
работу нашей партии и
наших советских органов
так, чтобы они могли
спокойно и плодотворно
работать»^{[17](#)}.

Явная	двойственность
выступления	Енукидзе, его
готовность,	с одной стороны,

принять любое наказание и с другой — решительное отклонение практически всех предъявленных обвинений, недвусмысленное напоминание, что слишком многое, ставящееся ему в вину, делалось им совместно с НКВД, неизбежно вызвали возобновление прений.

Первый секретарь Свердловского обкома И. Д. Кабаков предложил «внести вопрос» о Енукидзе «в судебные органы. Надо его осудить по существу его преступлений»^{[18](#)}.

Член ПБ, оргбюро, секретарь ЦК ВКП(б) и одновременно нарком путей сообщения Л. М. Каганович в полемическом задоре приоткрыл

завесу тайны, окутывавшей ход дела Енукидзе, рассказал о том, о чем участники пленума могли лишь догадываться, связывая воедино немногие известные им факты.

«Как только, — поведал Лазарь Моисеевич, — получили первые данные об аппарате ЦИК, тов. Сталин собрал нас, поставил вопрос, что надо Енукидзе снять с поста секретаря ЦИК... Затем по ходу следствия, когда выяснились еще другие факты, тов. Сталин поставил вопрос, что нельзя держать Енукидзе на таком посту, как пост председателя Закавказского ЦИК. Сняли его с поста председателя Закавказского ЦИК и дали ему

работу уполномоченного по курортам в Кисловодске. Сейчас, когда выяснились все материалы, о которых доложил тов. Ежов, совершенно ясно, что Енукидзе должен понести серьезное наказание»¹⁹.

Пожалуй, самой агрессивной и нетерпимой оказалась речь Ягоды. И это понятно, ибо ему пришлось прежде всего защищать себя и свое ведомство. Защищать, пренебрегая тем, что слишком хорошо было известно участникам пленума о реальной практике подбора кадров. «Я думаю, товарищи, — начал выступление Ягода, — что Енукидзе своим выступлением уже поставил

себя вне рядов нашей партии». Заявил он так наверняка для того, чтобы пресечь на корню слишком опасное для него дальнейшее обсуждение вопроса о проверке НКВД сотрудников Кремля, об ответственности за политическую их благонадежность прежде всего СПО. Мало того, Ягода попытался всю вину за провал такой работы, явно не относящейся к компетенции Енукидзе, возложить именно на него.

«Енукидзе не только игнорировал наши сигналы, но завел в Кремле свое параллельное „ГПУ“, и, как только выявлял

нашего агента, он немедленно выгонял его. Конечно, все это не снимает с меня ответственности. Я признаю здесь свою вину в том, что я в свое время не взял Енукидзе за горло и не заставил его выгнать всю эту сволочь... Все, что говорил здесь Енукидзе, это сплошная ложь... Вы здесь перед пленумом столько налгали, Авель, что нужно не только исключить вас из партии, нужно, по-моему, арестовать вас и судить»[20](#).

Лишь потому, что на заседании появилось непредусмотренное предложение, высказанное Косиором и Ягодой, — арестовать Енукидзе и судить его, Ежову пришлось выступить вновь, на этот раз в роли уже не прокурора, а судьи. Он вынужден был признать достаточно серьезными промахи в работе органов безопасности. «Вину НКВД, — отметил Николай Иванович, — когда она есть, никто и никогда не замазывал». Напомнил об осуждении Медведя и «других коммунистов, виновных в служебных упущениях, связанных с убийством тов. Кирова». И вслед за тем окончательно сформулировал

требующееся решение:

«Если Енукидзе в своей речи по существу оправдывает все случившееся, а из речи это вытекает, если он не рвет своей связи, не пересматривает своих отношений ко всей этой белогвардейской своре, с которой он был связан, то, видимо, он хочет и решил порвать с партией»[21](#).

Разумеется, после столь явного намека все проголосовали за вывод Енукидзе из ЦК, большинство — за

его исключение из партии, и лишь меньшинство — за арест и предание суду²².

Через день советские газеты опубликовали сообщение о состоявшемся пленуме и принятые им резолюции. Вторая из них гласила:

«О служебном
аппарате ЦИК СССР и т.
Енукидзе. 1. Одобрить
мероприятия контрольных
органов по проверке и
улучшению служебного
аппарата ЦИК Союза ССР.
За политико-бытовое
разложение бывшего

секретаря ЦИК СССР
А. Енукидзе вывести из
состава ЦК ВКП(б) и
исключить из рядов
ВКП(б)»^{[23](#)}.

Практически сразу же, начиная с 13 июня, во всех краях, областях, в Москве и Ленинграде прошли партийные активы, на которых «разъяснялись» решения пленума. И по первому пункту — «Об уборке урожая и сельскохозяйственных заготовках», и по второму, чтобы объяснить коммунистам маловразумительную формулировку «политико-бытовое разложение». Опубликованные же в «Правде»

доклады на этих активах, сделанные руководителями самых крупных организаций, позволили узнать о происшедшем и беспартийным. Нет, не понять, а окончательно запутаться в сути событий из-за намеков на некую взаимосвязь Енукидзе с убийством Кирова, с «вредительством», неприкрытых угроз в адрес «классового врага», требований «усилить борьбу» с «гнилым либерализмом», «ротозейством», «самоуспокоенностью» и «благодушием». О том, что произошло с аппаратом ЦИК СССР, о собственно «Кремлевском деле» не было сказано ни слова.

Из доклада Н. С. Хрущева:

«...На предприятиях у нас были случаи порчи оборудования, в столовых — отравления пищи. Все это делают контрреволюционеры, кулаки, троцкисты, зиновьевцы, шпионы и всякая другая сволочь, которая объединилась теперь под единым лозунгом ненависти к нашей партии, ненависти к победоносному пролетариату. Злодейское убийство товарища Кирова

в декабре прошлого года, дело Енукидзе должно мобилизовать всю партию, должно поставить нас на ноги, должно заставить нас так организовать нашу работу, чтобы ни один мерзавец не смог творить своего подлого дела»²⁴.

Из доклада А. Л. Жданова:

«Ярким примером коммуниста, забывшего свои элементарные по отношению к партии обязанности, попавшего в цепкие лапы классового

врага и потерявшего свое партийное лицо, является Енукидзе... Енукидзе проявил не только недопустимое для большевика ротозейство, которым пользовались враги, но и оказывал прямую поддержку этим врагам... Дело Енукидзе показывает еще раз, что главным препятствием, мешающим разоблачать происки классового врага, является наша самоуспокоенность и благодущие»[25](#).

Еще больше должна была всех запутать, запугать, подготовить к «охоте на ведьм» публикация доклада Косиора — единственного обличавшего бывших вождей бывлой оппозиции:

«Из тех материалов, которые мы имели в связи с делом Енукидзе, для всех нас совершенно ясно, что и Зиновьев, и Каменев были не только вдохновителями тех, кто стрелял в тов. Кирова. Они были прямыми организаторами этого убийства. Они действовали в полном

согласии с
контрреволюционером
Троцким...»

И сделал категорический вывод:

«Ярость классового
врага усиливается, он
бесится, а это требует от
нас все более
ожесточенной борьбы с
ним»[26](#).

Самым же жестким, даже
кроважатым стал доклад,
сделанный генеральным секретарем
комсомола А. В. Косаревым на XI
пленуме ЦК ВЛКСМ и широко

растиражированный многими газетами. Говоря об актуальных задачах коммунистического воспитания молодежи, основу их он свел к «борьбе с классовым врагом». А раскрыл это положение на примере дела Енукидзе:

«Классовая борьба не затухает, а принимает новые, более сложные формы. Враг не уступает добровольно своего места. Его можно убрать только насильственно, методами экономического воздействия, методами организационно-

политической изоляции, а когда в этом есть потребность — и методами физического истребления»^{[27](#)}.

На этом хорошо организованная трехнедельная пропагандистская кампания внезапно завершилась. Печать о деле Енукидзе забыла. Навсегда. Забыли о нем и в партийных организациях. И лишь месяц спустя состоялись те самые закрытые процессы, которые и призваны были обосновать и подтвердить все те обвинения, выдвинутые на пленуме Ежовым и закреплённые априорно членами ЦК.

Но процессы, эти завершились несколько иначе, нежели хотелось бы Ягоде, на чем он, по существу, настаивал 2 мая, адресуясь лично к Сталину.

Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством В. В. Ульриха в закрытом — без участия обвинения и защиты — заседании 27 июля осудила по «Кремлевскому делу» 30 человек. Двоих (вместо 25), Синелобова и Чернявского, приговорили к расстрелу; 9, в том числе Л. Б. Каменева, его брата и первую жену того, — к десяти годам тюремного заключения; остальных — к заключению на срок

от двух до семи лет. В тот же день Особое совещание НКВД по тому же делу приговорило к тюремному заключению на срок от трех до пяти лет 42 человека, к ссылке на два и три года — 37 человек, к высылке из Москвы — одного^{[28](#)}.

Глава седьмая

Всего через два дня после того, как Ягода заявил о завершении следствия по «Кремлевское делу», 4 мая 1935 г., в Кремле по решению ПБ¹ руководство партии и правительство дали прием в честь выпускников военных академий, ставший впоследствии традиционным. Открыл его нарком обороны Ворошилов, а почти сразу же вслед за ним взял слово Сталин. Заговорил он не о проблемах службы в войсках новой когорты командиров, не об угрозе войны и необходимости готовиться к отражению врага, а

совершенно об ином, что явно волновало его последнее время и чего на XVII съезде партии касался уже и он сам, и Каганович, а на VII съезде Советов СССР — Молотов. О том, что настало время опираться не на тех, кто обладал в прошлом революционными заслугами, а на профессионалов иного рода — на людей с высшим специальным образованием.

«Слишком много говорят у нас, — заметил, интригуя слушателей, Сталин, — о заслугах руководителей, о заслугах вождей. Им приписывают все, почти все наши достижения. Это, конечно, неверно и неправильно. Дело не

только в вождях». А затем, после небольшого отступления, он объяснил, от кого же в действительности зависят успехи страны. «Раньше мы говорили, что „техника решает все“. Этот лозунг помог нам в том отношении, что мы ликвидировали голод в области техники и создали широчайшую техническую базу во всех отраслях деятельности для вооружения наших людей первоклассной техникой. Это очень хорошо. Но этого далеко не достаточно... Чтобы привести технику в движение и использовать ее до дна, нужны люди, овладевшие техникой, нужны кадры, способные освоить и использовать эту технику

по всем правилам искусства... Вот почему старый лозунг „техника решает все“... должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что „кадры решают все“».

И тут же, используя хорошо знакомые ему приемы риторики, бросил в зал главный с его точки зрения вопрос: «Можно ли сказать, что наши люди поняли и осознали полностью великое значение этого нового лозунга?» И сам же ответил на собственный вопрос, высказав тем самым то, что его беспокоило: «Я бы этого не сказал». Далее он вернулся к главной теме «вельмож-бюрократов», подразумевая, скорее всего, именно их в неприятии нового лозунга:

«Равнодушное

отношение некоторых наших руководителей к людям, к кадрам и неумение ценить людей является пережитком... Если мы хотим изжить с успехом голод в области людей и добиться того, чтобы наша страна имела достаточное количество кадров, способных двигать вперед технику и пустить ее в действие, мы должны прежде всего научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного

принести пользу нашему делу».

Но только этой темой, вполне понятной на приеме в честь выпускников военных академий, Сталин не ограничился. В небольшом отступлении, которое он почему-то позволил себе, произнёс нечто загадочное, только намекнул на что-то, оставшееся непонятым и аудиторией, и теми, кто прочитал его речь в газетах два дня спустя.

«Среди наших товарищей, — начал Сталин, безусловно имея в виду соратников по партии, — нашлись люди, которые после первых же затруднений стали звать к

отступлению... Они говорили: „Что нам ваша индустриализация и коллективизация, машины, черная металлургия, тракторы, комбайны, автомобили? Дали бы лучше побольше мануфактуры, купили бы лучше побольше сырья для производства ширпотреба и побольше бы давали населению всех тех мелочей, чем красен быт людей. Создание индустрии при нашей отсталости, да еще первоклассной индустрии, — опасная мечта“. Но эти товарищи не всегда ограничивались критикой и пассивным сопротивлением. Они угрожали нам поднятием восстания в партии против Центрального

комитета. Более того, они угрожали кое-кому из нас пулями. Видимо, они рассчитывали запугать нас и заставить нас свернуть с ленинского пути... Понятно, что мы и не думали сворачивать с ленинского пути. Более того, укрепившись на этом пути, мы еще стремительнее пошли вперед, сметая с дороги все и всякие препятствия. Правда, нам пришлось при этом по пути помять бока кое-кому из этих товарищей. Но с этим уж ничего не поделаешь. Должен признаться, — заключил Сталин, — что я тоже приложил руку к этому делу»².

Характеристика,	данная
Сталиным «товарищам»,	вполне

могла относиться в равной степени и к троцкистам, и к зиновьевцам, и к правым. «Угроза пулями», казалось, напрямую связывалась с Зиновьевым и Каменевым, с выстрелом в Смольном. Но если бы это было так, ничто не мешало Сталину назвать «товарищей» поименно. Это было бы и логично, даже актуально и весьма выгодно с точки зрения оправдания процесса над теми, кто был объявлен причастным к убийству Кирова. Однако так Сталин почему-то не поступил, обошелся без фамилий. Следовательно, он имел в виду других людей, тех, о ком прямо сказать почему-то не решился, но и умолчать о содеянном ими не смог. А

может, просто не удержался — проговорился.

Объяснение тому, на что лишь намекнул Сталин в своей речи 4 мая, как и того, что же стояло на самом деле за «Кремлевским делом», легко можно найти в нескольких документах. Прежде всего в доносе, полученном Сталиным в первых числах января 1935 г. от одного из близких родственников — брата его первой жены А. С. Сванидзе, тогда председателя правления Внешторгбанка, сообщившего о существовании заговора с целью отстранения от власти узкого руководства, к которому якобы были причастны Енукидзе и Петерсон³.

О том же свидетельствуют и собственноручные признательные показания, данные в первые же минуты после ареста Енукидзе — 11 февраля 1937 г. в Харькове и Петерсоном — 27 апреля 1937 г. в Киеве разным следователям. Оба показали, что готовили переворот, намереваясь арестовать или, при необходимости, убить Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова и Орджоникидзе⁴. А 19 мая 1937 г. о том же поведал и Ягода, но лишь через полтора месяца после ареста. Он также назвал Енукидзе и Петерсона в числе руководителей «заговорщицкой организации правых». Подтвердил же такое

заявление ссылкой на слова, якобы сказанные Енукидзе в 1932 или 1933 г.:

«Мы так же, как и они (троцкисты, зиновьевцы — *Ю.Ж.*), против генеральной линии партии. Против Сталина... Мы можем хладнокровно готовиться, готовиться всерьез к захвату власти и имеем свои планы». А далее Ягода произнес следующее: «Планы правых в то время сводились к захвату власти путем так называемого дворцового переворота. Енукидзе говорил мне, что он лично по постановлению центра правых готовит этот переворот... Енукидзе заявил мне, что комендант Кремля Петерсон

целиком им завербован, что он посвящен в дела заговора. Петерсон занят подготовкой кадров заговорщиков-исполнителей в Школе (им.) ВЦИК, расположенной в Кремле, и в командном составе кремлевского гарнизона... В наших же руках и московский гарнизон... Корк, командующий в то время Московским военным округом, целиком с нами. Я хочу здесь заявить, что в конце 1933 г. Енукидзе в одной из бесед говорил мне о Тухачевском как о человеке, на которого они ориентируются и который будет с нами».

26 мая на очередном допросе Ягода вновь вернулся к затронутой

ранее теме кремлевского заговора:

«Когда по прямому предложению Сталина я вынужден был заняться делом „Клубок“, я долго его тянул, переключил следствие от действительных виновников, организаторов заговора в Кремле — Енукидзе и других, на „мелких сошек“, уборщиц и служащих... Я уже говорил, что инициатива дела „Клубок“ принадлежит Сталину. По его прямому предложению я вынужден

был пойти на частичную ликвидацию дела».

Весной 1935 г., продолжал показания Ягода, Петерсон заявил ему, что «Енукидзе и он сам очень обеспокоены материалами о заговоре, которые попали в НКВД... В следствии я действительно покрыл Петерсона, но мне надо было его скомпрометировать, чтобы снять его с работы коменданта Кремля. Я же все время стремился захватить охрану Кремля в свои руки, а это был удобный предлог. И мне это полностью удалось...»⁵

Если скорректировать лексику вышеприведенных протоколов, а

точнее — следователей, не воспринимать буквально, в прямом смысле такие понятия, как «организация», «центр», «постановление», даже «заговор», то перед нами возникает четкий и даже честный пересказ хода следствия по «Кремлевскому делу». Вернее, как оказывается, по делу «Клубок», которое было поручено Ягоде лично Сталиным, несомненно, после получения информации от А. С. Сванидзе. И данный факт приходится признать бесспорным, ибо ни под каким давлением — физическим или моральным — Ягоде не позволили бы придумывать подобное и тем более

следователям — вносить в протоколы.

Согласуются с такой оценкой приведенных отрывков из показаний Ягоды, лишний раз подтверждают их и те самые намеки, содержащиеся в речи Сталина, произнесенной 4 мая. Они становятся понятными лишь в том случае, если Сталин под теми, кто «угрожал пулями», подразумевал подозреваемых по «Кремлевскому делу» — Енукидзе с Петерсоном и других. Объясняются недомолвки единственно тем, что до завершения следствия, до процесса и, главное, до пленума ЦК говорить о них открыто было преждевременно, особенно в такой аудитории, как выпускники

военных академий. Согласуется со словами Сталина, что он «приложил руку к этому делу», и выступление Кагановича на пленуме. Его заявление, что Иосиф Виссарионович сыграл главную роль в «создании» дела Енукидзе.

Безусловно подтверждает факт существования заговора еще и то, что произошло как до, так и после процессов по «Кремлевскому делу». Ягода лишь в мае 1937 г. назвал пятерых причастных к заговору: А. С. Енукидзе, Л. М. Карахана, Р. А. Петерсона, А. И. Корка, М. Н. Тухачевского, а также упомянул в целом Московский военный округ (МВО). Однако вряд ли случайно уже

в 1935 г. четверо из них были лишены
какой-либо возможности
осуществить то, что Ягода назвал
дворцовым переворотом. Еще 14
февраля появилось решение ПБ «Об
охране Кремля». 3 марта Енукидзе
отстранили от поста секретаря ЦИК
СССР, то есть лишили прежних
полномочий, позволявших ему
непосредственно воздействовать на
охрану узкого руководства, а
несколько позже отправили в
Харьков, переставший быть
столичным городом. А еще раньше
вынужден был покинуть Москву и
Л. М. Карахан. Поступили с ним так
же, как обычно поступали в
двадцатые годы с оппозиционно

настроенными партийными лидерами, дабы лишить их возможности играть какую-либо роль в политической жизни, — их не арестовывали, а отправляли в почетную ссылку за рубеж, полпредами. Всех же военнослужащих, занимавших командные посты в МВО, перевели на такие должности, где в их непосредственном подчинении уже не было воинских частей. 22 марта решением ПБ начальника штаба МВО А. М. Вольпе утвердили начальником административно-мобилизационного управления РККА, а на его место назначили В. А. Степанова, до того помощника

командующего Приморской группой войск ОКДВА⁶. 9 апреля перевели подальше от Москвы Петерсона. Пять месяцев спустя, 5 сентября, решением ПБ, почему-то занесенным в Особую папку, что стало уникальным для такого рода кадровых назначений, А. И. Корка перевели с поста командующего МВО на должность начальника Военной академии имени Фрунзе, его заместителя Б. М. Фельдмана — в аппарат НКО, командующего ПВО округа М. Е. Медведева отправили в отставку. Не пострадал лишь М. Н. Тухачевский, да и то только потому, что тогда, в 1935 г., еще никто не связывал его с кремлевским

заговором.

И все же следует уточнить: были ли объективные предпосылки или хотя бы теоретическая возможность существования заговора против Сталина и его группы? Ответ на этот вопрос может быть только положительным. Ведь, отвергнув саму принципиальную возможность заговора как радикальной формы противостояния внутри ВКП(б), следует тем самым исключить хорошо известные факты — весьма сильные оппозиционные настроения, не раз перераставшие в открытые конфликты, разногласия, порожденные слишком многим. Во внутренней политике — провалом

первой пятилетки, связанным с ним неизбежным поиском виновных, поиском выхода из кризисной ситуации. Во внешней — уже не вызывающая сомнения полная смена курса, которым с 1917 г. следовала партия, Коминтерн и СССР как государство. Помимо этого, часть наиболее сознательных, убежденных и вместе с тем самых активных коммунистов, особенно участников революции и гражданской войны, сохранили собственное мнение по возникшим проблемам, не желая ни принимать новый курс Сталина, ни становиться откровенными конформистами. Они продолжали ориентироваться только на мировую

революцию, сохранение
незыблемости классовых основ
Республики Советов, диктатуры
пролетариата, не желали
отказываться от того, что являлось
смыслом их жизни.

Енукидзе и Петерсон, Корк и
Фельдман, Ягода и его заместители
по наркомату, начальники отделов
НКВД относились именно к такой
категории большевиков. К тем, кого
следует называть непреклонными,
несгибаемыми,
«фундаменталистами». Они, да и не
только они, в силу своего
политического опыта не могли не
понимать, к чему все идет. А к
решительному сопротивлению их

могло подвинуть многое, но окончательно — вступление СССР в Лигу наций, пошедшая полным ходом подготовка создания Восточного пакта. Иными словами, воссоздание хотя и с новыми задачами, но все той же пресловутой Антанты, которая не так давно открыто боролась с Советской республикой в годы гражданской войны.

Повлиять на радикализацию настроений мог и отказ — перед прямой угрозой фашизма — от прежней замкнутости, своеобразного сектантства Коминтерна, первые попытки создать народные фронты, объединившие бы вчерашних

заклятых врагов — коммунистов и социал-демократов. Наконец, последней каплей, переполнившей чашу терпения, могло стать и известное Енукидзе стремление Сталина изменить конституцию, исключив из нее все, что выражало классовый характер Советского Союза, его государственной системы.

Когда же мог возникнуть заговор с целью отстранения от власти группы Сталина? В протоколе допроса Ягода утверждает: в 1931—1932 гг. Вполне возможно, ибо именно тогда разногласия в партии достигли своего очередного пика: «дела» Слепкова («школа Бухарина»), Сырцова-Ломинадзе, «право-левой»

организации Стэна, группы Рютина, высылка за связь с последней в Минусинск и Томск Зиновьева и Каменева. Но все же, скорее всего, тогда возникла еще неясная, не вполне оформившаяся мысль. Заговор как реальность, вероятно, следует отнести к концу 1933-го — началу 1934 г., как своеобразный отклик на дошедший до Советского Союза призыв Троцкого «убрать Сталина», совершить новую, «политическую» революцию, ликвидировав «термидорианскую сталинистскую бюрократию».

Разумеется, обязательно должно насторожить отсутствие улик, прямых или косвенных, но

неопровержимых. А для этого следует задуматься: бывают ли вообще в подобных случаях улики? Могли ли они быть получены при расследовании дела «Клубок», и если могли, то какие? Планы ареста узкого руководства, списки будущего ПБ и правительства, что-либо подобное? Или списки заговорщиков, да еще заверенные их подписями? А может, заготовленные предусмотрительно декларации, декреты, указы для оглашения сразу же после захвата власти? Вряд ли, ибо нормальный заговорщик, готовящий к тому же государственный переворот, сделает все возможное, дабы избежать

существования такого рода улики.

Необходимо обратиться и к проблеме достоверности имеющихся фактов, главным образом признательных показаний, данных в разных городах и разным следователям, да еще не когда-либо, а в день ареста, Енукидзе — в Харькове, Петерсоном — в Киеве.

Трудно представить их предварительный сговор об идентичности показаний только ради того, чтобы обеспечить себе смертный приговор. Еще труднее представить иное. То, что по крайней мере два, да еще работавшие вне столицы следователя, получив некие инструкции, добивались

необходимых показаний Енукидзе и Петерсона. Ведь то, о чем поведали бывшие секретарь ЦИК СССР и комендант Кремля, — четыре варианта ареста узкого руководства, все детали такой акции вплоть до указания расположения комнат и кабинетов, существующей там охраны, наилучшего и самого надежного варианта ареста членов узкого руководства — никак не могло быть доверено следователям. Эта информация оставалась и весной 1937 г., и многие десятилетия спустя (и даже сегодня!) наиболее оберегаемой государственной тайной, которая ни при каких обстоятельствах не должна была

выйти за пределы отделения, а с ноября 1936 г. отдела охраны.

Наконец, еще одна загадка, связанная с «Кремлевским делом» и делом Енукидзе. Почему и то и другое окружала столь плотная завеса тайны? Почему «Сообщение ЦК» отмечало, что в начале марта нельзя было сказать об истинных причинах отстранения Енукидзе? Почему о двух процессах, завершивших «Кремлёвское дело», нигде не сообщалось? Ответ на все эти вопросы может быть один, общий: международная ситуация, связанная с подготовкой Восточного пакта, необходимость учитывать возможность повторения крайне

отрицательной, уже известной по освещению процессов Николаева и Зиновьева — Каменева, оценки западной прессой еще одного, явно политического суда. Особенно в данном случае, когда отсутствовало неоспоримое преступление и речь в обвинении могла идти лишь о намерениях, хотя и преступных. Учитывать следовало и то, что даже краткое сообщение о раскрытии заговора во главе с секретарем ЦИК СССР неизбежно дискредитировало бы именно тот самый орган советской власти, которому и предстояло официально подписывать будущий договор о создании Восточного пакта. И еще ни в коем

случае, даже неясным намеком нельзя было упоминать о причастности к заговору руководства комендатуры Кремля, что в условиях подготовки оборонительного договора бросило бы тень на всю РККА. Кто же станет заключать военный договор с правительством, против которого собирается выступить его же армия?

Не только в начале марта 1935 г., но и почти всю весну абсолютно все приходилось подчинять интересам внешней политики — от визита в Москву Антони Идена 28–29 марта вплоть до подписания советско-французского и советско-чехословацкого договоров, 2 и 16 мая

соответственно. В силу этого о сути «Кремлевского дела», его истинной подоплеке не должен был знать никто. Даже Ежов, надзиравший за следствием как председатель КПК, готовивший о нем доклад для пленума ЦК. Обо всем знали, принимая соответствующие решения, лишь несколько человек: Сталин, Молотов, Ягода, Ворошилов, возможно, еще и Каганович. Потому-то «Кремлевское дело», затеянное поначалу как формальный предлог для разработки иного дела — «Клубок», вскоре оказалось самодовлеющим, хотя и лишенным настоящих оснований, превратилось в страшный по результатам фарс.

Наконец, последний вопрос. Почему же заговорщики, которым, по признанию Петерсона, достаточно было всего пятнадцати-двадцати исполнителей, спокойно и хладнокровно выжидали, так и не осуществив задуманного? Скорее всего, для устранения группы Сталина они нуждались в достаточно веском предлоге, таком, который был бы понят населением, одобрен и поддержан наиболее активной частью партии, например, подписание протокола о намерении заключить Восточный пакт, что намечалось на начало декабря. Однако происшедшее буквально накануне убийство Кирова нарушило

планы заговорщиков, вынудило их отложить намеченную акцию из-за небезосновательных опасений негативной реакции населения в сложившихся условиях.

При такой реконструкции событий становится понятным и поведение Сталина. Стремясь прежде всего к установлению всех действительно причастных к настоящему, а не надуманному заговору, он не торопил НКВД. Согласился для начала как на паллиативное решение ограничиться устранением Енукидзе и Петерсона под любым благовидным предлогом из Кремля, а затем всячески оттягивал процесс, ибо его не

удовлетворяли результаты следствия. После же июньского пленума Сталин осознал, что дело зашло слишком далеко, что доклад Ежова нуждается либо в подтверждении — судом и приговором, либо в опровержении и тем самым в дискредитации и нового секретаря ЦК, и наркома внутренних дел. Сталин избрал первое и пошел на проведение явно надуманного процесса по «Кремлевскому делу», все же значительно смягчив предполагавшиеся наказания, но сделав «дело» предельно тайным.

Раскрытие кремлевского заговора не только не вынудило Сталина и его группу отказаться от намерения провести задуманные

радикальные политические реформы, но и заставило их действовать более быстро и решительно. Не обращая внимания на явно неблагоприятную для них обстановку, сложившуюся в партии, они в качестве очередной и необходимой меры пошли на реорганизацию всего год назад закрепленной уставом ВКП(б) структуры аппарата ЦК. И сделали это, не дожидаясь вынесения вопроса на обсуждение будущего съезда или хотя бы ближайшего пленума.

14 мая 1935 г. «Правда» на первой полосе, в том месте, где обычно помещались передовицы,

опубликовала постановление ЦК ВКП(б) «О реорганизации Культпропа ЦК ВКП(б)». Согласно этому документу вместо Культпропа в составе аппарата ЦК ВКП(б) создавалось пять отделов: партийной пропаганды и агитации; печати и издательств; школ; культурно-просветительной работы; науки, научно-технических изобретений и открытий.

Текст документа однозначно свидетельствовал об установлении с этого дня всеохватывающего и абсолютного, притом совершенно открытого, отсутствовавшего ранее идеологического контроля со стороны сталинской группы. Новые

отделы в совокупности превращались в несуществующий конституционно союзный Наркомпрос, получали право направлять по воле и указанию лишь узкого руководства развитие национальных, еще вчера бывших независимыми от Москвы, образования, культуры, науки, печати и издательств союзных республик. Вместе с тем этим же постановлением делался и первый конкретный, бросающийся в глаза шаг от федерации к унитарному государству.

Содержало постановление и фамилии руководителей новых отделов. Агитпроп возглавил

А. И. Стецкий, печати и
издательств — Б. М. Таль,
культпросветработы —
А. С. Щербаков, школ —
Б. М. Волин, науки — К. Я. Бауман
(по совместительству). Так был
расширен второй уровень власти,
которому предстояло в ближайшее
же время сыграть весьма
значительную роль при разработке
необходимых для реформ
документов.

С появлением постановления «О
реорганизации Культпропа» связана
одна странность. Оно было, как уже
указывалось, опубликовано 14 мая,
но лишь 25 мая, фактически задним
числом, его утвердило ПБ⁷. Скорее

всего, это свидетельствовало о каких-то разногласиях среди членов ПБ из-за документа; о том, что узкое руководство вынуждено было поставить всех, в том числе и остальных членов ПБ, перед совершившимся фактом, только таким способом вынудив их проголосовать «за». Правда, возможно, что разногласия были порождены не содержанием постановления, а кандидатурами заведующих новыми отделами. Двое из троих и без того являлись заместителями Стецкого, уже занимались той самой работой, которую им предоставляли теперь делать самостоятельно благодаря

значительному повышению в должности, введению во второй уровень власти.

Последнее предположение до некоторой степени подтверждается еще одним такого же рода назначением. 16 августа, через две недели после завершения процессов по «Кремлевскому делу», наконец утвердили и заведующего политико-административным отделом, полтора года остававшимся без руководителя. Весьма возможно, назначение это было порождено недоверием, которое неизбежно должно было уже зародиться к Ягоде в ходе расследования по делу «Клубок» у Сталина. Он только теперь счел

необходимым установить постоянный и прямой контроль партии, то есть свой лично, за деятельностью НКВД и его главками, особенно — госбезопасности, который более чем за полгода так и не сумел выявить хотя бы главных причастных к самому серьезному из всех антиправительственному заговору. Но на должность руководителя политико-административным отделом, самым важным в существующей ситуации, пришлось назначить человека совершенно иного рода, нежели те, кого Сталин вводил в последнее время в свою реформаторскую группу. Им стал старый большевик с

огромным дореволюционным
стажем, идейный и
бескомпромиссный борец за дело
мировой революции, работавший в
Коминтерне чуть ли не с первых лет
его существования, да еще к тому же
по роду службы давно связанный с
советскими спецслужбами, —
И. А. Пятницкий⁸. Это вполне можно
было расценить как вынужденную
уступку тем силам в ПБ, которые, как
можно догадываться, и возражали
против назначения на должности
завотделами людей из команды
Стецкого — Таля и Щербакова,
созданию во втором эшелоне власти
самостоятельной группировки.

О новом, критическом

отношении Сталина к Ягоде, уже явном выражении недовольства его деятельностью говорят и относящиеся к лету 1935 г. попытки подвергнуть критике деятельность НКВД и несколько ограничить его права, определенные менее года назад.

13 мая, несомненно по предварительному согласованию со Сталиным, новый прокурор СССР А. Я. Вышинский направил в адрес ПБ пространную информационную записку, в которой в довольно мягкой форме сообщил о пересмотре им законности акции Наркомвнудела по «очистке Ленинграда от социально чуждых элементов», проведенной с

28 февраля по 27 марта в связи с убийством Кирова и приведшей к изгнанию из старой столицы 11702 человек⁹. Вышинский отметил, что в прокуратуру поступило 2237 жалоб, из которых было оставлено без удовлетворения 86% (1719), однако остальные 14% жалоб (264) признали законными, и высылки для их авторов пришлось отменить. Так как жалобы продолжали поступать, Андрей Януарьевич констатировал:

«При вполне
удовлетворительной в
целом операции по
очищению Ленинграда
последняя выявила ряд

грубых ошибок и промахов, объясняющихся главным образом ее спешностью, краткосрочностью и массовостью».

Отметил в записке Вышинский и безобразное отношение к высланным местным бюрократам:

«Руководители отдельных хозяйственных, научных и административных учреждений зачастую отказывают в приеме на работу лицам, представляющим справки о

своей высылке или
ссылке»[10](#).

А неделей ранее от того же
Вышинского поступил и проект
постановления «О порядке
производства арестов»,
утвержденный ПБ 17 июня.
Устанавливалось, что аресты по всем
без исключения делам органы НКВД
впредь могут производить лишь с
согласия соответствующего
прокурора. Помимо этого, для ареста
членов ЦИК СССР и союзных
республик, руководящих работников
наркоматов всех уровней, директоров
и заместителей директоров заводов и
совхозов, а также простых

инженеров, агрономов, врачей, профессуры, руководителей учебных и научно-исследовательских учреждений требуется не только санкция прокурора, но еще и согласие соответствующего наркома^{[11](#)}.

В те же летние месяцы узкое руководство занялось и совершенно иными проблемами, приступило к решению чисто практических задач, непосредственно связанных с обеспечением разрабатывавшихся политических реформ. По предложению того же Вышинского, который, несомненно, исходил из заявления Молотова во втором его докладе VII съезду Советов СССР о

необходимости восстановить во всех гражданских правах лишенцев, 26 июля ПБ утвердило важное не только по сути, но и по далеко идущим последствиям решение — «О снятии судимости с колхозников», призванное возвратить избирательные права тем, кто был лишен их по суду. В соответствии с новым актом официально ЦИК и СНК СССР предписывалось «снять судимость с колхозников, осужденных к лишению свободы на сроки не свыше 5 лет либо к иным, более мягким мерам наказания и отбывшим данные им наказания или досрочно освобожденных до издания настоящего постановления, если они

в настоящее время добросовестно и честно работают в колхозах, хотя бы они в момент совершения преступления были единоличниками»¹². В результате всего за семь последующих месяцев — к 1 марта 1936 г., с 768989 человек, в основном репрессированных по закону от 7 августа 1932 г., широко известному как «закон о трех колосках», не только сняли судимость, но и сопровождавшее ее временное поражение в правах, которое лишало их возможности на протяжении 5 лет участвовать в выборах¹³.

Предпринимая такого рода меры, ставящие под сомнение работу

не только НКВД, но и наркоматов юстиции союзных республик и подчиненных им судов, сталинская группа вынуждена была найти твердую опору в иной силовой структуре — в армии, которая и пришла бы ей на помощь, помогла бы удержаться у власти при возникновении какой-либо достаточно опасной критической ситуации. Такой цели прежде всего послужило решение ПБ, оформленное как постановление ЦИК СССР от 22 сентября, — «О введении персональных званий начальствующего состава Рабоче-крестьянской Красной армии и об утверждении положения о

прохождении службы командным и начальствующим составом Рабоче-крестьянской Красной армии»¹⁴.

Этим постановлением отменялись ранее существовавшие должности — командира взвода, роты, батальона, хотя и закрепленные знаками различия на петлицах — «кубиками», «шпалами». Новые, персональные звания — лейтенант, старший лейтенант, капитан, майор, полковник, а также сохраненные лишь в названиях старые — комбриг, комдив, комкор, командарм 2-го ранга и командарм 1-го ранга, становились не только постоянными, но и персональными. Они присваивались конкретным

командирам вне зависимости от занимаемой должности, в соответствии со специальным образованием и профессиональной квалификацией на фиксированный срок, определяемый положением о прохождении службы, после чего следовало повышение в звании, опять же вне зависимости от занимаемой должности. Такая система являлась весьма выгодной для командного состава, ибо позволяла быть уверенным в неуклонном продвижении по службе.

Так были уничтожены те самые основы, которые на протяжении семнадцати с половиной лет составляли и выражали особенность

революционной по смыслу, классовой по характеру Рабоче-крестьянской Красной армии, оставляя ей лишь уже ничего не означавшее название, делая ее точно такой же, как и любая армия капиталистических стран.

Постановление вводило и еще одно персональное звание, высшее, отсутствовавшее в отечественной армии до Октября, но имевшееся во многих зарубежных. Звание маршала Советского Союза незамедлительно, уже 20 ноября того же года, было присвоено президиумом ЦИК СССР без каких-либо обоснований и четких критериев наркому обороны К. Е. Ворошилову, командующему

ОКДВА В. К. Блюхеру, инспектору кавалерии С. М. Буденному, начальнику Генерального штаба РККА А. И. Егорову и замнаркома обороны М. Н. Тухачевскому.

Кроме того, одновременно с введением персональных званий Штаб РККА переименовали в Генеральный штаб¹⁵, что стало еще одной деталью, подчеркивавшей возвращение в отношении вооруженных сил СССР к старой, дореволюционной лексике и терминологии.

Менее успешной оказалась попытка узкого руководства воздействовать на делегатов VII конгресса Коминтерна,

открывшегося в Москве 25 июля, добиться от них одобрения и безусловного признания того нового курса для пролетарского движения, который впервые был испытан во Франции. Добиться отказа, хотя бы на время, в условиях прихода к власти агрессивного германского нацизма, от сохранения идеи мировой революции как первоочередной задачи, от дальнейшей, пагубной для всех без исключения конфронтации с социал-демократией ради самого насущного — борьбы с фашизмом и предотвращения войны.

Главную роль в этом предстояло сыграть ставшему всемирно

известным благодаря своему поведению на Лейпцигском процессе болгарскому коммунисту Георгию Димитрову. Сразу же после освобождения из нацистской тюрьмы и прилета в Москву 27 февраля 1934 г. он был введен сначала в политсекретариат, а затем и президиум ИККИ. В новой для себя должности он начал разрабатывать для Коминтерна принципиально новую стратегию действий, более отвечающую реальной сложившейся в мире ситуации, а вместе с тем и целям, которые ставила перед собой сталинская группа. Адресуясь к Сталину еще 1 июля 1934 г., он писал о давно назревшей, по его мнению,

необходимости изменения методов работы ИККИ. Объяснял это тем, что просто «невозможно оперативно руководить из Москвы по всем вопросам всеми 65 секциями (национальными компартиями — Ю.Ж.) Коминтерна, находящимися в разных условиях». Он предлагал срочно сократить и обновить громоздкий бюрократический аппарат ИККИ и наладить действенную, самую «тесную связь руководства Коминтерна с политбюро ЦК ВКП(б)»¹⁶, то есть с узким руководством.

Обмен мнениями Димитрова и Сталина привел к появлению в начале 1935 г. документа «Указание

политбюро ЦК ВКП(б) о работе делегации ВКП(б) в К.И. (Коминтерне — Ю.Ж.)». Основываясь на предложениях, высказанных Димитровым, «Указание...» закрепляло наиважнейшее, с точки зрения узкого руководства, для мирового комдвижения:

«Используя огромный опыт работы ВКП(б) и популяризуя его среди компартий, необходимо, однако, избегать механического перенесения методов работы ВКП(б) на

компартии
капиталистических стран,
работающих в совершенно
иных условиях и стоящих
на совершенно ином
уровне развития»¹⁷.

Однако ничто, даже авторитет
ПБ и лично Сталина, не могло
повлиять на взгляды
коминтерновцев, заставить их
отрешиться от старых, уже несколько
не связанных с истинным
положением дел представлений и
оценок. Первый же на конгрессе
отчетный доклад о работе ИККИ
Вильгельма Пика оказался
пронизанным застарелым

органическим неприятием как таковой социал-демократии и II Интернационала, даже чисто теоретической возможности сотрудничества с ними на равных правах. Чуть ли не сразу Пик заявил: «Социал-демократия, как и правые оппортунисты, обанкротилась, их теории потерпели жалкий крах». На протяжении почти пятичасового выступления лидер германских коммунистов и один из руководителей ИККИ пытался доказать существование «нарастания нового подъема революционного движения». А завершая доклад, призвал всех коммунистов «под знаменем Ленина — Сталина на

штурм капитализма». Пик объяснил актуальность именно такого лозунга тем, что «каждый день может поставить нас перед крупными революционными событиями, перед необходимостью возглавить движение миллионных масс за свое освобождение. Мы, коммунисты, показываем массам единственный выход из кризиса — путь рабочих и крестьян СССР, путь советской власти»^{[18](#)}.

Лишь в результате пятидневной дискуссии удалось, но только отчасти, изменить настроение делегатов конгресса. И потому резолюция, принятая по докладу Вильгельма Пика, оказалась

двойственной, отразила как старые, традиционные, шедшие еще с 1919 г., так и новые, выработанные Димитровым и Сталиным совместно положения.

Она продемонстрировала, как то было всегда, застарелую вражду к социал-демократии, но вместе с тем вобрала и принципиально новое, по сути подрывавшее основы прежней монолитной радикальной революционной организации, до сих пор гордившейся тем, что действует как один человек, а любого, проявившего хотя бы малейшую самостоятельность, осуждала и даже изгоняла из своих рядов.

«VII всемирный конгресс

Коммунистического
интернационала, — провозглашала
резолюция, — предлагает ИККИ: а)
перенести центр тяжести своей
деятельности на выработку основных
политических и тактических
установок мирового рабочего
движения, исходить при решении
всех вопросов из конкретных
условий и особенностей каждой
страны и избегать, как правило,
непосредственного вмешательства во
внутриорганизационные дела
коммунистических партий; б)
систематически помогать созданию
и воспитанию кадров подлинных
большевистских руководителей в
коммунистических партиях, дабы

партии могли на основе решений конгрессов Коммунистического интернационала и пленумов ИККИ при крупных поворотах событий быстро и самостоятельно находить правильное решение политических и тактических задач коммунистического движения»¹⁹.

Димитров, выступая со вторым основным докладом «Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма», нарушил привычную логику теоретических построений товарищей по партии. Он не обосновал необходимость единого фронта, а исходил из него

как уже вполне реального, неоспоримого факта и перешел к стратегии и тактике единства действий. Самокритично остановился на недооценке опасности фашизма и потому потребовал подлинного сплочения всех антифашистских сил не только с социал-демократами, но и с мелкой, средней буржуазией. И тут же опроверг возможные возражения, подозрения, что это, мол, всего лишь маневр Коминтерна. От имени возможных оппонентов Димитров чисто риторически заявил: «Пусть коммунисты признают демократию, выступят на ее защиту, тогда мы готовы на единый фронт». И тут же

сам ответил: «Мы сторонники советской демократии, демократии трудящихся, самой последовательной в мире демократии. Но мы защищаем и будем защищать в капиталистических странах каждую пядь буржуазных демократических свобод, на которые покушаются фашизм и буржуазная реакция, потому что это диктуется интересами классовой борьбы пролетариата»^{[20](#)}.

Димитров не ограничился лишь этим, а пошел гораздо дальше, развивая такой необычный для коммуниста тезис.

«...Мы учитываем, что

может наступить такое
положение, когда создание
правительства
пролетарского единого
фронта или
антифашистского
народного фронта станет
не только возможным, но и
необходимым в интересах
пролетариата, и мы в этом
случае без всяких
колебаний выступим за
создание такого
правительства»[21](#).

(Именно этот фрагмент
опубликовала «Правда» уже 3
августа, на следующий день после

доклада Димитрова, анонсируя таким образом полный текст, увидевший свет только 9 августа.)

Но подобная программа действий выглядела слишком необычной для делегатов конгресса. Ведь она оказывалась не просто новым курсом. Она ломала все привычные представления тех, кто знал только подполье, борьбу, тюрьмы, жертвенность, мыслил категориями уличных боев, баррикад, забастовок, тайных складов оружия, нелегальных типографий. Тех, кто при всем желании никак не мог сразу, в одночасье отказаться от всего, чем жил раньше, и вступить в иную, незнакомую жизнь —

баллотироваться в парламент, становиться депутатом, речи произносить открыто, вполне законно, не боясь появления полиции, и не перед товарищами по борьбе, а перед некими безликими избирателями. А потому все, о чем вдохновенно, ярко, горячо говорил человек, проведенный в застенках Моабита почти год, состязавшийся в ходе Лейпцигского процесса со скамьи подсудимых не с кем-либо, а с наци номер два — Герингом, так и осталось всего лишь текстом доклада.

Редакционная комиссия конгресса предельно выхолостила резолюцию по докладу Димитрова,

вполне сознательно внесла в нее только привычное для себя содержание, не несущее ничего нового:

«Стремясь объединить под руководством пролетариата борьбу трудящегося крестьянства, городской мелкой буржуазии и трудящихся масс угнетенных национальностей, коммунисты должны добиваться создания широкого антифашистского народного фронта на базе пролетарского единого

фронта»^{[21](#)}.

И все же одно вроде бы совершенно частное положение, высказанное Димитровым, — о поддержке в особых случаях социал-демократических правительств, что безусловно было вызвано необходимостью пусть и иносказательно, но подвести теоретическую базу под создававшийся Восточный пакт, неожиданно поддержан выступивший с третьим докладом Эрколи (Пальмиро Тольятти), генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии. Он, несмотря на совсем недавнее

негативное отношение к народному фронту, все же принял его идею. Тольятти активно участвовал вместе с Димитровым не только в подготовке конгресса, но и в разработке нового курса для Коминтерна. Он сумел добиться, чтобы в резолюцию хотя бы по его докладу включили следующее положение:

«Если какое-либо слабое государство подвергнется нападению со стороны одной или нескольких крупных империалистических держав, которые захотят

уничтожить его
национальную
независимость и
национальное единство
или произвести его раздел
(здесь явно
подразумевались Австрия и
Чехословакия — Ю.Ж.)...
то война национальной
буржуазии такой страны
для отпора этому
нападению может принять
характер освободительной
войны, в которую рабочий
класс и коммунисты этой
страны не могут не
вмешаться»[22](#).

Разногласия, отчетливо проявившиеся в ходе конгресса Коминтерна, нашли свое выражение не только в содержании докладов, выступлений и резолюций. Приняли они и откровенно личностный характер. Георгий Димитров, а также Д. З. Мануильский — секретарь ИККИ и формальный глава делегации ВКП(б), отказались впредь работать совместно в руководящих органах Коминтерна с И. А. Пятницким, не поддержавшим новую стратегию международного коммунистического движения. Сталин, вынужденный выступить в роли арбитра, принял, естественно, сторону Димитрова и Мануильского.

10 августа, еще до закрытия конгресса, он провел через ПБ решение, предопределившее обязательный и незамедлительный «переход т. Пятницкого на другую работу»²³. Как отмечалось выше, спустя неделю Сталину пришлось согласиться с назначением коминтерновца-ортодокса на должность заведующего политико-административным отделом ЦК с введением тем самым Пятницкого, так же как ранее и Баумана, во второй эшелон власти, несмотря на все, несомненно, имевшиеся разногласия по важнейшему вопросу — о проведении радикальной политической

реформы.

...Тем временем начала наконец — спустя четыре месяца после того, как была образована — свою деятельность конституционная комиссия ЦИК СССР, весьма своеобразно напомнив о своем существовании. 8 июля центральные газеты страны опубликовали сообщение о прошедшем накануне ее первом протокольном заседании и создании на нем двенадцати подкомиссий. Их возглавили: И. В. Сталин две — по общим вопросам и редакционную, В. М. Молотов — экономическую, В. Я. Чубарь — финансовую, Н. И. Бухарин — правовую,

К. Б. Радек — по избирательной системе, А. Я. Вышинский — судебных органов, И. А. Акулов — центральных и местных органов власти, А. А. Жданов — народного образования, Л. М. Каганович — труда, К. Е. Ворошилов — обороны и М. М. Литвинов — внешних дел. Тем самым косвенно констатировалось, что из первоначального состава комиссии лишь треть еще сохранила прежние высокие полномочия.

В сообщении имелись и другие, не менее примечательные сведения. Оказалось, что на заседании присутствовали только двадцать два из тридцати (Енукидзе вывели из ЦИК СССР 8 июня) членов

конституционной комиссии, которые избрали заместителями председателя Молотова и Калинина, секретарем — Акулова с заместителем А. Н. Поскребышевым, заведующим особым сектором ЦК. Такие детали, несомненно, означали, что комиссия вошла в рабочую стадию.

Однако самое существенное осталось за пределами газетной информации. Прежде всего стенограмма или хотя бы изложение доклада Сталина на заседании комиссии. Между тем, выступая в тот день, Иосиф Виссарионович неожиданно для всех продемонстрировал настойчивое стремление провести

конституционную реформу в гораздо больших масштабах, нежели можно было судить по его же записке от 25 января. На сей раз он предложил разделить существовавшую и закрепленную основным законом единую конструкцию власти, в силу этой своей сущности и называвшуюся советской, на две самостоятельные ветви — законодательную и исполнительную. Иными словами, демонтировать действовавшую семнадцать лет систему — от районных и городских советов до ЦИК СССР — и создать взамен ее принципиально иную, ничем не отличающуюся от традиционных, классических

западноевропейских²⁴.

Заслуживали внимания и два не преданных гласности пункта решения комиссии, которые не только раскрывали секреты технологии предстоявшей работы над текстом новой конституции, но и предопределяли направленность будущей пропагандистской кампании:

«4. Обязать т. Радека организовать перевод и издание существующих конституций и основных законоположений главных буржуазных стран как буржуазно-

демократического типа, так и фашистского, и разослать их членам комиссии.

5. Обязать тт. Бухарина, Мехлиса и Радека организовать обстоятельный критический разбор конституций основных буржуазных стран на страницах печати»[25](#).

Первое протокольное заседание обязало подкомиссии подготовить свои предложения в двухмесячный срок, то есть к середине сентября. На деле первые наброски статей новой конституции начали поступать лишь

полтора месяца спустя после
назначенного срока, в ноябре 1935 г.
Объяснялась задержка
выявившимися серьезными
расхождениями о допустимых
пределах отступлений от основного
закона 1918–1924 гг. Так,
Н. В. Крыленко, нарком юстиции
РСФСР, вошедший просто членом в
подкомиссию судебных органов,
резко выступил против разделения
власти на две самостоятельные
ветви, а также и выборности судей
(последнее предложил
А. Я. Вышинский, вряд ли без
предварительной консультации со
Сталиным). После длительных
прений члены правовой подкомиссии

согласились на компромисс: сохранить выборность судей, но только низшей инстанции, народных. Не скрывал своей позиции и Бухарин. Он настойчиво требовал не предоставлять избирательные права всем без исключения гражданам, к чему призывал Молотов на VII всесоюзном съезде Советов, но вместе с тем согласился на замену чисто советской избирательной единицы, производственной, на свойственную буржуазным странам территориальную²⁶.

Так уже осенью 1935 г. обнаружилось, что даже на чисто рабочем этапе переработки старой конституции четко обозначились

принципиальные, идейные
разногласия между группой Сталина
и видными в прошлом
ортодоксальными партийными
деятелями, не желавшими
поступить своими принципами.
Видимо, потому-то Сталину и
пришлось отказаться от дальнейшего
делового сотрудничества со всеми
членами комиссии, поручив
подготовку текста нового основного
закона лишь тем, кому он мог
полностью доверять. То есть уже
входившим в подкомиссии: по общим
вопросам — А. И. Стецкому и по
экономическим — Я. А. Яковлеву, а
также Б. М. Талю, до того момента
вообще непричастному к

деятельности
подкомиссии.

какой-либо

Глава восьмая

Приближавшийся 1936 г. казался на редкость счастливым, вызывавшим лишь оптимистические настроения. Слишком уж многое возвещало о грядущих весьма серьезных переменах к лучшему, порождало уверенность в том, что необычайно трудные последние восемь лет уходят навсегда.

Незаметно, без излишней шумихи, каких-либо широковещательных заявлений страна расставалась с карточной системой. С 1 октября была восстановлена свободная продажа

мяса и мясопродуктов, жиров, рыбы и рыбопродуктов, сахара и картофеля, с 1 января — промтоваров. А с 1 февраля ликвидировался и Торгсин¹ — последний реликт уже далекого НЭПа, — сеть специальных магазинов, где все что угодно, но только за твердую валюту либо за золото, драгоценности, антиквариат можно было купить даже в период существования карточной системы. Тех самых магазинов, которые слишком долго раздражали своим неиссякаемым изобилием людей, особенно тогда, когда буквально всё, от одежды и мебели до белого хлеба и масла, являлось дефицитом.

О наступающих переменах возвестила не одна лишь отмена карточек. Восстанавливалось празднование Нового года с традиционной елкой. Были возвращены гражданские права тому празднику, с которым, как религиозным, партия и государство боролись все последнее время весьма решительно, даже запретив — для начала циркуляром Наркомзема РСФСР от 11 декабря 1928 г. — рубку елей. Кандидат в члены ПБ, второй секретарь ЦК КП(б) Украины П. П. Постышев вдруг предложил повсеместно организовать, правда, лишь для детей, в дни зимних каникул

новогодние праздники. Первым подхватил инициативу МК ВЛКСМ. Разослал телеграммы по всем своим организациям, рекомендуя провести елки в парках, домах пионеров, школах. Вслед за тем как-то просто, естественно вспомнили и о взрослых. За десять дней до наступления Нового года газеты опубликовали предельно скромную, всего в три строки, информацию: «По предложению ВЦСПС Совнарком Союза ССР постановил выходной день 30 декабря (в то время в стране существовала шестидневка — Ю.Ж.) перенести на 1 января»². И в ночь с 31 декабря на 1 января впервые за все годы советской

власти прошли новогодние балы в московском Доме союзов, ленинградском Александровском дворце, во многих клубах, домах культуры страны.

Столь же многозначительной, обещавшей важные политические перемены, хотя и несколько ограниченного характера, выглядела опубликованная «Правдой» статья первого секретаря Азово-Черноморского крайкома Б. П. Шеболдаева «Казачество и колхозы». Ее название, сочетание долгое время сугубо негативного по смыслу слова «казачество», ассоциировавшегося прежде всего с теми, кто подавлял революцию 1905

Г. и воевал на стороне белых в гражданскую войну, со словом «колхозы» — предельно новым, советским, связанным исключительно с коллективизацией, строительством социализма, как бы предполагало очередную филиппику в адрес казачества. Однако содержание статьи опровергло такое ожидание.

Не кто-либо, а член ЦК ВКП(б) писал:

«В основной массе казачества произошел коренной перелом... колхозы Кубани и Дона не могли бы иметь нынешних

успехов, если бы нынешнее
казачество по-прежнему
сопротивлялось бы или не
поддерживало бы
колхозы... Среднее

казачество, и раньше
дававшее ряд примеров
революционных
выступлений (Каменский
ревком), выдвинувшее
героев-большевиков

Подтёлкова и
Кривошлыкова, давшее в
свое время немало бойцов в
Первую конную армию,
сейчас окончательно и
прочно стало на колхозный
путь, по-настоящему

взялось за работу»³.

Не менее, а может быть, более важным, хотя также затрагивавшим интересы только части населения, стало постановление проходившего с 21 по 25 декабря пленума ЦК о завершении третьей генеральной чистки партии, самой продолжительной из всех — начатой в 1933 г. Чистка проходила открыто, в присутствии имевших право выступать беспартийных, что превращало ее зачастую в подобие судилища, проверки, обсуждения как прошлого, так и настоящего членов и кандидатов в члены партии. Держала их в страшном напряжении, под

вполне вероятной угрозой
исключения за любые, подлинные
или надуманные, прегрешения: за
обюроккрачивание; «обрастание» —
приобретение одежды, мебели,
посуды сверх того количества,
которое казалось достаточным
любому участнику чистки; за
бытовое разложение — уход из
семьи, многократное вступление в
брак; за партийную
недисциплинированность;
пассивность — под ней понимали
непосещение партсобраний,
нежелание на них регулярно
выступать; за принадлежность в
прошлом к сторонникам Троцкого
или Зиновьева, к иным фракциям

либо просто поддержку тех при голосовании или даже в частной беседе. Наконец, за сокрытие социального происхождения.

И вот — неожиданная резолюция, снявшая дамоклов меч, слишком долго висевший над головами тысяч людей: «Считать чистку партии законченной и не проводить ее в тех областях, где она не проходила». А как итог с 1 февраля по 1 мая 1936 г. провести обмен партбилетов «всем прошедшим и не прошедшим чистку»⁴. Еще одно грядущее событие должно было вселить лишь добрые надежды. Было опубликовано сообщение о составе Всесоюзного

пушкинского комитета, созданного по решению ПБ еще 27 июля 1934 г.⁵ в связи с приближавшимся 100-летием со дня смерти великого русского поэта. Возглавил его А. М. Горький, заместителями которого оказались нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнов и первый секретарь правления ССП А. С. Щербаков. Членами комитета стали руководители партии и государства, крупнейшие писатели и пушкинисты-литературоведы⁶.

Страна решительно порывала с нигилистическим по сути, вульгарно-социологическим по форме отношением к своему прошлому, к тем, кто на протяжении веков

создавал ее литературу, искусство, науку. Формирование Пушкинского комитета и проведение Пушкинских торжеств открывали долгую череду восстановления с помощью таких же юбилеев сознательно замалчивавшихся учебниками и пропагандой имен писателей, поэтов, художников, архитекторов, композиторов, ученых.

Все происходившее в последние дни уходящего 1935 г. и первые — нового, 1936-го, лишний раз подтверждало, что партия и в идеологии окончательно сменила курс, избрав принципиально новый и решительно порвав с прежней воинствующей левизной. И дабы

проводить и в дальнейшем именно такой курс, удерживать на нем страну, пошла на ломку существовавших почти два десятилетия административных структур. Одним росчерком пера ликвидировалось предоставленное конституцией 1924 г. союзным республикам право самостоятельно руководить развитием своих национальных культур. У Наркомпросов Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Закавказской Федерации, Узбекистана, Туркмении и Таджикистана были изъяты все вопросы, связанные с искусством, и оставлены им заботы лишь о

школьном образовании. Решением
ПБ от 16 января в форме
постановления ЦК ВКП(б) и СНК
СССР «О работе по обучению
неграмотных и малограмотных»
ликвидировано общество «Долой
неграмотность», ликвидация
неграмотности людей в возрасте до
пятидесяти лет поручена прежде
всего Наркомпросам. Были
утверждены и контрольные цифры: в
текущем году необходимо было
силами Наркомпросов обучить 4
млн. неграмотных и 3 млн.
малограмотных, а кроме того,
ВЦСПС должен был организовать
обучение еще 1,5 млн.
малограмотных⁷.

А месяцем ранее, 16 декабря 1935 г., ПБ приняло еще два решения, закреплявших проводимую реорганизацию. Первым были сняты со своих постов заместители А. С. Бубнова, курировавшие как раз проблемы искусства, М. С. Эпштейн и Г. И. Бройде, а вместо них первым заместителем наркома просвещения утвержден Б. М. Волин, до того занимавший должность заведующего отделом школ ЦК ВКП(б). Вторым создан общесоюзный Комитет по делам искусств при СНК СССР⁸ — орган исполнительной власти, призванный ежедневно и ежечасно руководить, направляя в нужное русло, деятельностью «театров и

других зрелищных предприятий, киноорганизаций, музыкальных, художественно-живописных, скульптурных, других учреждений», а также «учебных заведений, готовящих кадры работников театра, кино, музыки и изобразительных искусств»⁹. Тем самым завершался процесс, начавшийся еще в 1932 г. роспуском одиозных, не просто левых, а подчеркнуто революционных, да еще и пролетарских, то есть якобы чисто классовых, объединений писателей, художников, архитекторов, композиторов. Таких, например, как Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП),

Ассоциация художников революционной России (АХРР), Всесоюзное объединение пролетарских архитекторов (ВОПРА), Российская ассоциация пролетарских музыкантов (РАПМ). Взамен их были созданы сначала Союз советских писателей, а затем и аналогичные союзы архитекторов, композиторов, несколько позже и художников. Руководил же ими Комитет по делам искусств и его председатель П. М. Керженцев, утвержденный на этом посту решением ПБ от 7 января 1936 г.^{[10](#)}

К той же цели, к унификации подконтрольных только Москве всех культурных процессов, должно было

привести и другое начинание, на этот раз — в области народного просвещения. Узкое руководство настойчиво стремилось предельно ускорить создание стандартных школьных учебников, единых для всего СССР, чтобы раз и навсегда покончить с почти 20-летней практикой воспитания детей и юношества как будущих граждан не Советского Союза, а той или иной союзной республики. Вместе с тем свести к минимуму ту самую среду, которая питала, как показали последние годы, не только центробежные силы в кругах бюрократии, но и национализм, даже сепаратизм. А заодно новые, общие

учебники, должны были способствовать и выравниванию культурных уровней, слишком уж различных у народов, населяющих Российскую Федерацию, Украину, Белоруссию, с одной стороны, а с другой — Закавказскую Федерацию, Среднюю Азию.

Важнейшая роль в этом, наряду с усиленным и длительным обязательным обучением в школах русскому языку, что уже удалось начать, отводилась принципиально новому учебнику истории СССР, который по первоначальным решениям должен был появиться еще летом 1935 г., но так и не был написан.

27 января 1936 г. «Правда» опубликовала составленные Сталиным, Ждановым и Кировым за полтора года перед тем «Замечания» по поводу конспектов учебников истории СССР и новой истории. Тех самых конспектов, которые были подготовлены по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории». Их явные просчеты и заставили предать гласности частное мнение членов узкого руководства, которое могло бы помочь другим, более понятливым авторам.

Первая из двух записок начиналась ключевыми фразами: авторская группа «не выполнила

задание и даже не поняла своего задания. Она составила конспект **русской** истории, а не **истории СССР**, то есть истории Руси, но без народов, которые вошли в состав СССР...»

А далее, чтобы усилить самое главное — требование уйти не только от прежней крайности — культурного национализма, но и не допустить новой — русского великодержавного шовинизма, следовало уточнение. Оказывается, в конспекте не были подчеркнуты «аннексионистско-колонизаторская роль русского царизма», «контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике».

Предложение Сталина и Жданова опубликовать эти «Замечания», внесенные в ПБ 26 января, послужило основанием и для создания решением ПБ от того же дня комиссии «для пересмотра, улучшения, а в необходимых случаях и для переделок написанных уже учебников по истории». Ее председателем утвердили, разумеется, Жданова. Членами же сделали наркомов просвещения РСФСР — А. С. Бубнова и УССР — В. П. Затонского, председателя ЦИК и СНК УзССР Ф. Ходжаева; заведующих отделами ЦК ВКП(б): науки — К. Я. Баумана и сельскохозяйственного —

Я. А. Яковлева; главного редактора «Известий» Н. И. Бухарина и сотрудника «Правды» и «Известий» К. Б. Радека; заместителя председателя правления Госбанка СССР и одновременно редактора журнала «Вестник древней истории» А. С. Сванидзе, историка, академика АН СССР Н. М. Лукина, а также В. Быстрянского и П. Горина.

Однако даже создание комиссии со столь значительными полномочиями являлось всего лишь паллиативом и никак не могло полностью компенсировать вопиющие неудачи. Потому-то уже 3 марта ПБ пришлось пойти на более простые и вместе с тем радикальные

меры — объявить конкурс, но на этот раз открытый, на лучший учебник по истории СССР, пока только для начальной школы^{[11](#)}.

Реформирование, твердо сохраняя изначальную направленность, тем не ограничилось. Оно ширилось, охватывая все новые леворадикальные по целям структуры. Еще 10 декабря 1935 г. по записке Михаила Кольцова, направленной им в тот день лично Сталину, ПБ приняло изрядно запоздавшее, фактически лишь констатировавшее давно происшедшее, решение о ликвидации очередной творческой организации,

на этот раз формально никак не связанной с СССР, — Международного объединения революционных писателей (МОРП), учрежденного в августе 1920 г. на II конгрессе Коминтерна. Не раз меняя свое название, от Международного бюро пролеткульта до Международного бюро революционной литературы, оно к концу 1930 г. достигло в своей деятельности апогея.

К середине 30-х годов деятельность МОРПа практически замерла. Это произошло по многим причинам: из-за прихода Гитлера к власти, что вынудило всех членов германской секции эмигрировать,

присоединившись в СССР к находившимся там полтора десятилетия венгерским собратьям по перу; из-за раскола международного революционного движения на сторонников Троцкого и тех, кто остался верным политике Москвы. Именно последнее обстоятельство привело к отходу от МОРПа большинства французских сюрреалистов. Но особенно повлияли на судьбу объединения более широкий и по составу, и по взглядам участников международный Конгресс писателей в защиту культуры, проведенный в Париже в июне 1935 г., а также VII конгресс Коминтерна. Только потому

фактический руководитель МОРПа как глава иностранной комиссии ССП Михаил Кольцов и вынужден был констатировать: «Международная ассоциация писателей (так он назвал в записке объединение — Ю.Ж.) находится в очень трудном положении — ей угрожает тихий развал». Не дожидаясь неизбежного конца, он предложил ликвидировать МОРП, выразив готовность возглавляемого им Журнально-газетного объединения регулярно издавать на русском языке новинки иностранной литературы^{[12](#)}.

Столь же принципиальным, весьма важным, но уже для развития

науки Советского Союза, стало схожее по результату решение ПБ, которое далось нелегко, потребовало неоднократного обсуждения — 16 декабря 1935 г., 23 января и 7 февраля 1936 г., — о прекращении деятельности Коммунистической академии. Лишь в третий раз удача сопутствовала узкому руководству. Оно все же добилось утверждения внесенного А. А. Андреевым по инициативе Сталина проекта: «Ликвидировать Комакадемию ввиду нецелесообразности параллельного существования двух академий»¹³. Так сошла со сцены структура, образованная еще в 1918 г. и существовавшая первые пять лет как

Социалистическая академия, стремившаяся любым путем вытеснить, а затем и ликвидировать старую Академию наук, не претендовавшую на политическую роль.

Комакademia на всем протяжении своего существования в лице своих институтов — философии, истории советского строительства, мировой политики; секций — аграрной, права и государства, экономики, литературы и искусства; обществ — историков-марксистов, биологов-материалистов и других структур, безосновательно, опираясь лишь на членство в партии своих сотрудников, навязывала

населению страны свои взгляды с помощью выходивших только при их авторстве школьных и вузовских учебников, издававшихся под их официальным контролем энциклопедий — Малой и Большой советских, Литературной. Те взгляды, которые вскоре объявят вульгарно-социологическими, антимарксистскими. И вот теперь безраздельному монопольному господству Комакадемии пришел конец. Правда, сами члены ее не пострадали. Их в том же ученом звании переводили в АН СССР, однако там играть прежнюю роль они уже не могли.

...Тем временем работа над

проектом новой конституции, которая и призвана была юридически закрепить политические перемены, практически завершилась. Обобщив материалы всех подкомиссий, но, разумеется, лишь те, которые отвечали задуманной реформе, Я. А. Яковлев, А. И. Стецкий и Б. М. Таль в феврале представили в секретариат Конституционной комиссии, по сути же Сталину и Молотову, документ, получивший название «Черновой набросок». В нем уже было четко прописано очень многое из задуманного. Высшим законодательным органом власти в стране должен был стать Верховный

Совет СССР, состоящий из двух палат — Совета Союза и Совета Национальностей, но работающий не постоянно, а только во время регулярно созываемых сессий. В промежутках же предстояло действовать Президиуму Верховного Совета. Совнарком СССР становился подчеркнуто исполнительным и распорядительным органом власти, образуемым Верховным Советом. В разделе о суде и прокуратуре указывалось, что Верховный суд страны назначается Верховным Советом СССР, суды союзных и автономных республик, краев и областей формируются соответствующими

республиканскими Верховными Советами, краевыми и областными Советами. Лишь народные суды избираются населением. Наконец, раздел, посвященный избирательной системе, провозглашал всеобщие, равные, прямые и тайные выборы¹⁴.

Возможно, ободренный успешным ходом дел, Сталин внезапно довел до всеобщего сведения важное, даже решающее дополнение к проекту новой избирательной системы. Более того, сделал это весьма оригинально. 1 марта 1936 г. он принял одного из руководителей американского газетного объединения «Скриппс-Говард ньюспейперс», Роя Уилсона

Говарда, и дал ему интервью. В конце беседы речь пошла о готовившейся конституции.

Говард: В СССР разрабатывается новая конституция, предусматривающая новую избирательную систему. В какой мере эта новая система может изменить положение в СССР, поскольку на выборах по-прежнему будет выступать только одна партия?

Сталин: Мы примем нашу новую конституцию, должно быть, в конце этого

года. Комиссия по
выработке конституции
работает и должна будет
скоро свою работу
закончить. Как уже было
объявлено, по новой
конституции выборы будут
всеобщими, равными,
прямыми и тайными. Вас
смущает, что на этих
выборах будет выступать
только одна партия. Вы не
видите, какая может быть в
этих условиях
избирательная борьба.
Очевидно, избирательные
списки на выборах будет
выставлять не только

коммунистическая

партия, но и

всевозможные

общественные

беспартийные

организации (выделено

мной — *Ю.Ж.*). А таких у

нас сотни. У нас нет

противопоставляющих себя

друг другу партий, точно

так же как у нас нет

противостоящих друг другу

класса капиталистов и

класса эксплуатируемых

капиталистами рабочих...

Вам кажется, что не будет

избирательной борьбы. Но

она будет, и я предвижу

весьма оживленную
избирательную борьбу
(выделено мной — *Ю.Ж.*).
У нас немало учреждений,
которые работают плохо.
Бывает, что тот или иной
местный орган власти не
умеет удовлетворить те или
иные из многосторонних и
все возрастающих
потребностей трудящихся
города и деревни. Построил
ли ты или не построил
хорошую школу? Улучшил
ли ты жилищные условия?
Не бюрократ ли ты? Помог
ли ты сделать наш труд
более эффективным, нашу

жизнь более культурной?
Таковы будут критерии, с
которыми миллионы
избирателей будут
подходить к кандидатам,
отбрасывая негодных,
вычеркивая их из списков,
выдвигая лучших и
выставляя их кандидатуры.
Да, избирательная борьба
будет оживленной, она
будет протекать вокруг
множества острейших
вопросов, главным образом
вопросов практических,
имеющих первостепенное
значение для народа. Наша
новая избирательная

система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. **Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти** (выделено мной — Ю.Ж.). Наша новая советская конституция будет, по-моему, самой демократической конституцией из всех существующих в мире^{[15](#)}.

Так Сталин раскрыл потаенную

прежде суть конституционной реформы. Как теперь оказывалось, ради мирной, бескровной — в ходе предвыборной борьбы, в ходе альтернативных, состязательных выборов — смены власти. Местной, как было сказано. Но каков будет уровень этой местной власти — районной, городской, областной, краевой, Сталин не объяснил — видимо, сознательно.

Упомянув в беседе сотни общественных организаций, Сталин явно слукавил. Он не мог не знать, что еще 5–6 лет назад подавляющее большинство их прекратило существование, либо самораспустилось, либо было

закрыто. На 1 марта 1936 г. в стране насчитывалась практически всего дюжина действующих массовых организаций, давно утративших свою самостоятельность.

Две самые многочисленные, охватывающие десятки миллионов граждан страны, являлись на деле частью партийно-государственных структур: комсомол (ВЛКСМ) и профсоюзы, объединенные своим высшим органом ВЦСПС, заменившим упраздненный в 1933 г. наркомат труда СССР. Три являлись, по сути, вспомогательными органами отдельных наркоматов: ОСОАВИАХИМ (Союз обществ друзей обороны и авиа-химического

строительства) по программам НКО занимался допризывной подготовкой молодежи; ОСВОД (Союз обществ содействия водного транспорта и охраны жизни людей на водных путях) выполнял те же функции, но применительно к задачам наркомата водного транспорта СССР; Союз Красного Креста и Красного Полумесяца являлся вспомогательным ответвлением республиканских наркоматов здравоохранения.

Кроме них, в стране имелись организации, которые во второй половине 30-х годов ограничивали свои общественные задачи исключительно сбором

пожертвований в виде членских взносов: МОПР (Международная организация помощи борцам революции), образованная по инициативе IV конгресса Коминтерна; и Союз воинствующих безбожников, уже окончательно утративший свою былую политическую и агитационную активность.

Наконец, было еще четыре общественные организации, «творческие», более напоминавшие заурядные профсоюзы: ВТО — Всероссийское театральное общество, Союз советских писателей, Союз советских архитекторов и Союз советских

композиторов, из которых-два последних пребывали в процессе создания. К таким же объединениям интеллигенции по профессии условно можно было причислить и еще несколько малочисленных, почти бездействующих — хирургов, испытателей природы, математиков, ветеринаров и некоторые другие.

Все они, кроме комсомола, сохранялись или создавались отнюдь не с политическими целями, но вполне могли послужить решению той задачи, которую поставил Сталин: стать — в лице и центральных органов, и местных отделений — формальным, юридическим основанием для

выдвижения «своих» кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР и обеспечить тем появление нескольких конкурирующих между собою претендентов на высокий пост парламентария, если пользоваться терминологией Молотова. Породить настоящую, а не фиктивную предвыборную борьбу и острейшую состязательность на самих выборах — к этому и стремился Сталин, его соратники по реформированию; не к смене генерального курса на построение социализма, а всего лишь к уходу с политической сцены дискредитировавших себя партократов.

Четыре дня спустя интервью было опубликовано всеми газетами страны. Однако уверенность Сталина, прозвучавшая в беседе с американским журналистом, должна была быстро обернуться разочарованием. Ни пропагандистских материалов по поднятым им вопросам, ни панегирических или хотя бы просто положительных откликов, как обычно бывало во всех подобных случаях, так и не последовало ни через день, ни через неделю, ни через месяц. Их подменили ничего не значащими подборками под рубрикой «Мировая печать о беседе тов. Сталина», в которых

рассматривались исключительно внешнеполитические аспекты интервью. Даже «Правда» откликнулась лишь один раз, 10 марта, да и то передовицей «Самый демократический строй в мире», все же выделив наиболее важное для страны. В статье отмечалось:

«Новая советская конституция и выборы на ее основе, в которых примут активное участие и наши партийные, и многочисленные общественные организации, сыграют огромную роль во всей

жизни и дальнейшем
расцвете нашей родины.
Выявятся еще новые
десятки и сотни тысяч
людей, выросших
культурно и политически и
способных выдвинуться на
большую государственную
работу. Выявятся и люди
другого сорта —
обюрократившиеся, не
желающие или не умеющие
работать в органах
управления так, чтобы
„сделать наш труд более
эффективным, нашу жизнь
более культурной“
(Сталин). Проверка

массами советских органов на выборах будет вместе с тем проверкой партией каждой партийной организации, проверкой того, насколько тесно связана та или иная организация с массами, насколько годных людей выдвинула она в органы управления, насколько умеет она отбирать и выращивать кадры управления, достойные сталинской эпохи расцвета социализма в советской стране».

На том обсуждение в советской печати важнейшего положения новой конституции и основанных на ней выборов, так и не начавшись, завершилось. И означало это лишь одно: не только широкое руководство, но даже по меньшей мере часть аппарата ЦК — Агитпроп со Стецким и Талем — не приняли сталинской новации, не захотели хотя бы чисто формально одобрить опасную слишком для многих альтернативность при выборах, которая, как следовало из слов Сталина, лишний раз подчеркнутых «Правдой», напрямую угрожала положению и реальной власти первых секретарей — ЦК

нацкомпартий, крайкомов, обкомов, горкомов, райкомов.

Партократия отказывалась принять сущность политических реформ, выражала свое несогласие весьма своеобразно — демонстративным замалчиванием базисного положения новой избирательной системы, с которой и выступил Сталин, обозначив тем возникновение совершенно необычной по форме оппозиции — латентной, ничем внешне не проявляемой. Но именно потому никто — ни узкое руководство, ни ПБ, ни КПК не могли при всем желании предъявить претензии или обвинения кому-либо из широкого

руководства. Более того, при такой обструкции невозможно было доказать и наличие сговора, некоего идейного единства, которое и лежало всегда в основе любой оппозиции.

В интервью, которое Сталин дал Говарду, речь шла не только о новой конституции и предстоящих выборах. Гораздо больше внимания он уделил международным проблемам.

«Имеются, по-моему, — заметил Сталин, — два очага военной опасности. Первый очаг находится на Дальнем Востоке, в зоне Японии... Второй очаг находится в зоне Германии. Трудно сказать, какой очаг является наиболее угрожающим, но оба существуют и действуют... Пока

наибольшую активность проявляет дальневосточный очаг опасности. Возможно, однако, что центр этой опасности переместится в Европу»¹⁶.

Сталин не ошибся в своем прогнозе, сбывшемся очень скоро.

Еще 21 декабря 1935 г. посол Франции в Берлине сообщил в Париж о намерении Германии в ближайшее время ввести части вермахта в Рейнскую демилитаризованную зону. Формальным поводом для столь вопиющего нарушения международных договоров послужит франко-советский пакт о взаимопомощи, который якобы нарушает Локарнские соглашения.

Исходя из полученной, информации, хотя и с большим опозданием, 3 марта министр иностранных дел Франции вручил своему британскому коллеге Антони Идену ноту. Она извещала, что в случае нарушения Германией режима демилитаризованной зоны Франция немедленно объявит мобилизацию и введет в зону свои войска. Кабинет Стэнли Болдуина решил рассмотреть это заявление 9 марта, однако действительность нарушила планы.

Перед рассветом 7 марта германские войска вошли в Рейнскую зону, заняли ее силами всего одной дивизии, причем в таких стратегически важных городах, как

Ахен, Трир и Саарбрюккен, разместили всего по батальону. Так был осуществлен оперативный план «Шулунг». А в десять часов утра того же 7 марта министр иностранных дел Германии фон Нейрат пригласил к себе послов Великобритании, Франции и Италии и уведомил их о том, что его страна отныне не связывает себя Локарнскими соглашениями. Правда, не обмолвился, что и Версальским договором, ибо именно статьи 42-я и 43-я последнего впервые установили запрет на присутствие рейхсвера, ставшего с 1935 г. вермахтом, как на всем левом берегу Рейна, так и в 50-километровой зоне вдоль правого.

Гитлер, отдавая приказ об осуществлении плана «Шулунг», заведомо блефовал. Позднее он признался: «Сорок восемь часов после марша в Рейнскую зону были самыми драматичными в моей жизни. Если бы французы вошли тогда в Рейнскую зону, нам пришлось бы удирать поджавши хвост, так как военные ресурсы наши были недостаточны для того, чтобы оказать даже слабое сопротивление»¹⁷.

Однако Париж, несмотря на недавнюю решимость любой ценой отстаивать свои интересы, бездействовал, выжидая реакции второго гаранта Версальского

договора — Великобритании, кабинета Болдуина. Не дождавшись от того никаких вестей, французский министр иностранных дел прилетел в Лондон, где умолял членов британского правительства поддержать намерения Франции, еще не отказавшейся окончательно от военной акции, натолкнулся на отказ и смирился с ним. Гитлер во второй раз остался безнаказанным.

Лондон и Париж не использовали последний, как показали дальнейшие события, остававшийся у них шанс предотвратить войну. Мало того, продемонстрировали своим союзникам в Восточной Европе —

СССР, Польше, Чехословакии, Румынии, Югославии, что будут и впредь избегать обострения отношений с Германией, продолжают и, скорее всего, будут продолжать порочную политику умиротворения. И все же во Франции пока еще не предали забвению договор с Москвой. Сенат, долгое время под всевозможными предложениями оттягивавший его обсуждение, под влиянием взрывоопасной ситуации, возникшей на восточной границе, 12 марта наконец ратифицировал его.

Но все же, чтобы лишний раз уточнить позицию СССР при изменившемся столь радикально

положении, в Москву направился Шастенэ, главный редактор ведущей парижской газеты «Тан». 16 марта он встретился с заместителем наркома иностранных дел Н. Н. Крестинским, чтобы услышать от него ответ на вопрос, более всего волновавший французов: каким образом Советский Союз окажет «Франции военную помощь в случае нападения на нее Германии». Получил же странный, несколько уклончивый ответ. Крестинский заявил:

«...Вопрос конкретно между генеральными штабами обеих стран еще не обсуждался, и, очевидно,

при обсуждении они должны будут по этому поводу договориться. Конечно, для оказания помощи Франции нам пришлось бы согласовать свои действия с другими союзниками Франции в Европе. Мне кажется, однако, что на помощь Польши рассчитывать трудно».

Шастенэ возразил замнаркома, указал, что тот «не учитывает того, что Польша, которую он недавно посетил и которая продолжает считать себя союзником Франции, в

случае нападения Германии на Францию выступит против Германии». А потому его, журналиста, очень интересует, «как Советский Союз в этом случае сможет поддержать Польшу». И вновь не услышал ничего определенного¹⁸.

Не удовлетворенный услышанным, 19 марта Шастенэ встретился с Молотовым и также взял у него интервью. Молотов говорил весьма убедительно и обнадеживающе:

«Вся помощь,
необходимая Франции в
связи с возможным

нападением на нее европейского государства, поскольку она вытекает из франко-советского договора, который не содержит никаких ограничений в этом отношении, Франции была бы оказана со стороны Советского Союза. Помощь была бы оказана в соответствии с этим договором и политической обстановкой в целом...

Главное направление, определяющее политику советской власти, считает возможным улучшение

отношений между
Германией и СССР.
Разумеется, для этого могут
быть разные пути. Один из
лучших — вхождение
Германии в Лигу наций
при том, однако, условии,
чтобы Германия на деле
доказала, что она будет
соблюдать свои
международные
обязательства в
соответствии с
действительными
интересами мира в Европе
и интересами всеобщего
мира»¹⁹.

Схожая по сути мысль повторилась и в направленной Литвинову, находившемуся в те дни в Лондоне, директиве ПБ от 22 марта. Главе советского внешнеполитического ведомства рекомендовалось использовать переговоры стран — участниц Локарнского соглашения, проходившие в британской столице, для того, чтобы предложить Германии присоединиться к франко-советскому пакту. Сделать это «в том расчете, чтобы Англия, Франция или Германия сами вынуждены были предложить в качестве компромисса пакт о ненападении между СССР и Германией. В этом случае Вы могли

бы согласиться на этот пакт, имея в виду, что пакт о ненападении есть в то же время пакт о неоказании какой-либо поддержки агрессору и что пакт теряет силу, если одна из сторон нападает на третье государство»²⁰.

Таким образом Советский Союз решил подстраховать себя на тот случай, если бы Германия напала лишь на СССР, а Франция не стала бы спешить с той военной помощью, которую призвана была оказать в соответствии с пактом. Однако к столь крайней мере прибегать в те дни не пришлось. Интервью, данное Молотовым и выразившее твердую позицию СССР, его безусловную

готовность прийти на помощь своему союзнику даже в случае нейтралитета Польши, сыграло свою роль. 27 марта в Париже произошло то, чего Москва ожидала почти год. Состоялся обмен ратификационными грамотами франко-советского договора, что в соответствии с международным правом и узаконивало вступление его в силу. А 1 апреля и правительство Великобритании официально гарантировало Франции свою военную помощь при нападении на нее Германии.

Так в Европе сложилась наконец хотя и слишком громоздкая, но все же выглядевшая достаточно

надежной новая система безопасности, призванная сдерживать агрессивные устремления нацистов, но в основе которой лежали интересы только Франции. Ведь лишь она одна отныне была связана договорами о взаимопомощи — отдельно с Великобританией, СССР, странами Малой Антанты. В этом-то и заключался основной порок возникшей системы безопасности: она целиком и полностью зависела от воли к сопротивлению только Парижа.

Но пожалуй, все эти весьма нелегкие проблемы перестали выглядеть столь уж неразрешимыми, ибо начал претворяться в жизнь

призыв VII конгресса Коминтерна, выдвинутый год назад, — к единству действий социалистов и коммунистов в рядах единого фронта для совместной борьбы против фашизма и угрозы войны. Народные фронты, на которые столь рассчитывали в Кремле, становились реальностью и вскоре могли в корне изменить политическую ситуацию в Европе.

16 февраля в Испании прошли вторые после провозглашения республики выборы в кортесы (парламент). Победу на них одержал созданный после нелегких переговоров Народный фронт, объединивший социалистическую

рабочую партию, левых республиканцев, республиканский союз, коммунистическую и каталонскую националистическую партии, было сформировано первое в истории правительство Народного фронта.

Еще большее значение имели очередные парламентские выборы во Франции, которые также принесли убедительную победу Народному фронту. По истечении срока полномочий нижней палаты парламента прошлого состава главой правительства стал Леон Блюм, лидер социалистической партии. Он предложил коммунистам войти в правительство, однако лидеры КПФ

решили вопрос отрицательно.

...Бурные, драматические события, потрясавшие Европу весной, отнюдь не заставили узкое руководство отказаться даже на время от подготовки задуманной политической реформы. И дабы ни у кого уже не оставалось сомнения ни в неизбежности, ни в направленности грядущих перемен, до завершения работы над проектом новой конституции были отменены не которые принципиальные классовые ограничения, введенные еще в период революции.

30 декабря 1935 г. «Известия» опубликовали постановление ЦИК и СНК СССР «О приеме в высшие

учебные заведения и техникумы», которое значило очень много для тысяч юношей и девушек. Принятое накануне, 29 декабря, оно гласило:

«1. Отменить установленные при допущении к испытаниям и при приеме в высшие учебные заведения и техникумы ограничения, связанные с социальным происхождением лиц, поступающих в эти учебные заведения, или с ограничением в правах их родителей.

2. В высшие учебные

заведения и техникумы,
состоящие в ведений
народных комиссариатов
СССР, народных
комиссариатов союзных
республик или иных
учреждений и организаций,
принимать всех граждан
обоого пола, выдержавших
установленные для
поступления в эти учебные
заведения испытания».

А 21 апреля 1936 г. стало ясно,
что пятимесячной давности статья
Б. П. Шеболдаева «Казачество и
колхозы» в «Правде» действительно
являлась своеобразным анонсом

приближавшегося события. Тот же официоз опубликовал еще одно, столь же значимое постановление, но уже только ЦИК СССР:

«Учитывая
преданность казачества
советской власти, а также
стремление широких масс
советского казачества
наравне со всеми
трудящимися Советского
Союза активным образом
включиться в дело обороны
страны, Центральный
исполнительный комитет
Союза ССР постановляет:
отменить для казачества

все ранее существовавшие ограничения в отношении их службы в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии, кроме лишенных прав по суду».

Кроме того, при утверждении проекта этого постановления в ПБ по предложению Ворошилова восстанавливались казачьи части с их старой традиционной формой — цветными (красные для донцов, синие для кубанцев) околышами фуражек и лампасами, с папахами, кубанками и бешметами²¹.

Своеобразная реабилитация не ограничилась только казачеством. 15

января ПБ по предложению А. Я. Вышинского, внесенному на рассмотрение еще 11 декабря, своим решением поручило Верховному суду, Прокуратуре и НКВД СССР создать региональные комиссии для «проверки правильности применения постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г.». То есть того самого пресловутого указа «Об охране социалистической собственности», который обрушился главным образом на сотни тысяч крестьян. ПБ потребовало также возбудить ходатайства о смягчении наказания или о досрочном освобождении осужденных. Только за шесть последующих месяцев

краевые и областные комиссии рассмотрели 115 тысяч дел, 91 тысячу из них признали «неправильными» и на том основании освободили от дальнейшего отбывания наказания свыше 37 тысяч человек²².

Не удовлетворенный такими результатами, А. Я. Вышинский в апреле снова направил Сталину и Молотову записку, доказывая, что в ряде регионов комиссии работают недостаточно хорошо, и в подтверждение привел следующие данные. Всего за два года судимость была снята с 768989 человек, в том числе с 29 июля 1935 г., когда ПБ и приняло в первый раз

соответствующее предложение Вышинского, по 1 марта 1936 г. — с 556790 человек. Но если в целом по Союзу отказы при пересмотре дел составили 5%, то в Северо-Кавказском крае, Ленинградской и Ивановской областях они оказались непропорционально высокими: 21,7, около 20% и 12,2% соответственно. Согласившись с мнением Вышинского, 8 мая ПБ потребовало от прокуроров указанных регионов «принять необходимые меры к исправлению неправильных решений на местах»^{[23](#)}.

Столь же значимым, но уже для интеллигенции, должно было стать и другое решение ПБ, от 4 апреля 1936

г., означавшее, в сущности, полный отказ от господствовавшей в годы первой пятилетки махаевщины, выразившейся, среди прочего, в наиболее одиозных процессах того времени, дискредитировавших практически всех, кто имел высшее образование.

Л. К. Рамзина, В. А. Ларичева, В. И. Огнева и других довольно известных инженеров, осужденных на десять лет по делу «Промпартии», не просто помиловали, но и восстановили «во всех политических и гражданских правах». Опубликовано на следующий день в «Известиях» постановление президиума ЦИК СССР стало

весомой пропагандистской акцией, призванной положительно повлиять на политические настроения технической интеллигенции.

Тогда же ПБ приняло еще два, внесенных Сталиным и Молотовым по предложению А. Я. Вышинского, решения, на этот раз касавшихся предельно ограниченного круга лиц — «социально чуждых элементов», высланных в начале 1935 г. из Ленинграда в связи с убийством Кирова. 28 февраля:

«Предложить НКВД и Прокуратуре Союза ССР в отношении учащихся высших учебных заведений

или занимающихся самостоятельным общественно-полезным трудом, высланных в 1935 г. из Ленинграда в административном порядке вместе с их родителями в связи с социальным происхождением и прошлой деятельностью последних, но лично ничем не опороченных, — высылку отменить и разрешить им свободное проживание на всей территории Союза ССР»²⁴.

8 мая Вышинский вновь

направил Сталину и Молотову записку все по той же проблеме. Только три месяца спустя Сталин и Молотов нашли наиболее приемлемую форму ответа. 23 июля ПБ приняло подготовленное ими решение:

«Предложить ЦИК СССР и ВЦСПС лиц, высланных из Ленинграда, но не виновных в конкретных преступлениях, на время высылки не лишать избирательных прав и права на пенсию»^{[25](#)}.

Всеми этими решениями и

постановлениями группа Сталина упорно стремилась к одной из важнейших по возможным результатам цели: принципиальному изменению массовой базы избирателей. Загодя, еще до принятия и новой конституции, и основанного на ней избирательного закона, она хотела предельно расширить круг лиц, которым вернули гражданские права, отбывавшиеся начиная с 1918 г.

Глава девятая

Стремительно и даже безоглядно идя на политические реформы, группа Сталина, хотела она того или нет, вынуждена была учитывать, что в любой момент может столкнуться с сильным и решительным противодействием. И не с латентным молчаливым, а с более опасным — открытой и предельно активной оппозицией ортодоксальной части партии. Об этом бесстрастно свидетельствовали материалы по делу об убийстве Кирова/по «Кремлевскому делу». Именно тогда и были выявлены

царившие в партии настроения, однозначное неприятие как нового курса в целом, так и идеи создания новой конституции.

Разумеется, ядром, основой вполне возможной активной оппозиции, если бы она появилась и проявила себя, должны были стать остававшиеся на свободе или находившиеся в ссылке сторонники Троцкого и Зиновьева, в совсем недавнем прошлом достаточно известные и влиятельные деятели. Первые признаки назревающей опасности для узкого руководства отметил начальник СПО НКВД Г. А. Молчанов. 5 февраля 1936 г. он докладывал Ягоде: «Новые

материалы следствия обнаруживают тенденцию троцкистов к воссозданию подпольной организации по принципу цепочной связи небольшими группами»¹. О том же шла речь и в циркуляре заместителя наркома внутренних дел Г. Е. Прокофьева от 9 февраля: «Имеющиеся в нашем распоряжении... данные показывают возросшую активность троцкистско-зиновьевского контрреволюционного подполья и наличие подпольных террористических формирований среди них. Ряд троцкистских и зиновьевских групп выдвигают идею создания единой контрреволюционной партии и

создания единого организационного центра власти в СССР». А далее следовал вполне логичный вывод: «Задачей наших органов является ликвидация всех... дел по троцкистам и зиновьевцам, не ограничиваясь изъятием актива, направив следствие на вскрытие подпольных контрреволюционных формирований, всех организационных связей троцкистов и зиновьевцев и вскрытие террористических групп»².

На первый взгляд текст циркуляра выглядит слишком одиозным, вполне характерным для всех документов, исходивших с Лубянки, и не только в то время. Но

если не принимать во внимание
непременные далекие от
действительности определения как
«контрреволюционные»,
«террористические» да отбросить
столь же нарочито использованные
понятия «подпольные»,
«формирования», то оставшееся
выглядит достаточно серьезным и
вполне возможным. Сторонники
Троцкого и Зиновьева стремятся к
консолидации, к созданию уже не
невозможной в существующих
условиях фракции, а вполне
самостоятельной собственной
партии. Такой же, какие уже начали
возникать во многих странах Европы
под воздействием призыва Троцкого

для объединения в своих рядах всех тех, кто по-прежнему считал себя твердыми марксистами-ленинцами и революционерами, не способными к противоестественному соглашению или компромиссу с явно ревизионистской, оппортунистической, с их точки зрения, группой Сталина.

Ну а если новая партия и не возникнет, то у троцкистов и зиновьевцев все же достанет влияния для того, чтобы скрытно выдвинуть собственных кандидатов в депутаты, может быть, провести их на выборах в Верховный Совет СССР и получить тем самым трибуну для свободного выражения своих политических

взглядов. В этом и таилась опасность для сталинской группы реформаторов.

Циркуляр, естественно, достиг предусмотренной цели — подъема новой волны репрессий (к 1 апреля было арестовано уже 508 человек)³. Среди «изъятых», по образному выражению Прокофьева, оказался сотрудник Коммунистической академии некий И. И. Трусков, хранивший личный архив Троцкого, относившийся к 1927 г. Эта весьма важная находка дала Сталину основание провести 27 февраля через ПБ заурядное решение, оказавшееся не только непредсказуемым по своим

отдаленным последствиям, но и послужившее своеобразной стартовой площадкой для быстрого карьерного взлета Н. И. Ежова. Решение гласило: «Предлагаю весь архив и другие документы Троцкого передать т. Ежову для разбора и доклада ПБ, а допрос арестованных вести НКВД совместно с т. Ежовым»⁴.

Выполнить со всей ответственностью новое, столь серьезное поручение Ежову ничто не мешало, ибо весь последний месяц он занимал всего две должности — секретаря ЦК и председателя КПК. От обязанностей же заведующего ОРПО его, как бы предвидя близкое

будущее, освободили еще 4 февраля, утвердив вместо него его заместителя Г. М. Маленкова⁵. Следующий виток активных действий НКВД пришелся на конец марта, что, несомненно, было связано с демонстративным замалчиванием интервью Сталина от 1 марта. 25 марта Ягода, обобщая результаты следственных материалов, предложил в докладной записке на имя Сталина (вполне возможно, подготовленной совместно с Ежовым) ссыльных троцкистов отправить в отдаленные лагеря, туда же направить и тех, кто был при последнем обмене партбилетов исключен из партии за

принадлежность к троцкизму (их численность составила 308 человек)⁶. Уличенных же в «причастности к террору» следовало расстрелять⁷. Эта рекомендация наркома была передана на заключение Вышинскому, который с оговорками, присущими юристу, одобрил ее. 31 марта генеральный прокурор сообщил свое мнение Сталину:

«Считаю, что т. Ягода в записке от 25 марта 1936 г. правильно и своевременно поставил вопрос о решительном разгроме троцкистских

кадров. Со своей стороны
считаю необходимым всех
троцкистов, находящихся в
ссылке, **ведущих**
активную **работу**
(выделено мной — *Ю.Ж.*),
отправить в дальние лагеря
постановлением Особого
совещания при НКВД
после рассмотрения
каждого конкретного
дела... С моей стороны нет
также возражений против
передачи дел о троцкистах,
уличенных в причастности
к террору, то есть
подготовке
террористических актов, в

Военную коллегию
Верховного суда Союза, с
применением к ним закона
от 1 декабря 1934 г. и
высшей меры наказания —
расстрела...»⁸.

Излишне поторопившись, Ягода
в тот же день подписал циркуляр, в
котором требовалось от
региональных управлений НКВД
«немедленное выявление и
полнейший разгром до конца всех
троцкистских сил, их
организационных центров и связей,
выявление, разоблачение и
репрессирование всех троцкистов-
двурушников»⁹. Однако ни узкое

руководство, ни Сталин не спешили санкционировать столь решительные действия. У них имелись иные, видимо, казавшиеся им более важными дела.

В течение четырех дней, с 17 по 19 и 22 апреля, Сталин вместе с Яковлевым, Стецким и Талем обсуждали «Черновой набросок» проекта конституции, вносили в него последние исправления. Так, определение советского общества как «государства свободных тружеников города и деревни» заменили на более отвечающее марксизму — «социалистическое государство рабочих и крестьян». Ввели отсутствовавшую ранее

статью, устанавливавшую, что политическую основу СССР «составляют советы рабочих и крестьянских депутатов», а экономическую — «общественное хозяйство», «общественная социалистическая собственность». При корректировке текста усилили роль союзного государства в ущерб правам союзных республик, расширив компетенцию Верховного Совета СССР. Кроме того, изменили нормы представительства в Совет Союза и принцип формирования Совета Национальностей. Новый вариант, возникший в результате напряженной работы, получил название «Первоначальный проект

конституции СССР» и 30 апреля был разослан членам ПБ и Конституционной комиссии¹⁰.

Заседание последней состоялось 15 мая. Она официально одобрила проект основного закона страны и единогласно постановила «внести его на рассмотрение ближайшей сессии ЦИК СССР». Тогда же комиссия избрала секретарем Я. А. Яковлева вместо И. Л. Акулова¹¹. Но еще за два дня до того, 13 мая, ПБ приняло традиционное в таких случаях решение, где среди прочих имелись пункты: «1. Назначить пленум ЦК на 1 июня. 2. Утвердить порядок дня пленума ЦК: 1) Конституция СССР

(докладчик т. Сталин)»...¹². Лишь затем узкое руководство вернулось к проблеме превентивной самообороны. Предложение Ягоды с небольшими изменениями 20 мая было оформлено как решение ПБ¹³.

...Как и предусматривалось, пленум ЦК ВКП(б) открылся 1 июня. Перед началом первого заседания все его участники получили проект новой конституции и наконец познакомились с ним. И даже при беглом чтении не могли не заметить того, что отличало его от достаточно хорошо знакомого всем старого основного закона.

Исчез важнейший первый раздел «Декларация об образовании Союза

Советских Социалистических
Республик», наиболее
идеологизированная часть
конституции, подчеркивавшая
исключительность политического
строения страны, объяснявшая ее
изолированность нескрываемой
устремленностью лишь к одному —
к мировой революции с ничем не
подкрепленной уверенностью в ее
победе.

«Со времени образования
советских республик, —
провозглашала первая же фраза
старой конституции, — государства
мира раскололись на два лагеря:
лагерь капитализма и лагерь
социализма». Создание СССР

объяснялось прежде всего военной угрозой: «Неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делают неизбежным создание единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения». Завершалась же «Декларация» вызывающим лозунгом, который и давал основание для негативного отношения к СССР, боязни его на протяжении всего времени его существования: «Новое союзное государство... послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом на пути объединения трудящихся всех стран в Мировую

Социалистическую Советскую
Республику»¹⁴.

Изъятием «Декларации»
коренные перемены не
ограничивались. В проекте новой
конституции трансформировалась
суть того, что содержалось и во
втором разделе старой. Особенно
необычной выглядела 11-я глава
«Избирательная система», о которой
столько раз заявляли как о самом
главном Молотов и Сталин.

Согласно статьям 9 и 10
Конституции 1924 г., верховный
орган власти, Съезд советов СССР,
состоялся «из представителей
городских советов и советов
городских поселений — по расчету 1

депутат на 25000 избирателей, и представителей сельских советов — по расчету 1 депутат на 125000 жителей»¹⁵. Таким нескрываемым неравенством юридически закреплялся классовый характер политического строя, диктатура пролетариата, его правовые преимущества и руководящая роль по отношению к крестьянству.

Избрание же делегатов на Съезд советов СССР проводилось не населением страны непосредственно, а своеобразными выборщиками:

«а) непосредственно
на съездах советов союзных

республик, не имеющих краевого и областного деления; б) на краевых и областных съездах советов в союзных республиках, имеющих краевое и областное деление; в) на съездах советов советских социалистических республик Азербайджана, Грузии и Армении и па съездах советов автономных республик и областей, как входящих, так и не входящих в состав краевых и областных объединений»[16](#).

Именно такая система и обеспечивала, помимо прочего, первым секретарям крайкомов и обкомов их властные полномочия.

Теперь же принципиально иной избирательной системе посвящалась отдельная глава, 11-я. Статья 134-я провозглашала: выборы «производятся избирателями на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании», а статьи со 135-й по 140-ю раскрывали столь необычные для населения страны понятия «всеобщее» («независимо от... социального происхождения и прошлой деятельности»), «равное», «прямое» и «тайное». Кандидаты при

выборах выставлялись не по производственному принципу — от фабрик, заводов, шахт и т.п., как ранее, а от избирательных территориальных округов. Право же выставления кандидатов закреплялось «за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами»¹⁷.

Так формулировалось то, о чем Сталин три месяца назад сказал Рою Говарду.

В целом новая избирательная система лишала пролетариат даже

призрачных, фиктивных его преимуществ, а вместе с тем и ставила под сомнение дальнейшее использование такого основополагающего для марксизма, для ленинизма, для партии понятия, как диктатура пролетариата. Вместе с тем лишались своих традиционных полномочий, права влиять на формирование высшего органа советской власти (да и не только на него) первые секретари крайкомов и обкомов, прежде автоматически обеспечивавшие себе не только депутатство на Съезде советов СССР, но и столь же неременное вхождение в состав его органа, действовавшего между съездами, —

ЦИК СССР.

Но и этого казалось мало творцам проекта явно деполитизированной конституции. Слово «социалистический» ими было использовано только в трех статьях. В 1-й, где говорилось о том, что СССР является «социалистическим государством», и в 4-й и 5-й, в которых объяснялась экономическая основа страны — с «социалистической системой хозяйства» и с «социалистической собственностью», имевшей две формы — государственную и кооперативно-колхозную.

Коммунистическая партия фигурировала лишь раз, в статье 126-

й (!) главы 10 «Основные права и обязанности граждан», да и то в весьма своеобразной форме:

«Гражданам СССР
обеспечивается право
объединения в
общественные
организации... а наиболее
активные и сознательные
граждане из рядов рабочего
класса и других слоев
трудящихся объединяются
во Всесоюзную
коммунистическую партию
(большевиков),
являющуюся передовым
отрядом трудящихся в их

борьбе за укрепление и развитие
социалистического строя и представляющую
руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных»^{[18](#)}.

Фиксировал предлагаемый на обсуждение пленума проект и иные, столь же принципиально важные изменения. Так, статья 17-я старого Основного закона подчеркивала, что ЦИК СССР «объединяет работу по законодательству и управлению Союза Советских Социалистических Республик и определяет круг

деятельности президиума
Центрального исполнительного
комитета и Совета народных
комиссаров Союза Советских
Социалистических Республик». Новая же конституция предлагала установить четкое разделение власти на две ветви. Статья 32-я ее гласила: «Законодательная власть СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР», а статья 64-я устанавливала, что «высшим исполнительным органом государственной власти Союза Советских Социалистических Республик является Совет народных комиссаров СССР». Последний, в соответствии со статьей 65-й, был

«ответственен перед Верховным Советом СССР и ему подотчетен, а в период между сессиями Верховного Совета — перед президиумом Верховного Совета СССР, которому подотчетен»¹⁹.

Имелось в проекте и еще одно, не менее значимое нововведение. Впервые декларировались независимость судей, подчиненность их только закону и открытость разбирательств во всех судах, а также устанавливалось избрание народных судей (низшей судебной инстанции) «гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании» (статьи 109, 111 и

В прежнем виде осталась лишь такая норма, как непостоянность работы будущего советского парламента. Если прежде сессии ЦИК СССР должны были собираться между съездами не менее трех раз, то есть каждые восемь месяцев, то теперь сессии уже Верховного Совета предполагалось созывать два раза в год.

Но все же самым серьезным являлось то, что все новации перечеркивали не столько суть конституции 1924 г., сколько «Программу Коммунистического Интернационала», принятую на его VI конгрессе 1 сентября 1928 г. в

редакции, предложенной
программной комиссией под
председательством Н. И. Бухарина.
Она требовала от всех без
исключения коммунистов
безоговорочного принятия
следующих положений:

«Государство
советского типа, являясь
высшей формой
демократии, а именно
пролетарской
демократией, резко
противостоит **буржуазной**
демократии,
представляющей собой
замаскированную форму

буржуазной диктатуры.
Советское государство
пролетариата есть его
диктатура, его классовое
единовластие. В

противоположность
буржуазной демократии
оно открыто признает свой
классовый характер,
открыто ставит своей
задачей подавление
эксплуататоров в интересах
громаднейшего
большинства населения.
Оно лишает своих
классовых врагов
политических прав, и оно
может, при особых

исторически сложившихся
условиях, давать ряд
временных преимуществ
пролетариату в целях
упрочения его руководящей
роли, по сравнению с
распыленным
мелкобуржуазным
крестьянством...

Право переизбрания
депутатов, право их отзыва,
соединение
исполнительной и
законодательной власти,
выборы не по
территориальному, а
производственному
принципу (от фабрик,

мастерских и т.д.) — все это обеспечивает рабочему классу и идущим под его гегемонией широким массам трудящихся систематическое, непрерывное и активное участие во всех общественных делах — хозяйственных, общеполитических, военных и культурных — и тем самым проводит резкую разницу между буржуазно-парламентской республикой и советской диктатурой пролетариата...

В области

общеполитических прав
Советское государство,
лишая этих прав врагов
народа и эксплуататоров,
впервые до конца
уничтожает неравенство
граждан, основанное при
эксплуататорских системах
на различии пола, религии,
национальности...»^{[21](#)}

Не просто отбрасывая эти
положения, но и открыто ревизуя их,
авторы проекта новой конституции
непременно должны были помнить,
как произошло возвращение в
партию ее «блудных сынов» —
известных троцкистов К. Б. Радека,

И. Т. Смилги, Е. А. Преображенского. Вспомнить содержание письма, написанного от их имени Радеком и опубликованного в «Правде» 13 июля 1929 г.:

«Самый важный вывод, который мы делали из политики ЦК партии, заключался в том, что эта политика неизбежно ведет к скату от диктатуры пролетариата и ленинского пути к термидорианскому перерождению власти и ее политики и к сдаче без боя завоеваний Октябрьской революции. Самое важное

обвинение, которое мы предъявляли руководству партии, заключалось в том, что это руководство, хотя и против своей воли, способствует такому скату, не борется с элементами перерождения в партии и с ее правыми элементами и в наиболее острый момент экономического кризиса (в мире — Ю.Ж.) будет искать выхода на путях правой политики, на путях уступки кулаку, отказа от монополии внешней торговли и капитуляции перед мировым

Нет, тогда сталинская группа отказалась от правой политики, не пошла на уступки кулаку, сохранила в неприкосновенности государственную монополию на внешнюю торговлю. Но теперь уже не только троцкисты, сторонники Зиновьева, даже правые, вообще все участники пленума с полным на то основанием могли расценить предложенный им для одобрения проект новой конституции как неоспоримое доказательство состоявшегося термидорианского перерождения власти, вернее — сталинской группы, ее капитуляции

перед мировым капитализмом, пусть даже и в такой форме, как чисто юридический документ.

Потому-то Сталину и пришлось построить свой доклад так, чтобы полностью обезопасить себя и своих соратников от обвинений в ревизионизме и оппортунизме, сосредоточиться на обосновании тех коренных перемен, которые произошли в стране с 1924 г. в области экономики, классовой структуры, взаимоотношений народов СССР.

Однако начал Сталин с иного. С цитирования без каких-либо купюр всех без исключения документов, послуживших основанием для

подготовки проекта новой конституции. Зачитал решения и пленума ЦК от 1 февраля 1925 г., и VII съезда Советов СССР от 6 февраля, и сессии ЦИК от 7 февраля. И далеко не случайно, только для того, чтобы все сидевшие в зале осознали — они полностью разделяют с ним всю ответственность, — заключил следующим образом: «Таковы формальные основания и директива, на базе которых Конституционная комиссия ЦИК СССР приступила к своей работе». После таких слов участники пленума могли обсуждать не то, что им было представлено, а лишь то, как было выполнено

именно их поручение. Лишь затем Сталин остановился на том, что, по его мнению, и предопределило необходимость новой конституции:

Изменения в области экономики: «...В результате... изменений в области народного хозяйства за период от 1924 г. до настоящего времени мы имеем новое, социалистическое общество, не знающее кризисов, не знающее безработицы, не знающее нищеты и разорения и дающее все возможности

для зажиточной и культурной жизни всех членов советского общества».

Изменения в области классовой структуры: «... Взять, например, рабочий класс СССР. Его часто называют, по старой памяти, пролетариатом. Но едва ли его можно назвать пролетариатом в собственном смысле слова... Пролетариат — это класс, эксплуатируемый капиталистами. Но у нас класс капиталистов ликвидирован, орудия и

средства производства
отобраны у капиталистов и
переданы государству, то
есть организованному в
государство рабочему
классу... Можно ли после
этого назвать рабочий
класс пролетариатом?
Ясно, что нельзя... Наше
советское крестьянство
является совершенно
новым крестьянством. ...
Наше советское
крестьянство есть
колхозное крестьянство...
Изменился... состав
интеллигенции... самый
характер деятельности

интеллигенции... Она
является теперь
равноправным членом
общества, где она вместе с
рабочими и крестьянами, в
одной упряжке с ними,
ведет стройку нового,
бесклассового
социалистического
общества».

**Изменения в области
взаимоотношений
народов СССР:** «Народы
СССР, считавшиеся раньше
отсталыми, перестали быть
отсталыми, они идут
вперед, крепнет их
экономика, растет их

культура, растут их национальные кадры, партийные и советские, и сообразно с этим растёт их политическое сознание, крепнут узы дружбы и интернационализма между народами СССР».

Далее Сталин обосновал необходимость разделения единой власти на законодательную и исполнительную, а завершил доклад сугубо пропагандистским аспектом проблемы — значением новой конституции.

«Проект новой конституции представляет нечто вроде кодекса

основных завоеваний рабочих и крестьян нашей страны... послужит величайшим рычагом для мобилизации народа на борьбу за новые достижения, за новые завоевания... Но для рабочих тех стран, где у власти не стоят еще рабочие и где господствующей силой является капитализм, наша конституция может по служить программой борьбы, программой действий»²³. Теперь, чтобы выступить против содержания проекта, основных его статей, сначала следовало доказать: страна не изменилась, осталась такой же, какой была двенадцать лет назад. Разумеется, на столь отчаянный,

даже безумный шаг отважиться никто не мог. Потому-то на вопрос председательствующего Молотова: «Есть ли желающие высказаться? Прощу записываться», из зала донеслись голоса: «Перерыв, перерыв, надо подумать», которые в официальной стенограмме были исправлены: «Вопрос ясен. Обсуждать нечего. Давайте лучше перерыв»²⁴. Но и после перерыва никто активности не проявил и не пожелал выступить даже с дежурными словами одобрения²⁵.

При этом неожиданно всплыла ничем не мотивированная ни Сталиным, ни Молотовым, ранее не зафиксированная в решениях ПБ

смена того форума, на котором проект должен был быть принят вместо сессии ЦИК СССР на чрезвычайном съезде Советов. Вполне возможно, вновь проявившаяся латентная оппозиция широкого руководства вынудила группу Сталина решить вынести принятие своего проекта не на узкое собрание, которым являлась сессия ЦИК СССР и где численно превалировали все те же первые секретари крайкомов и обкомов, а на более многочисленное, где шансов на успех было гораздо больше.

Видимо, именно поэтому в коротком заключительном слове докладчик сосредоточил внимание

только на сроках принятия конституции.

«Сталин: Видимо, дело пойдет так, что, скажем, ко второй половине июня президиум ЦИК СССР соберется и одобрит в основном проект конституции или не одобрит — это его дело. И если одобрит, то примет решение насчет того, чтобы созвать съезд Советов для рассмотрения проекта конституции. Ну, скажем, в ноябре, раньше ноября едва ли целесообразно.

Голоса: Правильно.

Сталин: В начале ноября или в середине ноября.

Голос: В середине ноября.

Сталин: Президиум имеет право передать рассмотрение проекта конституции более высшему органу чем сессия ЦИК. А коль скоро это решится, то скоро будет опубликован проект конституции. Значит, для обсуждения в прессе проекта конституции у нас будет июль, август,

сентябрь, октябрь —
четыре месяца. Люди могут
обсудить, рассмотреть
проект, обмозговать его с
тем, чтобы на съезде
Советов в середине ноября
принять или не принять
его... Для того чтобы не
получилось такого
положения, что в ноябре у
нас будет Верховный Совет
СССР вместо ЦИК, а в
союзных республиках будут
по-старому существовать
ЦИКи, и чтобы этого
неудобства не случилось,
чтобы на долгое время оно
не продлилось, придется

дело поставить так, чтобы немедленно взялись за выработку своих конституций, а также за выработку конституций автономных республик с тем, чтобы после Всесоюзного съезда Советов, скажем, через месяц созвать свои республиканские съезды и там уже иметь готовые республиканские проекты для обсуждения и утверждения. На этих же съездах нужно создать свои верховные органы, республиканские

верховные советы. Это для того, чтобы не получилось большого интервала между созданием Верховного Совета СССР и верховных советов союзных и автономных республик.

Голос: Товарищ Сталин, выборы пока что по-старому проводим?

Сталин: Очевидно, да.

Молотов: Приступить к выработке проекта конституции с тем, чтобы в сентябре можно было созвать съезд. (В выправленной стенограмме —

„Предлагается
окончательно закончить
выработку проектов
республиканских
конституций в сентябре“.)

Сталин: В середине
сентября.

Петровский: Не
позднее десятого.

Молотов:
Окончательно закончить
выработку к сентябрю.

Любченко: Нельзя ли
съезд созвать в первых
числах декабря, тогда
вторая половина ноября
посвящается выборам. И в
районах, и в областях это

есть более или менее подходящее время для большинства, более свободное время от самых напряженных работ, в частности, у нас на Украине и свекла, и сев, и хлеб.

Сталин: Это президиум (ЦИК СССР — Ю.Ж.) решит.

Молотов: Возражений нет? Считаю принятым»[26](#).

Второй неожиданностью вялотекущего пленума стал внесенный в его повестку дня лишь в день открытия, третьим пунктом,

доклад Н. И. Ежова «О ходе обмена партийных документов». Вопрос, являвшийся действительно своевременным и крайне необходимым, ибо решением предыдущего пленума проверка учетных карточек была прекращена и следовало, проанализировав, подвести итоги этой далеко не первой за историю ВКП(б) чистки.

Можно было предполагать, что Ежов, в полном соответствии с недавно полученным поручением ПБ о совместных со следователями НКВД допросах троцкистов, сосредоточится именно на таком либо близком к нему аспекте проверки партийных документов.

Однако ничего подобного в докладе не прозвучало. Лишь после выступления, готовя текст для типографского варианта стенограммы, Ежов внес в него несколько фраз, связанных с поиском и разоблачением «врагов».

«Можем ли мы сказать, — вписал задним числом в доклад Ежов, — что исключенные из партии троцкисты, зиновьевцы, украинские националисты, перебежчики иностранных государств и прочие, которые не были арестованы ввиду отсутствия достаточных оснований, не ведут сейчас против нас своей подрывной контрреволюционной работы? Я думаю, что такой

гарантии никто из вас не даст... Нельзя думать, что враг, который вчера был в партии, успокоится на том, что его исключили из партии, и будет спокойно выжидать для себя „лучших времен“»^{[27](#)}.

Выступая же с трибуны пленума, Ежов обрушил весь свой гнев на иного противника: на партийных чиновников, на затхлую атмосферу, царящую в партии. Фактически рисуя удручающую картину, он сказал:

«Ни одна партийная организация, я, по крайней мере, не могу назвать такой партийной организации, которая с должным вниманием отнеслась бы к

исключенным из партии и в особенности к апеллирующим членам партии». Чуть позже он объяснил, что же имел в виду, чем была недовольна представленная в его лице КПК. «Этих людей исключили из партии и лишили работы, у нас практикуются такие вещи, что лишают работы его семью. В результате эти бывшие члены партии месяцами ходили без работы, обивали пороги райкомов и всех наших учреждений, и нигде не брали их на работу. Как видите, — продолжал Ежов, — бдительность с другого конца. Конечно, грош цена такой бдительности... Это бездушное отношение. На деле эти люди хуже

наших врагов, потому что они толкают людей в лагерь наших врагов»[28](#).

В той же тональности оказался выдержанным и весь доклад. Возможно, столь либеральная, гуманная позиция Ежова объясняется тем, что текст, чего нельзя исключить, готовил для него Г. М. Маленков, в недавнем прошлом не раз приходивший на помощь своему начальнику по ОРПО именно в работе по проверке партдокументов. Но самым показательным для оценки настроений узкого руководства стало отношение к проблеме, высказанное Сталиным.

В виде реплики:

«Ежов: При проверке партдокументов мы исключили свыше 200 тысяч коммунистов.

Сталин: Очень много.

Ежов: Да, очень много. Я об этом скажу. Сколько у нас есть апелляций и сколько мы, вероятно, восстановим в результате апелляций, но свыше 200 тысяч мы имеем исключенных.

Сталин: Если исключить 30 тысяч... (пометка стенографистки

„не слышно“ — Ю.Ж.), а
600 бывших троцкистов и
зиновьевцев тоже
исключить, больше
выиграли бы»²⁹.

И в коротком выступлении при
прениях по докладу:

«Сталин: ...Нельзя ли
некоторых или многих из
тех, которые апеллируют,
восстановить как
кандидатов?.. Почему
нельзя было бы часть
апеллирующих, поскольку
их невозможно, по
имеющимся материалам,

восстановить полностью
как членов партии,
восстановить их в качестве
кандидатов в члены
партии? Почему нельзя
этого сделать?

Голоса: Можно,
можно!

Сталин: Запрещений
нет на этот счет, хотя
прямых указаний в уставе
тоже не имеется.

Голоса: Это сейчас
делается.

Сталин: Нет, я думаю,
что это не делается. У нас
до сих пор еще среди
партийных руководителей

царит этакое, как бы
сказать, валовое отношение
к членам партии. Тебя
исключили, ты
апеллируешь. Если тебя
можно восстановить
полностью как члена
партии — хорошо.
Нельзя — так ты
останешься вне партии.
Прерывается всякая связь с
партией... Насчет того, что
200 тысяч человек
исключили из партии,
больше 200 тысяч. Что это
значит? Это значит, что мы
очень легко и
невнимательно людей

принимаем в партию. Это экзамен для партии, и экзамен с минусом. Бесспорно. Если партия, стоящая у власти, имеющая все возможности политически просветить своих членов партии, поднять их духовно, привить им культуру, сделать их марксистами, если такая партия, имея все эти огромные возможности, вынуждена исключить 200 тысяч человек, то это значит, что мы с вами плохие руководители»[30](#).

Та же мягкость, но уже чисто внешне, проявилась при обсуждении последнего пункта повестки дня. В «текущих» оказалось только одно дело — персональное А. С. Енукидзе, его заявление о восстановлении в партии: Молотов и Сталин пояснили, что Авель Сафронович обратился в ЦК со своей просьбой еще в ходе работы прошлого пленума, но тогда обсуждать такой вопрос было явно преждевременно. Как заметил Сталин, «вышло бы — на одном пленуме исключили, на другом приняли». Однако резолюция, предложенная Молотовым, оказалась весьма своеобразной: всего лишь

снять «запрещение о принятии т. Енукидзе в партию и предоставить этот вопрос решить местным организациям, куда он может обратиться»^{[31](#)}.

Линия поведения, избранная широким руководством — демонстративное равнодушие к новой конституции, столь весомо продемонстрированная в ходе работы пленума, вскоре проявилась вновь. 11 июня президиум ЦИК СССР принял не вполне ожидаемое от него постановление, одоблившее проект, но назначившее созыв Всесоюзного съезда Советов на 25 ноября^{[32](#)}, а не на начало или середину месяца, как того добивались Сталин и Молотов.

Через день все газеты страны опубликовали проект нового основного закона, а 14 июня ввели предусмотренную докладом Сталина рубрику «Всенародное обсуждение проекта конституции СССР», под которой стали помещать отклики граждан — рабочих, крестьян, инженеров, врачей, учителей, красноармейцев, командиров Красной армии, кого угодно, но только не членов широкого руководства.

Исключением стали статьи в «Правде» лишь двух первых секретарей крайкомов — Закавказского — Л. П. Бери и Сталинградского — И. М. Варейкиса.

Первая из них, случайно или сознательно, содержала довольно примечательную фразу, раскрывавшую затаенные опасения узкого руководства:

«Нет сомнения, что попытки использовать новую конституцию в своих контрреволюционных целях будут делать и все заядлые враги советской власти, в первую очередь из числа разгромленных групп троцкистов-зиновьевцев»^{[33](#)}.

Кроме Бери и Варейкиса, из видных партийных и

государственных деятелей страны откликнулись лишь те, кто входил в состав Конституционной комиссии: В. М. Молотов, М. И. Калинин, Н. В. Крыленко, А. Я. Вышинский, А. И. Стецкий и К. Б. Радек. Почему-то не высказали своего мнения члены ЦК ПБ Г. К. Орджоникидзе, А. И. Микоян и кандидат в члены ЦК А. П. Розенгольц, выступившие в те самые дни с развернутыми докладами на заседаниях советов возглавляемых ими наркоматов — тяжелой и пищевой промышленности, внешней торговли³⁴.

Подчеркнуто уклонились от обсуждения первые секретари ЦК

компартий Белоруссии Н. Ф. Гикало и Армении А. Ханджян, они опубликовали в «Правде» (25 и 27 июня соответственно) экономико-географические очерки о своих республиках. Н. С. Хрущев, первый секретарь МК, нашел, что несомненный интерес для читателей представляет содержание подписанной его именем статьи «Как мы организовали Дом пионеров и детские парки» (29 июня). Первый секретарь Винницкого обкома В. И. Чернявский счел необходимым обратиться к перспективе урожайности в области зерновых и свеклы (1 июля), а Донецкого обкома С. А. Саркисов — к проблеме

технологии добычи угля (4 июля). Их отношение к происходящему разделял и член ЦК А. С. Бубнов — нарком просвещения РСФСР. Он, но только после публикации постановления ЦК, подготовленного А. А. Ждановым, обрушился с критикой на сторонников педологии, которых сам же совсем недавно поддерживал.

Члены широкого руководства не желали объяснять причину, побудившую их занять именно такую позицию, однако она была понятна очень многим, и не только сталинской группе. Известный писатель М. М. Пришвин, давно отошедший от политики (до

революции он примыкал к эсерам), в своем дневнике, который вел двадцать два года, записал 22 июня 1936 г.:

«Спрашиваю себя, кто же этот мой враг, лишаящий меня возможности быть хоть на короткое время совсем безмятежным? И я отвечаю себе: мой враг — бюрократия, и в новой конституции я почерпну себе здоровье, силу, отвагу вместе с народом выйти на борьбу с этим самым страшным врагом

Складывалась парадоксальная ситуация. С одной стороны, все члены ЦК дружно проголосовали за проект конституции, но с другой — никто из них не выступил открыто в ее поддержку, что стало все больше и больше напоминать откровенный саботаж. Группе Сталина пришлось срочно оценить серьезность ситуации, в которой она оказалась, и выработать ответные меры, соответствующие навязываемым правилам игры.

Судя по дальнейшим событиям, узкое руководство вновь, как и в начале 1935 г., решило нанести

упреждающий удар, который продемонстрировал бы и непреклонность его намерений, и то, что может ожидать его противников в случае продолжения противостояния. Оно возобновило опасную игру с огнем, непредсказуемую по своим последствиям.

Уже 19 июня, несомненно по указанию свыше, Ягода и Вышинский продолжили работу «по немедленному выявлению и полнейшему разгрому» троцкистских сил, приостановленную в конце марта. Подготовили и представили на утверждение ПБ список наиболее опасных, по их мнению, троцкистов,

включавший 82 фамилии, которым можно было бы предъявить обвинение в подготовке террористических актов. Не ограничившись этим, они поставили вопрос о необходимости повторного процесса по делу Зиновьева и Каменева³⁶. Узкое руководство, скорее всего, учитывая ход обсуждения конституции, решило не распылять силы и нанести окончательный по возможности удар одновременно по Троцкому, а также по сторонникам и Троцкого, и Зиновьева. Но чтобы упростить решение задачи, сделать главными обвиняемыми тех, кто уже находился в заключении, отбывая срок

полученного год назад наказания.

Так, несомненно, зародилась идея заявить о якобы раскрытом очередном «антисоветском центре», на этот раз — «объединенном троцкистско-зиновьевском», провести с помощью суда над его «участниками» важную пропагандистскую акцию, обращенную в равной степени к политическим силам как внутри Советского Союза, так и демократических стран Запада. Это должно было еще раз продемонстрировать решительный и окончательный отказ от старого курса, который ориентировался прежде всего на мировую

революцию, для Лондона и Парижа связывался с «рукой Москвы», та есть с экспортом революции, что для всех олицетворялось двумя именами — Троцкого и Зиновьева.

Вести допросы только что арестованных и передпросы тех, кто уже находился в заключении, поручили весьма крупным работникам НКВД: первому заместителю наркома Я. С. Агранову, первому заместителю начальника иностранного отдела ГУГБ Б. Д. Берману, заместителю начальника СПО ГУГБ Г. С. Люшкову, заместителю начальника управления НКВД по Московской области

А. П. Радзивиловскому, заместителю начальника СПО того же управления П. Ш. Симановскому³⁷. Они столь быстро и успешно справились с заданием, что уже 29 июля узкое руководство смогло — от имени ЦК — утвердить «Закрытое письмо», извещавшее всех членов партии о якобы раскрытой новой «антисоветской организации», «троцкистско-зиновьевском блоке». Сводилось же «Письмо» фактически к трем пунктам.

Первое. В текущем году НКВД «раскрыл» несколько «террористических групп» в Москве, Ленинграде, Горьком, Минске, Киеве, Баку и других городах. Ими

руководил, направлял их деятельность некий «троцкистско-зиновьевский блок», созданный в 1932 г. Его возглавляли Г. Е. Зиновьев и известные его сторонники: Л. Б. Каменев, И. П. Бакаев, Г. Е. Евдокимов, троцкисты И. Н. Смирнов, С. В. Мрачковский, В. А. Тер-Ваганян.

Второе. Задачей «блока» являлись «террористические акты» против С. М. Кирова, И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова, Л. М. Кагановича, Г. К. Орджоникидзе, С. В. Косиора, П. П. Постышева и А. А. Жданова — членов и кандидатов в члены ЦК. Конечная же цель «блока» формулировалась так:

«Одновременное убийство ряда руководителей партии в Москве, Ленинграде, на Украине расстроит ряды ВКП(б), вызовет панику в стране и позволит Троцкому, Зиновьеву и Каменеву пробраться к власти».

Третье. Так как вся поименованная верхушка «блока» уже находилась в тюрьмах, в «Письме» утверждалось, что «все руководство террористической деятельностью в СССР взял на себя Троцкий». Однако, не располагая опорой внутри страны, он «забрасывает» в СССР «террористов», заведомо зная об их связях с гестапо. В «Письме» делался

однозначный вывод:

«ЦК ВКП(б) считает необходимым... еще раз приковать внимание всех членов партии к вопросам борьбы с остатками злейших врагов нашей партии и рабочего класса, приковать внимание к задачам всемерного повышения большевистской революционной бдительности...»^{[38](#)}

Такие призывы не оставляли ни малейшего шанса никому, включая

первых секретарей ЦК
нацкомпартий, крайкомов и обкомов,
избежать обвинения в
«двурушничестве» или хотя бы в
«пособничестве», если узкому
руководству потребуются вполне
конкретные жертвы. Ради этого,
собственно, и затевался процесс.

Всего две недели потребовалось
руководству НКВД и лично
Вышинскому, чтобы подготовиться к
намеченному суду — открытому,
показательному, призванному своей
подчеркнутой гласностью убедить в
справедливости обвинений,
предъявляемых Троцкому и
Зиновьеву, не только мировое
коммунистическое движение и

население Советского Союза, но и всю мировую общественность.

«Из представителей печати, — сообщали Ежов и Каганович 17 августа Сталину, — на процесс допускаются: а) редакторы крупнейших центральных газет, корреспонденты „Правды“ и „Известий“; б) работники ИККИ и корреспонденты для обслуживания иностранных коммунистических работников печати; в) корреспонденты иностранной буржуазной печати. Просятся некоторые посольства. Считаем возможным выдать билеты лишь для послов — персонально». На следующий день они получили ответ

из Сочи: «Согласен. Сталин»³⁹.

Меж тем события развивались строго по сценарию, подготовленному Н. И. Ежовым⁴⁰ при несомненном участии Л. М. Кагановича, Г. Г. Ягоды, А. Я. Вышинского и Я. С. Агранова. 15 августа все советские газеты опубликовали сообщение «В прокуратуре СССР», возвестившее «urbi et orbi» о «раскрытии» ряда «террористических троцкистско-зиновьевских групп», действовавших «по прямым указаниям находящегося за границей Л. Троцкого», о том, что «следствие по этому делу закончено. Обвинительное заключение утверждено прокурором Союза ССР

и направлено с делом в военную коллегия Верховного суда Союза ССР для рассмотрения, согласно постановлению ЦИК СССР от 11 августа с.г., в открытом заседании». Процесс — непродолжительный, шедший всего пять дней — открылся 19 августа. Тогда-то и обнаружилось, что число упомянутых в «Закрытом письме» обвиняемых вдвое больше того, что оказались на скамье подсудимых. В том, безусловно, и проявилась тщательная подготовка — отбор для открытого суда только тех, кто действительно был готов подтвердить и существование «блока», и чисто террористический характер деятельности якобы

созданных им групп. Таковых оказалось всего шестнадцать. Из политизоляторов, то есть из существовавших тогда тюрем только для политзаключенных, доставили Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, И. П. Бакаева, Г. Е. Евдокимова, И. Н. Смирнова, С. В. Мрачковского, из ссылки привезли В. А. Тер-Ваганяна. Были и менее известные троцкисты и зиновьевцы, но все же достаточно весомые фигуры, дабы «подтвердить» существование «блока» после января 1935 г., арестованные в мае — июле: Е. А. Дрейцер — заместитель директора челябинского завода «Магнезит», в годы гражданской

войны комиссар дивизии;
Р. В. Пикель — до 1927 г.
заведующий секретариатом
председателя ИККИ;
И. И. Рейнгольд — в 1929–1934 гг.
замнаркома земледелия СССР;
Э. С. Гольцман — сотрудник
наркомвнешторга. Роль
«террористов», связанных с гестапо,
была предуготовлена
политэмигрантам из Германии
Фриц-Давиду (И.-
Д. И. Круглянскому), В. П. Ольбергу,
К. Б. Берман-Юрину, М. И. Лурье,
Н. Л. Лурье. Все они не только
оправдали, но и превзошли надежды
организаторов процесса.

*Из Москвы Каганович
и Ежов 19 августа
Сталину в Сочи: «Суд
открылся в 12 часов...
Зиновьев заявил, что он
целиком подтверждает
показания Бакаева о том,
что последний докладывал
Зиновьеву о подготовке
террористического акта
над Кировым и, в
частности, о
непосредственном
исполнителе Николаеве...»
20 августа: «Каменев при
передопросах прокурора о
правильности сообщаемых
подсудимым фактах,*

подавляющее большинство их подтверждает... Некоторые подсудимые, и в особенности Рейнгольд, подробно говорили о связях с правыми, называя фамилии Рыкова, Томского, Бухарина, Угланова. Рейнгольд, в частности, показал, что Рыков, Томский, Бухарин знали о существовании террористических групп правых... Мы полагаем, что в наших газетах при опубликовании отчета о показаниях Рейнгольда не вычеркивать имена правых.

Многие подсудимые называли запасной центр в составе Радека, Сокольникова, Пятакова, Серебрякова, называя их убежденными сторонниками троцкистско-зиновьевского блока. Все инкоры (иностраные корреспонденты — Ю.Ж.) в своих телеграммах набросились на эти показания как на сенсацию и передают в свою печать. Мы полагаем, что при публикации отчета в нашей печати эти имена также не

вычеркивать»⁴¹.

Действительно, на следующий день газеты с новыми именами «врагов» вышли в свет. Однако трезво оценить такое положение сумел лишь М. П. Томский, директор крупнейшего издательства страны, ОГИЗа. Он понял, какая участь рано или поздно ждет его, а потому в тот же день, 21 августа, на партсобрании издательства покаялся в своих «преступных связях с подсудимыми по „Процессу 16-ти“», а следующим утром на даче в Болшеве покончил жизнь самоубийством⁴².

*Из Москвы Каганович,
Орджоникидзе, Ворошилов, Чубарь,*

Ежов 22 августа — Сталину:
«Передаем Вам шифром текст приговора, опустив формальную часть — перечисление фамилий. Просим сообщить Ваши указания». Из Сочи Сталин 23 августа: «Первое, проект по существу правилен, но нуждается в стилистической отшлифовке. Второе, нужно упомянуть в приговоре в отдельном абзаце, что Троцкий и Седов подлежат привлечению к суду, или находятся под судом, или что-либо в этом роде. Это имеет большое значение для Европы, как для буржуа, так и для рабочих. Третье, надо бы вычеркнуть заключительные слова: „Приговор окончательный и

обжалованию не подлежит“. Эти слова излишние и производят плохое впечатление». *Из Москвы Каганович, Орджоникидзе, Ворошилов, Ежов 24 августа:* «Политбюро предложило отклонить ходатайство (о помиловании — Ю.Ж.) и приговор привести в исполнение сегодня ночью. Завтра опубликуем в газетах об отклонении ходатайства осужденных и приведении приговора в исполнение». Из Сочи Сталин 24 августа: «Согласен»⁴³.

24 августа все шестнадцать подсудимых в соответствии с приговором были расстреляны.

«Процесс 16-ти» сопровождался неизбежной и шумной

пропагандистской кампанией, которая внезапно началась 15 августа и столь же внезапно прекратилась спустя двенадцать дней. Кампанией, которая, как и сам суд, должна была оказать психологическое воздействие на членов ЦК, делегатов предстоящего вскоре Всесоюзного съезда Советов.

Газеты были заполнены передовицами, редакционными и подписными статьями, свидетельствовавшими о начавшейся «охоте на ведьм». Уже 16 августа в «Правде» появилась корреспонденция из Азербайджана о том, что газета «Бакинский рабочий» «покрывает троцкистов». 19

августа — обширный, на два подвала, материал за подписью Л. П. Берии о разоблачении первого секретаря ЦК компартии Армении А. Ханджяна, который якобы был в прошлом тесно связан с покончившим самоубийством еще полтора года назад В. В. Ломинадзе. 23 августа — сообщения об обличительно-разоблачительных партактивах, прошедших в Москве и Киеве, на которых с докладами выступили Н. С. Хрущев и П. П. Постышев. 22 августа — репортаж с московского завода «Динамо», рабочие которого потребовали «расследовать связи Томского — Бухарина — Рыкова и Пятакова — Радека с троцкистско-

зиновьевской бандой».

Тогда же поспешили отмежеваться от обвиняемых и от своего недавнего вождя Троцкого его самые близкие сподвижники. 21 августа в «Правде» появились статьи «Не должно быть никакой пощады!» Х. Г. Раковского, «Беспощадно уничтожать презренных убийц и предателей» Г. Л. Пятакова, а в «Известиях» — «Троцкистско-зиновьевско-фашистская банда и ее гетман Троцкий» К. Б. Радека, 24 августа в «Правде» — «За высшую меру измены и подлости — высшую меру наказания» Е. А. Преображенского. Однако ничто уже не могло спасти их самих.

С 26 июля по 16 сентября тихо,
без малейшей огласки арестовали
первого заместителя наркома
тяжелой промышленности
Г. Л. Пятакова, заместителя наркома
легкой промышленности
Г. Я. Сокольникова, заместителя
наркома путей сообщения
Я. А. Лившица, начальника
Главхимпрома НКТП
С. Л. Ратайчака, замначальника
Цудортранса Л. П. Серебрякова,
заведующего Бюро международной
информации ЦК ВКП(б) К. Б. Радека,
первого секретаря ЦК компартии
Армении А. Ханджяна, заместителей
командующих войсками военных
округов: Ленинградского —

В. М. Примакова, Харьковского — С. А. Туровского, военного атташе в Великобритании В. К. Путну, других когда-то открытых троцкистов, в том числе восстановленных всего год назад в партии Л. С. Сосновского, сотрудника «Известий», и Н. А. Углова, хоть и прощенного, но оставленного на скромной должности в далеком Тобольске.

Все они оказались своеобразными заложниками. Их, как то бывало четыре-пять лет назад, могли после допросов освободить, понизив в должности ни выведя из ЦК, ЦИК СССР. Но могли сделать и обвиняемыми на каком-либо ближайшем процессе. Все зависело

от обстоятельств, от дальнейшего развития события. В том числе и от позиции основного союзника французской и испанской компартий по народному фронту — социал-демократов.

Еще до окончания «Процесса 16-ти», 22 августа, в Москву поступила телеграмма, подписанная председателем Социалистического рабочего интернационала Де Букером, секретарем Адлером, а также председателем Международной федерации профсоюзов Ситрином и секретарем Шевенельсом. Они обратились к главе советского правительства Молотову с просьбой, «чтобы

обвиняемым были обеспечены все судебные гарантии, чтобы им было разрешено иметь защитников, совершенно независимых от правительства, чтобы им не были вынесены смертные приговоры и чтобы, во всяком случае, не применялась какая-либо процедура, исключающая возможность апелляции».

Телеграмму эту Каганович и Чубарь тут же переслали Сталину и сразу получили от него ответ, выдержанный в духе периода самой жесткой конфронтации с Социнтерном:

«Согласен также с тем,

чтобы не отвечать Второму Интернационалу. Но думаю, что надо опубликовать телеграмму Второго Интернационала, сказать в печати, что СНК не считает нужным отвечать, так как приговор — дело Верховного суда, и там же высмеять и заклеить в печати подписавших телеграмму мерзавцев как защитников банды убийц, агентов гестапо — Троцкого, Зиновьева, Каменева, заклятых врагов рабочего класса»[44](#).

Такое откровенно старое по духу поручение было выполнено незамедлительно. На следующий день ответ Социнтерну — «Презренные защитники убийц и агентов гестапо» — опубликовали многие советские газеты. Однако статья не свидетельствовала об отказе сталинской группы от реформ, а стала лишь несущественной уступкой, чтобы лишний раз не восстанавливать против себя широкое руководство. Такой же, как и вынужденная отсрочка созыва Всесоюзного съезда Советов, которому предстояло рассмотреть и утвердить новую конституцию. Решением ПБ от 21

июля выборы на съезд, объявленный чрезвычайным, назначили на 1 октября — 15 ноября. Правда, тем же решением устанавливалось и иное, более важное: промежуточные съезды советов союзных республик должны были утвердить собственные конституции⁴⁵.

Затем узкое руководство сделало следующий шаг на пути политических реформ, призванных на этот раз затронуть уже судьбу партии. XVI съезд ВКП(б) поручил «ЦК ВКП(б) переработать программу партии на основе принятой VI Всемирным конгрессом программы Коммунистического Интернационала и успехов социалистического

строительства в СССР»⁴⁶. 11 августа, накануне начала «Процесса 16-ти», ПБ утвердило знаменательное решение: «Принять предложение т. Сталина о создании при программной комиссии ВКП(б) секретариата по первоначальной наметке программы партии в составе тт. Стецкого, Таля и Яковлева»⁴⁷. Невозможно было ошибиться в том, какие наметки подготовят те, кто только что отверг ряд основных положений программы Коминтерна.

Однако все эти проблемы, включая даже последствия августовского процесса, вскоре отступили на дальний план. Значительно большее беспокойство у

узкого руководства вызвали события в Испании, где на волоске повисла судьба народного фронта — первого в Европе, одержавшего победу на всеобщих выборах, пришедшего к власти бесспорно демократическим путем.

Глава десятая

В ночь на 18 июля 1936 г. в испанской зоне Марокко вспыхнул военный мятеж, в котором приняли участие около 20 тысяч человек. На следующий день мятежники захватили крупнейшие города юга Испании.

Первой реакцией на опасные события явно растерявшегося официального Мадрида стало не подавление мятежа, а реорганизация правительства. Премьер Касарес Кирога ушел в отставку, а новый кабинет утром 19 июля сформировал председатель кортесов (парламента),

лидер республиканского союза Мартинес Баррио. Отказавшись реально воспринимать цели мятежников, сразу же объявивших себя монархистами и не скрывавших стремления установить жесткую военную диктатуру, он попытался достичь с ними компромисса и предложил кому-либо из восставших генералов — по их собственному выбору — пост военного министра, Однако мятежники решительно отвергли такое предложение, считая для себя неприемлемыми даже переговоры с республиканцами. К вечеру того же дня правительство Баррио сложило с себя полномочия. Новый кабинет по согласованию с

президентом Мануэлем Асаньей сформировал Хосе Хираль. Из шести представителей своей, левой республиканской партии, троих — республиканского союза и двоих беспартийных.

Тем временем мятеж разрастался. Всего за пять дней армия установила контроль над несколькими районами севера и юга страны. Лишь тогда правительство отважилось на единственно возможное — вооружение народа — и решило повсеместно создавать милицию, что позволило не только подавить в зародыше мятежи в Барселоне и Мадриде, но и отбить часть захваченных территорий.

Именно эти сражения дали основание германскому послу в Испании сообщить министерству иностранных дел в Берлине: «Если не произойдет чего-либо непредвиденного, то, учитывая нынешнюю ситуацию, маловероятно, что военные мятежники смогут одержать победу»¹.

Реакция нацистских властей, а вместе с тем и итальянских фашистов не заставила себя ждать. Уже 28 июля на аэродроме Тетуана приземлились 20 немецких транспортных самолетов, а в Нодоре — 11 самолетов итальянских ВВС. Они и позволили в самые критические для мятежников дни

создать воздушный мост, связавший испанскую зону Марокко с югом Испании, перебросить по нему 14 тысяч солдат и офицеров — противников республики. 2 августа на рейде Сеуты встала на якоря германская эскадра.

Военный мятеж в Испании, тесно связанной экономическими отношениями с Великобританией и имеющей общую границу с Францией, потребовал от этих стран соответствующей политической оценки и действий. Уже 22 июля посол Франции в Великобритании уведомил свое правительство о «серьезном беспокойстве» британских официальных кругов и

высказался за незамедлительный визит в Лондон премьера Леона Блюма и министра иностранных дел. После консультаций со Стэнли Болдуином и Антони Иденом появилась вполне обоснованная доктрина невмешательства. Если бы она была не только безоговорочно принята всеми европейскими державами, но и соблюдалась ими точно и пунктуально, то, несомненно, помогла бы испанскому правительству в считанные недели, если не дни, подавить мятеж.

Стремясь подать пример другим, правительство Франции 25 июля постановило никоим образом не вмешиваться во «внутренний

конфликт» на Пиренейском полуострове. Иными словами, практически объявило об эмбарго на поставку оружия обеим противоборствующим сторонам в Испании. А 2 августа Франция направила ноты в Лондон, Рим и Берлин, предлагая присоединиться к принятому решению и строго соблюдать политику невмешательства.

Тем временем Лондон проинформировал Париж о готовности принять доктрину невмешательства, высказав более чем справедливое пожелание, чтобы к переговорам были привлечены Германия, а также Бельгия и Польша.

Рим, выражая принципиальное согласие с полученным предложением, обусловил его рядом явно надуманных оговорок. Берлин, в свою очередь, объявил о готовности принять обязательство никоим образом не вмешиваться в испанские дела, но лишь в том случае, если аналогичное решение примет и Советский Союз.

Франция, исходя из германского ответа, направила 5 августа предложение Советскому Союзу поддержать выдвинутую ею доктрину и присоединиться к обсуждаемой четырьмя странами договоренности. В тот же день первый заместитель наркома иностранных дел

Н. Н. Крестинский вручил послу Пайяру ответ Кремля. Он гласил: «Правительство СССР разделяет принцип невмешательства во внутренние дела Испании и готово принять участие в предлагаемом соглашении о невмешательстве»².

Столь быстрый положительный ответ, бесспорно не потребовавший ни размышлений, ни обсуждений среди членов узкого руководства, скорее всего, был обусловлен лишь горячим желанием не дать ни малейшего повода рассматривать республиканское правительство Испании как креатуру Кремля, а народный фронт — как модификацию старой стратегии

Коминтерна, орудие коммунистической экспансии, экспорта мировой революции.

Ход дальнейших событий обстоятельно изложил в своих воспоминаниях Антони Иден: «19 августа я принял решение объявить, что Великобритания применит эмбарго на вывоз оружия в Испанию, не дожидаясь присоединения других государств. Я чувствовал, что необходимо поступить таким образом, даже не дожидаясь, когда мы заключим международное соглашение, так как был уверен, что своим примером мы сможем побудить другие страны, и прежде всего Германию и Италию,

последовать за нами. Я еще не понимал, как опасно давать советы диктаторам, более склонным ложно истолковывать их, чем следовать им»³.

Решение Идена подтолкнуло советское руководство сделать следующий шаг — официально присоединиться к международному соглашению. 23 августа М. М. Литвинов и Ж. Пайяр обменялись нотами строго выверенного, идентичного до буквы содержания. Обе стороны, в частности, заявили:

«Правительство СССР
(Франции) запрещает в

том, что его касается, экспорт, прямой или косвенный, реэкспорт и транзит в направлении Испании, испанских владений или испанской зоны Марокко всякого оружия, амуниции и военных материалов, а также всяких воздушных судов как в собранном, так и в разобранном виде и всяких военных кораблей»⁴.

Аналогичные по тексту декларации приняли правительства еще 25 европейских стран, в том числе Великобритании, Германии,

Италии, Португалии, а не примкнули к соглашению только Испания (как заинтересованная сторона) и Швейцария. Кроме того, на позициях невмешательства находились — на основе акта о нейтралитете 1935 г. — и США. Успех дипломатов позволил Франции внести новое, сразу же поддержанное всеми предложение создать в Лондоне постоянный Комитет по невмешательству — из послов и посланников присоединившихся к соглашению держав.

Казалось бы, все складывалось как нельзя лучше. И все же, не довольствуясь достигнутым, Кремль стремился использовать все

доступные средства для привлечения на сторону республиканского правительства Испании еще и мирового общественного мнения. 26 августа узкое руководство решило сотрудничать даже с пацифистскими организациями, которых всего три года назад рассматривало как представителей реакционного движения, являвшегося «прямым обманом трудящихся». В Брюссель, где 3 сентября должен был открыться пацифистский Международный конгресс мира, была направлена советская делегация. Только для участия в конгрессе чисто формально был учрежден Национальный комитет борьбы за

мир, председателем которого стал генеральный секретарь ВЦСПС, член оргбюро ЦК ВКП(б) Н. М. Шверник⁵. Точно такое же решение принял и ЦК ВЛКСМ, направивший собственную делегацию, возглавляемую генеральным секретарем комсомола СССР А. В. Косаревым, в Женеву — на пацифистский Международный юношеский конгресс защиты мира⁶.

В те напряженные дни СССР и Франция с не вызывавшими сомнения целями напомнили Европе о заключенном ими оборонительном договоре. Практически одновременно — во Франции в конце августа, в СССР (Белорусский военный округ) в начале сентября —

прошли большие военные маневры, которые продемонстрировали мощь и боевую выучку вооруженных сил, их несомненную способность в случае необходимости совместно остановить агрессора. Советский Союз на французских маневрах представляла делегация весьма высокого уровня: командующий войсками Киевского военного округа (КВО) командарм 1 ранга И. Э. Якир, командующий воздушной армией КВО комбриг В. В. Хрипин, начальник ПВО Киевской зоны комбриг Н. И. Рачинский и представитель НКО майор Нагорный⁷.

Но пока Франция и

Великобритания прилагали все дипломатические усилия для введения политики невмешательства, испанские мятежники, оснащенные германской и итальянской военной техникой, предельно использовали свое преимущество и возобновили наступление. Они стремились прежде всего объединить обе свои зоны, северную и южную, а затем и захватить столицу, чтобы добиться тем самым не только победы, пусть еще и не окончательной, сколько серьезных оснований для их юридического признания в качестве законного правительства страны.

Первая задача была ими решена уже к 14 августа — захватом

расположенных близ португальской границы Бадахоса и Мерида. Затем мятежники, закрепляя и наращивая успех, попытались установить контроль над всем севером, овладев сохранявшей верность республике Страной басков. Однако даже к середине сентября они так и не сумели этого сделать. Удалось лишь полностью блокировать автономную республику, отрезать ее от границы с Францией. Одновременно мятежники начали давно обещанное ими наступление на Мадрид. Продвигаясь двумя колоннами, они овладели 13 сентября стратегически важным городом Талавера-де-ла-Рейна, а 27 сентября — Толедо,

оказавшись в 113 км к западу и в 70 км к югу от столицы.

Неудачи, сопровождавшие республиканцев летом и в начале осени, объяснялись прежде всего от недели к неделе возрастающей военной помощью мятежникам со стороны Италии, Германии и Португалии. Так, последняя, несмотря на декларацию о невмешательстве, не только предоставила монархистам несколько крупных займов, но и регулярно снабжала их пулеметами, ручными гранатами и другим боевым снаряжением. Мало того, позволила 20 тысячам «добровольцев» — офицеров и сержантов португальской

армии перейти границу и пополнить ряды испанских мятежников. Наконец, Португалия прямо включилась в гражданскую войну в Испании и предоставила свои аэродромы немецким и итальянским самолетам с итальянскими и немецкими экипажами.

Точно таким же образом действовали и объявившие о невмешательстве Италия и Германия. Итальянские вооруженные силы открыто оккупировали Балеарские острова, создав там военно-морскую и военно-воздушную базы.

И все же решающим для успеха мятежников оказалось другое обстоятельство — развал испанской

республиканской армии. Уже к концу июля все ее прежние структуры практически распались. Командование же армией так и не сумело оперативно разработать ни общего стратегического плана подавления вооруженного мятежа, ни соответствующих тактических задач. Столь плачевные результаты действий, лишь ухудшивших положение республики, неспособность положительно повлиять на развитие ситуации заставили правительство Хираля 5 сентября уйти в отставку. Его сменил кабинет Ларго Кабальеро, по составу ставший более «левым», чем все предыдущие.

Положение в Испании с каждым днем вызывало все большее и большее беспокойство в Кремле. Однако строить свои планы, расчеты, вырабатывать политику он пока мог, лишь основываясь на сообщениях преимущественно западных журналистов, противоречивых, подчас чуть ли не сразу же опровергаемых другими средствами массовой информации. Да еще из взаимоисключающих передач мадридского радио республиканцев и севильского — мятежников. Чтобы располагать собственной объективной, точной и достоверной информацией, узкое руководство решило наконец создать советское

официальное представительство в Испании.

Первым в Испанию вылетел — формально как специальный корреспондент «Правды» — Михаил Кольцов, фактически ставший представителем ЦК ВКП(б). Именно такой ранг популярного в Советском Союзе журналиста ненавязчиво подчеркивал редактор газеты Л. З. Мехлис в представлении, подписанном им для оргбюро ЦК ВКП(б) 3 августа: «Согласие товарища Сталина имеется»⁸. Решением ПБ от 17 и 19 августа в Мадрид направили кинорежиссера-документалиста Романа Кармена с кинооператором Борисом

Макасеевым и журналиста Илью Эренбурга как корреспондента «Известий»⁹. Лишь затем выехали и дипломаты. Из Парижа — бывший перед тем представитель СССР в Лиге наций полпред М. И. Розенберг (прибыл в Мадрид 27 августа, вручил верительные грамоты президенту Асанье 31 августа). Из Москвы — утвержденный по представлению М. М. Литвинова в ранге советника решением ПБ от 21 августа, несмотря на участие в троцкистской оппозиции 1923 г., Л. Я. Гайкис (владел испанским языком, четыре года работал в советском полпредстве в Мехико, четыре года — генеральным консулом в

Константинополе)¹⁰ и другие. Месяц спустя, 21 сентября, консулом в Барселоне, столице автономной Каталонии, был утвержден В. А. Антонов-Овсеенко¹¹ — герой штурма Зимнего дворца, впоследствии начальник Политуправления РВСР и наиболее одиозный сторонник Троцкого в 1923 г., затем полпред СССР в Чехословакии, Литве, Польше.

Только с этого времени из Мадрида начала ежедневно поступать тщательно выверенная и систематизированная информация, что подтверждалось начальником разведывательного управления Генштаба РККА С. П. Урицким¹².

Теперь ей можно было не только доверять, но и строить на ее основе политику в отношении Испании.

И сразу же выяснилось, что положение республиканского правительства действительно катастрофическое. Испания

нуждалась буквально во всем: в продуктах питания, нефти, медикаментах, товарах широкого потребления. Армии, если ее еще можно было называть армией, требовались оружие, боеприпасы, самолеты, танки, даже летчики и танкисты. Потому в самом начале сентября перед узким руководством встала острейшая необходимость принять очень сложное, но крайне

нужное решение, не терпящее ни малейшего отлагательства. Следует ли отказаться от невмешательства и срочно начать оказывать помощь республиканцам всем тем, в чем они испытывали нужду, или же остаться, как Франция и Великобритания, на принципах декларации 23 августа.

Сущность дилеммы, вернее — задачи, казалось, не имевшей решения, заключалась в следующем. Придерживаться взятых ранее обязательств однозначно означало предать народный фронт в самую трудную для того минуту и обречь его на неминуемое и близкое поражение. Тем самым заодно дискредитировать ту самую идею народного фронта,

выработать и отстоять которую как принципиально новую стратегию Коминтерна, ВКП(б) и СССР стоило группе Сталина немалых усилий. Отстранившись от республиканского правительства Испании, узкое руководство лишь подтвердило бы правоту своих оппонентов — тех, кто решительно выступал против создания «внеклассовых» народных фронтов, настойчиво утверждал с конца 1934 г., что лишь пролетарская революция сможет остановить наступление фашизма, предотвратить новую мировую войну. Следовательно, оставшись на позиции невмешательства, Сталину, Молотову, Литвинову пришлось бы

очень скоро открыто признать: ошибались они, а их идеологические противники — Троцкий, Зиновьев, Каменев — оказались правы. После вполне предсказуемого поражения испанских республиканцев группе Сталина пришлось бы признать и то, что именно она, несмотря на критику, выработала и провела в жизнь в корне неверный, даже преступный курс: и во внешней политике — борьбу за создание народных фронтов, заключение союзных договоров с Францией и Чехословакией, и во внутренней — прежде всего разработку проекта новой конституции.

Предавая

Испанскую

республику, группа Сталина совершила бы политическое самоубийство. Но то же для нее означало и поступать, следуя примеру Италии, Германии, Португалии. В таком случае узкому руководству пришлось бы открыто вернуться на позиции пролетарского интернационализма, революционной солидарности, признать, опять же перед всем миром и собственной оппозицией, что прежняя политика Кремля фактически была обманом, всего лишь тактическим маневром, призванным ввести в заблуждение «доверчивые» демократические страны. И официально дезавуировать все прежние заявления

М. М. Литвинова, В. П. Потемкина,
С. С. Александровского,
И. М. Майского — дипломатов,
Г. Димитрова, А. А. Жданова,
Н. И. Ежова, Я. А. Яковлева,
А. И. Стецкого, Б. М. Таля —
партийных деятелей,
А. Я. Вышинского — прокурора
СССР. Отстранить их всех от
занимаемых постов и, может быть,
даже репрессировать. Ну а Сталину,
Молотову, Кагановичу, Ворошилову,
Орджоникидзе — публично
покаяться в своих прегрешениях,
отдавшись на суд ЦК.

Словом, любое из двух
возможных решений не предвещало
ничего хорошего и грозило

неизбежной — пусть далеко не сразу — полной сменой руководства. Разумеется, только узкого. И все же либо Сталину одному, либо вместе с кем-либо (может быть, с проводящим вместе с ним отпуск Ждановым) удалось найти единственно приемлемое в данном случае решение. То, при котором оказывалась возможной помощь республиканской Испании и одновременно сохранение властных полномочий узкого руководства. Мало того, найденное решение позволяло продолжить дальнейшую борьбу за политические реформы.

Еще в конце августа М. М. Литвинов сообщил Потемкину

для передачи послу Испании в Париже, что советское руководство не считает возможным удовлетворить просьбу республиканского правительства о поставках вооружений. Мотивируя отказ, он указал на отдаленность обеих стран, более чем вероятный перехват грузов пиратствующим итальянским флотом, но, главное, тем, что СССР связан декларацией о невмешательстве. В первых числах сентября, уже послу в Мадриде М. И. Розенбергу, он писал более откровенно: «Вопрос о помощи испанскому правительству обсуждался у нас многократно, но мы пришли к заключению о

невозможности посылать что-либо отсюда»¹³.

И все же в те самые дни, 6 сентября, Сталин направил со своей дачи «Зеленая роща», где он вместе со Ждановым отдыхал, шифротелеграмму, адресованную в Москву Кагановичу. Предложил ему подготовить решение о продаже Испанской республике советских самолетов через Мексику, а также об отправке в Испанию советских летчиков¹⁴.

Подготовка предложенного Сталиным решения затянулась почти на три недели — то ли из-за сложности вопроса, то ли из-за скрытого саботажа тех, от кого

зависела проработка деталей
операции. Лишь 26 сентября
Ворошилов сделал следующую
запись:

«Позвонил т. С(талин)
с С(очи) и предложил
обсудить вопросы: 1.
Продажу 80–100 танков
„Виккерс“ с посылкой
необходимого количества
обслуживающего
персонала. На танках не
должно быть никаких
признаков сов. заводов. 2.
Продать через Мексику 50–
60 „СБ“ (скоростной
бомбардировщик — Ю.Ж.),

вооружив их
иностранными
пулеметами. Вопросы
обсудить срочно».

На следующий день нарком
отправил ответ:

«Подготовлены к
отправке 100 танков, 387
специалистов; посылаем 30
самолетов без пулеметов,
на 15 самолетах полностью
экипажи, бомбы. Пароход
идет в Мексику и заходит в
Картахену. Танки посылаем
50 штук»^{[15](#)}.

Лишь когда Сталин и Ворошилов полностью согласовали вопросы о размерах первоочередной помощи республиканцам и об отправке в Испанию «добровольцев», Каганович вынес проект решения на ПБ. Принятое в тот же день, 29 сентября, оно было предельно засекречено, не только занесено в «особую папку», что делало знакомство с ним недоступным для всех, кроме исполнителей, но не содержало даже упоминания Испании — вместо этого слова употреблялась буква «Х»:

«а) Утвердить план
операции по доставке

личного состава и специальных машин в „Х“, возложив полное осуществление всей операции на тт. Урицкого и Судьина (заместитель наркома внешней торговли — Ю.Ж.); б) На проведение специальной операции отпустить Разведупру 1910000 советских рублей и 190000 американских долларов. Выписки посланы: тт. Урицкому — все, Судьину — „а“, Гринько — „б“»¹⁶.

Спустя две недели Ворошилов направил Сталину очередную шифрограмму:

«Для памяти по авиации для друзей (имелось в виду республиканское правительство Испании — Ю.Ж.) сообщаю: 1) где находятся в пути пароходы, с чем, сколько. Прошу указаний по новым поставкам. 15/X–36 г. Ворошилов»^{[17](#)}.

Так началась полусекретная операция спасения Испанской

республики. Собственно тайными стали лишь конкретные размеры советских военных поставок, отправка на Пиренейский полуостров советских военнослужащих да маршруты следования транспортов. Узкое руководство не собиралось поступать так, как действовали вот уже два месяца диктаторские режимы. И потому 28 сентября, то есть накануне решения ПБ об оказании Испании военной помощи, М. М. Литвинов, выступая на XVII пленуме Лиги наций, чисто дипломатически — ничего не называя прямо, в открытую, но вместе с тем и достаточно прозрачно, чтобы все

ПОНЯЛИ ЕГО, ЗАЯВИЛ:

«Советское
правительство
присоединилось к
декларации о
невмешательстве в
испанские дела только
потому, что дружественная
страна (Литвинов имел в
виду Францию — Ю.Ж.)
опасалась в противном
случае международного
конфликта. Оно поступило
так, несмотря на то, что
считает принцип
нейтралитета
неприемлемым к борьбе

мятежников против
законного правительства и
противоречащим нормам
международного права, в
чем оно вполне согласно с
заявлением, сделанным
нам испанским министром
иностраннных дел. Оно
понимает, что указанное
несправедливое решение
было навязано теми
странами, которые, считая
себя оплотом порядка,
установили новое, чреватое
неисчислимыми
последствиями положение,
в силу которого
дозволяется открыто

помогать мятежникам
против их законного
правительства»[18](#).

Более прозрачно намекнуть, используя специфический язык дипломатии, на весьма возможный скорый отказ СССР от практики невмешательства было невозможно. Мало того, 7 октября поверенный в делах Советского Союза в Лондоне С. Б. Каган сделал заявление председателю Международного комитета по вопросам невмешательства в дела Испании лорду Плимуту. Приведя многочисленные, бесспорные и широко известные факты помощи

мятежникам прежде всего со стороны Португалии, Каган сделал следующий вывод: «Советское правительство опасается, что такое положение, созданное повторяющимися нарушениями соглашения, делает соглашение о невмешательстве фактически несуществующим. Советское правительство ни в коем случае не может согласиться превратить соглашение о невмешательстве в ширму, прикрывающую военную помощь мятежникам со стороны некоторых участников соглашения против законного испанского правительства. Советское правительство вынуждено ввиду

этого заявить, что, если не будут непременно прекращены нарушения соглашения о невмешательстве, оно будет считать себя свободным от обязательств, вытекающих из соглашения»^{[19](#)}.

Не ограничившись столь недвусмысленным и твердым предупреждением, узкое руководство повторило его, но уже на чисто партийном, то есть неофициальном уровне. 16 октября от имени Сталина в адрес ЦК компартии Испании и ее генерального секретаря Хосе Диаса была направлена телеграмма, которая, по сути, констатировала отказ СССР от политики невмешательства.

«Трудящиеся Советского Союза, — говорилось в ней, — выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества»^{[20](#)}.

Исчерпав все возможности добиться от комитета по невмешательству именно тех действий, ради которых тот и был создан, полпред в Лондоне И. М. Майский от имени советского руководства 23 октября официально заявил в комитете:

«Соглашение превратилось в пустую, разорванную бумажку. Оно перестало фактически существовать... Советское правительство, не желая больше нести ответственность за создавшееся положение, явно несправедливое в отношении законного испанского правительства и испанского народа, вынуждено теперь же заявить, что в соответствии с заявлением от 7 октября оно **не может считать себя связанным** соглашением о

невмешательстве (выделено мною — Ю.Ж.) в большей мере, чем любой из остальных участников этого соглашения»²¹.

Столь категорические и вместе с тем страстные заявления были сделаны в октябре далеко не случайно. Именно тогда СССР начал оказывать военную помощь республиканской Испании. Еще 4 октября в Картахену на теплоходе «Курск» были доставлены первые советские истребители, а десять дней спустя там с «Комсомольска» выгрузили 50 танков, 80 советских офицеров и сержантов-танкистов под

командованием С. М. Кривошеина, о чем Ворошилов сообщил Сталину²².

Выбор был сделан. Однако новая, единственно возможная, как считало узкое руководство, при сложившемся положении позиция привела к весьма серьезным, хотя и вполне предсказуемым последствиям. Сразу же после появления в мировой печати первых сообщений о поставках советского оружия в Испанию в ряде демократических стран, в том числе США и Франции, поспешили сделать скоропалительный и безосновательный вывод о якобы проявившейся наконец коммунистической экспансии. Так,

посол Соединенных Штатов в Париже Уильям Буллит (незадолго перед тем первый посол США в СССР) в беседе с министром иностранных дел Франции Дельбосом позволил себе слишком резкое для дипломата высказывание: «Франко настолько нуждается в живой силе, что если он не получит немедленно значительной помощи от Италии и Германии, то его движение может потерпеть крах, а Испания скоро окажется в руках коммунистов. Вскоре по тому же пути может пойти и Португалия». Ну а сам Дельбос в другой беседе — с нацистским послом в Париже Вельчеком — высказал практически то же мнение,

согласился с тем, что опасения Германии относительно «возможной победы» коммунизма в Испании «вполне обоснованны и понятны»²³.

Попытки бездоказательно объяснить законную помощь для борьбы с мятежниками, поддерживаемыми диктаторскими режимами, старым мифом об экспорте мировой революции вынудили советское руководство предпринять необходимый демарш. 9 декабря М. М. Литвинов направил послам Великобритании и Франции ноту, в которой, в частности, отмечал: «Советское правительство готово вместе с другими государствами заявить о

воздержании от прямых или косвенных действий, которые могли бы привести к иностранной интервенции в Испании, ожидая, однако, что будет обеспечен или гарантирован полный контроль такого же воздержания со стороны других государств»²⁴.

Словом, СССР был готов прекратить военную помощь республиканцам, но при одном обязательном условии: то же сделают Италия, Германия, Португалия.

О том же пришлось сказать 11 декабря на заседании Совета Лиги наций и В. П. Потемкину: «Правительство СССР не считало

никогда, что помощь законному правительству Испанской республики против мятежников представляет собой вмешательство во внутренние дела этой страны или противоречит уставу Лиги наций. Тем не менее в силу некоторых исключительных обстоятельств и ради сохранения мира СССР счел возможным присоединиться к международному соглашению о невмешательстве и со всей лояльностью выполнял принятые на себя обязательства... В этих целях советское правительство неизменно требовало проведения системы действенного контроля. Усиление этой системы и обеспечение

выполнения всех ее требований могут ускорить прекращение мятежа в Испании. Когда правительству удастся восстановить порядок, будет устранена и возможность чужого вмешательства во внутренние дела этой страны»²⁵.

Еще более сильное, предельно опасное, но прямо обратное по смыслу давление узкое руководство испытывало со стороны части испанских республиканских кругов, пользовавшихся массовой поддержкой анархо-синдикалистских Национальной конфедерации труда (НКП), Федерации анархистов Иберии (ФАИ), а также леворадикальной, откровенно

троцкистской ПОУМ (Рабочая партия марксистского объединения), чьи идеи сводились к Громкому лозунгу: «Победа рабочих и крестьян в Испании возможна лишь как победа социалистической революции».

Полемизируя с подобными настроениями, исполком Коминтерна буквально через пять дней после начала путча предупреждал:

«Нельзя ставить на данном этапе задачу создания советов и стараться установить диктатуру пролетариата в

Испании. Поэтому нужно сказать: действуйте под флагом защиты республики, не сходите с позиций демократического режима в Испании в тот момент, когда рабочие имеют оружие в руках, что имеет большое значение в деле победы над мятежниками. Мы должны им советовать идти с этим оружием вперед, как это мы сделали при другой ситуации, стараться сохранить единство и с мелкой буржуазией, и с крестьянскими массами, и

с радикальной интеллигенцией на базе установления и укрепления демократической республики...»²⁶.

В это же время Георгий Димитров в письме к Хосе Диасу и работнику ИККИ, направленному для работы в Мадрид, Витторио Кодовилья настойчиво рекомендовал всячески избегать всего того, что могло бы подорвать сплоченность народного фронта. Он писал: «До тех пор, пока можно будет обойтись без непосредственного участия коммунистов в правительстве, целесообразно не входить в

правительство, так как таким образом легче сохранить единство народного фронта. Участвовать в правительстве только в крайнем случае, если это абсолютно необходимо в целях подавления мятежа»²⁷.

То, что все же два коммуниста, Висенте Урибе и Хесус Эрнандес, вошли в сформированное 4 сентября правительство Ларго Кабальеро, было вызвано ультиматумом, предъявленным новым премьером: либо коммунисты войдут в кабинет, либо компартии придется нести всю полноту ответственности за поражение республики²⁸.

Даже в декабре, когда события в

Испании приняли необратимый характер, узкое руководство — Сталин, Молотов, Ворошилов, отвечая Ларго Кабальеро на очередную просьбу помочь оружием и военными советниками, настойчиво указывали:

«Испанская
революция прокладывает
себе свои пути, отличные
во многих отношениях от
пути, пройденного
Россией... Вполне
возможно, что
парламентский **путь**
окажется **более**
действенным **средством**

**революционного
развития в Испании, чем
в России** (выделено
мною — Ю.Ж.)»²⁹.

Внутриполитическая борьба
внутри лагеря республиканцев,
максималистские устремления НКП,
ФАИ и ПОУМ были столь
громогласны, что не составляли
тайны ни для кого. Также не были
тайной и упорные попытки
советских советников во что бы то ни
стало обуздать революционную
стихию, отрицательно отражавшуюся
прежде всего на формировании
республиканской армии, на ее
обучении, придании необходимой

дисциплины и боеспособности. И далеко не случайно английский писатель Джордж (Эруэлл, приехавший в Испанию как горячий защитник республики, позднее вспоминал: «...То, что происходило в Испании, было не просто вспышкой гражданской войны, а началом революции. Именно этот факт антифашистская печать... старалась затушевать любой ценой. Положение в Испании изображалось как борьба „фашизма против демократии“, революционный характер событий тщательно скрывался. В частности, коммунистическая партия (Испании — Ю.Ж.) при поддержке Советской России делала все, чтобы

предотвратить революцию»³⁰.

Потому-то М. М. Литвинов, не скрывая горечи и досады, указывал в письме М. И. Розенбергу: «Испанский вопрос испортил наши отношения с Англией и Францией и посеял сомнения в Бухаресте и даже Праге»³¹. Под угрозой оказалась судьба не только Восточного пакта, особенно в его оптимальном составе — с Великобританией, Польшей, Румынией, все еще так и не принявшими решение о присоединении к франко-чехословацко-советскому антигерманскому договору. Выхлестывание революционных идей, формальные успехи испанской

революции вполне могли
реанимировать слишком недавние,
всего трех-четырёхлетней давности
левацкие настроения внутри СССР
и — что было наиболее опасным —
вскружить головы радикально
настроенным членам партии и
комсомола и дать тем страшное
оружие широкому руководству
против группы Сталина. Стало
окончательно ясно и то, что не
оправдались надежды на
восстановление отношений
Коминтерна с Социнтерном, которые
зародились два года назад, хотя
ИККИ и предпринимал попытки
достигнуть самого малого —
твёрдого согласия лидеров

Социнтерна начать совместные действия в защиту Испанской республики, правительство которой возглавлял социалист.

Именно в эти трудные и ответственные дни руководство Социнтерна раскололось на большинство, занявшее твердую позицию невмешательства, и меньшинство, начавшее открытую борьбу с доктриной, оказавшейся на руку лишь мятежникам и диктаторским режимам. В числе первых, к несчастью, оказались те, от кого зависело принятие решений на государственном уровне: премьер Франции Леон Блюм, министр иностранных дел Бельгии Поль Анри

Спаак, лидеры оппозиции в парламенте Великобритании лейбористы Уолтер Ситрин и Эрнст Бевин. Все они, особенно с осени, стали — в полном противоречии с собственными недавними взглядами — рассматривать народный фронт Испании как орудие коммунизма, а испанских социалистов, составлявших абсолютное большинство в правительстве, считать марионетками Кремля.

Правда, оба Интернационала все же пошли на предварительные, ни к чему не обязывавшие переговоры. Однако уже на первой встрече, состоявшейся 14 октября,

председатель исполкома Социнтерна Луи де Брукер и генеральный секретарь Фридрих Адлер решительно отклонили предложение представителей ИККИ созвать общую конференцию для широкого обсуждения ситуации в Испании. Несмотря на неудачу, Коминтерн еще трижды — 25 октября, 7 ноября и 28 декабря — пытался наладить столь нужный диалог, но опять натолкнулся на категорический отказ³².

Решительно всем стало очевидно: идея народного фронта, и не только в Испании, но и во Франции, исчерпала себя, перестала играть ту роль, ради которой

выдвигалась.

Глава одиннадцатая

10 сентября 1936 г. центральные газеты страны опубликовали сообщение «В Прокуратуре Союза ССР», в котором заявлялось:

«В настоящее время Прокуратурой Союза ССР закончено расследование по поводу сделанных на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра в Москве 19 и 20 августа с.г. некоторыми обвиняемыми указаний о причастности в той или

иной степени к их
преступной
контрреволюционной
деятельности
Н. И. Бухарина и
А. И. Рыкова. Следствием
не установлено
юридических данных для
привлечения
Н. И. Бухарина и
А. И. Рыкова к судебной
ответственности, в силу
чего настоящее дело
дальнейшим следственным
производством
прекращено»¹.

По ассоциации, наверное, очень

многие неизбежно должны были вспомнить о точно таком же ходе, сделанном в декабре 1934-го — январе 1935 г. Тогда также объявили от отсутствия достаточных оснований для ареста Зиновьева и Каменева, а три недели спустя внезапно сообщили прямо обратное, что «по вновь открывшимся обстоятельствам» оба бывших члена ПБ не только уже арестованы, но и осуждены. Однако на этот раз единожды отработанный прием не повторили. Сообщение прокуратуры оказалось дымовой завесой, призванной скрыть на время две важнейшие акции: завершение «охоты» на виднейших троцкистов,

еще оставшихся на свободе, и начало серьезнейших по значимости, что проявилось лишь через десять месяцев, перестановок в высшем эшелоне власти.

Когда открылся августовский процесс, Г. Л. Пятаков находился в очередном отпуске. И все же он поспешил «отметиться» — написал горячий и взволнованный отклик на шедшие судебные заседания — статью «Беспощадно уничтожить презренных убийц и предателей», увидевшую свет в «Правде» 21 августа. Несмотря на это, 11 сентября Сталин шифротелеграммой потребовал снять Г. Л. Пятакова с поста первого заместителя наркома

тяжелой промышленности². Такое решение не должно было нарушить текущую работу наркомата, ибо фактический дублер Пятакова был подготовлен еще месяц назад. 7 августа в Москву срочно вызвали директора Челябинского тракторного завода Бускина и назначили замом к Орджоникидзе³, поначалу как бы на персонально для него созданную должность, на деле оказавшуюся той самой, что вскоре потерял Пятаков.

Второй жертвой «охоты» на троцкистов стал К. Б. Радек, чья судьба была предрешена еще в день открытия процесса Зиновьева и Каменева. 19 августа Сталин телеграфировал Кагановичу и Ежову:

«Читал письмо Радека на мое имя насчет его положения в связи с процессом троцкистов. Хотя письмо не очень убедительно, **я предлагаю все же снять пока вопрос об аресте Радека** (выделено мной — *Ю.Ж.*) и дать возможность ему напечатать в „Известиях“ статью за своею подписью против Троцкого. Статью придется предварительно просмотреть»⁴.

Анафему Троцкому, как всегда ярко написанную блистательным

полемистом, опубликовали 21 августа. А месяц спустя Сталин счел, что мавр сделал свое дело и потому должен уйти. 19 сентября, отвечая на очередной запрос Г. Г. Ягоды, Иосиф Виссарионович, судя по всему, дал наконец согласие на арест Радека. Правда, в соответствии со сложившимися неписаными правилами, того предварительно освободили от должности заведующего Бюро международной информации ЦК ВКП(б), созданной не так уж давно исключительно для Радека, для сохранения и поддержания его былой роли в партии. Временное наблюдение за работой Бюро, доживавшего свои

последние дни, возложили на Б. М. Таля⁵.

Данное Талю поручение, хотя и временное, только продолжило уже начатые незаметные постороннему взгляду кадровые перестановки, а зачастую и просто сдвиги по горизонтали власти, неуклонно ведшие к укреплению позиций группы Сталина, начавшиеся еще 11 августа. Именно в тот день ПБ приняло, без сомнения, органически связанное с планом проведения широких политических реформ «предложение т. Сталина о создании при программной комиссии ВКП(б) секретариата по первоначальной наметке программы партии в составе

тт. Стецкого, Таля и Яковлева»⁶.
Далеко не случайно в тот же день
через ПБ было проведено еще одно
решение:

«1. Назначить т. Талья
первым заместителем
ответственного редактора
газеты „Известия ЦИК
СССР“.

2. Оставить 2-м
заместителем
ответственного редактора т.
Селиха, а 3-м по
хозяйственной части — т.
Медведева.

3. Поручить тт. Талю,
Стецкому, Мехлису и Ежову

привести в порядок аппарат „Известий“, в частности секретарский аппарат „Известий“.

4. Коллегиальную систему руководства газетой ликвидировать.

5. 14 августа доложить о результатах»⁷.

Тем самым Б. М. Таля назначали «под» Бухарина, для установления абсолютного контроля за работой и пока еще занимавшего свой кабинет ответственного редактора, и редакционного аппарата, который, учитывая суть проекта новой конституции, предстояло

подвергнуть основательной чистке.

Но последнее в установленные сроки выполнить не удалось. Лишь два месяца спустя, 5 октября, ПБ утвердило внесенное Талем решение о самом важном, «номенклатурном» увольнении из редакции «Известий» старого троцкиста, все еще занимавшего довольно солидную должность, Л. С. Сосновского. Его снятие Таль обосновал по-прокурорски: «Сосновский стал буквально собирателем контрреволюционных анонимок, гнусных пасквилей на советскую власть, собирателем просьб и жалоб арестованных и осужденных контрреволюционеров, особенно

троцкистов, в том числе и осужденных за участие в террористических делах»⁸.

С самоубийством Томского, практическим лишением Бухарина права принимать самостоятельные решения отдел печати и издательств потерял свою изначальную роль идеологического цензора в условиях, когда в данной сфере действовали видные бывшие оппозиционеры. И потому с уходом из него Б. М. Таля пост заведующего практически автоматически — ибо был следующим на ступенях иерархической лестницы — занял ответственный редактор «Правды» Л. З. Мехлис.

Но самые важные по значимости кадровые назначения, вскоре круто изменившие ход событий в стране, состоялись лишь месяцем позже, 25—29 сентября. В те самые дни, когда Сталину и пришлось принять наиболее трудное и ответственное решение — о военной помощи Испанской республике. Тогда были оформлены те назначения, которые должны были не только обеспечить полулегальный (во всяком случае, оставшийся тайным для граждан СССР) характер операции, но и предотвратить использование ее для политической борьбы с группой Сталина.

Началось же все с очередной

шифротелеграммы, направленной 25 сентября в Москву Сталиным и Ждановым:

«ЦК ВКП(б). Тт. Кагановичу, Молотову и другим членам политбюро ЦК. **Первое.** Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост Наркомвнуделом. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока ОГПУ, опоздал в этом деле на 4 года. Об

этом говорят все
партработники и
большинство областных
представителей
Наркомвнудела. Заком

Ежова в Наркомвнуделе
можно оставить Агранова.

Второе. Считаю
необходимым и срочным
делом снять Рыкова по
наркомсвязи и назначить
на пост наркомсвязи Ягоду.

Мы думаем, что дело это не
нуждается в мотивировке,
так как оно и так ясно.

Третье. Считаю
абсолютно срочным делом
снятие Лобова и

назначение на пост наркомлеса тов. Иванова, секретаря Северного крайкома. Иванов знает лесное дело, и человек он оперативный, Лобов как нарком не справляется с делом и каждый год его проваливает. Предлагаем оставить Лобова первым замом Иванова по наркомлесу. **Четвертое.** Что касается КПК, то Ежова можно оставить по совместительству, а первым заместителем Ежова по КПК можно было бы выдвинуть Яковлева Якова

Аркадьевича. **Пятое.** Ежов согласен с нашими предложениями. **Шестое.** Само собой понятно, что Ежов остается секретарем ЦК»⁹.

Еще в одной, уже на имя Ягоды, датированной 26 сентября и подписанной одним Сталиным шифротелеграмме выражалась надежда, что Ягода поднимет работу наркомсвязи¹⁰.

Что же вызвало появление первого пункта телеграммы от 25 сентября, по сути основного в ней, ибо к нему авторы возвращались еще трижды?

Прежде всего — о четырех годах, на которые Ягода «опоздал». Скорее всего, установление такого периода связано с двумя событиями. С проведением в конце августа 1933 г. в Париже конференции представителей германской социалистической рабочей партии и двух троцкистских групп из Нидерландов, где была образована «Международная коммунистическая лига», оказавшаяся эмбрионом IV Интернационала. И с учреждением в июле 1936 г. «Бюро и международного секретариата движения за IV Интернационал», который поспешил осудить политику Сталина: «строительство социализма

в одной стране», создание народных фронтов в Испании и Франции.

Вместе с тем нельзя исключить и того, что на решение о замене Ягоды Ежовым повлияло завершение Троцким именно летом 1936 г. работы над рукописью книги «Преданная революция», которая содержала продуманную, теоретически обоснованную и предельно резкую критику политики группы Сталина и его лично.

Ну а выбор Ежова как преемника Г. Г. Ягоды скорее всего последовал потому, что за пять с половиной лет работы в аппарате ЦК он проявил себя как весьма ограниченный, но вместе с тем

предельно исполнительный, послушный и безынициативный сотрудник. Кроме того, что являлось весьма важным для такого назначения, Ежов никогда не только не участвовал ни в одной из оппозиций, но еще и остался, несмотря на свой последний очень высокий и значимый пост, малозаметной фигурой на партийно-аппаратном Олимпе, не успел или просто не сумел снискать ни известности, ни популярности.

Наконец, решающую роль при выборе преемника Ягоды сыграла подготовленная в конце 1935 г. рукопись Ежова «От фракционности к открытой контрреволюции», в

которой он пытался доказать уже состоявшийся переход всех оппозиционеров к антисоветской деятельности.

Прямым следствием телеграммы от 25 сентября стало решение ПБ от 26 сентября:

«Освободить
Рыкова А. И. от поста
наркома связи Союза ССР,
назначить наркомом связи
Союза ССР тов.
Ягоду Г. Г. ... а) освободить
т. Ягоду от обязанностей
народного комиссара
внутренних дел Союза ССР.
б) Назначить тов.

Ежова Н. И. народным комиссаром внутренних дел Союза ССР с оставлением его по совместительству секретарем ЦК ВКП(б) и председателем Комиссии партийного контроля с тем, чтобы он девять десятых своего времени отдавал НКВД»[11](#).

Последнее предельно жесткое примечание, точно соответствовавшее указанию выше, фактически снимало то, что было сказано в решении перед ним — о сохранении за Ежовым еще двух

должностей — секретаря ЦК и председателя КПК. Действительно, уже всего два дня спустя ПБ очередным своим решением — опять же в полном соответствии с телеграммой Сталина и Жданова — утвердило Я. А. Яковлева первым заместителем председателя КПК¹². Тем самым фактически заменило им на столь важном и ответственном посту Ежова, ибо при М. Ф. Шкирятове, который с конца декабря 1934 г. как заместитель председателя и без того вел всю повседневную работу комиссии, вроде бы никакой еще заместитель, пусть и первый, не требовался. О значительном повышении роли

Яковлева в узком руководстве свидетельствовала не только вторая по счету постоянная должность в аппарате ЦК. Тем же решением ПБ от 29 сентября он остался и заведующим сельхозотделом. 22 октября вдобавок ко всему на него возложили еще и руководство группой для предварительного рассмотрения проектов конституций союзных республик и внесения в них необходимых поправок. Помимо Яковлева в группу вошли, разумеется, идеологи реформы Стецкий, Таль, а также, но чисто по должности, секретарь ЦИК СССР И. А. Акулов¹³.

Что же касается работы секретарем ЦК, то начиная с октября

она свелась для Н. И. Ежова к чисто формальному голосованию по проектам решений, выносимых на рассмотрение секретариата. Наконец, вознесенный на один из самых значимых постов — руководителя, по сути, карательного ведомства, уже приобретшего недобрую славу и ставшего одиозным в глазах не только сограждан, но и во всем мире, Ежов пока не обрел всей полноты безраздельной власти над НКВД. Он вынужден был координировать всю свою работу, включая аресты, с заведующим политико-административным отделом И. А. Пятницким, который играл в то время весьма

многозначную роль. Прежде всего призван был обслуживать сам НКВД, подбирая для него кадры, руководя его партийными организациями. Одновременно должен был согласовывать действия НКВД, наркомюста, Прокуратуры СССР, различных судебных органов. Кроме того, еще и контролировать любые действия НКВД — следить за тем, чтобы тот послушно и беспрекословно выполнял требования и указания лишь узкого руководства, не допуская никаких самостоятельных шагов. Словом, заведующий политико-административным отделом разделял с Ежовым всю полноту

ответственности за все, что тому предстояло делать.

Всего через три дня после вступления Ежова в новую должность ПБ приняло самый — как по лексике, так и по конструкции — необычный документ. Судя по всему, основой для него послужила записка, поступившая из «Зеленой рощи» от Сталина, которая была предназначена «для руководства» Ежову, а еще Б. М. Талю и некоему Беговому (личность его установить не удалось).

Решение ПБ выглядело так:

«Утвердить
следующую директиву „Об

отношении К
контрреволюционным
троцкистско-зиновьевским
элементам“:

а) До последнего
времени ЦК ВКП(б)
рассматривал троцкистско-
зиновьевских мерзавцев
как передовой
политический и
организационный отряд
международной буржуазии.
Последние факты говорят,
что эти господа скатились
еще больше вниз, и их
приходится теперь
рассматривать как
разведчиков, шпионов,

диверсантов и вредителей
фашистской буржуазии в
Европе.

б) В связи с этим
**необходима расправа с
троцкистско-
зиновьевскими
мерзавцами** (выделено
мною — *Ю.Ж.*),
охватывающая не только
арестованных, следствие
по делу которых уже
закончено, и не только
подследственных вроде
Муралова, Пятакова,
Белобородова и других,
дела которых еще не
завершены, но и тех,

которые были раньше
высланы»¹⁴.

Данное решение ПБ стилистически более напоминает не обычный партийный документ, а стенографическую запись речи кого-то (Сталина?), некое своеобразное напутствие Ежову, указание на то, с чего же ему незамедлительно следует начинать работу. Действительно, если не принимать во внимание специфические слова вроде «мерзавцы», «отряд мировой буржуазии, разведчики, шпионы, диверсанты и вредители», то есть чисто эмоциональные оценки сторонников Троцкого и Зиновьева,

то остается существенное — программа. Она же сводится к предельно четкой установке: необходимо немедленно расправиться (хотя юридический смысл понятия и очень расплывчат, но все же за ним угадывается лишь одно — вынесение смертного приговора) со всеми без исключения выявленными, известными троцкистами и зиновьевцами, то есть левыми. И с теми, кто уже получил приговор — заключение на какое-то количество лет, и с теми, кому суд лишь предстоит, и даже с теми, кто давным-давно, скорее всего с 1927 г., находится в ссылке. Со всеми!

Что же стояло за таким откровенно жестоким, если не сказать кровожадным, требованием? Результаты августовского процесса? Вряд ли, ибо они заблаговременно, еще 29 июля, были достаточно ясно сформулированы в закрытом письме ЦК ВКП(б). Может быть, «Директиву» породило то, что всплыло уже потом, во время судебного заседания? Но и это не могло потребовать столь долгого осмысления. Первые показания на допросах Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова? Также вряд ли, ибо то, в чем они успели «признаться», ожидалось от них уже месяц назад...

Весьма возможно, «Директива» потребовалась прежде всего как четкое, однозначное указание новому наркому внутренних дел Ежову, против кого же необходимо направить в первую очередь всю карательную систему подведомственного ему теперь НКВД. Нельзя исключить и того, что требуемая расправа с троцкистами и зиновьевцами должна была окончательно и бесповоротно устранить с политической сцены страны не только очевидных, реальных, но даже и весьма проблематичных, лишь потенциальных противников начавшейся реформы. Сделать таким

образом просто невозможной любую, даже в предельно узком кругу ссыльных, критику проекта новой конституции, особенно с позиций марксизма-ленинизма, позиций Октября. А такую вескую и аргументированную, убедительную для любого члена партии, серьезную критику, со ссылками на классические труды Маркса, Энгельса, Ленина, можно было ожидать лишь от тех, кто действительно глубоко изучил марксизм-ленинизм. Знали же его по-настоящему тогда немногие, главным образом те, кого и называли «контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими

элементами».

Но помимо таких объяснений есть и еще одно. Выражается оно в решении ПБ, вряд ли случайно принятом в тот же день, 29 сентября, о возобновлении приема в ряды ВКП(б) с 1 ноября текущего 1936 г.¹⁵ Впервые оно было внесено на рассмотрение членов ПБ еще 27 июня, то есть сразу же после пленума ЦК, на котором так откровенно холодно, даже враждебно приняли и доклад Сталина, и текст проекта новой конституции.

Полное совмещение во времени двух только внешне выглядевших предельно противоположными друг другу решений — о расправе с

троцкистами и зиновьевцами и о возобновлении прекращенного еще в 1932 г. приема новых членов и кандидатов в члены ВКП(б) — на деле означало всего лишь два способа решения одной и той же задачи: создание принципиально новой партии, хотя и сохранявшей (надолго ли?) прежнее название. На то, что это будет совершенно новая партия, указывало слишком многое: и начавшаяся тогда же разработка партийной программы, порученная тем, кто готовил текст новой конституции, и оценки, которые уже были даны Сталиным партийной верхушке — партократии, и статистические данные... Особенно

последние.

Вспомним. К маю 1936 г., всего за четыре года, из ВКП(б) в процессе чистки и обмена партбилетов были исключены: по данным, приведенным Ежовым на июньском пленуме, — 200 тыс. человек¹⁶. Маленковым в докладе на совещании в МК 23 апреля названа иная цифра — 306 тыс.¹⁷ Другими словами, из партии, насчитывавшей чуть более 2 млн. членов и кандидатов в члены, «вычистили» от 10 до 15% в основном за чисто формальные, уставные прегрешения: неуплату в срок членских взносов, «пассивность» — неучастие в обсуждении вопросов на собраниях

ячейки или просто непосещение партсобраний. Здесь весьма показательным стало то, что среди исключенных 306 тыс. человек по заурядным причинам вне партии оказались 1610 секретарей районного уровня.

По более серьезным, уже политическим причинам из тех же 306 тыс. «вычистили» «шпионов и их пособников» — 50 человек, троцкистов и зиновьевцев — 306, «жуликов и аферистов» — 723, бывших белогвардейцев и кулаков, скрывших свое прошлое либо происхождение, — 1666^{[18](#)}. Однако такие вполне естественные пропорции стали разительно

меняться сразу же после июньского пленума, после того как был опубликован проект новой конституции. За последующие два с половиной месяца число левых, изгнанных из рядов партии, внезапно возросло в двадцать раз и достигло 6844 человек. Однако и на том столь внезапный рост этот не приостановился. К концу сентября, то есть на момент утверждения «Директивы», количество исключенных троцкистов и зиновьевцев составило уже 9602 человека.

Не оставалось сомнений, что из партии прежде всего целенаправленно исключались

члены той самой «объединенной оппозиции», которая в 1926–1927 гг. вобрала в себя практически всю сознательную — самостоятельно и критически мыслящую — часть ВКП(б), в равной степени сторонников Троцкого, Зиновьева, «децистов», группы Шляпникова «Рабочая правда». Ну а это предвещало очень быструю стагнацию существующей партии, отныне складывавшейся из двух совершенно разнородных, несопоставимых по численности, противоположных по своим интересам деидеологизированных частей. Из основной массы, крестьянской по происхождению и

потому сохраняющей прежнюю мелкобуржуазную идеологию, к тому же в большинстве (90%!) неграмотной, неуклонно превращавшей ВКП(б) из изначально сознательной, боевой политической организации в аморфное, существующее лишь из-за своей многочисленности некое конформистское «общественное движение». И из крайне малочисленной части — «вождей»: секретарей всех уровней, от городского и районного до ЦК нацкомпартий, а также из штатных работников тех же комитетов, уже практически переродившихся в чисто бюрократический социальный слой.

Но теперь возникает новый вопрос: почему в качестве первого удара узкое руководство избрало именно левых, а не партократию? Здесь напрашивается только один ответ: из-за твердости в убеждениях, бескомпромиссности первых. Из-за того, что при проведении политических реформ договориться с ними, достигнуть какого-либо обоюдоприемлемого компромисса было просто невозможно. С партократией, как и вообще с бюрократией в целом, найти общий язык было несравненно проще, даже легко — из-за органически присущего ей конформизма, готовности принять какую угодно

политическую доктрину, конституцию, даже иной социально-экономический строй, но при одном неперенном условии: ее властное и материальное положение не должно быть ущемлено. Поэтому-то она и могла, несмотря на уже оказываемое сопротивление, принять в конечном итоге, пусть в предельно ограниченном, куцем виде, политические реформы группы Сталина.

Однако обольщаться такой предположительной оценкой не следовало, и вполне возможно, узкое руководство это понимало. Ведь столь же возможным, логически предсказуемым могло оказаться и

иное. Партократия легко и единодушно поддержит не узкое руководство, а левых, но только в случае возникновения острой, кризисной ситуации, в которой троцкисты и зиновьевцы неизбежно оказались бы своеобразным катализатором, предельно ускорившим развитие политических процессов внутри партии. Ведь в конечном итоге генетически — своим партийным стажем, революционным прошлым, участием в гражданской войне — партократия была не только чрезвычайно близка левым, но и едина с ними всего десять лет назад. И потому могла, повинувшись лишь чувствам, даже

неожиданно для себя поддержать своих прежних товарищей по большевизму, выступив вместе с ними против реформаторской группы Сталина.

При выборе первой цели для нанесения удара Сталину приходилось, безусловно, не забывать еще и о том, что его главный противник Троцкий не только жив, но находится на свободе и недоступен для него. Он продолжает активно действовать в слишком близкой Норвегии (вскоре смененной отнюдь не по собственной воле на далекую Мексику), несомненно воздействуя на своих сторонников в СССР, да и не

только на них.

Вся эта совокупность многозначных факторов, которые осенью 1936 г. не могли не учитываться, скорее всего, и обусловила не только направление первого репрессивного удара, но вместе с тем некоторую двойственность при принятии внутривнутриполитических решений. Одновременно и отступления по одним вопросам, и наступления по другим. Так, явно под давлением противников политических реформ. 9 октября ПБ вынуждено было отказаться от желания разрешить уже 7 ноября 1936 г., во время военного парада, пройти по московской

Красной площади только что
созданным казачьим
подразделениям. Явно
двусмысленная акция, которая
непременно слишком многим ярко
напомнила бы о недавней кровавой
борьбе с белоказачеством, была
перенесена на более отдаленный
срок — 1 мая 1937 г.¹⁹ Чуть позже, 28
октября, ПБ пошло на своеобразный
размен. Утверждая текст лозунгов к
19-й годовщине Октября,
подготовленных в отсутствие
находившегося в отпуске Стецкого
его заместителем по агитпропу
В. Г. Кнориным, отклонило два из
них. Второй, левацкий, — «Да
здравствует социалистическая

революция во всем мире!», и восьмой, реформаторский, — «Да здравствует конституция Союза ССР! Пусть крепнет и развивается рабоче-крестьянская демократия!»²⁰.

Вместе с тем узкое руководство тогда же пошло и на откровенно вызывающие действия, открыто выражавшие его реформаторские идеи. 13 ноября решением ПБ был утвержден приказ Комитета по делам искусств о снятии из репертуара Московского Камерного театра, руководимого А. И. Таировым, только что поставленной, сыгранной всего три раза комической оперы «Богатыри» на классическую музыку Александра Бородина, по новому

либретто, написанному Демьяном Бедным.

Виза ПБ потребовалась не случайно. Приказ, немедленно опубликованный «Правдой», «Известиями», «Советским искусством», «Литературной газетой» и другими изданиями, так мотивировал причину запрещения спектакля: он «чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа; дает антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являвшегося в действительности

положительным этапом в истории русского народа, так как оно способствовало сближению славянских народов с народами более высокой культуры»²¹.

Отныне не только историк, педагог или завзятый театрал, но просто образованный человек должен был неизбежно связать воедино приказ с июньским постановлением ЦК «О педологических извращениях». Лишь теперь, когда эти документы выстроились в строго закономерный, однозначный ряд, стало возможно сравнить их с текстом проекта новой конституции, осознать принципиальную новизну,

реформаторский характер все отчетливее обозначавшегося курса, которым начинала следовать страна.

В ту же цель, столь же точно и сильно, хотя и менее эпатирующе, било и еще одно решение ПБ, от 9 ноября, — о проведении на государственный счет, на высоком официальном уровне похорон В. Г. Черткова^{[22](#)}. Человека, о котором тогда почти никто не помнил и практически ничего не знал, если бы не прочитал в тот день в некрологе, помещенном «Правдой», что он был ближайший друг и сподвижник Льва Толстого. Дворянин, блестящий конногвардеец, он покинул «свет» и отдал полвека жизни пропаганде

творчества и учения величайшего русского писателя. Создал прогрессивное, широко известное в конце XIX века издательство «Посредник», организовал переселение духоборов в Канаду, в Лондоне печатал вызывающе антиправительственную газету «Свободное слово». Потом уже, с 1928 г., являлся главным редактором полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Да, трудно было тогда найти человека, более далекого не только от большевизма, но и вообще от всего, чем жила Страна Советов последние почти двадцать лет. Однако узкое руководство не только расценило его смерть как тяжелую

утрату для страны и национальной культуры, но сделало все возможное, чтобы отдать Черткову должное, достойно проводить его в последний путь.

Наконец, в том же ряду фактов, безоговорочно свидетельствовавших о проходивших воистину тектонических сдвигах в идеологии и в политике, находилось решение ПБ, принятое 21 ноября по инициативной записке Я. А. Яковлева, выступавшего в данном случае как первый заместитель председателя КПК.

«Тов. Радченко, — писал Яков Аркадьевич о начальнике всесоюзного объединения

„Заготлен“, — направил
управляющим своих контор
распоряжение, в котором написано:
„Предлагаю Вам всех исключенных
из партии при проверке
партдокументов уволить“. Считаю,
что этот способ себя страховать и
подкидывать ЦК исключенных из
партии как безработных по меньшей
мере непартийным. Предлагаю
проект постановления ЦК ВКП(б)»²³.

На следующий день «Правда» на
первой полосе опубликовала
подготовленный Яковлевым текст
под набранным жирным шрифтом
заголовком — «Постановление ЦК
ВКП(б)»:

«Отменить
распоряжение начальника
„Заготлен“ тов. Радченко об
увольнении с работы всех
исключенных из партии,
поскольку это
распоряжение
противоречит политике
партии и нарушает законы
СССР, запрещающие
уволить кого бы то ни было
с работы за
беспартийность».

Внешне все выглядело так, будто
просто появилось еще одно
очередное и рутинное
постановление, призванное всего

лишь подтвердить неусыпность ЦК, его повседневную работу, охватывающую прежде всего жизнь в партии. Однако сегодня не могут не насторожить и не породить серьезнейших вопросов довольно странные обстоятельства, связанные с его появлением. Прежде всего отсутствие сведений о том, когда же именно Радченко издал свой пресловутый приказ. Если только что, то почему дата не была указана? Ведь она лишний раз продемонстрировала бы оперативность работы КПК. Но если давно, в разгар проверки партбилетов, то есть год, а то и более назад, то почему столь важная

информация приберегалась? Для того, чтобы использовать ее в подходящий момент, когда в ней возникнет действительно острая необходимость?

Во-вторых, деятельность объединения «Заготлен» носила территориально предельно ограниченный характер, практически распространялась лишь на тогдашнюю Ленинградскую область, включавшую Псков и Новгород, и Белоруссию. Следовательно, она не создавала достаточных оснований для столь широких обобщений, каковыми всегда являлись или стремились таковыми казаться постановления

ЦК. Случай с «Заготльном» нуждался в иных, дополнительных примерах, о которых Я. А. Яковлев обязан был сообщить в своей записке. Примерах как минимум республиканского масштаба. Далее, в постановлении почему-то отсутствовали обязательные в подобных случаях «оргвыводы» — мера наказания провинившегося, которая могла колебаться от простого выговора до исключения из партии или снятия с работы. Наконец, столь же необъяснима и та поспешность, с которой не только приняли решение, но и опубликовали его — практически через несколько часов.

Скорее всего, за запиской

Яковлева стоял только что вернувшийся из отпуска Сталин, который лично завизировал постановление, проголосовав на его оригинале «за»²⁴. Ну а вынудить к тому Иосифа Виссарионовича, как можно легко представить, могло только одно — необходимость как-то подправить «Директиву». С одной стороны, несколько ослабить, даже приглушить ее слишком очевидную резкость, загодя исключить расширительное возможное ее истолкование и сотрудниками НКВД, и в областных и краевых комитетах, ЦК нацкомпартий. Подчеркнуть лишь внешне суровым (отсюда и отсутствие меры наказания)

осуждением приказа Радченко требование не допускать никакой самодетельности в столь важном вопросе. Не позволять подменять «расправу» с троцкистами и зиновьевцами «охотой на ведьм» — широкими и бессмысленными расправами, которые слишком быстро могли принять массовый характер. Ведь по существовавшим тогда правилам игры человек, исключенный из партии и уволенный с работы, автоматически становился объектом самого пристального внимания местных органов НКВД.

Если данное объяснение правильно, то постановление по делу Радченко увидело свет как нельзя

вовремя. Н. И. Ежов уже приступил к выполнению «Директивы», правда, начал не с арестов и приговоров, а с более для него в тот момент значительного — кадровых передвижек и перестановок, реорганизации аппарата наркомата.

Буквально на третий день после своего назначения Николай Иванович избавился от правой руки Г. Г. Ягоды, Г. Е. Прокофьева, переведенного в той же должности — заместителя наркома — к своему так и не ставшему для него бывшим шефу, в наркомсвязь. На место Прокофьева 29 сентября утвердили М. Д. Бермана, кадрового чекиста, работавшего в «органах» с августа

1918 г., с лета 1930-го — заместителя, а с июня 1936-го — начальника ГУЛАГа. Затем Н. И. Ежов взял себе еще двух заместителей, для которых были созданы персональные посты. 16 октября — М. П. Фриновского, также кадрового чекиста, медленно всходившего по ступеням должностей на Украине, Северном Кавказе, в Азербайджане, но с 1926 г. обретавшего узкую специализацию — служил преимущественно в пограничных войсках, которые; и возглавлял с 1933 г. Утвержденный на пост замнаркома, как и М. Д. Берман, он сохранил и прежнюю должность. А

месяц спустя, 3 ноября, заместителем Ежова стал Л. Н. Вельский (Левин), опять же кадровый, с весны 1918 г., чекист, служивший на различных командных постах. У Н. И. Ежова он возглавил главное управление милиции.

Так в деятельности НКВД четко обозначились три автономных направления: ГУЛАГ, пограничные войска, милиция, которые, оставаясь в рамках наркомата, обрели теперь значительную самостоятельность. Самому Н. И. Ежову и остальному аппарату НКВД была предоставлена возможность сосредоточиться на главном — разгроме бывших оппозиционеров.

Кадровые перестановки провели и на следующем уровне руководства НКВД. 15 октября укрепили его людьми со стороны, утвердив на ответственных должностях двух человек. Начальником отдела кадров наркомата стал М. И. Литвин, до того служивший на профсоюзной работе, а с 1930-го — на партийной, в ЦК ВКП(б). На менее заметный, даже скромный пост — начальника административно-хозяйственного управления НКВД — назначили С. Б. Жуковского. В годы гражданской войны он был армейским политработником, в 1922–1923 гг. работал в распреотделе ЦК ВКП(б), затем в

ЦКК–РКИ, НКПС, ВСНХ, наркомате
внешней торговли. Одновременно
понижили в должностях семерых
старых сотрудников
В. Р. Менжинского и Г. Г. Ягоды²⁵.

Наконец, 28 ноября, приказом
по НКВД, вне всякого сомнения,
согласованным с ПБ, в наркомате
провели реорганизацию,
оказавшуюся на деле довольно
незначительной по масштабам.
Ликвидировали своеобразный
анахронизм, реликт эпохи НЭПа —
экономический отдел,
возглавлявшийся с 1931 г.
Л. Г. Мироновым (Каганом),
которого поставили начальником
более значимого отдела —

контрразведывательного (КРО), как
отныне стали именовать бывший
особый. КРО и стал ведущим при
расследовании абсолютно всех дел
по шпионажу, подлинных или
мнимых, число которых начало
стремительно множиться. Более
значимым, но лишь для собственных
интересов узкого руководства,
явилось создание еще одного
отдела — первого, или охраны²⁶.
Охраны высших должностных лиц
партии и государства, что служит
непременным атрибутом власти в
любой стране в любые времена.
Начальником многочисленного,
состоящего из 24 отделений, отдела
утвердили комиссара 2-го ранга

К. В. Паукера, иностранца на советской службе. В 1915 г. Паукер, фельдфебель уланского полка австро-венгерской армии, попал в русский плен. Участвовал в гражданской войне, вступил в партию, с 1920 г. стал работать в ВЧК, практически сразу же — в оперативном отделе, в котором уже в 1923 г. дослужился до должности начальника²⁷.

Но почему следует придавать столь серьезное значение созданию отдела охраны? Да потому, что оно свидетельствовало о весьма серьезном положении, в котором оказалось узкое руководство. Группа Сталина ощутила реальную опасность и вынуждена была

предпринять беспрецедентные за все девятнадцать лет существования советской власти меры.

Далеко не случайно ни осенью 1933 г., когда два довольно серьезных инцидента могли быть истолкованы как покушение на Сталина²⁸, ни в декабре 1934 г., после убийства Кирова, никаких мер по усилению безопасности принято не было. Узкое руководство не ощутило в том необходимости. Предельно же усилили персональную охрану узкого руководства только в конце ноября 1936 г., на четвертый день работы VIII чрезвычайного съезда Советов СССР, за несколько суток до проведения решающего голосования

по проекту — сначала на пленуме, а затем и на самом съезде. Тогда, когда НКВД в основном выполнил «Директиву» по разгрому бывшей троцкистско-зиновьевской оппозиции.

Расправа с троцкистами и зиновьевцами шла скрытно, без какой-либо огласки. Единственным исключением оказалось «Кузбасское дело», о котором центральные газеты вряд ли случайно оповестили население страны в канун открытия VIII чрезвычайного съезда Советов СССР.

Глава двенадцатая

18 октября 1936 г. многие советские газеты опубликовали сообщение ТАСС «Преступная деятельность германских фашистов в СССР». В нем отмечалось:

«В первых числах ноября в Москве и в Ленинграде Народным комиссариатом внутренних дел СССР арестованы некоторые германские подданные, ведущие антигосударственную работу, направленную против СССР.

Арестованные пытались
создать фашистские
ячейки, вовлекая в них
советских граждан, вели
среди последних
фашистскую пропаганду,
нелегально распространяли
фашистскую литературу,
занимались военным
шпионажем...»

Уже сам факт подобной
публикации призван был доказать и
проникновение в страну нацистских
идей, и соприкосновение с ними
советских граждан, разумеется, в
интересах германской разведки.
Бесспорную достоверность

сообщению придавали две важные детали. Во-первых, приводимые фамилии арестованных немцев. Во-вторых, информация о дипломатических действиях в связи с происшедшим. Заместителю наркома иностранных дел Н. Н. Крестинскому пришлось давать поверенному в делах Германии фон Типпельскирху юридические обоснования произведенных арестов. Наркому М. М. Литвинову — беседовать с послом фон Шуленбургом по поводу законности действий НКВД. Лишь концовка сообщения раскрывала его пропагандистский смысл. Было указано, что «уже теперь обнаружено

в отношении двух лиц (арестовали 10 человек — Ю.Ж.), хотя и признавших себя фашистами, что серьезных улик об их деятельности не имеется, ввиду чего следственные власти склонны в ближайшие дни освободить и выслать их из СССР». А затем следовало то, ради чего, скорее всего, и было подготовлено сообщение:

«Германский посол выразил сомнение в виновности арестованных лиц и, признав, что действительно имеются во многих странах фашистские организации, заявил, что СССР

составлял в этом отношении исключение и в нем никакой фашистской организации не существует. На это М. М. Литвинов возразил, что, зная установку германских фашистов в отношении СССР, трудно понять, по каким соображениям они могли делать исключения для СССР»¹.

Через день советская пропаганда продолжила тему подрывной работы публикацией первого отчета о начавшемся 19 ноября в Новосибирске процессе по

«делу кемеровской троцкистско-диверсионной группы». На скамье подсудимых оказались десять руководящих работников кемеровского рудника, а среди них и гражданин Германии горный инженер Э. Штиклинг, работавший на шахте «Северная». Всех их государственный обвинитель, заместитель прокурора СССР Г. К. Рогинский объявил «активными участниками контрреволюционной группы, действовавшей на кемеровском руднике и ставившей своей целью борьбу с советским государством путем совершения диверсионных и вредительских актов». Возникновение группы отнес

к 1935 г., а конкретными действиями, совершенными подсудимыми, назвал два события: гибель из-за отравления газом 28 декабря 1935 г. двух горняков и взрыв газа на втором участке шахты «Центральная» 23 сентября 1936 г., в результате чего 10 шахтеров погибли, а 14 получили тяжелые ранения. И как бы между прочим Г. К. Рогинский заметил: в данную группу входили также Я. И. Дробнис, А. А. Шестов и М. С. Строилов, но следственные дела в их отношении как связанные с «преступной контрреволюционной деятельностью Пятакова Г. Л., Муралова Н. И. и других... выделены в особое делопроизводство»².

Идея провести данный показательный процесс, но только не в Новосибирске, а в Прокопьевске, осудив на нем виновных в участвовавших авариях на шахтах Кузбасса и местном отделении Томской железной дороги, была выражена в решении ПБ, появившемся, судя по косвенным данным, по инициативе первого секретаря Западно-Сибирского крайкома Р. И. Эйхе³.

Собственно, в таком подходе к должностным преступлениям ничего особенного вроде бы не было. Аварии, зачастую с человеческими жертвами, на заводах и фабриках, шахтах, железных дорогах, речных и

морских судах стали тогда обычным явлением. Многие из них, наиболее серьезные, детально анализировались членами ПБ, привлекавшими для определения меры наказания А. Я. Вышинского.

Например, 16 августа ПБ рассмотрело чрезвычайное происшествие, не сопоставимое по трагическим последствиям с тем, что случилось в Кузбассе. 1 августа на Комсомольском участке Тумского лесокомбината (Московская область) начался пожар, продолжавшийся трое суток. В огне погибли не только огромный массив леса, поселок рабочих, железнодорожная станция Курша-2, но и 313 человек, а еще 75

получили тяжелейшие ожоги. Члены ПБ согласились с преданием семи человек, обвиняемых в преступной небрежности, суду: директора лесокombината, его заместителя, технического руководителя, главного инженера, а заодно и председателя Тумского райисполкома, секретаря райкома ВКП(б) и начальника лесоохраны⁴.

Из таких дел не делали тайны, довольно часто — для острастки другим — сообщали о них в газетах, местных или центральных. Лишь решение ПБ о кузбасском деле занесли в «особую папку». Именно эта деталь, а еще то, что копию его направили Г. Г. Ягоде,

свидетельствуют о политическом характере готовившегося процесса, желании непременно связать подсудимых с троцкистами.

Прокопьевский процесс, скорее всего, должен был убедить население страны в том, что большинство аварий, если не все, происходит отнюдь не из-за крайне низкой квалификации рабочих, весьма слабых профессиональных знаний инженеров и техников, утвердившегося за годы пятилеток полного пренебрежения правилами техники безопасности. Происходят они по вине исключительно троцкистов — вредителей, диверсантов. На роль же

символических жертв
предназначались, как можно
предполагать с большой долей
уверенности, проживавшие и
работавшие в Западной Сибири
отнюдь не по своей воле видные
троцкисты: начальник
сельхозуправления ОРСа
Кузбассстроя Н. И. Муралов (он был
арестован сразу же после принятия
решение ПБ о Кузбасском деле),
начальник Сибмашстроя
М. С. Богуславский, замначальника
Химкомбинатстроя Я. Н. Дробнис.
Все те, кто 15 октября 1923 г.
подписал знаменитое «Заявление 46-
ти» в поддержку позиции Троцкого.

Однако после августовского

процесса, арестов Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова и особенно после прихода в НКВД Н. И. Ежова первоначальные планы весьма серьезно скорректировали. 16 ноября по решению ПБ процессу в Западной Сибири придали узко локальный характер, ограничили круг его подсудимых никому за пределами Кузбасса не известными горными инженерами, а Муралова, Богуславского, Дробниса, а также Шестова и Строилова сочли необходимым судить в Москве. Тем самым Пятакову, Радеку, Серебрякову, Сокольникову придавалась роль некоего всесоюзного центра, руководившего на местах

отдельными группами, в том числе и кузбасской. Ставилась цель окончательно и бесповоротно возложить на сторонников Троцкого и Зиновьева, как и предусматривалось «Директивой», ответственность за все просчеты, неудачи и ошибки при выполнении второго пятилетнего плана.

Именно такой характер принял процесс в Новосибирске, продолжавшийся всего три дня.

Г. К. Рогинский уже в начале пространной обвинительной речи перешел к «установлению связей» подсудимых с известными троцкистами, пытаясь доказать, что те получили указания о проведении

актов вредительства от Муралова из Новосибирска, Пятакова из Москвы.

И все же обвинение поначалу неизбежно сводилось к тому, что следовало скорее называть преступной халатностью или в крайнем случае экономическим саботажем. Лишь позже, в ходе самого суда, при активной поддержке со стороны самих обвиняемых, процессу удалось придать все же чисто политический характер. Так, Шестов заявил, что он «получил прямую директиву от Пятакова на проведение подрывной и террористической работы в Кузбассе», которую должен был «согласовать с Мураловым». Признал

Шестов и более жуткое. Якобы Пятаков поручил ему «организовать (террористические) акты против членов политбюро и членов правительства, приезжающих в Западно-Сибирский край, а также против секретаря Западно-Сибирского крайкома Эйхе»⁵.

Именно такого рода показания, а также использование имевшихся в деле признаний Дробниса и Строилова позволили Г. К. Рогинскому создать чисто умозрительную картину террористической деятельности троцкистов. Той, которой в масштабах страны руководил Пятаков, а в Западной Сибири —

Муралов, работавший рука об руку с Богуславским и неким Сумецким (его фамилия прозвучала лишь на новосибирском процессе и больше никогда не повторялась). В Кузбассе действовала группа, состоявшая из Носкова, Шубина и Курова, направляемая Дробнисом, а в Прокопьевске — Черепухина и Арнольда, которые, мол, и организовали неудачное покушение на Молотова в сентябре 1934 г.⁶

Выездное заседание военной коллегии Верховного суда СССР под председательством В. В. Ульриха вполне удовлетворили система доказательств, приводимых Г. К. Рогинским, чистосердечные

признания обвиняемых, и 22 ноября все подсудимые были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Правда, на третий день президиум ЦИК СССР троим из них заменил смертную казнь десятью годами тюремного заключения⁷.

Тем, кто знакомился с отчетами о новосибирском процессе, непременно должны были броситься в глаза две весьма примечательные детали. Практически отсутствовала обычная в таких случаях пропагандистская шумиха, не было, как в августе, пространных подборок «откликов». Они оказались на этот раз очень небольшими по объему, публиковались лишь вместе с

материалами «Из зала суда». Кроме того, в логически подводившей итог процесса передовой «Правды» за 23 ноября «Справедливый приговор» вряд ли случайно утверждалось: «Троцкисты представляют численно ничтожную кучку...» Эту мысль ненавязчиво подтверждало и то, что на скамье подсудимых находилось всего десять человек, да еще шесть фигурировало на суде как несомненные участники некоего будущего процесса.

Те же, кто был знаком с «Директивой», — а это по меньшей мере все секретари обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий вне зависимости от того, являлись они

членами и кандидатами в члены ЦК ВКП(б) или нет, — обязательно должны были заметить и то, что на новосибирском процессе почему-то обвиняли лишь троцкистов, а о зиновьевцах, которые, казалось бы, отныне находились с ними в неразрывной связи, не говорилось ни слова. О них словно бы забыли, как забыл П. П. Постышев в докладе, сделанном 29 августа на Киевском областном активе, когда рассказал о ликвидации «Украинского троцкистского центра», возглавлявшегося Ю. М. Коцюбинским и объединявшего только тех, кто на самом деле, да еще вплоть до 1929 г.,

не скрывал своей политической ориентации на Троцкого⁸.

Столь твердая и неизменная линия могла означать только одно: жесткое намерение узкого руководства с помощью НКВД — вне зависимости от того, кто возглавлял наркомат, Ягода или Ежов, — как можно скорее добиться тотального разгрома прежде всего троцкизма. Ликвидировать всех без исключения причастных именно к этой оппозиции, даже давно отошедших от нее или демонстративно порвавших с нею, публично раскаявшись в том перед партией. И еще данная непреклонная линия должна была непременно

насторожить А. П. Розенгольца, А. С. Бубнова, В. А. Антонова-Овсиенко, Н. Осинского, последних из подписавших во время дискуссии 1923 г. «Заявление 46-ти» в поддержку Троцкого, но до сих пор не только оставшихся на свободе, но и занимавших весьма ответственные посты, входивших в широкое руководство.

Какие бы то ни было материалы о кузбасском деле исчезли 24 ноября. А через два дня все средства массовой информации стали сообщать в основном о самой главной теме — о ходе VIII чрезвычайного съезда Советов СССР, созванного для решения лишь одной

задачи — обсуждения и принятия новой конституции. Съезд открылся в 5 часов вечера 25 ноября в Свердловском зале Большого Кремлевского дворца докладом Сталина, который практически мало чем отличался от такого же доклада, опубликованного в стенограмме июньского пленума.

Сталин начал с цитирования постановления VII съезда о необходимости демократизации избирательной системы, уточнения социально-экономической основы конституции и проведении очередных выборов органов советской власти на основе новой избирательной системы. В главной

части доклада он практически сохранил прежнее членение на разделы, лишь деля или объединяя их по смыслу: об изменении в жизни СССР за последние двенадцать лет; об основных особенностях проекта конституции; о буржуазной критике проекта; о назначении новой конституции. Добавил он только самое необходимое, рассказав о поправках и дополнениях к проекту, внесенных на основе всенародного обсуждения. Однако, как и на июньском пленуме, не объяснил, каким образом предусмотренные съездом поправки всего лишь по двум вопросам превратились в проект принципиально иной

конституции.

Сделал акценты Сталин в докладе на другом. Во втором (практически первом) разделе, «Изменения в жизни СССР за период с 1924 г. по 1936 г.», он охарактеризовал текущий момент как «последний период НЭПа, конец НЭПа, период полной ликвидации капитализма во всех сферах народного хозяйства». Вместе с тем повторил и собственный тезис полугодовой давности об исчезновении в Советском Союзе классического пролетариата. «Наш рабочий класс... часто называют по старой памяти пролетариатом», — сказал он и пояснил: «Наш рабочий

класс не только не лишен орудий и средств производства, а наоборот, он ими владеет со всем народом... Можно ли после этого назвать наш рабочий класс пролетариатом? Ясно, что нельзя»⁹. Делегатам давалась возможность самим прийти к логическому заключению: раз нет пролетариата, то не может быть и его диктатуры.

В следующем разделе, «Основные особенности проекта конституции», Сталин раскрыл свое понимание сложившейся в стране формации. Подчеркнул ее основу — уже возникшую, утвердившуюся, ставшую господствующей социалистическую собственность.

Пояснил — ею являются «земля, леса, фабрики, заводы и прочие орудия и средства производства». Обобщил — «проект конституции опирается на эти и подобные им устои социализма, он их отражает, он их закрепляет в законодательном порядке». Сделал тем самым реверанс в адрес левых. Однако вскоре, в пятом разделе доклада, посвященном анализу поправок и дополнений к проекту, Сталин снова вернулся к характеристике реальной формации, категорически потребовал сохранить в неприкосновенности первую статью, объявляющую Советский Союз «государством рабочих и

крестьян»¹⁰, недвусмысленно подчеркнул: ни о какой диктатуре пролетариата речи больше быть не может.

Не довольствуясь тем, Сталин еще дважды вернулся к этой, не только по его мнению, ключевой проблеме. Сначала, несомненно подыгрывая левым, он отметил, что в СССР «государственное руководство обществом (диктатура) принадлежит рабочему классу как передовому классу общества». А затем, открыто полемизируя с ними же, оценивающими проект как «сдвиг вправо», как «отказ от диктатуры пролетариата», как «ликвидацию большевистского режима»,

парадоксально объяснил новую, предлагаемую проектом конституции социальную базу как «расширение базы диктатуры рабочего класса и превращение диктатуры в более гибкую, стало быть, более мощную систему государственного руководства обществом»^{[11](#)}.

И все же о самом важном, основополагающем, фундаментальном Сталин позволил себе сказать лишь в конце пятого раздела доклада. Решительно отклонив поправку, требовавшую «запретить отправление религиозных обрядов... как не соответствующую духу нашей конституции», он

остановился на предлагаемой поправке к статье 135, которая предусматривала сохранение лишенцев. Он сказал: «Я думаю, что эта поправка также должна быть отведена. Советская власть лишила избирательных прав нетрудовые и эксплуататорские элементы не на веки вечные, а временно, до известного периода... Не пришло ли время пересмотреть этот закон? Я думаю, что пришло время». Не ограничиваясь этим, Сталин добавил крамольное, с точки зрения ортодоксов: «Говорят, что это опасно, так как: могут пролезть в верховные органы враждебные советской власти элементы, кое-кто из бывших

белогвардейцев, кулаков, попов и так далее. Но чего тут, собственно, бояться? Волков бояться — в лес не ходить. Во-первых, не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны советской власти. Во-вторых, если народ кой-где и изберет враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена плохо, а мы вполне заслужили такой позор»¹².

Сталин ни слова не сказал ни об августовском, ни о ноябрьском процессах, вообще полностью обошел тему разоблачения вредителей и диверсантов, троцкистов-зиновьевцев. Однако именно призыв к борьбе против всех

видов врагов оказался господствующим в начале прений. И весь дальнейший ход съезда отразил те настроения, которые не были заданы ни докладом Сталина, ни пропагандой. Которые и без того царили последние месяцы в умах представителей подавляющего большинства широкого руководства. И эти настроения наконец нашли выход в их речах, вряд ли подготовленных накануне выступлений. Насыщенные множеством конкретных показателей, сравнительных цифр, такие выступления готовились загодя, еще до приезда в Москву, до того, как стало возможным прочитать

о новосибирском процессе.

Подтверждает такое предположение прежде всего то, что с закрытия июньского пленума и публикации проекта новой конституции представители широкого руководства так и не высказали своего мнения об основных, принципиальных положениях проекта основного закона, пусть даже в общих, ничего не значащих словах одобрения. Промолчали.

Все это, видимо, серьезно взволновало узкое руководство и заставило его предпринять меры, которые исключили бы возможность повторения того, что произошло на

пленуме. Еще 16 ноября ПБ сформировало неофициальную, но обладающую неограниченными правами комиссию по руководству съездом: старая «пятерка» — Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Орджоникидзе, и те, кто за последние годы вошел в узкое руководство — Андреев, Жданов¹³, только те, кто твердо и последовательно поддерживал Сталина в его намерении провести широкую политическую реформу. А 20 ноября ПБ приняло решение созвать 26 ноября, то есть уже после доклада Сталина, в конце второго дня работы съезда, пленум ЦК с заведомо безусловной программой:

«1. Установление окончательного текста конституции СССР.

2. Текущие вопросы»¹⁴. Иными словами, был сознательно отсрочен пленум, который по устоявшейся традиции следовало созвать накануне открытия съезда, решив на нем загодя все принципиальные вопросы и устранив потенциальные расхождения во взглядах. Иной срок созыва неизбежно ставил членов и кандидатов в члены ЦК перед фактом уже состоявшегося, не обсужденного ими предварительно доклада Сталина. Правда, и в назначенный день пленум так и собрался, даже без объяснения причины его отсрочки и сообщения о

новой дате созыва. Случай воистину беспрецедентный.

Между тем 26 ноября открылись прения по докладу Сталина. Первым выступил П. П. Любченко — тот самый председатель украинского СНК, который на июньском пленуме открыто пытался отложить насколько возможно принятие новой конституции. Он-то и задал тон большинству последующих речей. Начав с истории революции на Украине, он рассказал о том экономическом уровне, которого достигла его республика за годы советской власти, вроде бы четко следуя в русле первого раздела доклада. Однако затем, перейдя к

оценке новой системы выборов, почему-то стал рассматривать ее с точки зрения борьбы с внутренними врагами.

«Враги нашей страны думали, а некоторые еще и сейчас думают, что введение всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, дальнейшая демократизация нашей страны должны породить расслабленность нашей воли, ослабить удар по врагам социализма внутри нашей страны — по шпионам и диверсантам...

Советский народ считает,
что именно потому, что он
монолитен, сплочен в
своих действиях, что он
ценой величайших жертв
создал свое
социалистическое
отечество, он вправе и
обязан уничтожить
всякого врага —
троцкиста, зиновьевца,
националиста,
меньшевика (выделено
мною — Ю.Ж.), который
посмеет поднять руку
против социалистического
строительства, против
испытанных, верных

руководителей... В
отношении этих врагов
народ един в своей воле —
им может быть только один
приговор — физически
уничтожить»¹⁵.

Выступавший в тот же день
председатель Западно-Сибирского
крайисполкома Ф. П. Грядинский,
помянув для начала германских
фашистов, тут же пояснил: «Самые
мерзкие убийцы, агенты фашизма —
подлые реставраторы капитализма,
диверсанты, террористы, гнусные
троцкистско-зиновьевские
последыши, также пытаются мешать
нам, убивая рабочих, как это было в

Кемерове, вредительствуя на предприятиях, на новостройках, организуя всякого рода аварии. Часть из них уже разоблачена и уничтожена. Но для того, чтобы смести их с лица советской земли, мы должны всемерно усилить революционную бдительность»¹⁶.

Любченко и Грядинскому вторили многие. Н. М. Голодед, председатель СНК БССР: «Грязные подонки националистической контрреволюции, как и подонки троцкистской контрреволюции, будут беспощадно уничтожаться и стираться с лица земли»¹⁷.

У. Рахманов, председатель СНК Азербайджанской ССР: «Как

известно, созданию Закавказской федерации бешено сопротивлялись классово-враждебные элементы — национал-уклонисты. Часть этих национал-уклонистов оказалась впоследствии в блоке с белогвардейцами, троцкистско-зиновьевскими бандитами. Надо со всей большевистской решительностью разгромить остатки контрреволюционных националистических элементов, этих подлых врагов народа»[18](#).

С. В. Косиор, 1-й секретарь ЦК КП(б)У, член ПБ ЦК ВКП (б), остановившись подробно на достижениях СССР, воспел хвалу праву на труд, благодаря которому в

стране отсутствует безработица, праву на образование, равноправию женщин и вернулся к общим рассуждениям об экономическом росте Украины. А после этого, вне какой-либо логики, заговорил о необходимости борьбы со все тем же внутренним врагом, торжественно пообещал: «Украинский народ уничтожит как троцкистско-зиновьевских выродков, так и остатки националистических предателей, ведущих свою подлую подрывную работу в качестве террористов, диверсантов, шпионов на службе у иностранных капиталистов, на службе у озверелого немецкого и польского

фашизма»¹⁹.

Даже Н. В. Крыленко, нарком юстиции (справедливости, законности!), избрал основной темой выступления не новые правовые основы, создаваемые обсуждаемым проектом конституции, а совершенно иное. Не замечая, что на дворе давно уже не 1918 г., в полном противоречии с сутью обсуждаемого основного закона, безапелляционно заявил: «Революционной диктатурой пролетариата было, есть и будет до конца наше государство, оформленное сталинской конституцией». Завершил же Крыленко выступление, бросив открытый вызов и Вышинскому, с

которым немало спорил в подкомиссии, и председателю редакционной подкомиссии Сталину: «Наше социалистическое право, социалистические законы и наши в подлинном смысле этого слова народные судьи (те самые, которые, несмотря на его сопротивление, отныне не назначались, а избирались — Ю.Ж.) будут в руках социалистического государства мощным орудием преобразования общества, мощным орудием укрепления нового общественного строя, орудием переделки сознания, в том числе и путем применения насилия»²⁰.

Словом, и эти выступавшие, и

даже те, в которых просто одной-
тремя фразами ритуально
поминались троцкисты и
зиновьевцы, классовые враги, вполне
сознательно и преднамеренно
создавали атмосферу
подозрительности, недоверия,
следующим этапом чего должна была
стать «охота на ведьм».

Использовались ради того все
доступные примеры: и широко
известные, как августовский процесс
в Москве, ноябрьский в
Новосибирске, и те, о которых, кроме
них, никто не знал. Ораторы
усиливали психологическую
напряженность, расширяя круг
врагов, включая в их число уже не

только троцкистов-зиновьевцев, но и местных, оставшихся, впрочем, безликими националистов, и даже забытых уже всеми меньшевиков и белогвардейцев. Незаметно связывали воедино принятие проекта конституции, утверждение новой избирательной системы с неизбежностью репрессий, которые называли «усилением революционной бдительности», «физическим уничтожением врагов». Тем самым исподволь в общественное сознание внедрялось представление о наличии в стране некоей «пятой колонны» — понятия только что возникшего в охваченной гражданской войной Испании.

От таких, взывавших к ужесточению борьбы с многоликим врагом речей разительно отличались выступления — трезвые, спокойные, по делу — членов группы Сталина: Молотова, Жданова, Литвинова, Вышинского. Они не повторяли других делегатов съезда или друг друга. Говорили только о своей узкой проблеме, но напрямую связанной с проектом конституции.

М. М. Литвинов сразу же подчеркнул: «Я выступаю здесь сегодня не с обзором международного положения, ибо такого пункта в порядке дня съезда не имеется, а по докладу о проекте конституции. Мы не можем

чувствовать себя особенно
польщенными, когда нам говорят в
связи с проектом конституции, что
мы возвращаемся в лоно
европейского демократизма, к
буржуазным свободам. Правильнее
будет сказать, что мы берем
выпадающее из слабых рук
дряхлеющей буржуазии зная
демократизма, зная свободы и
наполняем это понятие новым
опытом, советским содержанием». Литвинов сказал так, несомненно
имея в виду возможную критику
проекта со стороны большевиков-
ортодоксов. (Позднее именно такое
толкование новой советской
демократии на XIX съезде КПСС

повторит, чуть переиначив, Сталин в наикратчайшем выступлении за всю свою жизнь.)

Лишь затем Литвинов как бы ушел от темы, вполне сознательно обратившись к злободневным международным проблемам, о которых вроде и не собирался говорить. Счел необходимым и своевременным напомнить всем, что «наше сотрудничество с другими странами, наше участие в Лиге наций основаны на принципе мирного сосуществования двух систем». Отсюда перешел к угрозе со стороны фашизма. Наибольшую опасность, подчеркнул Литвинов, «представляет заграничная

деятельность фашизма, когда она принимает такие формы, как, например, в Испании». Он серьезно остановился на развитии событий на Пиренейском полуострове ради того, чтобы мимоходом разоблачить очередной антисоветский миф.

«Наши враги утверждают, — заметил Литвинов, — будто мы добиваемся создания на Пиренейском полуострове коммунистического советского государства, которое мы намерены даже включить в Советский Союз. В случае с Испанией мы имеем дело с первой крупной вылазкой фашизма за пределы его родины... Мы имеем дело с попыткой насильственного

насаждения в Испании извне фашистского строя... Если бы эта попытка удалась, то не было бы никаких гарантий от повторения ее в более обширном масштабе в отношении и других государств. Необходимо исходить из того, что фашизм есть не только особый внутренний режим, а что он есть в то же время подготовка агрессии, подготовка войны против других государств».

А то, что такая война не за горами, Литвинов доказал предельно просто — созданием военного блока Германии и Италии, заключением «антикоммунистического пакта» между Германией и Японией,

каждый из которых указывал на СССР как на одну из ближайших целей агрессии²¹.

Столь же предметной стала речь А. Я. Вышинского, большую часть выступления посвятившего теме резкого снижения давления государства на население страны, то есть того, к чему он имел самое прямое отношение:

«Если число осужденных в первой половине 1933 г. принять за 100, то в РСФСР в первой половине 1936 г. число осужденных будет равняться лишь 51,8%, в

БССР — 24,5%. Снижение числа осужденных мы имели и в УССР, и в закавказских, и среднеазиатских республиках. Значительное снижение показывает число осужденных по таким преступлениям, как хищение социалистической собственности, имущественные преступления разных видов, преступления, связанные с сельскохозяйственными кампаниями, число которых сократилось очень

резко... Число осужденных
по закону от 7 августа 1932
г. за хищение
общественной
социалистической
(колхозной — Ю.Ж.)
собственности сократилось
за время с первой
половины 1935 г. по первую
половину 1936 г.: в
РСФСР — в 3 раза, в
УССР — в 4 раза. Число
осужденных за
имущественные
преступления сократилось
за этот же период в РСФСР
на 17%, в УССР — на
43,5%, в БССР — на

43,1%».

Но все же А. Я. Вышинский, как прокурор СССР, при всем желании, если оно у него и было, не мог не сказать и об ином виде преступности — политической. Однако здесь он ограничился лишь общими фразами, что явно выражало его личное отношение к проблеме, даже не упомянув о московском и новосибирском процессах.

«На все гнусные попытки и вылазки врага, — заметил Вышинский, — посягающего на любимых руководителей советского государства и советского народа, советский суд отвечал и будет

отвечать беспощадным разгромом бандитских шаяк, применяя к ним, этим подлым преступникам, всю полноту и силу советского закона, всю полноту нашего закона, карающего смертью палачей свободы и счастья трудящихся масс»²².

Все в этой сложной, выпречней фразе, рассчитанной на устную речь, было строго продумано, выверено, не случайно. И упоминание как вершителя приговора только суда, действующего на основе закона. И игнорирование пришедшей из далекого прошлого «революционной бдительности» или призыва к «уничтожению врага», что весьма напоминало вердикт суда Линча.

Потому-то и возражать Вышинскому, полемизировать с ним не смог бы никто — ни противники, ни сторонники внесудебных репрессий.

Принципиально иным по содержанию оказалось выступление А. А. Жданова. Ведь ему пришлось говорить одновременно как руководителю ленинградской партийной организации и как секретарю ЦК, одному из идеологов партии. Но, главное, еще и как члену узкого руководства, обязанному немедленно скорректировать сказанное ранее другими, ненавязчиво, но весомо исправить то, что не отвечало интересам группы Сталина, но могло в

конечном итоге повлиять на общие настроения делегатов съезда и принимаемые ими решения.

Для начала Жданов успокоил тех, кто мог увидеть в проекте ревизию марксизма, декларативно заявив: «В каждой букве нового закона, в каждом слове доклада товарища Сталина воплощены силы и могущество претворенного в жизнь учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Наша конституция есть победа марксизма». Затем Жданов попытался развить и доказать эту мысль. «Нам удалось построить такое государство, государство рабочих и крестьян, в котором

рабочий класс, являясь руководящей силой нашего общества, сумел не только ликвидировать капиталистические классы, но и **выполнить до конца свою роль преобразователя общества** на социалистических началах, перевоспитывая миллионы крестьян и других трудящихся, перевоспитывая **на почве диктатуры пролетариата** (выделено мной — *Ю.Ж.*) и самих пролетариев. Это значение диктатуры пролетариата известно и понятно у нас каждому».

Не довольствуясь таким слишком общим и потому малоубедительным толкованием,

Жданов рассказал о коренных изменениях в промышленности, в сельском хозяйстве, в частности на примере Ленинградской области. Только после этого Жданов перешел к основной теме своей речи, к тому, ради чего и вышел на трибуну. Вполне логично обосновав как прогрессивность, так и необходимость введения повой избирательной системы, он подробно остановился на ее базовых принципах, не обойдя и альтернативности, хотя прямо не назвал ее. Видимо, он решил «не дразнить гусей», не провоцировать наиболее консервативную часть делегатов на открытый конфликт.

«Товарищ Сталин, — сослался на авторитет докладчика Жданов, — совершенно правильно указал на то, что всеобщее избирательное право означает усиление всей нашей работы по агитации и организации масс, ибо если мы не хотим, чтобы в советы прошли враги народа, если мы не хотим, чтобы в советы прошли люди негодные, мы, диктатура пролетариата, трудящиеся массы нашей страны, имеем в руках все необходимые рычаги агитации и организации, чтобы предотвратить возможность появления в советах врагов конституции не административными мерами, а на основе агитации и организации масс.

Это — свидетельство укрепления диктатуры пролетариата в нашей стране, которая имеет теперь возможность осуществить государственное руководство обществом мерами более гибкими, а следовательно, более сильными»²³.

Так Жданов пытался повлиять на настроение делегатов съезда, заставить их поддержать если не собственно альтернативность, то хотя бы всеобщность выборов, предоставление избирательных прав и тем, кто еще сегодня юридически был их лишен как классово враждебный элемент. При этом Жданову приходилось жонглировать термином «диктатура пролетариата»,

манипулировать им, придавая
нужное содержание. Сначала
отождествив диктатуру пролетариата
с «трудящимися массами нашей
страны». Затем, виртуозно
выхолостив суть, заявил, что
«диктатура», понимаемая всеми как
«государственная власть
пролетариата, используемая им в
целях подавления эксплуатирующих
классов и сокрушения их
сопротивления»²⁴, отказывается от
«административных мер», иными
словами — насилия.

Как ни странно, но не этот
раздел речи Жданова тут же оказался
в центре внимания печати, а другой,
заключительный, где он затронул

проблему национальной безопасности страны. Отметив рост военной угрозы со стороны фашистских государств, он перешел к оценке политики Финляндии, Эстонии, Латвии и прямо заявил:

«...Под влиянием больших авантюристов разжигаются чувства вражды к СССР и делаются приготовления для того, чтобы предоставить территорию своих стран для агрессивных действий со стороны фашистских держав... Если фашизм осмелится искать военного

счастья на северо-западных
границах Советского
Союза, то мы, поставив на
службу обороны всю
технику, которой
располагает
промышленность
Ленинграда, нанесем ему
под руководством
железного полководца
армии Страны Советов тов.
Ворошилова такой удар,
чтобы враг уже никогда не
захотел Ленинграда»^{[25](#)}.

Столь жесткий тон Жданова,
лишенный даже налета
дипломатической корректности, был

вызван очередным пограничным конфликтом — обстрелом 29 и 30 октября со стороны Финляндии советской территории. Конфликтом, следствием которого стал протест, заявленный 3 ноября временным поверенным СССР в Хельсинки А. А. Аустрином²⁶. Однако то, какие именно выводы сделал Жданов из происшедшего, заставило газеты не только Финляндии, но и Эстонии расценивать их как неприкрытую угрозу в адрес двух прибалтийских стран...

В тот же день, что и Жданов, 29 ноября, с трибуны съезда выступил Молотов. Он обратился к аудитории с речью, призванной, вне всякого

чужого труда, как и признание личной собственности граждан на их трудовые доходы и имущество, не только не противоречат господствующему положению социалистических форм хозяйства и социалистической собственности в нашей стране, но являются совершенно обязательным дополнением в данных условиях».

Да, именно так Молотов определил сущность закрепляемой конституцией социально-экономической формации — промежуточной, переходной между НЭПом и тем, что в теоретических марксистских трудах именовалось социализмом. Так он разъяснил

положение, выдвинутое Сталиным о построении в СССР «экономических основ социализма». Только их, а не самого социализма. Для тех же делегатов, кто не смог бы сразу уразуметь сказанное, он добавил: «Конституция закрепляет социалистическую основу в экономике и общественном устройстве нашего государства»²⁷.

Но опять же, как и Сталин, как сам два года назад, Молотов использовал характеристику сдвигов в экономике, в общественных отношениях для обоснования того, ради чего и была замыслена новая конституция. Напомнив о главных положениях предлагаемой

избирательной системы, объяснил: она «снимает вопрос о лишенцах, так как все граждане без исключения получают право выбрать и быть выбранными в советы»; «отменяет имевшиеся у нас для рабочих преимущества перед крестьянами при выборах в советы»; «заменяет существовавшие до сих пор многоступенчатые выборы средних и высших органов советской власти прямыми выборами»; «вместо открытых выборов для обеспечения большей свободы голосования вводятся тайные выборы в советы». Не ограничившись этим, как Жданов, прямо признал, что партия при выборах отказывается от монополии:

«Кандидатов в советы наряду с организациями большевистской партии будут выставлять также многочисленные у нас беспартийные организации»²⁸.

И почти сразу же Молотов раскрыл истинную причину появления последнего, наиболее значительного положения избирательной системы, разъяснил его столь же откровенно, как это сделал Сталин в интервью, данном Рою Говарду.

«Новая система

послужит дальнейшему
оживлению как выборов в
советы, так и всей работы
советов. Эта система не
может не встряхнуть
слабых, плетущихся в
хвосте событий
организаций и не может не
ударить по
бюрократившимся, по
оторвавшимся от масс. С
другой стороны, эта
система облегчает
выдвижение новых сил из
передовых рабочих, из
крестьян и интеллигентов,
которые должны прийти на
смену отсталым или

обюрократившимся
элементам».

Как и Сталин в докладе, не менее прямо Молотов заявил и о возможности того, что при такой системе выборов избранными могут оказаться те, кого считают «врагами»: «При новом порядке выборов не исключается возможность выборов кого-либо и из враждебных элементов, если там или тут будет плоха наша агитация и пропаганда. Но и эта опасность в конце концов должна послужить на пользу дела, поскольку она будет подхлестывать нуждающиеся в этом организации и заснувших

работников»^{[29](#)}.

Как Сталин и Жданов, глава советского правительства открыто заявил, что избрание «враждебных» депутатов явится следствием плохой работы партийных организаций, особенно в области агитации и пропаганды. Но если оказавшийся более осторожным Жданов при этом отметил лишь то, что «административные», иными словами — репрессивные меры не будут применяться в подобных случаях, то Молотов позволил себе сказать большее, отметив положительную сторону появления «враждебных» кандидатов и депутатов. Да еще и пояснил, что

именно такая система приведет к необходимому обновлению власти за счет прилива «новых сил», которые сменят «отсталых», «обюрократившихся» чиновников. Ну а это широкое руководство уже должно было рассматривать как неприкрытую угрозу в свой адрес, как явное и твердое намерение группы Сталина отрешить большинство их от власти.

Содержались в речи Молотова и иные новации, опрокидывавшие многие прежние представления. Так, детально раскрывая содержание 6-й статьи проекта конституции, он подчеркнул — она характеризует самое главное в советском строе.

Пояснил: земля, недра, воды, леса, промышленные и сельскохозяйственные предприятия, транспорт, банки, средства связи, жилой фонд являются «государственной» или «общенародной» собственностью, а не «социалистической», как назвал ее Сталин. Интернационализм он предложил понимать не как международную классовую солидарность трудящихся, а как реальное воплощение новых, исключительно дружеских отношений народов, населяющих Советский Союз³⁰.

Далеко не случайно не обошел Молотов и проблему борьбы с

бывшими оппозиционерами. Но сделал это не так, как Любченко и Грядинский, Крыленко и Голодед. Он отметил: «Врагами партии Ленина — Сталина являются сейчас те, кто хотят реставрации капитализма и возвращения власти буржуазии и потому ненавидят всей душой новую конституцию СССР»³¹. Однако после столь бесспорного вывода, в полном соответствии с существовавшими пропагандистскими установками, Молотов причислил к таким врагам Троцкого и его сторонников, которые оставались непоколебимыми коммунистами и революционерами, но критиковали и группу Сталина, и

новую конституцию СССР за скатывание в ревизионизм, закрепление его в виде основного закона, ликвидирующего главное, по их мнению, завоевание Октября — диктатуру пролетариата.

«В волчьей стае врагов коммунизма, — продолжал Вячеслав Михайлович, — не последнее место занимают теперь господа троцкисты, у которых одни цели с буржуазией. Нам понятны злоба и беспринципность этих на все готовых буржуазных перерожденцев (троцкистов — Ю.Ж.), ненавидящих нашу партию и всех честных строителей социализма с яростью, достойной ренегатов. Известно, что у

них есть подпевалы и пособники также из правых отщепенцев. Что же? Мы знаем, как поступить с отбросами революции...»³² О том, кто такие правые, знали практически все делегаты съезда, собравшиеся в Свердловском зале Кремля.

Прения завершились 1 декабря. Завершились, показав, что среди делегатов съезда, помимо инертного большинства, имеются две небольшие, но весьма активные группы. Первая из них, представленная членами широкого руководства, демонстративно уходила от обсуждения самого существенного — новой избирательной системы, но зато

нагнетала атмосферу вражды к классовым врагам, объединяя под таким названием не только бывших оппозиционеров, но и своих, местных националистов, требовала применять по отношению к ним репрессии. А вторая группа — сторонники сталинских политических реформ — настойчиво стремилась добиться безоговорочного принятия проекта новой конституции ради скорейшего воплощения ее основных принципов в жизнь.

Такое положение и вынудило фактических руководителей съезда, группу Сталина, предпринять своеобразный обходной маневр,

ИСКЛЮЧИТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ НЕ ТОЛЬКО
ОТКЛОНЕНИЯ КАКИХ-ЛИБО СТАТЕЙ
ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ, НО ДАЖЕ И
ПРОСТО ПРОДОЛЖЕНИЯ ПРЕНИЙ. ПО
ПРЕДЛОЖЕНИЮ ПРЕЗИДИУМА СЪЕЗД 1
ДЕКАБРЯ РЕШИЛ СВЕРНУТЬ ОКАЗАВШУЮСЯ
БЕССОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ДИСКУССИЮ И
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ
ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ТЕКСТА ОСНОВНОГО
ЗАКОНА ПЕРЕНЕСТИ В МАЛОЧИСЛЕННУЮ,
А ПОТОМУ И БОЛЕЕ УПРАВЛЯЕМУЮ
ГРУППУ ДЕЛЕГАТОВ:

«Заслушав и обсудив
доклад председателя
конституционной
комиссии ЦИК Союза ССР
товарища И. В. Сталина о

проекте конституции
Союза ССР, чрезвычайный
VIII съезд Советов Союза
ССР постановляет:

1. Представленный
конституционной
комиссией ЦИК СССР
проект конституции СССР
одобрить и принять за
основу.

2. Для рассмотрения
внесенных поправок и
дополнений и
установления
окончательного текста
конституции Союза ССР
образовать редакционную
комиссию в составе 220

человек.

3. Поручить редакционной комиссии в трехдневный срок представить на рассмотрение съезда окончательный текст конституции, учтя при этом как результаты всенародного обсуждения проекта конституции, так и обсуждение на самом съезде»³³.

Таким образом группе Сталина вновь удалось избежать обсуждения проекта на все еще так и не созванном пленуме ЦК. Более того,

благодаря тщательному подбору членов редакционной комиссии, состав которой не обсуждали, а просто автоматически одобрили, представительство в ней широкого руководства было сведено к минимуму. Численность работников партийного, советского и профсоюзного аппаратов в редакционной комиссии составила 86 человек, или около 40%, а членов и кандидатов в члены ЦК — 64 человека, то есть около 30%. Трудно усомниться, что именно это и обусловило чисто рабочий ход заседания редкомиссии, которое состоялось 3 декабря.

Нельзя исключить и того, что

полного единодушия при
утверждении редакционной
комиссией проекта окончательного
текста конституции³⁴ удалось
достигнуть еще накануне, на встрече
в Кремле у Сталина, продолжавшейся
четыре часа. В пользу такого
предположения говорит состав
приглашенных, число которых
оказалось чуть ли не рекордным —
25 человек. Прежде всего среди них
были все члены ПБ и трое из пяти
кандидатов в члены ПБ — Жданов,
Петровский, Эйхе. Помимо них
присутствовали на этом совещании
члены сталинской группы —
Вышинский, Литвинов, Стецкий,
Таль, Яковлев; секретарь ЦИК СССР

Акулов; члены широкого руководства — Берия, Гикало, Голодед, Икрамов, Крыленко, Любченко, Сулимов, Хрущев, трое из которых своими речами показали, что они находятся в рядах неявной оппозиции. Немаловажным является и то, что 22 участника совещания у Сталина входили в редакционную комиссию, а еще двое — Калинин и Акулов — были связаны с ее работой по должности^{[35](#)}.

5 декабря съезд возобновил свою работу, но лишь для того, чтобы единогласно одобрить проект конституции, предложенный группой Сталина, без каких-либо серьезных корректив. Постановление съезда

оказалось предельно кратким: «Проект конституции (основного закона) Союза Советских Социалистических Республик в редакции, представленной редакционной комиссией съезда, утвердить»³⁶.

Казалось, группа Сталина одержала полную победу. Хотя и с опозданием, все же добилась утверждения своего проекта конституции, которая и должна была стать правовой основой политических реформ. Однако главная цель — прежде всего смена широкого руководства за счет «новых сил», на основе скорейших альтернативных выборов — осталась

не только недостигнутой, но и по-прежнему весьма отдаленной, отложенной на неопределенный срок. Второе постановление съезда гласило: поручить ЦИК СССР «на основе новой конституции разработать и утвердить положение о выборах, а также установить сроки выборов Верховного Совета Союза ССР»^{[37](#)}.

Глава тринадцатая

Узкое руководство воспользовалось одной из двух однодневных пауз, возникших в ходе работы VIII Всесоюзного съезда Советов, и 4 декабря в 16 часов все же созвало в Свердловском зале Кремля пленум ЦК, о котором известило лишь накануне. Тот самый пленум, который оно намеревалось провести еще 26 ноября, но так и не сделало этого, явно выжидая, когда же редакционная комиссия съезда одобрит окончательный текст конституции. Сложившаяся ситуация была использована для того, чтобы

свести обсуждение по намеченному изначально первому пункту повестки дня к простой формальности.

«Молотов: По первому вопросу слово имеет товарищ Сталин.

Сталин: Все читали проект конституции?

Молотов: Все присутствовали на вчерашнем заседании комиссии, значит, можно проект не зачитывать. Есть ли какие-либо замечания?»¹

Замечания нашлись лишь у

троих из 123 участников пленума: у Г. Н. Каминского — недавно утвержденного наркомом здравоохранения СССР, И. П. Жукова, незадолго перед тем освобожденного от должности замнаркома связи СССР и утвержденного наркомом местной промышленности РСФСР, и у И. С. Уншлихта — секретаря отныне существующего только номинально Совета Союза ЦИК СССР. Судя по их предложениям, они, скорее всего, пытались имитировать заинтересованность и активность, демонстрируя одновременно полное непонимание того, чем является конституция как юридический документ.

После такого более чем странного обсуждения наиважнейшего для жизни страны документа председательствовавший на пленуме Молотов предложил проголосовать за утверждение окончательного текста конституции. Конечно, еще по-старому, по-советски, простым поднятием руки. Все участники пленума единогласно поддержали так и не обсужденный ими всерьез текст, хотя это и не имело уже никакого значения².

Первый вопрос повестки дня занял всего десять минут. Затем Молотов предоставил слово Ежову для доклада по второму вопросу — «О троцкистских и правых

антисоветских организациях», который внесли на рассмотрение пленума в момент его открытия.

Этот доклад стал для Ежова дебютным в новой роли наркома внутренних дел. Отсюда, скорее всего, порожденная волнением косноязычность при выступлении, композиционная рыхлость, повторы, путаница при указании фамилий и должностей. Но вполне возможно, огрехи доклада были порождены тем, что на его подготовку у Ежова оказалось слишком мало времени.

Начал выступление Николай Иванович с убийства Кирова. И не только потому, что мотивом столь неоспоримого преступления

слишком легко можно было считать политический теракт, но и из-за того, что материалы по этому делу он знал превосходно, ибо знакомился с ними по ходу следствия как председатель КПК, а позже положил именно их в основу своей рукописи в 230 машинописных страниц «От фракционности к открытой контрреволюции».

Наиболее примечательным для начала доклада оказалось неожиданное признание наркома. В полном противоречии и с решением суда в январе 1935 г. по делу Зиновьева и Каменева, и с пропагандистскими материалами Ежов заявил:

«Доказательств
прямого участия Зиновьева,
Каменева, Троцкого в
организации этого
убийства следствию добыть
не удалось... Равно не было
доказано и то, что в
убийстве Кирова
принимали участие
троцкисты»³.

Поворот, по мнению Ежова, в
разоблачении «контрреволюционной
деятельности троцкистско-
зиновьевского блока» наступил
только в ходе августовского процесса.
Лишь тогда следствию якобы удалось
установить и само образование в

конце 1932 г. «зиновьевско-троцкистского блока на условиях террора», и то, что этим блоком «намечалось убийство основных руководителей нашей партии и правительства». Для того-то и возникла связь между блоком и «белогвардейскими элементами у нас в Союзе» и с «иностранный разведкой, в частности, с гестапо». Кроме того, Ежов вменил в вину бывшим оппозиционерам еще и то, что «троцкисты через своих сторонников, работающих в различного рода хозяйственных и советских учреждениях, воровали государственные средства»⁴.

Так Ежову удалось выполнить

указание недавней «Директивы», обвинявшей в преступной деятельности не только троцкистов, но и зиновьевцев, связав их неким «блоком». Удалось ему и очертить круг тех преступлений, в которых отныне следовало обвинять всех без исключения сторонников различных оппозиций. Кроме того, отметил нарком и еще одну особенность, с его точки зрения обозначившуюся уже после августовского процесса. Оказывается, арестованные за последние три месяца троцкисты ранее не вызывали никаких «прямых подозрений в том, что они могут вести... контрреволюционную работу»⁵.

Наибольшее внимание в докладе Ежов уделил структуре и конкретной деятельности разоблаченного НКВД «блока». Его, оказывается, возглавляли Пятаков, Сокольников, Радек и Серебряков, что явствовало из их собственных и Зиновьева «признаний». Назывался он «запасным центром» и руководил вредительством и террором по всей стране. Именно ему подчинялись все региональные группы в Западной Сибири, Азово-Черноморском крае, на Урале и другие⁶.

Ежов не мудрствовал лукаво, а точно следовал «Директиве», устанавливая «руководителей» преступных групп, объявляя ими тех,

кто в прошлом являлся видным деятелем той или иной оппозиции и потому был в свое время выслан в провинцию, где и работал многие годы. Например, Коцюбинского, Белобородова, Муратова. Затем нарком прибег к иному, чисто формальному приему. Связал бывших оппозиционеров, занимавших большие посты в промышленности и на транспорте и «разоблаченных» в последние месяцы, с теми, кто им подчинялся напрямую или работал вместе с ними.

Именно так в докладе возникли «преступные цепочки», связавшие, например, тех, кто последовательно возглавлял Главхимпром НКТП —

М. П. Томского, Г. Л. Пятакова, С. А. Ратайчака, с руководителями химических предприятий: Я. Н. Дробнисом — директором Кемеровского химкомбинатстроя, Б. О. Норкиным — директором Кемеровского химкомбината, Таммом — директором Горловского химического завода. Еще одну подобную «цепочку» протянул Ежов от Ратайчака через начальника отдела азотной промышленности Г. Е. Пушина к руководителям предприятий этой отрасли, в том числе к директору Горловского азотно-тукового комбината Уланову. Аналогичным образом НКВД и его глава поступили с

железнодорожниками. Создали из них еще одну «преступную группу», включавшую заместителя наркома путей сообщения Я. А. Лившица, подчиненных ему начальников ряда железных дорог — Князева, Буянского, Шемергорна и других⁷.

Подобная система «выявления врагов» могла действовать достаточно долго и безотказно, обеспечивая работой следственные органы НКВД. Но для того чтобы придать достоверность подготовке политических терактов, приходилось использовать явно надуманные, никогда не существовавшие в действительности «заговоры». Такие, как «дело Моснарпита», по которому

его директора Столповского и нескольких поваров и официантов осудили якобы за намерение отравить членов правительства, если бы те появились в каком-либо московском ресторане на официальном банкете⁸.

Привел в своем докладе Ежов и количественные данные о репрессиях, которые вряд ли были занижены. За три месяца, с сентября по ноябрь, на Украине арестовали свыше 400 человек, в Ленинградской области — свыше 400, в Грузии — свыше 300, в Азово-Черноморском крае — свыше 200, в Западно-Сибирском — 120, в Свердловской области — свыше 100⁹. По этим

далеко не полным, отрывочным данным можно с большой долей уверенности предположить, что поначалу политическим репрессиям в целом по стране подверглось от 4 до 6 тыс. человек, во много раз больше, нежели предлагал Сталин на июньском пленуме — исключить из партии всего лишь 600 троцкистов и зиновьевцев. Но несравненно меньше числа тех, кто, по словам Троцкого, находился тогда в оппозиции узкому руководству — 20–30 тысяч человек^{[10](#)}. А ведь Ежов вполне мог опереться на последнюю величину и подгонять именно под нее свои умозрительные «контрольные цифры».

И все же наиболее значимым в докладе следует считать не установление численности «врагов», не слишком пространно и подробно излагавшиеся их «преступления» — вредительство, подготовка терактов, даже шпионаж, а иное. Дважды по ходу выступления Ежов подчеркнул, что троцкисты и зиновьевцы «активизировали свою работу в 1935–1936 гг., вернее — в начале 1936 г.»^{[11](#)}. Определение именно такой даты пика противостояния наиболее активной части партии и узкого руководства, подчеркивание ее как наиболее серьезного и опасного периода должно было быть понято участниками пленума однозначно.

Слова Ежова прямо указывали на время завершения работы над проектом новой конституции и публикации интервью Сталина с первым упоминанием альтернативности предстоящих выборов.

Заслуживают самого пристального внимания и еще две важные детали. Во-первых, Ежов, хотя и довольно неуклюже, попытался сделать несколько подзабытую «платформу Рютина» программой всего нового «блока», объединявшего, по его словам, троцкистов и зиновьевцев с «правыми»^{[12](#)}. Тем самым объединить всех их не только общими

оппозиционными настроениями, но и как бы неоспоримым стремлением отрешить от власти группу Сталина как изменившую духу пролетарской революции. Правда, Ежов лишь обозначил эту тему, так и не развив ее. Видимо, счел, что содержание «платформы» известно участникам пленума достаточно хорошо, а потому и не следует лишний раз пропагандировать ее, даже в форме «доказательства» преступных намерений.

Не менее примечательным для доклада оказался и другой раздел его, названный «О троцкистах и правых антисоветских организациях», содержащий данные, полученные

следствием, исключительно по отношению к троцкистам или тем, кого обоснованно или необоснованно к ним причислили. Почти два часа Ежов обличал Пятакова, Сокольникова, Радека, Серебрякова, Сосновского и других менее известных тогда левых, но привел в качестве единственного доказательства обвинений результаты очной ставки Бухарина и Рыкова с Сокольниковым, которую провел он сам вместе с Кагановичем^{[13](#)}.

Резюмируя существо доклада, Ежов вновь свернул на изъезженную колею. Он сказал:

«Я хочу напомнить вам

об известном, важнейшем
решении ЦК нашей партии
об отношении ко всей этой
троцкистско-зиновьевской
контрреволюционной
сволочи... Мне кажется,
что эта „Директива“ имеет
прямое отношение ко всем
партийным организациям,
ко всем членам партии...
Что касается работы ЧК,
товарищи, то я могу только
уверить, что эта
„Директива“ ЦК партии,
написанная и
продиктованная товарищем
Сталиным, будет
выполнена. До конца

раскорчем всю эту
троцкистско-зиновьевскую
грязь и уничтожим их
физически»^{[14](#)}.

А далее в работе пленума произошло нечто весьма странное. Молотов предоставил слово члену ЦК Бухарину, которого несколько часов назад Ежов обвинил, хотя и голословно, в причастности к антисоветской террористической организации, поставившей своей целью уничтожение руководителей партии и государства. Бухарин вышел на трибуну для того, чтобы оправдаться, отмести от себя подозрения, однако начал он

выступление с полной и безоговорочной поддержки Ежова в осуждении Зиновьева, троцкистов, с восхваления работы НКВД.

«Я знаю, что говорить сейчас особенно тяжело, потому что, по сути дела, действительно необходимо, чтобы сейчас все члены партии, снизу доверху, преисполнились бдительностью и помогли соответствующим органам до конца истребить вот ту сволочь, которая занимается вредительскими актами и

всем прочим. Совершенно естественно, и из этого нужно исходить, что это есть основная директива, основное, что стоит перед партией».

Даже завершая выступление, Бухарин не смог отказаться от того, чтобы лишний раз не обрушить свой «праведный гнев» на троцкистов, да еще и сравнив их с фашистами:

«Сейчас основное самое с точки зрения общепартийной нужно понять, что получилась разветвленная сугубо

конспиративная
террористическая
партийная организация с
большим конспиративным
навыком и с новыми
приемами борьбы, которые
расставили все свои
силы... Я абсолютно, на
сто процентов, считаю
правильным и
необходимым уничтожить
всех этих троцкистов и
диверсантов, их
вскрывать»¹⁵.

Разумеется, основную часть
выступления Бухарин посвятил
самооправданию, не менее

голословному, нежели предъявленные в его адрес обвинения. При этом он явно вынужденно должен был признавать, и неоднократно, свою активную роль в правой оппозиции:

«Я никогда не отрицал, что в 1928–1929 гг. я вел оппозиционную борьбу против партии... Я в 1928–1929 гг. нагрешил очень против партии. Это я знаю. Хвосты эти тянутся до сих пор. Часть людей, которые тогда шли со мной (Бухарин подразумевал здесь членов Т.Н.

бухаринской школы —
Марецкого и других. —
Ю.Ж.) эволюционировали
бог знает куда. Я этого не
знаю, но я этого
теоретически не
исключаю... Ну я
действительно в 1928–1929
гг. против партии грешил,
когда я сделал свое
заявление. Последнее из
моих заявлений было
заявление по поводу
„организованного
капитализма“ зимой 1930
г.»[16](#).

Заодно чистосердечно поведал

Бухарин и о том, что дважды пытался защитить Радека — до и после его ареста обращаясь с письмами к Сталину¹⁷.

Признавая, но лишь в далеком прошлом, и свое участие в оппозиции, и резкую критику курса, проводимого сталинской группой, и даже организацию, но опять же семь лет назад, совещания части членов ЦК у себя на квартире, Бухарин не забывал о своей защите. Однако практически единственным аргументом собственной невиновности он выдвигал результат очной ставки с Сокольниковым — публикацию во всех центральных газетах заявления Прокуратуры СССР

о том, что «следствием не установлено юридических данных для привлечения Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова к судебной ответственности». Упорно настаивал на том, что тем самым с него уже сняты все возможные обвинения и подозрения.

Наконец, как последнее, наиболее весомое подтверждение своей полной непричастности и к уже осужденным, и только арестованным, но не представшим еще перед судом, объявил, что никогда не стремился к власти.

«Бухарин: Неужели вы думаете, что я могу

иметь что-нибудь общее с диверсантами, с этими вредителями, с этими мерзавцами после тридцати лет моей жизни в партии и после всего? Ведь это просто сумасшествие.

Молотов: Каменев и Зиновьев тоже всю жизнь были в партии.

Бухарин: Каменев и Зиновьев хотели власти, они шли к власти. Я ужасно стремился к власти? Что вы, товарищи!»[18](#).

Завершил же Бухарин выступление слишком нарочитым

признанием в любви, иными словами — в личной преданности Сталину:

«Я всегда, до самой последней минуты своей жизни всегда буду стоять за нашу партию, за наше руководство, за Сталина. Я не говорю, что я страшно любил Сталина в 1928 г. А сейчас я говорю: люблю всей душой!»^{[19](#)}.

Так же, как Бухарин, выстроил свою защиту и получивший слово Рыков. Полностью и безоговорочно солидаризировался со всеми

обвинениями в адрес не только троцкистов, но даже и Томского. Себя же пытался обелить, опять же ссылаясь на заявление прокуратуры. И потому настойчиво взывал к пленуму, просил о проведении еще одного, объективного и справедливого расследования.

«Мы живем в такой период, когда двурушничество и обман партии достигли таких размеров и приняли настолько изощренный, патологический характер, что, конечно, было бы совершенно странно, чтобы

мне или Бухарину верили на слово. Если нужно каждое обвинение, кем бы оно ни выдвигалось против нас, против меня, чтобы оно было проверено до конца и с полной тщательностью, чтобы на основе этой проверки было бы установлено, прав ли, допустим, я, который утверждает, что все обвинения против меня с начала до конца являются ложью, то надо разобраться. Я утверждаю, что все обвинения против меня с начала до конца —

Надеясь продемонстрировать полную лояльность партии и ЦК, Рыков приоткрыл любопытную подробность своей очной ставки с Сокольниковым. Оказалось, последний признался в том, что «они», то есть руководители «троцкистско-зиновьевского блока», «решили убить целый ряд наших людей в Ленинграде», а потом, используя такую акцию как предлог, поднять войска «для спасения революции». Не стал Рыков и отвергать те показания, согласно которым его намечали в правительство СССР после

отстранения группы Сталина от власти. Объяснил это как «расплату за мою вопиющую ошибку, за участие в правом уклоне»²¹.

Малоубедительные объяснения Бухарина и Рыкова, в которых явно звучала какая-то фальшивая нота, не вызвали к ним доверия или хотя бы желания объективно разобраться в далеко не новых обвинениях правых. Первым же взявший слово в прениях Р. И. Эйхе продемонстрировал воинственную нетерпимость и неприкрытую кровожадность.

«Факты, вскрытые следствием, — гневно восклицал он, — обнаружили звериное лицо троцкистов перед всем миром...

Старые буржуазные специалисты, организующие свои вредительские организации, ненавидящие рабочий класс, не шли на такие подлые факты, на такие подлые преступления, на которые шли троцкисты, на которые троцкисты толкали вредителей, — факты, которые мы вскрыли в Кемерове... Да какого черта, товарищи, отправлять таких людей в ссылку? Их нужно расстреливать! Товарищ Сталин, мы поступаем слишком мягко!» А когда он перешел к оценке поведения Бухарина, то выразился предельно кратко: «Бухарин нам правды не говорил. Я скажу резче — Бухарин врет нам!»²².

Ту же позицию нетерпимости занял и С. В. Косиор, предложив пленуму свою отнюдь не оригинальную оценку ситуации:

«У нас очень большой опыт сейчас имеется с разоблачением троцкистов, причем за это время мы разоблачили, к сожалению очень поздно, сотни самых отчаяннейших, самых злобных людей, части из которой мы очень много верили... разве мы не имеем перед собой заявления, что оппозиционные группы во

главе с Троцким,
Зиновьевым, с правыми,
решили произвести
последнюю попытку на
советскую власть, на
сталинское руководство.
Они, как мы видим,
просчитались»²³.

Вышедший на трибуну первый секретарь Донецкого обкома С. А. Саркисов попытался использовать представившуюся возможность не столько для очередных филиппик, сколько для самооправдания — на всякий случай.

«Я, как вам всем известно, — признался он в своих прошлых

грехах, — бывший оппозиционер... хотя я десять лет тому назад раз и навсегда порвал с этой сволочью». А затем поведал, как же именно он борется с врагами: «Областной комитет партии и лично я, об этом знает ЦК КП(б)У, разоблачили много троцкистов... Меньше всего я произносил слов на всяких собраниях, потому что я считал, что нужно делать. А что значит показать делом? Показать делом, это значит бывшему оппозиционеру разоблачать троцкистов... Я всегда систематически, последовательно изгонял людей с оппозиционным прошлым, особенно с партийной работы».

Завершая же выступление, он внезапно бросил в адрес Бухарина самое страшное из всех возможных обвинений, разумеется, абсолютно бездоказательное: «Бухарин... вместе с левыми эсерами хотел арестовать Ленина». И первым на пленуме предложил судить Бухарина и Рыкова²⁴.

Такого рода выступления членов широкого руководства — как и несколькими днями ранее на съезде — свидетельствовали об очень многом. О том, что им крайне необходим образ врага, прежде всего, чтобы таким образом самоопределиться как социальной группе. Свидетельствовали и о том,

что они уже пытаются списать все свои собственные недостатки, ошибки, просчеты на происки врагов, коими избрали троцкистов. Наконец, и о том, что все они стремятся прочно связать себя, свою замкнутую социальную группу, со Сталиным, не только избежать тем самым уже обозначившегося разрыва с ним, но и во что бы то ни стало поставить его в полную зависимость от себя и своих групповых интересов. А для этого обязательно связать себя со Сталиным нерасторжимыми узами крови, которую предстояло пролить. Более того, все подобные выступления, в том числе Бухарина и Рыкова, свидетельствовали и о

готовности всех их признать врагами
кого угодно, только не себя.

Разительно отличались от
подобных речей выступления
представителей сталинской группы.
Так, взявший слово Каганович
пытался устоять на твердой почве
того, что он понимал под фактами.
Использовал известные пока
немногим данные ходы следствия для
того, чтобы подтвердить лишь
одно — несомненно
существовавшую связь правых с
Зиновьевым, Каменевым, а в более
отдаленные годы и с Троцким, даже
Шляпниковым, хотя все это было
прежде вполне естественно, даже
закономерно и не несло ничего

криминального. Кроме того, Каганович постарался объяснить только внешнее, формальное, с его точки зрения, противоречие между содержанием сообщения Прокуратуры СССР и обвинениями, которые на пленуме предъявили Бухарину и Рыкову. Подчеркнул, что в обращении речь шла о чисто юридических основаниях прекращения дела, теперь же речь идет о другом — об основаниях исключительно политических²⁵.

Очень четкую, тщательно выверенную позицию занял Молотов, выступивший сразу после Эйхе и попытавшийся, как и на съезде, перевести обсуждение в более

спокойное русло, обстоятельно обосновал свой взгляд фактами, всячески избегая эмоций. Он подчеркнул необходимость именно такого подхода к решению обсуждаемого вопроса буквально с первых же слов: «Товарищи, из всего того, что здесь говорили Бухарин и Рыков, по-моему, правильно только одно: надо дело расследовать, и самым внимательным образом». Избегая ставших чуть ли не обязательными инсинуаций, Молотов ни в чем конкретно ни Бухарина, ни Рыкова не обвинил. Он говорил об ином. О том, почему сразу же после показаний Зиновьева на суде узкое руководство не поспешило с

арестами или безапелляционным осуждением их. «Почему мы должны были слушать обвинение на процессе в августе месяце и еще оставлять Бухарина в редакции „Известий“, а Рыкова в наркомсвязи? Не хотелось запачкать членов нашего Центрального комитета, вчерашних товарищей. Только бы их не запачкать, только бы было поменьше обвиняемых». Он попытался подтвердить такую линию узкого руководства, предельно мягкую, еще одним примером, уже двухлетней давности. «Вы, товарищи, знаете, что по убийству Кирова все нити объективно политически (выделено мной — Ю.Ж.) были у нас

в руках. Показывали, что Зиновьев и Каменев вели это дело. А мы, проводя процесс один за другим, не решались их обвинить. Мы обвиняли их в том, в чем они сами признались, — в том, что они объективно, их разговоры и группировки создавали настроения, которые не могли не повести к этому делу. Вот как мы подошли. Мы были сверхосторожны — только бы поменьше было людей, причастных к этому террору, диверсии и так далее».

Молотову пришлось объяснять и другое — ставшее на пленуме притчей во языцех сообщение Прокуратуры СССР. «Когда мы это

опубликовали, — сказал он, обращаясь непосредственно к Бухарину и Рыкову, — приняв решение ЦК о том, что нет юридических оснований, мы только подчеркнули, что политически вам не доверяем. Я голосовал за это решение, но политически не доверял... А теперь вы изображаете дело так: вы видите — вы оправдали. Очной ставки не было. Теперь Каменева нет, Томского нет, а те аргументы, которые были, они не дали вам должных юридических оснований. Но к сожалению, есть новые факты, более убийственные, пачкающие людей. Но давайте проверять это дело объективно. Еще

и еще раз будем к каждому возражению Рыкова и Бухарина прислушиваться».

И все же Молотов не удержался и сам поспешил со скоропалительными выводами. Правда, как и Каганович — исходя из материалов, предоставленных НКВД. Упомянул об аресте председателя ЦК профсоюза работников искусств Ю. М. Славинского, из-за его приятельских отношений с Томским не только объявленного правым, но и обвиненного в создании террористической группы. Прочитировал показания секретаря Замоскворецкого райкома Москвы Куликова, утверждавшего, что правые

якобы установили в 1932 г. прямой «политический контакт» с Зиновьевым и Каменевым и тогда же Бухарин, Рыков, Шмидт и Угланов обсуждали «платформу Рютина». Правда, Молотов тут же сделал важную по смыслу оговорку: «Я считаю, что Куликову можно верить не больше, чем другим арестованным в этом деле»^{[26](#)}.

В начале одиннадцатого вечера заседание пленума, продолжавшееся более шести часов, прервали, перенесли на 7 декабря. Но о том, что произошло в тот день, нам практически ничего не известно, ибо выступление Сталина по докладу Ежова — по делу Бухарина и

Рыкова — до сих пор остается недоступным для исследователей. Единственным, что позволяет, но в предельно обобщенном виде, судить о том, что же сказал тогда Сталин, является резолюция по второму пункту повестки дня.

«Принять предложение т. Сталина считать вопрос о Рыкове и Бухарине незаконченным. Продолжить дальнейшую проверку и отложить дело решением до следующего пленума ЦК».

Кроме того, опять же по

предложению Сталина, о пленуме
решили не сообщать в газетах²⁷.
(Этот запрет сохранялся на
протяжении последующих 50 лет, и
потому не только содержание
доклада и выступлений на нем, но и
сам факт проведения его оказался
государственной тайной!)

Столь неожиданный финал
лишний раз подтверждал
несомненную неподготовленность
узкого руководства, чистую
импровизацию как с докладом Ежова
в целом, так и с «делом правых» в
частности. Демонстрировал попытку
созвать общий пленум, исключив
серьезное обсуждение
конституционного вопроса,

заполнить повестку дня первой же проблемой, показавшейся наиболее подходящей. А ею и стал доклад Ежова, путаный, двусмысленный. Ведь, с одной стороны, нарком заявил о разгроме троцкистов, о том, что Бухарин, Рыков, Шмидт, Угланов являются всего лишь «остатками правой контрреволюционной организации», но с другой — бросил многозначительную фразу: «у нас еще имеется очень и очень много не вскрытых дел, и нам еще придется их вскрывать»^{[28](#)}.

И последнее обещание наркома внутренних дел, и то, что резолюция по делу правых была отложена на неопределенный срок, должны были

стать для широкого руководства дамокловым мечом. Ведь до созыва следующего пленума, дату которого так и не назвали, могло произойти что угодно. НКВД, как и обещал, мог раскрыть любое количество каких угодно и самых непредсказуемых по составу обвиняемых «дел». Отнести к врагам партии, страны, народа любого, исходя всего лишь из его бывлой принадлежности к какой-либо оппозиции либо деловых либо просто дружеских отношений с кем-либо из бывших оппозиционеров. Но НКВД мог и не вскрыть новые дела, не найти для них необходимых юридических оснований.

Неподготовленность пленума и

доклада Ежова продемонстрировала и дискуссия по поводу сообщения Прокуратуры СССР, мгновенно переросшая в прямое препирательство, что лишний раз подтверждало нежелание узкого руководства открыто обвинить правых и в ближайшее время сделать их жертвами очередного процесса. Подтверждало сохранявшееся пока стремление удержаться на возможно мягкой позиции.

Группа Сталина все еще отказывалась принять те правила игры, которые ей навязывало широкое руководство. Она попыталась продемонстрировать свою силу, возможность достигать

намеченных целей, не прибегая к репрессивным мерам. И для того использовала весьма надежный, не раз испытанный инструмент — отдел руководящих партийных органов, где еще 4 февраля 1936 г. Ежова на посту заведующего сменил его первый заместитель Г. М. Маленков. Он-то и провел сложные кадровые перестановки на уровне руководства обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий. Исходя, скорее всего, из выявленного отношения к конституционной реформе, без какой бы то ни было мотивации были переведены из одного региона в другой, тем самым с повышением или понижением в

реальных полномочиях, шестеро секретарей²⁹.

Но именно тогда, в январе 1937 г., четко обозначилась и иная тенденция: перевод первых секретарей с обвинением в различных прегрешениях. Первым из них, за «неудовлетворительное политическое руководство крайкомом», наказали Б. П. Шеболдаева, возглавлявшего одну из крупнейших парторганизаций РСФСР — Азово-Черноморского края. Постановление ЦК от 2 января отметило, что он «проявил совершенно не удовлетворительную для большевиков близорукость по

отношению к врагам партии (контрреволюционерам, террористам и вредителям — троцкистам, зиновьевцам, „левакам“, правым), в результате чего на основных постах в ряде крупнейших городских и районных парторганизаций края до самого последнего времени сидели и безнаказанно вели подрывную работу заклятые враги партии, шпионы и вредители». Однако за столь серьезные ошибки, к тому же чисто политического характера, Шеболдаева хотя и освободили от занимаемой должности, но тут же рекомендовали первым секретарем Курского обкома партии вместо В. И. Иванова, снятого с поста

первого секретаря за «неудовлетворительное руководство хозяйством области»³⁰.

13 января ПБ утвердило еще одно постановление ЦК, столь же, но чисто внешне, жесткое — «О неудовлетворительном партийном руководстве Киевского обкома». Причины для него были те же, что и при оценке деятельности Шеболдаева, но оргвыводы оказались на редкость мягкими, ибо опирались на весьма неожиданные факты. Выяснилось, что руководство обкома виновно не в «политической близорукости» или «утере политической бдительности», а в том, что оно нарушило устав партии,

которым предписана выборность партийных органов, и широко применяло «недопустимую практику кооптации». ЦК ВКП(б) особо отметил «привившиеся на Украине и, в частности, в Киеве непартийные нравы в подборе работников».

Как и в случае с Шеболдаевым, мера наказания оказалась несоразмерно мягкой: первому секретарю ЦК КП(б)У С. В. Косиору «указали», первому секретарю Киевского обкома — он же второй секретарь ЦК КП(б)У — П. П. Постышеву объявили выговор, и лишь второму секретарю обкома Ильину не только вынесли строгий выговор, но и сняли его с должности.

Правда, спустя всего два месяца, 8 марта, Постышева все же освободили от занимаемых должностей и 14 марта перевели первым секретарем Куйбышевского обкома^{[31](#)}.

К подобным решениям следует отнести и еще одну кадровую перестановку, порожденную серьезнейшим проступком. 25 января 1937 года без предъявления каких-либо претензий Н. Ф. Гикало, первого секретаря ЦК КР(б) Белоруссии, перевели первым секретарем Харьковского обкома, а на его место ПБ рекомендовало Волковича^{[32](#)}. Причина этого перевода выяснилась лишь 22 февраля, когда было принято постановление ЦК «О

положении в Лепельском районе БССР». Оказалось, что местные власти с молчаливого согласия Минска совершили «незаконную конфискацию имущества у крестьян, как у колхозников, так и единоличников, произведенную под видом взыскания недоимок по денежным налогам и натуральным поставкам». За столь вопиющее нарушение законов было решено предать суду шесть сотрудников Лепельского райисполкома, в том числе и его председателя Семашко. Кроме того, тем же постановлением ЦК был вынесен выговор наркому финансов СССР Г. Ф. Гринько, «указано» уже бывшему первому

секретарю компартии Белоруссии Н. Ф. Гикало, сменившему его Волковичу, а также председателю СНК БССР Н. М. Голодеду³³. Постановление, помимо этого, послужило еще и основанием для снятия 14 марта Волковича, замены его В. Ф. Шаранговичем³⁴.

В данном ряду кадровых перемещений заслуживает внимания и снятие простым решением ПБ от 17 марта руководителя компартии Киргизии М. Л. Белоцкого, которого сменил М. К. Аммосов, занимавший до того должность первого секретаря Северо-Казахстанского обкома³⁵. Но именно подобная перестановка позволяет вычленить не только

данный случай, но и перевод первого секретаря ЦК КП(б) Таджикистана С. К. Шадунца из Сталинабада в Москву, из общего процесса перечисленных выше кадровых рокировок, рассматривать их как совершенно иное явление, проявление «коренизации» — обычного для тех лет выдвижения местных национальных кадров на руководящие посты, в том числе и в нацкомпартиях.

Разумеется, проводились кадровые перемещения зимой 1936–1937 гг. и на более низких уровнях. Но и они в конечном итоге свидетельствовали о стремлении и узкого, и широкого руководства,

отдельных наркомов всячески упрочить собственное положение во власти. Так, после образования 8 декабря 1936 г. наркомата оборонной промышленности СССР и утверждения его главой М. Л. Рухимовича тот не возражал против назначения своими заместителями непрофессионалов М. М. Кагановича — по авиационной промышленности, Р. А. Муклевича — по судостроительной, но добился утверждения руководителями главков опытных инженеров — Б. Л. Ванникова (артиллерийский), К. А. Неймана (танковый), Е. Б. Кривицкого (оптический), И. Ф. Тевосяна (броневой)^{[36](#)}.

А. Я. Вышинский сумел
настоять, несмотря на
сопротивление Н. В. Крыленко, на
снятии со всех постов
Е. Б. Пашуканиса, почти два
десятилетия считавшегося
крупнейшим в стране марксистом —
теоретиком права, а потому и
утвержденного 15 ноября 1936 г.
вторым заместителем наркома
юстиции СССР. Но всего два месяца
спустя, 22 января, он был
освобожден от этой должности, а
вскоре и от остальных — директора
Института советского строительства
и права, редактора журнала
«Советское строительство». Кроме
того, 16 ноября Вышинский добился

и еще одного, весьма полезного для него отстранения. На этот раз своего старшего помощника и одновременно начальника спецотдела Прокуратуры СССР Р. П. Катаняна³⁷, старого большевика, два десятилетия выступавшего как марксистский интерпретатор теории права.

Для всех этих назначений и отстранений наиболее присущей оказалась следующая общая черта. Хотя они и носили откровенно политический характер, но пока оставались в строгих рамках кадровых перемещений. Никого из тех, кого сняли или понизили в должности, не только не

репрессировали, но и не подвергли открытой критике. Видимо, этому способствовало то обстоятельство, что ни сам факт работы декабрьского пленума, ни содержание доклада Ежова, ни повторное возникновение дела Бухарина — Рыкова так и не были преданы гласности, не послужили основанием для разжигания вполне возможной оголтелой пропагандистской кампании.

Глава четырнадцатая

С огромным трудом группе Сталина удалось избежать весьма вероятной опасности, которая могла ее подстеречь при настоящем серьезном обсуждении окончательного текста проекта конституции на пленуме ЦК. Но, избавившись от одной, она тут же столкнулась с другой, не менее серьезной угрозой. Слишком очевидный провал оказавшегося бесплодным внешнеполитического курса грозил в любой момент породить жесткую, заведомо

нелицеприятную критику узкого руководства.

Еще 24 октября 1936 г., на следующий день после подписания министрами иностранных дел Нейратом и Чиано германо-итальянского протокола о проведении согласованной внешней политики, Гитлер и Муссолини объявили о создании «оси Берлин — Рим». Менее месяца спустя, 15 ноября, в Берлине Нейрат и его японский коллега Мусякодзи подписали «Антикоминтерновский пакт». Заручившись союзниками в Европе и Азии, Гитлер открыто объявил, что теперь Италия и Германия могут победить не только

большевизм, но и всю Европу, включая Великобританию. А 30 января 1937 г., выступая в рейхстаге, заявил: «Германия убирает свою подпись с Версальского договора». Война становилась неминуемой.

Несмотря на столь угрожающие события, ни французской, ни советской дипломатии так и не удалось добиться расширения антигерманского оборонительного блока. Осенью была полностью утрачена надежда на присоединение к нему Румынии, что стало несомненным после отставки министра иностранных дел Николае Титулеску, самого последовательного в Бухаресте сторонника сближения с

Францией. Столь же призрачным оказались ожидания заключения договора о взаимопомощи с Великобританией. Премьер Стэнли Болдуин, полностью отрешившись от европейских проблем, весь год занимался матримониальными делами короля Эдуарда VIII, 10 декабря отрекшегося от престола. Единственному, как выяснилось, в британском правительстве стороннику активных действий, министру иностранных дел Антони Идену оставалось лишь изображать Кассандру, предупреждая о надвигающейся опасности, что он и сделал, выступая 14 ноября в Бедфорде:

«Если Европа будет в 1936 г. усеяна бумажными клочками разорванных договоров, то нельзя будет взирать на будущее с доверием. Нужно положить предел односторонним расторжениям договоров. Англия не намерена равнодушно созерцать вооружение Германии. Англия не допустит расчленения Испании»¹.

Однако из объявленной Иденом программы Лондону удалось добиться лишь последнего пункта, да и то весьма своеобразно — за счет

уступок другому агрессору, Италии. 2 января Лондон и Рим заключили «джентльменское соглашение» о взаимных интересах в Средиземном море, то самое, которое дорого обошлось британскому флоту после начала Второй мировой войны.

Даже Чехословакия, более других нуждавшаяся в коллективной системе безопасности, уже не проявляла былой твердости. Подвергаясь сильному давлению со стороны Берлина и шантажу судетских немцев, зная о существовании плана раздела страны между Германией, Венгрией и Польшей, но не встретив твердой поддержки Парижа и Лондона, она

начала склоняться к поиску компромисса со своим слишком грозным западным соседом.

Но пожалуй, самую серьезную угрозу для политики узкого руководства таило развитие событий в Испании, где гражданская война постепенно стала перерастать в революцию, что должно было подтвердить правоту не Сталина, а Троцкого и Зиновьева. Такое положение на Иберийском полуострове бросалось в глаза любому, кто побывал там.

Сдерживать же надвигавшуюся революцию с каждой неделей становилось труднее, ибо ситуация в Испании приобретала все большую

зависимость от европейских стран, но не от СССР или Комитета по невмешательству, а от Германии и Италии. Военное присутствие нацистов, первоначально выражавшееся в поставках франкистам оружия и отправке к ним «инструкторов», в ноябре 1936 г. качественно изменилось. Из Гамбурга в Кадис прибыл лишь формально добровольческий авиалегион «Кондор» — около трехсот боевых самолетов и танковый корпус.

А 4 января 1937 г., в соответствии с подписанным 26 ноября в Саламанке соглашением о помощи Италии франкистам, в

южноиспанских портах высадился итальянский экспедиционный корпус численностью около 50 тысяч человек. Правовой основой появления войск интервентов стало признание Германией и Италией 18 ноября режима Франко, что противоречило их обязательствам, взятым при присоединении к соглашению о невмешательстве. Формальным же поводом — военная помощь СССР законному испанскому правительству и формирование с согласия последнего, начиная с 22 октября, интернациональных бригад, воинских частей из добровольцев, прибывших со всего мира для помощи республиканцам.

Приток интернационалистов совпал с битвой за Мадрид, начавшейся в конце октября и достигшей кульминации 6–9 ноября. Только благодаря самым решительным мерам республики — отказу от милицейской системы и возвращению к регулярной армии, формированию ее на основе декрета о мобилизации мужчин в возрасте от 20 до 45 лет — столицу удалось отстоять, хотя франкисты и сумели прорваться на западные окраины.

В самый разгар сражения за Мадрид Ларго Кабальеро отправил в отставку прежнее правительство и сформировал новое, не особенно отличавшееся от старого.

Единственным, но весьма важным отличием нового кабинета стало вхождение в него четырех представителей Национальной конфедерации труда — наиболее радикальной и самой многочисленной в стране не столько профсоюзной, сколько политической организации анархо-синдикалистской ориентации.

К середине ноября положение на всех фронтах Испании стабилизировалось, что немедленно породило активизацию дипломатии. 5 декабря Великобритания и Франция направили ноты Германии, Италии, Португалии и СССР, то есть тем именно странам, которые в той

или иной форме оказались причастными к гражданской войне, с предложением подтвердить свою приверженность политике невмешательства «в интересах мира, сохранения европейской цивилизации и гуманности»². 9 декабря в ответных нотах, врученных М. М. Литвиновым послам Великобритании и Франции, советское правительство решительно подтвердило свою готовность «вместе с другими государствами вновь заявить о воздержании от прямых или косвенных действий, которые могли бы привести к иностранной интервенции в Испании, ожидая, однако, что будет

обеспечен или гарантирован полный контроль такого же воздержания со стороны других государств»³. Советский Союз не хотел рисковать. Он должен был быть уверен в том, что если прекратит военную помощь законному правительству Испании, то то же сделают Германия, Италия и Португалия, поддерживавшие мятежников.

Следующую попытку сдержать агрессоров, разумеется чисто дипломатическую, сделал Комитет по невмешательству. В коммюнике от 9 декабря он призвал к запрещению как прямого, так и косвенного вмешательства в испанские дела. А для этого участники соглашения не

должны были допускать использование своей территории для вербовки, отправки или транзита «лиц, предполагающих принять участие в гражданской войне в Испании или с какой-либо иной целью», а также предоставлять займы или кредиты противоборствующим сторонам⁴. Советское правительство 18 декабря через И. М. Майского выразило готовность и на этот раз не только принять все рекомендации Комитета, но и неуклонно соблюдать их, однако потребовало одновременно ввести строжайший контроль. Но тут же обнаружилось: Великобритания, инициатор данного предложения

Комитета, настаивает на незамедлительном запрещении волонтерства, а вопрос о введении контроля, от которого отнюдь не отказывается, предполагает решить лишь в дальнейшем, путем консультаций⁵.

Причину столь своеобразной позиции Лондона вскоре объяснил Иден. В беседе с Майским 21 декабря он выразил опасение, что Кремль, усиливая свое влияние на Мадрид благодаря военной помощи, намеревается установить в Испании советскую власть⁶. Вполне возможно, основанием для такого предположения могли послужить леворадикальные лозунги, под

которыми выступали протроцкистская партия ПОУМ, Федерация анархистов Иберии и, в меньшей степени, Всеобщая конфедерация труда. Но как бы то ни было, такое положение означало одно: сталинская группа так и не сумела убедить западные демократии в том, что СССР стал иным, решительно порвал со старыми устремлениями, отказывается от ориентации на мировую революцию и больше не стремится при любой благоприятной возможности устанавливать коммунистические режимы там, где для того представится возможность.

Новый, 1937 год не только не

принес положительных сдвигов в решении испанского вопроса, но и обнаружил усиление довольно неприятной для Москвы тенденции. Французские премьер Леон Блюм и министр иностранных дел Ивон Дельбос, пренебрегая национальными интересами, не очень задумываясь о последствиях своих решений, все больше и больше подпадали под влияние Лондона, безоговорочно выступая с поддержкой всех его предложений и вызывая тем открытое недовольство других членов кабинета.

Об этом откровенно говорили в беседе с советским полпредом В. П. Потемкиным министр обороны

Эдуард Даладье и начальник генерального штаба Морис Гамелен. Они выразили тревогу «военных кругов Франции перед расширяющейся германской интервенцией в Испании и военными приготовлениями Германии». Вместе с тем «признали чрезвычайную опасность создания в Испании Гитлером антифранцузской военной базы». Кроме того, Даладье обвинил Великобританию «в том, что она воспротивилась оказанию помощи законному правительству Испании», причем отметил, что она же «двусторонним средиземноморским соглашением с Италией изолировала Францию и

повысила требовательность
Муссолини в отношении
французского правительства»⁷.

Тем неприятные известия из
Парижа для узкого руководства не
ограничились. 19 января
французские газеты опубликовали
провокационное сообщение из
Москвы, в котором говорилось о
«возможности пересмотра советским
правительством советско-
французского пакта...
представляющегося для СССР
несколько обременительным».
В. П. Потемкин категорически отверг
как заведомо ложное утверждение
прессы. Он заявил, что «для СССР
французско-советский пакт остается

одной из существенных гарантий общего мира в Европе». И добавил, что Москва, как и прежде, надеется ради упрочения пакта как можно скорее установить технический контакт генеральных штабов обоих государств⁸.

В столь крайне неблагоприятных внешнеполитических условиях узкое руководство 22 января 1937 г. все-таки решило провести новый открытый процесс — по делу арестованных осенью минувшего года Г. Л. Пятакова, К. Б. Радека, Г. Я. Сокольникова, Л. П. Серебрякова и других⁹. Суд над видными государственными и партийными деятелями, известными

в прошлом как троцкисты, скорее всего, должен был послужить решению нескольких задач одновременно.

Для всего мира, и особенно Великобритании и Франции, СССР доказал бы свой отказ от прежнего экспансионистского курса, совершив ради этого ритуальное жертвоприношение тех, кто должен был символизировать леворадикальные устремления старого большевизма. Для широкого руководства процесс должен был явиться зримым итогом результатов назначения Ежова в НКВД, работы его наркомата по выполнению «Директивы», а вместе с тем и

свидетельством неослабевающих возможностей группы Сталина в борьбе против идейных и политических противников.

Наконец, процесс вполне мог стать превентивным ответом Троцкому, готовившему рукопись «Преданная революция» к печати, попыткой таким грубым и жестоким способом предотвратить создание IV Интернационала. Ведь вряд ли случайно подготовка процесса совпала по времени с изменениями в жизни Троцкого. Высланный под нажимом Москвы из Норвегии Лев Давидович с женой 9 января — в день утверждения второго варианта обвинительного заключения —

прибыл в Мексику¹⁰. Когда же в Москве, в Колонном зале Дома союзов, 23 января начался суд, Троцкий уже обосновался на новом месте — на вилле приютившего его великого художника Диего Риверы в пригороде мексиканской столицы.

В отличие от августовского, январский процесс открылся без пропагандистской подготовки. Так, «Правда» до начала публикации судебных отчетов ограничилась всего тремя материалами. 20 января дала сообщение «В прокуратуре Союза ССР», просто известившее:

«В настоящее время органами НКВД закончено

следствие по делу
троцкистского
„параллельного центра“ в
составе Г. Л. Пятакова,
К. Б. Радека,
Л. П. Серебрякова,
Г. Я. Сокольникова... Дело
слушанием в военной
коллегии Верховного суда
СССР назначено на 23
января».

На следующий день на первой
полосе была помещена редакционная
статья «Троцкистские шпионы,
диверсанты, изменники родины», а
на пятой — корреспонденция
Михаила Кольцова из Мадрида

«Агентура Троцкого в Испании».

Представшие 23 января 1937 г. перед судом 17 обвиняемых — из нескольких тысяч арестованных к тому времени троцкистов! — в соответствии с уготовленной им ролью фактически распадались на две разнородные группы.

К первой, основной, относились широко известные давние сторонники Троцкого Г. Л. Пятаков, Л. П. Серебряков, Н. И. Муралов, Я. Н. Дробнис, М. С. Богуславский, которые в ходе самой, пожалуй, бурной и значительной внутрипартийной дискуссии 15 октября 1923 г. подписали знаменитое «Заявление 46-ти» в

защиту и поддержку позиции
Троцкого. Все они, а также и
К. Б. Радек за участие в
«объединенной» оппозиции в конце
1927 г. были исключены из партии и
отправлены в ссылку. Только после
признания «ошибочности своих
взглядов» их восстановили в рядах
ВКП(б) и даже назначили на
довольно высокие посты. С тех пор
почти все они сумели сделать
карьеру. Пятаков перед арестом
занимал должность первого
заместителя наркома тяжелой
промышленности, Радек —
заведующего Бюро международной
информации ЦК ВКП(б),
Серебряков — заместителя

начальника Центрального
управления шоссейных дорог и
автотранспорта, Богуславский —
начальника Сибмашстроя в
Новосибирске, Дробнис —
заместителя начальника
Химкомбинатстроя в Кемерове.

Рядом с ними, да к тому же в
числе главных обвиняемых, весьма
странно выглядел единственный
«зиновьевец» Г. Я. Сокольников. На
XIV съезде партии он в первый и
последний раз за годы советской
власти поддержал оппозицию. Но не
Троцкого, а Зиновьева и Каменева —
«ленинградскую», она же «новая».
Видимо, при установлении тех, кто
должен стать обвиняемым по

данному делу, более важным оказались не прежние политические взгляды и ориентация Сокольникова, а его послужной список. В 1917 г. он входил в состав ПБ; в 1918-м возглавлял советскую делегацию на переговорах с Германией и от имени РСФСР подписал Брестский мир; в 1923–1926 гг. был наркомом финансов. После того как Сокольников отошел от оппозиции, он был возвращен на государственную работу; на момент ареста работал заместителем наркома лесной промышленности.

Всем без исключения подсудимым было предъявлено одно общее, становившееся стандартным

для таких процессов обвинение «в измене родине, шпионаже, диверсиях, вредительстве и подготовке террористических актов»^{[11](#)}. Однако, как оказалось, в полном противоречии с этим и судебное присутствие под председательством В. В. Ульриха, и государственный обвинитель А. Я. Вышинский добивались совершенно иного. Прежде всего признаний Пятакова, Радека, Серебрякова, Сокольников в том, что они с 1931–1933 гг. начали получать директивы от Троцкого и неуклонно следовать им^{[12](#)}. Кроме того, столь же настойчиво от них требовали признаться в том, что они

сформировали «параллельный центр» как руководящий орган подпольной организации, который начал активную деятельность в середине 1935 г.¹³ (для желающих размышлять на выбор: то ли после первого процесса по делу Зиновьева и Каменева, то ли с началом работы над проектом новой конституции).

Столь же важным оказалось и желание организаторов процесса вынудить главных обвиняемых «чистосердечно» признать свою вину. Ведь, собственно, ради того суд и проводился гласно, на него были приглашены зарубежные и советские журналисты. И пресса, а через нее и весь мир слышали такие признания,

подтвердившие столь необходимые узкому руководству правомочность обвинения и беспристрастность суда.

Пятаков: ...Самое тяжелое, граждане судьи, для меня не это, не тот приговор справедливый, который вы вынесете. Это сознание прежде всего для себя, сознание на следствии, сознание вам и сознание всей стране, что я очутился в итоге всей предшествовавшей преступной подпольной борьбы в самой гуще, в самом центре

контрреволюции
троцкистской.

Радек: После того, как я признал виновность в измене родине, всякая возможность защитительных речей исключена. Нет таких аргументов, которыми взрослый человек, не лишенный сознательности, мог бы защитить измену родине. На смягчающие вину обстоятельства претендовать тоже не могу. Человек, который 35 лет провел в рабочем движении, не может

смягчать какими бы то ни было обстоятельствами свою вину, когда признает измену родине. Я даже не могу сослаться на то, что меня свел с пути истинного Троцкий. Я уже был взрослым человеком, когда встретился с Троцким, со сложившимися взглядами. И если вообще роль Троцкого в развитии этих контрреволюционных организаций громадна, то в тот момент, когда я вступал на этот путь борьбы против партии, авторитет Троцкого был для меня

минимальным.

Сокольников: Я признал свою вину и свои преступления на предварительном следствии, полностью признаю их здесь и не имею к ним ничего добавить.

Серебряков: Тяжело сознавать, что я, вошедший с ранних лет в революционное движение и прошедший два десятка лет честным и преданным членом партии, стал в итоге врагом народа и очутился вот здесь, на

скамье подсудимых. Но я отдаю себе отчет, что это произошло потому, что в свое время, совершив политическую ошибку и проявив упорство в ней в дальнейшем, я усугубил эту ошибку, которая по неизбежной логике судьбы переросла в тягчайшее преступление.

Богуславский: На процессе развернулась отвратительнейшая картина преступлений, предательств, крови, измен. И в этой картине я занимаю определенное

место, место, которое
правильно
квалифицировано на языке
уголовного кодекса
статьями, выраженными в
официальном заключении,
и вчера подчеркнуто как
подтверждение после
судебного следствия
государственным
обвинителем. Я сегодня
стою перед вами, как
государственный
преступник, предатель,
изменник.

Дробнис:

Воспитанный и
вскормленный своим

рабочим классом, я стал против этого класса как самый злейший враг и предатель его. Я нагромождал одно преступление за другим и расчищал путь Троцкому, который предавал и продавал оптом и в розницу социалистическую страну, рабочий класс, форсируя кровопролитную войну. Все это произошло потому, что я долгие годы продолжал жить в затхлом, вонючем, смрадном, зловонном троцкистском подполье.

Муралов: Свыше десяти лет я был верным солдатом Троцкого, этого злодея рабочего движения, этого достойного всякого презрения агента фашистов, врага рабочего класса и Советского Союза. Но ведь свыше двух десятков лет я был верным солдатом большевистской партии. Вот эти все обстоятельства заставили меня все честно сказать и рассказать и на следствии, и на суде. Это не мои пустые слова, потому что я привык быть верным в

прежнее время, в лучшее время моей жизни, верным солдатом революции, другом рабочего класса¹⁴.

Последовательно и неуклонно двигаясь к намеченной цели, которая и должна была стать самым высоким результатом процесса, Ульрих и Вышинский даже не попытались уточнить и развить те показания главных подсудимых, которые можно было бы использовать, скажем, для раскрытия структуры возглавляемой «параллельным центром» организации. Удовольствовались лишь упоминанием Богуславским, Радеком, Серебряковым тех

региональных групп, о которых и без того уже было известно по процессам, прошедшим в минувшем году в Западной Сибири, на Украине, в Грузии¹⁵. Не обратили Ульрих и Вышинский внимания и на такие слова Сокольников:

«Кроме заговора, другого оружия у нас не оказалось в руках. Никакие возможности массовой борьбы не были для нас открыты. Но и для заговора-то у нас своих собственных средств не оказалось достаточно. Даже для заговора»¹⁶.

О каком же заговоре шла речь, кто участвовал в нем, с какой целью, так и осталось неизвестным. Ведь более важным оказалось другое, заключительная часть приговора, гласившая: Л. Д. Троцкий и его сын, Л. Л. Седов, «в случае их обнаружения на территории Союза ССР подлежат немедленному аресту и преданию суду военной коллегии Верховного суда Союза ССР»¹⁷.

Еще четверо подсудимых — Б. О. Норкин, А. А. Шестов, М. С. Строилов и В. В. Арнольд — если и были ранее кому-либо известны, то лишь по газетным отчетам о ходе суда по «Кемеровскому делу». Имена же

остальных: С. А. Ратайчака — начальника Главхимпрома НКТП, Я. А. Лившица — заместителя наркома путей сообщения, И. Л. Князева — заместителя начальника центрального управления движения НКПС, И. Д. Турока — заместителя начальника Свердловской железной дорога, И. И. Граше — старшего экономиста Главхимпрома, и Г. Е. Пушина — главного инженера строительства Рионского азотно-тукового комбината, ничего не говорили миллионам читателей, следивших за процессом. Но должности, даже прошлое десяти обвиняемых не имели значения. Им пришлось

сыграть весьма незавидную роль, лишь подтвердив само существование якобы действительно широко разветвленной «антисоветской троцкистской организации» да вдобавок своими показаниями на суде раскрыть механику вредительства в промышленности и на транспорте.

После вынесения 29 января относительно мягкого приговора некоторым подсудимым (Радек, Сокольников и Арнольд — 10 лет тюремного заключения, Строилов — 8, остальных ждал расстрел) необычайно вялая пропагандистская кампания продолжалась всего три дня. Кульминацией ее стал митинг

москвичей на Красной площади, выступления на нем с поддержкой и одобрением суровой кары троцкистам Н. С. Хрущева, Н. М. Шверника и президента Академии наук СССР известного ботаника В. Л. Комарова¹⁸. А затем, как и в начале января, пресса забыла о врагах, вернулась к популяризации, используя для того юбилейные и просто «круглые» даты выдающихся деятелей отечественной культуры и науки, возвращая народу их порядком подзабытые имена: композиторов М. А. Балакирева, М. И. Глинки, А. П. Бородина, зодчего В. И. Баженова, химика Д. И. Менделеева, физика

П. Н. Лебедева. Особого внимания удостоился А. С. Пушкин, которому даже партийная «Правда», в связи со столетием гибели великого национального поэта, посвятила чуть ли не полностью три номера — за 9, 10 и 11 февраля.

Однако политическое затишье и некое подобие воцарившегося умиротворения, которые демонстрировали органы пропаганды, оказались обманчивыми. Уже в ходе процесса по делу «параллельного центра» сталинская группа, скорее всего, сочла, что с проблемой «второй партии» — радикального крыла большевизма покончено навсегда, а

потому можно и должно вернуться к решению самой важной и актуальной задачи — подготовке к выборам по новой избирательной системе. К тому, что оказалось невозможным и в начале декабря минувшего года — в ходе заседания VIII чрезвычайного съезда Советов, и в конце — 26 декабря, когда ПБ утвердило дату созыва 3-й сессии ЦИК СССР седьмого созыва, последней возможной по старой конституции, на 11 января 1937 г. с практически единственным пунктом повестки дня — утверждением очередного бюджета¹⁹.

За сутки до окончания процесса, 28 января, ПБ приняло решение

созвать очередной пленум ЦК, учитывая при этом негативный опыт предыдущих, июньского и декабрьского. Новый подход выразился в сознательном, тщательно продуманном сочетании двух предельно разнородных вопросов, выносившихся на обсуждение: выборы хотя и по новой системе, но пока лишь в партийных организациях; дело Бухарина и Рыкова; уроки вредительства троцкистов. При этом нельзя было говорить о сочетании политики «кнута и пряника»: обе предлагаемые участникам пленума проблемы оказывались неким «кнутом». Правда, последняя

выглядела опаснее как более реальная и вполне возможная акция устранения потенциальных оппонентов из числа широкого руководства.

Как оказалось, найти наиболее эффективную последовательность обсуждения двух проблем, чему группа Сталина, судя по последовавшим сразу же событиям, придавала огромное значение, не удавалось целый месяц, вплоть до самого открытия пленума. За четыре с лишним недели ПБ семь раз официально меняло не только очередность докладов, но и докладчиков^{[20](#)}.

18 февраля из-за внезапной

кончины Орджоникидзе пленум перенесли на 23 февраля, а содокладчиком по второму вопросу назначили Молотова²¹. Однако и тогда порядок дня все еще не стал окончательным. При открытии, буквально на ходу, повестку изменили вновь. Первым оказался доклад Ежова о деле Бухарина и Рыкова, вторым — Жданова о подготовке парторганизаций к выборам, третьим, уроки вредительства, — Молотова и Кагановича, четвертым — еще один доклад Ежова, пятым — доклад Сталина о недостатках партийной работы.

Растянувшийся на одиннадцать

дней пленум, как и предусматривалось изначально, распался на обсуждение трех проблем, причем вторая и третья связывались воедино докладом Сталина. Таким образом, доклад Жданова, основной для предлагаемых политических реформ, как бы оказывался запрятанным, утопленным в повестке дня.

Доклад Ежова и обсуждение его заняли в общей сложности три дня — с вечернего заседания 23 февраля по утреннее 26-го, ибо ими всего лишь завершили тему, поднятую еще на декабрьском пленуме. Трудно сказать, как бы все прошло на этот раз, если бы сам

Бухарин не сделал все возможное для собственной дискредитации. Сначала — слишком обстоятельной, да еще в двух частях, запиской, направленной членам ЦК и, по замыслу автора, призванной заменить устное выступление, которого он поначалу пытался всячески избежать. В ней Николай Иванович обвинения в свой адрес объявлял клеветой... троцкистов, прежде всего и главным образом Радека, а также Пятакова, Сокольникова и Сосновского, которых заодно всячески поносил как заклятых врагов партии и страны. В полемическом задоре очернительства не забыл Бухарин и о

своих былых союзниках по правой оппозиции — уже арестованных и давших против него «показания» Е. Ф. Куликове, Н. А. Угланове, В. А. Котове, В. М. Михайлове, Е. В. Цейтлин, которых тоже причислил к злостным клеветникам и контрреволюционерам. Мимоходом отрекся и от своих учеников по Институту красной профессуры, так называемой бухаринской школы — А. Н. Слепкова, Л. П. Марецкого, В. Н. Астрова и других, вряд ли случайно упомянув среди них и заведующего агитпропом А. И. Стецкого, своего нынешнего идеологического противника.

Усугубила

уже

сформировавшееся резко отрицательное отношение к Бухарину его записка в ПБ, распространенная среди участников пленума. В ней Николай Иванович фактически признавал свое полное поражение в еще не начавшейся дискуссии, признавал и политический крах, объявляя, что начинает голодовку, а потому не будет участвовать в заседаниях пленума даже при обсуждении персонального вопроса его и Рыкова²².

И все же Бухарин на пленуме появился. Даже дважды (Рыков лишь раз) получил слово. Сначала — после доклада Ежова и первого в начавшемся обсуждении

выступлении Микояна. Затем — по окончании дискуссии. Но и личным, хотя и вынужденным присутствием, и двумя выступлениями он так и не смог переломить настроение, уже воцарившееся в зале, не опроверг достаточно убедительно хотя бы основные обвинения, прозвучавшие в докладе наркома внутренних дел. Чаша весов неумолимо склонялась не в пользу Бухарина, а также и Рыкова, но не под тяжестью улик, а лишь из-за показаний, полученных следователями НКВД.

Выработку резолюции перенесли из зала заседания, где вердикт уже был предрешен, в специальную комиссию пленума,

включавшую 36 членов ЦК. Им и предстояло выбрать один из трех вариантов, мало чем отличавшихся друг от друга. Ежов предложил исключить Бухарина и Рыкова из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов партии, предать суду с применением высшей меры наказания. Его поддержали С. М. Буденный, А. В. Косарев, Д. З. Мануильский, Н. М. Шверник, И. Э. Якир. За более мягкий вариант резолюции, «без применения расстрела», высказались Н. К. Антипов, С. В. Косиор, М. М. Литвинов, К. И. Николаева, Г. И. Петровский, П. П. Постышев, Н. С. Хрущев, М. Ф. Шкирятов.

Третий вариант, внесенный Сталиным, предлагал пленуму остаться в рамках своей компетенции, не подменяя собой ни следствия, ни суда: «исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), суду не предавать, а направить дело Бухарина — Рыкова в НКВД». С этим солидаризировались В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, И. М. Варейкис, Н. К. Крупская и М. И. Ульянова^{[23](#)}, хотя они могли со стопроцентной уверенностью предсказать итог, к которому придут подчиненные Ежова.

27 февраля пленум остановился на последнем варианте резолюции, проголосовав именно за него.

Бухарин и Рыков были незамедлительно арестованы, а следствие по их делу, уже шедшее с августа минувшего года, продолжилось.

На фоне проявившихся кровожадных устремлений пленум еще накануне вечером приступил к рассмотрению второго пункта повестки дня, доклада Жданова, которым поначалу и хотели открыть пленум.

Жданов суть вопроса сформулировал буквально в первых фразах:

«Нам предстоят, очевидно, осенью или

зимой этого года
перевыборы в Верховный
Совет СССР и в советы
депутатов трудящихся
сверху донизу по новой
избирательной системе.
Введение новой
конституции отбрасывает
всякие ограничения,
существовавшие до сих пор
для так называемых
лишенцев... голосование
будет тайным и по
отдельным кандидатам,
выдвигаемым по
избирательным округам.
Новая избирательная
система... даст мощный

толчок к улучшению
работы советских органов,
ликвидации
бюрократических органов,
ликвидации
бюрократических
недостатков и извращений
в работе наших советских
организаций. А эти
недостатки, как вы знаете,
очень существенны. Наши
партийные органы **должны**
быть **готовы** **к**
избирательной **борьбе**
(выделено мной — Ю.Ж.).
При выборах нам придется
иметь дело с враждебной
агитацией и враждебными

кандидатами».

Полагая, что такого объяснения все еще недостаточно, Жданов уточнил:

«Проверка тайным голосованием будет самой основательной проверкой наших работников, потому что тайное голосование представляет гораздо более широкие возможности отвода нежелательных и неугодных с точки зрения масс кандидатур, чем это было до сих пор (выделено

мной — Ю.Ж.). ...
Возглавить поворот в
политической жизни
страны и обеспечить
демократические
перевыборы — это
означает, что наши
партийные организации не
должны ожидать, когда
массы толкнут их снизу в
отношении критики и
отводов негодных
кандидатур, не дожидаясь
их провала при тайном
голосовании».

Дабы ни у кого не оставалось
неясности, Жданов открыто

предупредил всех:

«Наши партийные органы должны научиться отличать дружескую критику от враждебной. У нас нередко бывает так, что недовольство трудящихся отдельными недостатками и извращениями в деятельности наших советских органов расцениваются и рассматриваются как враждебная критика. Было бы очень вредным и опасным, если бы при новых выборах были

повторены ошибки,
имевшие место, в старой
тактике выборов и которые
заключались в
невнимательном
отношении к кандидатурам
беспартийных, когда в
целях обеспечения
партийного влияния в
советах беспартийные
кандидатуры не
пользовались необходимым
вниманием и поддержкой,
которые вытекают из основ
большевистского
понимания руководства и
связи с массами. Имейте в
виду, что коммунистов в

нашей стране два миллиона, а беспартийных „несколько“ больше».

Объяснив именно так ситуацию, связанную с предстоящими выборами в Верховный Совет СССР, докладчик перешел к собственно проблемам партийных организаций. Постоянно поминая «внутрипартийный демократизм», «демократический централизм», «демократические выборы», сказал достаточно хорошо известное всем и без него. Что «за последние 2–3 года выборы областных, краевых комитетов и ЦК нацкомпартий проводились лишь в тех

организациях, которые образованы заново в связи с формированием областей». Что вместо выборов, даже по старой, советской системе, давно уже утвердилась кооптация, представляющая собой «нарушение законных прав членов партии». И обрушился на существовавшую ранее практику выборов, связывая критику с новой избирательной системой.

Он отметил, что «члены партии лишены возможности свободно высказываться по кандидатурам, воспользоваться правом отвода и критики неприемлемых кандидатов». Честно признал, что прежняя «организация выборов направлена не к тому, чтобы обеспечить

действительную возможность проверки каждой кандидатуры партийной массой, а к тому, чтобы как можно скорее провести выборы и избавиться от докучливой критики партийных масс к той или другой кандидатуре», а потому она должна остаться в прошлом.

«Если мы хотим добиться уважения у наших советских и партийных работников к нашим законам, и масс — к советской конституции, то мы должны обеспечить перестройку партийной работы на основе

безусловного и полного
проведения начал
внутрипартийной
демократии,
предусмотренной уставом
нашей партии».

И перечислил необходимые
мероприятия, которые уже
содержались в проекте резолюции по
его докладу: ликвидация кооптации,
запрещение голосовать списком,
переход от открытого голосования к
тайному, обеспечение
«неограниченного права отвода
членами партии выдвигаемых
кандидатур и неограниченного права
критики этих кандидатур»^{[24](#)}.

Вопросы, поднятые Ждановым, не заинтересовали участников пленума. В прениях выступило всего 16 человек. Но даже те, кого проблемы, освещенные докладом, затрагивали непосредственно, — первые секретари обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий — реагировали на них более чем вяло и крайне неохотно. Подчас лишь из-за наводящих реплик Сталина они соглашались с необходимостью отказа от кооптации. Сами же упорно пытались перевести разговор на другую тему — на предстоящую, по их мнению, борьбу с «врагами», которые якобы оживились в связи с принятием новой конституции.

Р. И. Эйхе, первый секретарь Западно-Сибирского крайкома: «Мы встретимся... во время выборной борьбы с остатками врагов, и надо изучить сейчас и ясно уяснить, с какими врагами нам придется встретиться, где эти очаги врагов».

С. В. Косиор, первый секретарь ЦК ВКП(б) Украины, все внимание в своем выступлении сосредоточил на необходимости усилить агитационную работу, дабы выяснить «источник чуждых нам влияний».

Н. С. Хрущев, первый секретарь МК: «В связи с большой активностью, которую мы имеем на предприятиях, в колхозах, в учреждениях, среди рабочих и

служащих, мы имеем безусловно оживление некоторых враждебных групп и в городе, и на селе. У нас в Рязани не так давно выявлена эсеровская группировка, которая также готовится, что называется сейчас уже, к выборам на основе новой конституции».

Л. И. Мирзоян, первый секретарь ЦК КП(б) Казахстана: «Наметилось большое оживление работы враждебных элементов... В целом ряде мест духовенство так ловко подделывается под советский лад, что частенько разоружает наши отдельные первичные организации».

Я. А. Попок, первый секретарь ЦК КП(б) Туркмении: «По всем

линиям мы чувствуем рост активности враждебных элементов».

И. Д. Кабаков, первый секретарь Свердловского обкома (его появление на трибуне Сталин встретил издевательской репликой: «Всех врагов разогнали или остались?»²⁵): «Та активность, которая выливается в форму усиления участия масс в строительной работе, зачастую используется враждебными элементами как прикрытие для контрреволюционной работы».

Е. Г. Евдокимов, первый секретарь Азово-Черноморского крайкома: «Вскрыта у нас группа так называемых промежуточных

элементов, которая в индивидуальном порядке обрабатывает неустойчивых людей... Дальше, эсеровская организация в трех донских районах на границе с Украиной, сейчас арестовано сорок человек из эсеровской организации. Они тоже самым энергичным образом готовятся к выборам»²⁶.

И все же при голосовании члены ЦК не могли не поддержать предложенную резолюцию. Тем более что они, собственно, должны были проголосовать всего лишь за точное и неукоснительное соблюдение устава партии, а не за новое положение о выборах, которое

весьма интересовало их, но о котором они так ничего и не узнали.

В прениях, правда, этот вопрос все же прозвучал. Р. И. Эйхе заметил, что «следовало бы начать со скорейшего ознакомления с избирательным законом. До сих пор мы ничего не знаем». Однако Жданов не стал углубляться в не предусмотренную темой доклада проблему. Предоставил ответить М. И. Калинину, сумевшему, хотя и довольно неуклюже, уклониться от прямого объяснения. Все «вопросы, — сказал Михаил Иванович, — будут разрешены, когда будет обсуждаться проект. ... Опубликовать раньше проект нет

оснований. Обсуждаться проект, очевидно, будет на сессии, и вы тогда внесете поправки»²⁷. Единственной неудачей для Жданова оказалась попытка настоять на быстрейшем проведении выборов во всех парторганизациях, завершив их не позже конца апреля. Ссылаясь на незнание новых, демократических норм избирательной системы, пленум поддержал предложение, высказанное С. В. Косиором и М. М. Хатаевичем — «надо несколько оттянуть сроки окончания партийных выборов»²⁸. Жданов вынужден был внести поправку в проект резолюции — отнести завершение восстановления уставных

норм в партии на 20 мая²⁹.

Более заинтересованный, а потому и весьма оживленный характер приняло обсуждение третьего вопроса, внесенного на рассмотрение пленума, — «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа троцкистских и иных двурушников». Вопрос был продуман предельно тщательно, до мелочей, начиная с названия. Суть его подчеркивалась словом «уроки», что оставляло собственно «вредительство» хотя и в недалеком, но все же прошлом.

Первый содокладчик, а на деле основной докладчик, В. М. Молотов, попытался сразу же задать нужный, с точки зрения узкого руководства, тон,

подчеркнув: «Мой доклад... будет, главным образом, докладом о наших недостатках». Тем самым он изначально перенес всю ответственность за выявленные недостатки с НКВД, как это можно было предполагать, на высшие органы власти — как партийные, так и советские в целом. Чтобы добиться необходимого эффекта, требуемой ответной реакции членов ЦК, Молотов разделил выступление на две равные части. В первой изложил свой вариант истории «вредительства», которое, по его мнению, «началось не со вчерашнего дня, а с тех пор, как возникла советская власть», объяснил прежде

всего экономический характер этого нового вида преступления — оно, мол, «никогда не прекращалось на тех или иных участках нашей хозяйственной работы».

Разницу между «вредительством» старым и новым Молотов объяснил так: «Особенность разоблаченного ныне вредительства заключается в том, что здесь использованы были наши партийные органы, использован был партийный билет для того, чтобы организовать вредительские дела в нашем государственном аппарате, в нашей промышленности».

И дабы доказать верность именно такого взгляда, он широко

использовал показания Пятакова, Дробниса, Асиновского, Тамма, детализирующие случаи «вредительства» в химической промышленности, Шестова и Пятакова — в угольной, Пятакова — в медеперерабатывающей. Ярким живописуя многочисленные аварии, взрывы, выход из строя оборудования, срывы планов, Молотов дал весьма двойственную оценку уже прошедшего «разоблачения врагов». Сначала заявил, что «главные факты мы теперь уже знаем», а затем, перейдя к анализу положения в легкой, пищевой промышленности, в сельском хозяйстве, водном

транспорте и других отраслях народного хозяйства, пришел к прямо противоположному выводу. Отметил, что «мы там еще до этого дела (вредительства — Ю.Ж.) не добрались», «по-настоящему еще не раскрыли».

Тем самым Молотов вроде бы подталкивал участников пленума к новому витку «охоты на ведьм», но одновременно, запутывая аудиторию, предостерег от скороспелых действий. Упомянув о сообщении Ягоды по поводу «вредительства» в наркомсвязи, он дал ему следующую оценку:

«Мы должны

проверить, правильно ли это заявление и в какой части оно подтверждается полностью, в какой части не подтверждается, в какой части требует дополнения».

Развивая эту мысль во второй части доклада, Молотов и наметил необходимые меры для «ликвидации последствий вредительства»:

«Наша задача не только в том, чтобы найти отдельных виновников этого дела (вредительства — Ю.Ж.), не только разоблачать и

наказать тех, кто занимался этим делом. Наша задача — сделать из этого правильный практический и политический вывод. От нас требуют развития и усиления самокритики...

Нечего искать обвиняемых, товарищи. Если хотите, мы все здесь обвиняемые, начиная с центральных учреждений партии и кончая низовыми организациями»
(выделено мной — Ю.Ж.).

Но что же предложил конкретно

Молотов для выхода из предельно трудной, по его мнению, ситуации? Прежде всего постарался внушить участникам пленума, что каждый должен заниматься своим делом. НКВД — разоблачать врагов, а партийные работники — заниматься кадрами, выдвигать молодых, образованных, опытных специалистов, тем и борясь с вредительством, предотвращая его. Он рассказал, как уже идет работа в этом направлении: возросло число инженеров, составившее почти 3,5% к общему составу рабочих, а среди них 24–28% коммунистов; две трети рабочих заняты техучебой, то есть получают наконец столь

необходимую им квалификацию. И сказал в заключение, что требуется «еще большее умение разбираться в хозяйственной и технической стороне дела, и поэтому задача овладения техникой в деле воспитания кадров является в настоящее время одной из решающих задач».

«Второй вопрос, — отметил Молотов, — о партийных работниках и недостатках в этом отношении», то есть в отношении кадровой политики. Практически отвергая методику деятельности Ежова и его НКВД, он предложил использовать своеобразное правило четырех «не»: «Нельзя подбирать работников,

руководствуясь анкетой о его прошлой деятельности. Нельзя пользоваться воспоминаниями об их прежней работе. Совсем недостаточно пользоваться личной привязанностью и симпатией к отдельным работникам. Неправильно также руководствоваться рапортами».

Вслед за тем Молотов дал первое толкование знаменитой «Директивы». Объяснил, что она «направлена на то, чтобы путем добросовестной критики выявить действительных врагов, вскрыть действительные недостатки. Здесь же многие поняли так, что надо во что бы то ни стало обливать друг

друга грязью, но в первую очередь определенную категорию работников руководящих... хозяйственников, директоров крупных заводов, которые как по мановению таинственной волшебной палочки сделались центральной мишенью этой части самокритики».

Мало того, Молотов взял под защиту не только директорский корпус, но и некоторых бывших оппозиционеров, на которых вот уже более четырех месяцев НКВД вел облаву. «Мы часто слышим, — продолжал Вячеслав Михайлович, — такой вопрос: как же тут быть, если бывший троцкист, нельзя с ним иметь дела? Неправильно это. Мы

шли на использование бывших троцкистов сознательно, и в этом не ошиблись. Мы ошиблись в другом, мы ошиблись в практике контроля за их работой. Мы не можем из-за того, что тот или другой работник был раньше троцкистом, выступал против партии, из-за этого мы не можем отказаться от использования этого работника, мы не можем стоять на этой позиции. Больше того, совсем недавно, в связи с разоблачением троцкистской вредительской деятельности, кое-где начали размахиваться и по виновным и по невиновным, неправильно понимая интересы партии и государства».

Чтобы

наглядно

продемонстрировать подобного рода ошибки партработников, Молотов привел несколько подобных случаев, заставивших вмешаться ПБ: с Побережным, директором Пермского авиамоторного завода, на снятии с должности и аресте которого настаивал секретарь Пермского горкома Голышев лишь на том основании, что тот в прошлом был троцкистом; с Я. И. Весником, директором Криворожского металлургического комбината, уже не только арестованного (вместе с женой), но и чуть было не расстрелянного из-за чрезмерного и бездумного усердия первого секретаря Днепропетровского обкома

М. М. Хатаевича. Потому-то и предложил Молотов использовать не репрессивные меры, неизбежно порождаемые «охотой на ведьм». «Главный критерий, — подчеркнул он, — это деловые и политические качества работника, проверяемого на деле, испытываемого повседневно, контролируемого изо дня в день».

Наконец, по третьему заявленному им вопросу, о методах работы, Молотов все свел к решению также весьма далеких от репрессий задач. Остановился прежде всего на борьбе с «канцелярско-бюрократическими методами», которые порождали «многочисленность органов,

параллельно работающих, путающихся друг у друга в ногах, мешающих улучшению работы». А потом перешел к более насущным проблемам организации производства — «установлению технических правил на предприятиях, регламентации техники, регламентации производства... регламентации технических правил, технических инструкций, и личный инструктаж и повседневную проверку проведения этих правил на практике».

Закончил Молотов доклад на совершенно иной, далеко не оптимистической ноте. Вернулся к «вредительству», которое, по его

словам, все еще не кануло в прошлое, но предложил заниматься этой проблемой не партсекретарям, а наркомам, начальникам главков, директорскому корпусу: «На акты вредительства, диверсии и прочее нам указали органы Наркомвнудела, отдельные работники, отдельные добровольцы. Со стороны же отдельных хозяйственников мы видим, что они способны на торможение этого дела, на сопротивление разоблачению вредительства по своей политической близорукости»^{[30](#)}.

Так по возможности четко была обозначена принципиально новая политическая линия, весьма

двойственная, а потому и противоречивая по своей сути. И все же именно ею окончательно размывалось прежнее понимание термина «враг» как непременно бывшего оппозиционера, то есть прежде всего члена партии — бывшего или настоящего. Термин «вредитель» практически полностью вытеснил прежний — «троцкист».

Однако последние фразы доклада Молотова породили совсем не то, к чему он стремился. И содокладчик Л. М. Каганович, и практически все принявшие участие в развернувшейся дискуссии — наркомы М. Л. Рухимович, Н. К. Антипов, Н. И. Пахомов,

Н. И. Ежов, И. Е. Любимов, А. И. Микоян, М. И. Калманович, К. Е. Ворошилов, первые секретари С. А. Саркисов, М. Д. Багиров, Р. И. Эйхе и другие проигнорировали суть сказанного Молотовым. Они предпочли дружно и горячо обсуждать более, видимо, им близкое и выгодное, говорили практически лишь о поиске «врагов», о разоблачении «вредителей», борьбе с «вредительством».

Такой поворот хода пленума вынудил Молотова заключительное слово начать так:

«Слушая прения, мне не раз приходило в голову,

что доклад, который мною
был сделан по
промышленности и ряду
других наших
государственных
организаций, был
недостаточно заострен на
тех вопросах, на которых
нужно было заострить
внимание. В ряде случаев,
слушая выступающих
ораторов, можно было
прийти к выводу, что наши
резолюции и наши доклады
прошли мимо ушей
выступающих».

Молотову пришлось привести

данные о количестве осужденных «членов антисоветских, троцкистских организаций и групп» с 1 октября 1936 г. по 1 марта 1937 г., чтобы продемонстрировать членам ЦК ограниченность проводимых репрессий. В отличие от Ежова, еще в декабре сообщившего об арестах по парторганизациям, Молотов информировал пленум о репрессиях по наркоматам. За пять месяцев, по его словам, было осуждено две с половиной тысячи человек. Правда, в подсчет не вошли данные по НКО, НКВД и НКВД, а также по большинству республиканских наркоматов, что вполне могло удвоить и утроить итоговые данные.

Но даже в этом случае столь огромная — как абсолютный показатель — цифра все еще не давала оснований говорить о репрессиях как массовом явлении. После такого явно вынужденного отступления Молотов подчеркнуто демонстративно вернулся к главному в его докладе — вопросу о подготовке и подборе кадров, о методах руководства и работы^{[31](#)}.

О значительных сдвигах в определении и понимании узким руководством того, что такое «враг», говорила чуть ли не открыто резолюция, принятая 2 марта по докладам Молотова и Кагановича «Уроки вредительства, диверсий и

шпионажа японо-немецко-
троцкистских агентов». Уже своим
названием она выводила троцкистов
из привычной до той поры оценки их
как пусть бывшей, но все же
политической оппозиции, делала их
врагами не партии, а всего
Советского Союза. Кроме того,
содержание резолюции при желании
можно было толковать таким
образом, что с вредительством, в
общем, уже покончено. Ведь она «в
целях ликвидации последствий
(выделено мной — Ю.Ж.)
диверсионно-вредительской
деятельности немецко-японо-
троцкистских агентов и искоренения
причин, делающих возможной

подрывную работу фашистской агентуры», потребовала не от пресловутых органов НКВД, а от наркоматов разработать «методы разоблачения и предупреждения вредительства и шпионажа по своему наркомату», представив их в месячный срок в политбюро ЦК и Совнарком СССР. Под требуемыми мерами в резолюции подразумевались прежде всего строгое соблюдение технологических процессов производства, регулярный планово-предупредительный и капитальный ремонт оборудования, жесточайший контроль за соблюдением положений об охране труда и техники безопасности,

переподготовка кадров. Именно все это, утверждалось в резолюции, и должно предотвратить те аварии на предприятиях и транспорте, которые расценивались как «вредительство»^{[32](#)}.

Неожиданно возникший в ходе пленума второй доклад Ежова, точнее, содоклад по третьему пункту повестки дня, да еще после принятия соответствующей резолюции, носил сугубо ведомственный характер. Он прежде всего попытался обосновать пересказанную им телеграмму Сталина и Жданова от 25 сентября 1936 г. об «опоздании на 4 года» в деле разоблачения троцкистского подполья. Ради этого он, Ежов, долго

излагал хорошо известное всем:
арест 30 человек группы
А. Н. Слепкова и 87 человек группы
И. Н. Смирнова в 1933 г.,
В. П. Ольберга в январе 1936 г.,
раскрытие группы
Ю. М. Коцюбинского в 1932 г. и
арест ее членов в 1936 г. Добавил и
неизвестные факты — раскрытие
группы правых в Западной Сибири в
1933 г., донос некоего Зафрана на
К. Б. Радека, И. Н. Смирнова и
Я. Н. Дробниса в 1932 г.

Попытался Ежов установить и
виновного в «четырёхлетнем
отставании», сделав таковым
Г. А. Молчанова, человека весьма
подходящего для роли козла

отпущения. Дело в том, что только что, 3 февраля, арестованный Молчанов с ноября 1917-го по июнь 1918 г. служил ординарцем в штабе Антонова-Овсеенко, впоследствии открытого сторонника Троцкого, а затем, вплоть до лета 1920 г., находился в рядах Красной армии, опять же возглавляемой Троцким.

Наконец, Ежов сообщил и о принятых для искоренения «вредительства» в подведомственном ему наркомате мерах. Об аресте 238 чекистов высокого ранга, в том числе 107, работавших в Главном управлении госбезопасности^{[33](#)}.

Выступившие в прениях сотрудники НКВД поддержали

линию, намеченную их шефом. Бывший нарком Г. Г. Ягода, начальник управления по Ленинградской области Л. М. Заковский, первый заместитель наркома Я. С. Агранов, нарком внутренних дел СССР В. А. Балицкий, начальник управления по Московской области С. Ф. Реденс, начальник контрразведывательного отдела Л. Г. Миронов дружно поддержали Ежова в главном — признали, что именно в 1931–1932 гг. резко ослабили действия по разоблачению «вражеского подполья». Вместе с тем они разошлись во взглядах на то, кто повинен в этом. Только Ягода

поддержал Ежова, назвав ответственным за все одного Молчанова. Остальные настаивали на виновности прежде всего бывшего наркома. Ту же позицию заняли выступавшие в прениях нарком здравоохранения СССР Г. Н. Каминский, первый секретарь Азово-Черноморского крайкома, в прошлом отдавший четырнадцать лет ответственной работе в ОГПУ Е. Г. Евдокимов, секретарь ЦИК СССР, в 1931–1932 гг. заместитель председателя ОГПУ, а в 1933–1935 гг. прокурор СССР И. А. Акулов³⁴.

Диссонансом прозвучали лишь два выступления. М. М. Литвинов крайне отрицательно оценил

деятельность зарубежной агентуры НКВД, которая постоянно измышляла ни разу не подтвердившиеся заговоры с целью покушения на наркома иностранных дел³⁵. Более резко высказался А. Я. Вышинский. Он поведал о том, что слишком часто следователи НКВД, проводя допросы, демонстрируют непрофессионализм, вопиющую неграмотность, сознательно допускают преступные подтасовки. Он, в частности, честно признал:

«Качество
следственного
производства у нас

недостаточно, и не только в органах НКВД, но и в органах прокуратуры. Наши следственные материалы страдают тем, что мы называем в своем кругу „обвинительным уклоном“. Это тоже своего рода „честь мундира“ — если уж попал, зацепили, потащили обвиняемого, нужно доказать во что бы то ни стало, что он виноват. Если следствие приходит к иным результатам, чем обвинение, то это считается просто неудобным. Считается

неловко прекратить дело за недоказанностью, как будто это компрометирует работу».

Вышинский пояснил, что такой «обвинительный уклон» нарушает инструкцию ЦК от 8 мая 1933 г. (которую не раз поминал в докладе Ежов, извращая ее истинный смысл). Подчеркнул — документ этот направлен на то, «чтобы предостеречь против огульного, неосновательного привлечения людей к ответственности». И добавил: «К сожалению, до сих пор инструкция от 8 мая выполняется плохо»^{[36](#)}.

В еще большей степени усложнил и запутал недавно простое понятие «враг» Сталин. Выступая за два дня до окончания пленума, он говорил слишком пространно, разбрасываясь по тематике. Прибегал к умолчанию, недоговоренности, намекам — видимо, по какой-то причине не мог позволить себе сказать прямо то, что хотел. Большую часть доклада — явно подыгрывая настроениям, царившим на пленуме, — он посвятил осуждению троцкистов, вслед за Молотовым связав их с беспартийными «шахтинцами» и «промпартийцами». Затронул мимоходом международные дела, чтобы от «капиталистического

окружения» перейти к обоснованию обострения классовой борьбы. Но сказал он и о новой, более страшной опасности — «одуряющей атмосфере зазнайства и самодовольства, атмосфере парадности и шумливых восхвалений» и лишь обозначил повинных в том, риторически приведя мнение неких неназванных оппонентов: «Партийный устав, выборность парторганов, отчетность партийных руководителей перед партийной массой? Да есть ли во всем этом нужда?»

Уже ближе к концу доклада Сталин еще раз намекнул на тех же оппонентов: «Современные вредители, обладающие партийным

билетом, обманывают наших людей на политическом доверии к ним, как к членам партии.... Слабость наших людей составляет... отсутствие проверки людей не по их политическим декларациям, а по результатам их работы».

И лишь завершая речь, он опять вернулся к той же, явно главной для него теме. И прямо назвал тех, кто должен быть готов лишиться своих постов. Партийных руководителей: 3—4 тыс. — высшего звена, 30—40 тыс. — среднего и 100—150 тыс. низового. Указал и срок — шесть месяцев, когда придется «вливать в эти ряды свежие силы, ждущие своего выдвижения»³⁷, то есть как раз до

выборов в Верховный Совет СССР и местные советы.

С началом прений опасения Сталина стали понятны. Он, как оказалось, наткнулся на глухую стену непонимания, нежелания членов ЦК, услышавших в докладе лишь то, что захотели услышать, обсуждать то, что он предлагал. Из двадцати четырех человек, принявших участие в обсуждении, пятнадцать говорили в основном о «врагах народа», то есть троцкистах. Говорили убежденно, агрессивно, как и после доклада Жданова и Молотова. Все проблемы сводили к одному — необходимости поиска «врагов». И практически никто из них не вспомнил об

основном — о недостатках в работе партийных организаций, о подготовке к выборам в Верховный Совет СССР.

Так, Е. Г. Евдокимов сразу же, с готовностью признал свои ошибки, правда, не вдаваясь в детали, и тут же заговорил о засилье «врагов» в Азово-Черноморском крае. «Везде в руководстве сидели враги партии — и первые, и вторые секретари... Почти все звенья затронуты, начиная с Наркомзема, наркомсовхозов, крайвнуторга и так далее. Крепко, оказалось, засели и в краевой прокуратуре... Две организации чекистов возглавлялись врагами партии. Весь огонь враги

сосредоточили на захвате городских партийных организаций».

Вину за такое положение Евдокимов целиком и полностью возложил на своего — предшественника — Б. П. Шеболдаева. Да еще на А. Г. Белобородова, принципиального и твердого троцкиста, работавшего перед арестом 15 августа 1936 г. уполномоченным комитета заготовок по краю^{[38](#)}.

Недалеко от Евдокимова по образу мышления ушел и П. П. Постышев. Снятый недавно с поста второго секретаря ЦК КП(б) Украины, он нашел единственное

весомое и бесспорное оправдание своим ошибкам. С гордостью заявил:

«Мы ведь на Украине все-таки одиннадцать тысяч всяких врагов исключили из партии, очень многих из них посадили»³⁹. Сходными по сути оказались выступления Б. П. Шеболдаева, И. Д. Кабакова, Я. Б. Гамарника, А. И. Угарова, А. В. Косарева.

Изменить столь агрессивный дух пленума попытался Я. А. Яковлев. Ссылаясь на данные КПК, он сделал все возможное, дабы пресечь репрессивные устремления членов ЦК. Настойчиво убеждал их, что число исключенных из партии далеко не равнозначно количеству

«врагов», что большинство бывших членов ВКП(б) пострадали не из-за своих троцкистских убеждений, а по иным, более простым, прозаическим причинам — из-за казенщины, бюрократизма и равнодушия к людям. Яковлев рассказал:

«Когда мы, Комитет партийного контроля, познакомились со 155 исключенными на трех предприятиях (Москвы — *Ю.Ж.*), из них 62 исключили за пассивность. Из этих 155 две трети работают на производстве больше десяти лет. 70 —

слесари, токари,
шлифовальщики,
инженеры, техники. Из
этих 155 122 —
стахановцы. В чем же здесь
дело? Мне кажется, дело в
том, что здесь имело
место... отсутствие
внимания к людям».

Не ограничиваясь примером по
столице, Яковлев привел данные по
НКПС. «На сети железных дорог —
сообщил он, — насчитывается около
75 тысяч исключенных из партии»
при общем числе коммунистов там
156 тысяч. Столь удручающий
результат чистки он объяснил так:

«Исключена очень большая часть за пассивность, политнеграмотность и неуплату членских взносов». И бросил обвинения в адрес пленума: «ЦК потребовал, не на прошлом пленуме, а на пленуме, который до того был, в конце 1935 г., товарищ Ежов поставил перед москвичами вопрос: у вас плохо с поиском и изгнанием из партии врагов. В ответ на это ряд организаций быстро нагнал нужный процент»⁴⁰.

Однако даже такая, откровенно негативная характеристика членов ЦК не оказала на них никакого воздействия. Никто из них не только не попытался как-то оправдаться, ответить на выступление Яковлева,

но вообще не обратил внимания на подобное заявление. Потому-то пришлось взять слово заведующему отделом руководящих партийных органов Г. М. Маленкову. Он говорил практически о том же, о чем уже сказал Яковлев, — о невнимании, равнодушии партсекретарей к рядовым членам партии. Подчеркнул, что настоящие, а не мнимые троцкисты составили, в общем, не более одной десятой исключенных. Указал, что бездумные, формальные чистки повсюду привели к резкому уменьшению областных и краевых организаций — почти наполовину. Что первые секретари создают чуть ли не повсеместно своеобразные

личные кланы партбюрократии, даже при переводе в другой край или область тянут за собой «хвост» из лично преданных людей, с кем они давно сработались. По его мнению, те же первые секретари потворствуют открытой лести в свой адрес, что порождает подхалимаж, зазнайство, самодовольство.

Дав столь нелюбезную оценку партократии, Маленков уточнил округленные цифры, приведенные в докладе Сталиным. Дал справку, что в целом к номенклатуре ЦК или к руководителям высшего звена относятся не 3—4 тысячи человек, а значительно больше — 5860 первых

и вторых секретарей горкомов, райкомов, обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий. К низшему же не 100–150 тысяч, а всего 94145 секретарей парткомов первичных организаций⁴¹. Тем самым он как бы продемонстрировал явную раздутость руководящего звена и намекнул о вполне возможном сокращении его.

Речи Яковлева и Маленкова несколько охладили пыл членов ЦК, однако так и не заставили их выступать по теме доклада Сталина. Участники пленума перестали говорить о «врагах», их засилье, но тут же нашли себе иных противников — в лице друг друга.

С. Е. Кудрявцев, член ЦК и ПБ компартии Украины, и П. П. Любченко назвали нового виновного во всех ошибках, допущенных в республике, — Постышева. А. А. Андреев обрушился на Шеболдаева, В. И. Полонский, секретарь ВЦСПС, — на Н. М. Шверника. Н. С. Хрущев, упорно защищая свой метод чистки, вступил в полемику с Яковлевым, пытался опровергнуть его. Такой поворот в ходе пленума позволил Сталину в заключительном слове 5 марта сказать гораздо больше и яснее, нежели в докладе.

Прежде всего Иосиф Виссарионович объявил о том, что,

несомненно, считал для себя
наиважнейшим, — необходимости
вскоре разграничить функции партии
и органов исполнительной власти.

«Партийные
организации будут
освобождены от
хозяйственной работы, хотя
произойдет это далеко не
сразу. Для этого
необходимо время. Надо
укомплектовать органы
сельского хозяйства, дать
туда лучших людей.
Промышленность, она
крепче построена, и ее
органы не дадут вам

подменить их. И это очень хорошо. Надо усвоить метод большевистского руководства советскими, хозяйственными органами, не подменять их и не обезличивать, а помогать им, укреплять их и руководить через них, а не помимо их».

Затем Сталин выразил свое отношение к тем, кто пытался последние десять лет подменять собой исполнительную ветвь власти: к левым — троцкистам и зиновьевцам, к правым — бухаринцам. К тем, кто совсем

недавно составлял ядро партии, кто пытался и теперь действовать по-старому в совершенно новых условиях. Он не стал оценивать их как серьезную силу, которая представляет с его точки зрения, опасность. Не поленившись вслух подсчитать, сколько же в партии изначально имелось убежденных идейных троцкистов и зиновьевцев, а также правых, он пришел к выводу, что не более 30 тысяч человек, в чем полностью сошелся в подсчетах с Троцким. Но сразу же уточнил: из них «уже арестовано 18 тысяч», а из тех, кто остался на свободе, многие «перешли на сторону партии, и перешли довольно основательно.

Часть выбыла из партии».

Сталин несколько раз возвращался к данной проблеме. Пытался убедить членов ЦК, что необходимо разделять бывших оппозиционеров на две категории — лидеров и рядовых участников, думая и заботясь при том о судьбе последних. Он вспомнил о тех полутора миллионах человек, которых «вычистили» из партии по различным причинам начиная с 1922 г. И счел сохранявшееся негативное отношение к ним неверным, ничем не оправданным. «У нас, — бросил в зал Иосиф Виссарионович, — развелись люди больших масштабов, которые мыслят тысячами и

десятками тысяч. Исключить 10 тысяч членов партии — пустяки, чепуха это». Не без основания полагая, что именно эти полтора миллиона человек легко могут стать объектом репрессий, он прямо обратился к участникам пленума:

«В речах некоторых товарищей сквозила мысль о том, что давай теперь направо и налево бить всякого, кто когда-либо шел по одной улице с троцкистом или кто когда-либо в одной общественной столовой где-то по соседству с Троцким

обедал... Это не выйдет,
это не годится».

Третьей для Сталина — по смыслу, а не по построению доклада — стала проблема партократии, которую он вполне преднамеренно разделил на три неравные как по численности, так и по властным полномочиям группы. К первой отнес 102 тысячи секретарей первичных организаций, но сразу же отметил, что к ним особых претензий не имеет и требует от них лишь одного — повышения политического уровня. Вторую группу, три с половиной тысячи секретарей райкомов и горкомов, он

счел чрезмерной по численности, почему и предложил сократить ее за счет совмещения должностей секретарей райкомов, обкомов, крайкомов. Главное же внимание Сталин уделил третьей группе, включавшей свыше ста секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий, к которым без каких бы то ни было объяснений причислил еще и наркомов. Именно о них он выразился донельзя презрительно.

«У нас, — заметил Сталин, — некоторые товарищи думают, что если он нарком, то он все знает. Думают, что чин сам по себе дает очень большое, почти

исчерпывающее знание. Или думают: если я член ЦК, стало быть, не случайно я член ЦК, стало быть, я все знаю». И добавил назидательно, по-учительски: «Неверно это».

Подчеркнув именно такую определяющую черту и партократии и бюрократии в целом, Сталин предложил обязать всех секретарей трех групп пройти обязательное обучение или переподготовку на полугодовых курсах, которые скоро будут созданы. Но до отъезда на учебу секретари всех трех групп должны «выдвинуть двух заместителей себе, настоящих, полноценных, способных заменить их». Такое настоятельное требование

он объяснил в реплике, брошенной во время выступления М. М. Хатаевича: «Многие из вас боятся конкуренции, потому замухрышек выдвигают, а они вам дают плохую помощь, не могут быть настоящими заместителями»⁴².

Секретари как первой, так и второй групп отлично понимали, что после курсов их скорее всего переместят, направят на какую-нибудь должность, но не обязательно на партийную. Сталин постарался подсластить горькую пилюлю: «Мы, старики, скоро отойдем, сойдем со сцены. Это закон природы. И мы бы хотели, чтобы у нас было несколько смен»⁴³.

Столь же далекой от призывов к

«охоте на ведьм», как и заключительное слово, оказалась резолюция по докладу Сталина. За нее, как повелось в последние годы, без каких-либо замечаний и изменений, единодушно проголосовали участники пленума. Слова же «предательская и шпионско-вредительская деятельность троцкистских фашистов», упоминавшиеся лишь раз, да и то в преамбуле, послужили только поводом для установления серьезнейших недостатков в работе партийных организаций и их руководителей. Резолюция определила следующее:

1. Парторганизации увлеклись хозяйственной деятельностью, отошли от партийно-политической руководящей, «подмяли под себя и обезличили органы Наркомзема на местах, подменив их собой, и превратились в узких хозяйственников».

2. «Повернувшись от партийно-политической работы к хозяйственным и прежде всего к сельскохозяйственным кампаниям, наши партийные руководители стали незаметно

переносить основную базу своей работы из города в область. Они стали рассматривать город с его рабочим классом не как руководящую политическую и культурную силу области, а как один из многих участков области».

3. «Наши партийные руководители стали терять вкус к идеологической работе, к работе по партийно-политическому воспитанию партийных и беспартийных масс».

4. «Стали терять вкус

также к критике наших
недостатков и самокритике
партийных
руководителей...»

5. «Стали также
отходить от прямой
ответственности перед
партийными массами...
взяли на себя смелость
подменить выборность
кооптацией... получился
таким образом
бюрократический
централизм».

6. В кадровой работе,
уточнялось в резолюции,
«надо подходить к
работникам не формально-

бюрократически, а по существу, т.е., во-первых, с точки зрения политической (заслуживают ли они политического доверия) и, во-вторых, с точки зрения деловой (пригодны ли они для данной работы)».

7. Руководители парторганизаций «страдают отсутствием должного внимания к людям, к членам партии, к работникам... В результате такого бездушного отношения к людям, членам партии и партийным работникам

искусственно создается недовольство и озлобление в одной части партии».

8. Наконец, отмечалось в резолюции, несмотря на отсутствие образования, партруководители не хотят повышать свой уровень, учиться, проходить переподготовку.

В резолюции, естественно, прозвучало требование незамедлительного устранения определенных таким образом истинных недостатков в партийной работе. В пунктах с 1-го по 8-й —

осудить практику подмены и обезличивания хозяйственных органов; срочно возвратиться исключительно к партийно-политической работе, перенести ее прежде всего в город; уделять большее внимание печати. В пунктах с 9-го по 14-й — решительно отвергнуть «практику превращения пленумов обкомов, крайкомов, горкомов, партийных конференций, городских активов и т.п. в средство парадных манифестаций и шумливых приветствий вождям»; восстановить отчетность парторганов перед пленумами, пресечь практику кооптации в партийных организациях. В пунктах 15–18

говорилося о принципіально новому підході в роботі з кадрами, а в пунктах 19–25 — об учені і перепідготовці партійних керівників⁴⁴.

Так Сталін зробив останню спробу підстрахувати намічені реформи, гарантувати столь нагрівшу ротацию кадрів не тільки альтернативними виборами в Верховний Совет СРСР, но і перевиборами, а точніше, настоящими виборами во всіх партійних організаціях.

Глава пятнадцатая

6 марта 1937 г. во всех советских газетах появилось сообщение об очередном важном событии в жизни партии. Вполне обычное как таковое, но в данном случае не лишенное довольно характерного своеобразия, оно предельно скупо информировало лишь о том, что «на днях» закончившийся пленум «обсудил вопрос о задачах партийных организаций в связи с предстоящими выборами Верховного Совета СССР на основе новой конституции». Оно не содержало даже намека на еще две проблемы, фигурировавшие в

повестке дня, и лишь в конце отмечалось: «Пленум рассмотрел также вопрос об антипартийной деятельности Бухарина и Рыкова и постановил исключить их из рядов ВКП(б)». Далее публиковалась лишь одна из пяти резолюций — принятая по докладу Жданова.

Столь ограниченное, преднамеренно выборочное содержание сообщения свидетельствовало о весьма важном. Узкое руководство, от которого всецело зависело, о чем же поведать партии, а заодно и населению страны, как и в декабре минувшего года, явно стремилось скрыть все, что было связано с репрессиями,

вполне сознательно умолчало о докладах не только Ежова, Молотова, Кагановича, но и Сталина. Несомненно, пошло оно на это лишь для того, чтобы исключить любую возможность возникновения обсуждения, разговоров, слухов о существовании и арестах «врагов», которые обязательно начались бы, если бы появились официальные данные о том. Пропаганда через газеты и журналы настойчиво начала бить в единственную цель: подготовка парторганизаций к предстоящим выборам по новой избирательной системе.

Вместе с тем приходится констатировать и иное. С

однолинейной пропагандой пленума все обстояло не так уж просто. Настораживала прежде всего весьма существенная деталь: сам доклад Жданова опубликовали лишь 11 марта, хотя выправленный его текст вполне мог быть передан в газеты еще 28 февраля, во всяком случае не позже 5 марта, вместе с сообщением и резолюцией. Возможно, почти недельную отсрочку породило какое-то неизвестное нам столкновение мнений на самом высоком уровне, нежелание некой группы лиц, обладающих достаточной властью, предавать огласке содержание доклада, носившего откровенно антипартократический характер.

Нельзя также исключать и того, что давление этой гипотетической группы, которую, если она существовала, вряд ли удастся когда-либо идентифицировать, привело к публикации, но только 29 марта, доклада Сталина — как своеобразной компенсации за нанесенный партократии «моральный ущерб». Если такое предположение верно, то вполне логичным было бы и следующее: целью данной группы являлось стремление любой ценой добиться огласки прозвучавшей на пленуме констатации существования и вредительской деятельности многочисленных «врагов» —

«троцкистских и иных двурушников», о которых пришлось говорить Молотову и Сталину.

Однако на этом своеобразное «перетягивание каната» отнюдь не завершилось. 1 апреля, как оригинальный контраргумент группы реформаторов, газеты опубликовали «Заключительное слово» Сталина, но резолюция по его докладу так и не стала достоянием гласности. Вместо этого три недели спустя, 21 апреля, также в газетах, увидела свет вторая часть доклада Молотова. И хотя ее поместили на трех полосах под выразительным заголовком «Наши задачи в борьбе с троцкистами и иными вредителями, диверсантами и

шпионами», как само содержание ее, так и все подзаголовки — «Воспитание кадров», «Подбор работников», «Метод руководства» — подчеркивали совершенно иную по смыслу направленность всего материала.

Пока узкое руководство при безоговорочной поддержке А. И. Стецкого, Л. З. Мехлиса, Б. М. Таля и руководимых ими средств массовой информации объясняло партии, в чем же заключается истинный смысл только что прошедшего пленума, возникла новая, хотя и вполне предсказуемая проблема. В соответствии с резолюцией по докладу Жданова во

всех партийных организациях, поначалу, разумеется, в низовых и районных, начались выборы. А они сразу же показали, что первые секретари либо по неграмотности, по неспособности понять требуемое от них, либо вполне преднамеренно и сознательно попытались проводить их по-старому — используя списки, избегая обсуждения каждой выдвинутой кандидатуры, принуждая голосовать открыто. Словом, демонстративно нарушали принятое ими же решение.

Наглядным примером подобного «непонимания» стала телеграмма, посланная С. В. Косиором Сталину 20 марта:

Поскольку выборы парторганов в областях начались, прошу ускорить дачу указания по неясным еще вопросам: выбирать ли открытым либо тайным голосованием парторгов и делегатов на партконференции и членов бюро парткомов.

Сталин ответил предельно кратко: «Все выборы проводятся путем тайного голосования»¹. Но, отлично понимая, что вскоре он может получить еще сотню таких телеграмм, провел в тот же день через ПБ циркулярное решение «Об

организации выборов парторганов (на основе решения пленума)». В нем однозначно, ясно и понятно было вновь указано:

«Воспретить при выборах партийных органов голосовать списком. Голосование производить по отдельным кандидатурам, **обеспечив при этом всем членам партии неограниченное право отвода кандидатов и критику последних** (выделено мной — Ю.Ж.). Установить при выборах партийных органов

закрытое (тайное)
голосование...»².

Но даже такого повтора решения пленума, как вскоре выяснилось, оказалось недостаточно. Поэтому 8 мая ПБ пришлось утвердить уже как постановление ЦК еще одно разъяснение, подготовленное и внесенное Г. М. Маленковым, — «О нарушениях порядка оглашения результатов закрытого (тайного) голосования». В нем говорилось:

«ЦК ВКП(б) стали известны факты о том, что в отдельных партийных организациях на

партийных конференциях и собраниях при оглашении результатов тайного голосования счетные комиссии не сообщают количества голосов „против“, полученных членами ЦК ВКП(б) при голосовании их кандидатур в состав партийных органов или делегатов на конференции. ЦК ВКП(б) разъясняет, что такая практика является неправильной, и считает необходимым полностью устно (не в печати) оглашать результаты

голосования, кого бы оно ни касалось»³.

Именно поэтому сразу же после возникновения данной проблемы направленность пропагандистских материалов вынужденно была изменена. От вопросов, связанных с выборами в Верховный Совет СССР, перешли к разъяснению технологии проведения выборов в партийных организациях. Весьма показательны, что тогда же «Правда» поместила всего одну статью иной направленности — заместителя наркома тяжелой промышленности О. П. Осипова-Шмидта «Ликвидация последствия вредительства в

ХИМИИ»⁴.

Так, хотя и чисто внешне, представал перед всеми курс узкого руководства, выраженный и пропагандистскими материалами, и постоянным контролем за формой проведения выборов в партийных организациях. Но точно так же выглядел этот курс и в недоступной постороннему взгляду секретной переписке Сталина с первыми секретарями обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий. Вот известные нам направленные Сталиным на места шифротелеграммы по кадровым вопросам за период с конца января по начало мая 1937 г.

В. А. Орлову, секретарю

Камчатского обкома, 22 января:

«Получена жалоба
Савина (начальника
политотдела
Крутогоровского
рыбкомбината) о травле
Савина и покровительстве
Разгонову с Вашей
стороны. Савин известен
Центральному комитету
партии как человек
честный. Жалоба Савина
производит впечатление
документа объективного.
Просьба дать объяснение
секретарю крайкома
Варейкису, копия ЦК

партии и ждать решения вопроса от крайкома».

*И. Д. Кабакову, секретарю
Свердловского обкома, 9 февраля:*

«Вы допустили преступление, исключив из партии Федорова за заявление о том, что к наркому не попадали его сообщения и нарком не реагировал на них. Надо было сначала проверить заявление Федорова, а потом обсудить его. Предлагаю отменить немедленно решение ячейки об

исключении, не трогать Федорова, проверить фактическую сторону его заявления и сообщить результаты ЦК».

*Е. И. Рябинину, секретарю
Воронежского обкома, 12 февраля:*

«Начальником Юго-Восточной дороги назначен Чаплин. У него были в прошлом некоторые грешки, но он давно уже ликвидировал их. ЦК верит, что Чаплин будет честно и умело вести работу. Просим оказать ему полное

доверие и оградить его от
возможных придинок.
Хорошо бы ввести его в
обком и обеспечить ему
участие в партийных
органах».

*Всем секретарям обкомов,
крайкомов, ЦК нацкомпартий,
начальникам управлений НКВД по
краю, области, 13 февраля:*

«По имеющимся в ЦК
материалам, некоторые
секретари обкомов и
крайкомов, видимо, желая
освободиться от
нареканий, очень охотно

дают органам НКВД
согласие на арест
отдельных руководителей,
директоров, технических
директоров, инженеров и
техников, конструкторов
промышленности,
транспорта и других
отраслей. ЦК напоминает,
что ни секретарь обкома
или крайкома, ни секретарь
ЦК нацкомпартии, ни тем
более другие партийно-
советские руководители на
местах не имеют права
давать согласие на такие
аресты. ЦК ВКП(б)
обязывает Вас

руководствоваться давно
установленным ЦК
правилом, обязательным
как для партийно-
советских организаций на
местах, так и для органов
НКВД, в силу которого
руководители, директора,
технические директора,
инженеры, техники и
конструкторы могут
арестовываться лишь с
согласия соответствующего
наркома причем в случае
несогласия сторон на счет
ареста или неареста того
или иного лица стороны
могут обращаться в ЦК

ВКП(б) за разрешением
вопроса».

М. Д. Багиров, первый
секретарь ЦК КП(б)
Азербайджана, — Сталину, 13
марта:

«В докладных
записках мы сообщали ряд
данных, говорящих о
причастности директора
треста Кергезнефти Борца
к контрреволюционной
троцкистской работе в
нефтяной
промышленности. За
последнее время

поступили новые
серьезные показания,
подтверждающие активное
участие Борца в
троцкистской
вредительской работе.
Просим санкции на снятие
Борца с работы и
исключение его из
партии».

М. Д. Багирову, 14 марта:

«Предлагаем
арестовать Борца и
назначить вместо него
директором треста
товарища Калашникова».

*А. И. Криницкому, секретарю
Саратовского обкома, 3 апреля:*

«Рассмотрев
сообщение обкома о т.
Яковлеве ЦК ВКП(б)
считает, что обком
поступил неправильно
ставя вопрос о
политическом доверии т.
Яковлеву —
уполномоченному КПК.
Центральному комитету
известно о бывших
колебаниях т. Яковлева в
1923 г. Эти колебания
ликвидированы были уже в
1924 г., и с тех пор т.

Яковлев не давал оснований для каких-либо сомнений насчет его большевистской стойкости. ЦК доверяет т. Яковлеву и предлагает обкому считать на этом вопрос исчерпанным».

*Е. Г. Евдокимову, секретарю
Азово-Черноморского крайкома, 20
мая:*

«Кандидата в
предисполкомы края не
можем и не считаем
целесообразным дать. Не
надейтесь на то, что Вам

дадут готового работника сверху, со стороны. Ищите кандидата у себя в крае и выдвигайте снизу. Надо смотреть не вверх, на ЦК, а вниз, на своих работников, которые растут и которых нужно выдвигать»⁵.

Все эти шифротелеграммы, равно как и циркуляр от 13 февраля, со всей очевидностью подтверждают два непреложных факта. Во-первых, арестов тогда требовал не кто-либо иной, а партократия, стремившаяся, без сомнения, таким образом возложить ответственность за любые провалы, ошибки, неудачи, упущения

в народном хозяйстве на подведомственной территории, приписывая им чисто политический характер, исключительно на хозяйственников. Во-вторых, узкое руководство стремилось если не избежать репрессий полностью, то хотя бы свести к минимуму подобную практику. И оградить вместе с тем от необоснованных обвинений и наветов специалистов, пусть даже с далеко не безупречным партийным прошлым.

И все же после второго московского открытого процесса и февральско-мартовского пленума в стране так и не наступило полное умиротворение. Репрессии, хотя и

предельно ограниченные, выборочные, продолжались. Но затрагивали они в те весенние месяцы 1937 г. преимущественно тех, кто совсем недавно занимал важные, очень высокие посты в НКВД. Ну, а основанием для них послужили три ареста: 3 февраля в Минске — наркома внутренних дел БССР, до того начальника секретно-политического отдела НКВД Г. А. Молчанова; 11 февраля в Харькове — начальника областного отдела УШОС ДОР НКВД Украины, до марта 1935 г. секретаря ЦИК СССР А. С. Енукидзе; 22 марта в личном вагоне поезда, следовавшего из Москвы в Сочи, заместителя

начальника оперативного отдела НКВД З. И. Воловича. Их показания и позволили Ежову, Агранову и другим ответственным сотрудникам главного управления госбезопасности спустя полтора месяца «раскрыть» два очередных антиправительственных «заговора» — в НКВД и НКО, а также, но тихо и для всех незаметно, завершить следствие по давнему «Кремлевскому делу», фигурировавшему на Лубянке под кодовым названием «Клубок».

31 марта из Москвы спецсвязью ушел очередной циркуляр, адресованный «всем членам ЦК ВКП» В нем сообщалось:

«Ввиду обнаруженных антигосударственных и уголовных преступлений наркома связи Ягода, совершенных в бытность его наркомом внутренних дел, а также после его перехода в наркомат связи, политбюро ЦК ВКП считает необходимым исключение его из партии и ЦК и немедленный его арест. Политбюро ЦК ВКП доводит до сведения членов ЦК ВКП, что ввиду опасности оставления Ягода на воле хотя бы на один день, оно оказалось

вынужденным **дать**
распоряжение **о**
немедленном **аресте**
Ягода (выделено мной —
Ю.Ж.). Политбюро ЦК
ВКП просит членов ЦК
ВКП санкционировать
исключение Ягода из
партии и ЦК и его арест.
По поручению политбюро
ЦК ВКП Сталин»⁶.

Г. Г. Ягода был арестован 28
марта на основании ордера,
подписанного Ежовым. Однако
первый допрос его, несмотря на
прямое указание о якобы нависшей
над всеми страшной угрозе, которое

содержалось в циркуляре, прошел только 2 апреля. Более того, вопросы, задававшиеся подследственному, касались лишь его отношений с директором кооператива НКВД Лурье, который неоднократно, используя заграникомандировки, вывозил из страны и продавал бриллианты⁷.

Решительно изменили характер допросов только последовавшие аресты высокопоставленных сотрудников НКВД: 29 марта — бывшего секретаря коллегии наркомата П. П. Буланова и начальника административно-хозяйственного управления, в конце 1936 г. перемещенного на должность

начальника УШОС ДОР УССР, И. М. Островского; 1 апреля — бывшего начальника особого отдела, затем начальника управления по Восточно-Сибирскому краю М. И. Гая (Штоклянда); 11 апреля — заместителя Ягоды как в НКВД, так и в НК связи Г. Е. Прокофьева; 15 апреля — начальника отдела охраны К. В. Паукера; 22 апреля — начальника транспортного отдела А. М. Шанина. И здесь вряд ли случайным оказалось то, что двое из них, Шанин и Паукер, в разное время возглавляли службу безопасности высших должностных лиц страны; один, Волович, был напрямую связан с нею; еще один, сам Ягода, многие

годы курировал ее; Гай отвечал за контрразведку в частях РККА, в том числе в расквартированной в Кремле Школе имени ВЦИК; наконец, Островский в последние месяцы являлся начальником Енукидзе. Потому-то ничего неожиданного в арестах бывшего коменданта Кремля Р. А. Петерсона и его заместителя М. А. Имянинникова 30 апреля, а еще раньше, 3 апреля, — начальника Школы имени ВЦИК Н. Г. Егорова уже не было.

В момент ареста Петерсон собственноручно написал показания, признал в них и само существование «кремлевского заговора», и свое прямое участие в нем, а заодно

назвал и соучастников — Енукидзе, Корка, Медведева, Фельдмана.

Казалось, круг замкнулся. Начатое в январе 1935 г. дело «Клубок» — о заговоре с целью отстранения от власти группы Сталина и изменения курса страны и партии можно было считать закрытым. Однако Ежов и более чем активно помогавшие ему Я. С. Агранов, начальник отделения 4-го (бывшего секретно-политического) отдела ГУГБ НКВД М. А. Коган, оперуполномоченный того же отделения Уемов сумели повернуть расследование в совершенно иную, неожиданную сторону. Превратили его в следствие

по делу о «заговоре в НКВД», тесно связанном с «контрреволюционной» деятельностью правых.

26 апреля Ягода наконец дал те самые показания, которых от него настойчиво добивались, — о своих «преступных связях» с Рыковым, Бухариным, Томским, Углановым⁸. Мало того, он признал:

«Я действительно являлся организатором заговора против советской власти... Для этого имелся в виду арест моими силами членов советского правительства и руководителей партии и

создание нового
правительства из состава
заговорщиков,
преимущественно правых.
В 1935 г. это было вполне
реально, охрана Кремля,
его гарнизон были в моих
руках, и я мог это
совершить»⁹.

Иными словами, Ягода взял на
себя всю ответственность за тот
самый, но с принципиально
измененным составом участников,
«Кремлевский заговор», который он
должен был расследовать как дело
«Клубок».

Судя по всему, Ежов не

собирался ограничиться раскрытием лишь «заговора в НКВД при участии правых». Он стремился к другому — любой ценой подтвердить те обвинения в адрес Бухарина и Рыкова, которые выдвигал дважды, на декабрьском и февральско-мартовском пленумах, и получить «неоспоримые факты», которые позволили бы именно ему подготовить в будущем еще один большой открытый политический процесс, на котором, как и предусматривалось решением февральско-мартовского пленума, обвиняемыми стали бы Бухарин и Рыков.

Однако все показания, добытые

на Лубянке, пока оставались всего лишь материалами проводившегося следствия, своеобразными заготовками на будущее. Ими можно было воспользоваться при необходимости, а можно было и пренебречь, если бы ситуация изменилась. Пока же, в те весенние месяцы 1937 г., более характерным для узкого руководства оставались не репрессии, а привычные и мирные методы давления на латентную потенциальную оппозицию: перемещение членов ЦК из одного региона в другой на равноценную должность либо с понижением^{[10](#)}.

Предельно схожую кадровую политику можно было наблюдать

тогда же в НКВДе, перевод в который с начала 20-х годов служил своеобразным основанием для последующей формально почетной высылки из страны известных оппозиционеров. Например, А. А. Коллонтай отправили в Норвегию, А. Г. Шляпникова — во Францию, В. А. Антонова-Овсеенко — в Китай, Х. Г. Раковского — в Великобританию, Л. Б. Каменева — в Италию. Теперь же наступила пора обратного движения полпредов, также порожденного сугубо политическими мотивами. 9 февраля из Мадрида отозвали М. И. Розенберга, весьма далекого от

внутрипартийной борьбы, но слишком причастного ко всем существовавшим в СССР спецслужбам — к ОГПУ, к НКО и даже НКВД. 28 февраля из Анкары — Л. М. Карахана, давно известного своими близкими отношениями с Енукидзе. Хотя формальным поводом для отзыва их в Москву являлись назначения полпредами в другие страны, никто из них так и не был утвержден в равнозначных должностях^{[11](#)}.

Кроме двух полпредов, пришлось покинуть дипломатическую работу и замнаркома иностранных дел Н. Н. Крестинскому. 28 марта его

перевели на точно такой же пост, но в наркомат юстиции. Основание и для этого перемещения — на этот раз по горизонтали — не было указано¹², однако можно предположить, что крылось оно скорее всего в его политическом прошлом. Ведь в дни Бреста и дискуссии о профсоюзах он безоговорочно поддерживал Троцкого, полностью разделяя и отстаивая его предложения. Тогда же, в 1919–1921 гг., Крестинский являлся членом ПБ и секретарем ЦК, продолжая поддерживать политику все того же Троцкого, за что, собственно, и был «сослан» в Берлин полпредом.

Наконец, 11 апреля сняли с

должности и вывели — вторым по счету за 1937 г. — из состава правительства СССР

М. И. Калмановича¹³, три года занимавшего пост наркома зерновых и животноводческих совхозов. Причиной его падения, также нигде не зафиксированной, вполне возможно, стало настойчивое стремление его не вполне законными методами способствовать увеличению земельных площадей подведомственных ему совхозов за счет прежде всего колхозных полей, а также приусадебных участков колхозников и единоличников.

Но каковы бы ни были мотивы отзыва двух полпредов — перевода

Крестинского и снятия
Калмановича — высказанные выше
предположительно или какие-то
иные, главное заключалось в том, что
никто из них тогда же не был ни
обвинен в антисоветской
деятельности, ни арестован.

Не забывало узкое руководство и
об основной цели, продолжало
настойчиво готовить проведение
важнейшей политической реформы.
Комиссия ПБ под руководством
Я. А. Яковлева через четыре месяца
после своего создания завершила
разработку конституций для союзных
республик. В декабре 1936 г. ПБ
одобрило проекты основных законов
Российской Федерации и Украины, в

январе 1937 г. — Казахстана, Грузии и Белоруссии, в феврале — Узбекистана, Армении, Туркмении, Таджикистана, Азербайджана и Киргизии. Поэтому только к апрелю, а не в декабре как поначалу предполагал Сталин, съезды советов проведенные во всех одиннадцати республиках, утвердили наконец собственные новые конституции.

Развивая достигнутый успех, узкое руководство подготовило и 13 марта утвердило на ПБ один из важнейших законодательных актов, который должен был обеспечить проведение в скором времени действительно всеобщих выборов, — «О прекращении производства дел о

лишении избирательных прав граждан СССР по мотивам социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности». Опубликованный на следующий день во всех советских газетах как постановление ЦИК СССР, этот документ навсегда покончил с институтом лишенцев. Тем же решением ПБ Центральная избирательная комиссия ЦИК СССР, регулярно готовившая списки лиц, которые лишились избирательных прав, была ликвидирована¹⁴.

Еще одним важным свидетельством намечавшихся далеко идущих политических реформ

явилось предложение Сталина приступить к созданию учебника по истории партии, который заменил бы явно устаревшие, уже не отвечавшие новым представлениям узкого руководства о месте и роли партии в жизни страны труды В. И. Невского, Н. Н. Попова, Ем. Ярославского.

Впервые предложение о подготовке учебника по истории партии Сталин внес на рассмотрение ПБ 7 апреля, однако в тот день вопрос сочли неподготовленным, а потому его обсуждение отложили. И все же спустя всего девять дней, 16 апреля, Сталин сумел настоять на одобрении своей инициативы. Решением ПБ создали авторскую

группу, включавшую трех членов ЦК:
заместителя заведующего
Агитпропом, старого
коминтерновского работника
В. Г. Кнорина; руководителя группы
печати КПК, вскоре утвержденного в
должности заместителя заведующего
Агитпропом П. Н. Пospelова;
председателя Центрального совета
Союза воинствующих безбожников
СССР, а двумя годами ранее еще и по
совместительству председателя
правления Всесоюзного общества
старых большевиков до его
ликвидации Е. М. Ярославского. Им
предложили «положить в основу
работы (указания) проект т. Сталина
и предложенную им схему

периодизации (событий) истории ВКП(б)». Задание следовало выполнить за четыре месяца, посему авторов освободили от исполнения всех обычных обязанностей. Вместе с тем в решении отмечалось, что создаваемая книга должна послужить учебником для секретарей райкомов, которым предстояло переучиваться на создаваемых Ленинских курсах¹⁵.

...Помимо внутриполитического направления нового курса, проводимого группой Сталина, существовал столь же важный внешнеполитический. Но вот здесь-то наступивший 1937 г. принес только осложнения и неудачи.

Прежде всего не оправдывались надежды на столь необходимое присоединение Великобритании к Восточному пакту после отречения 10 декабря 1936 г. пронацистски настроенного Эдуарда VIII. Форн оффис продолжал свое прежнее стояние «над схваткой», как и прежде, фактически потворствуя агрессивным планам Гитлера.

Столь же бесперспективным оказалось упование на укрепление советско-французских отношений, выработку на основе договора от 2 мая 1935 г. тесного «технического» сотрудничества генеральных штабов двух стран. Париж интересовало лишь одно — какую конкретно

помощь СССР может оказать Франции, если она подвергнется нападению со стороны Германии, при этом игнорировалось иное возможное развитие событий — нападение Германии на Советский Союз либо Чехословакию. На столь откровенно односторонний характер обсуждаемой проблемы вынужден был обратить внимание В. П. Потемкин в беседе с генеральным секретарем МИД Франции Леже. В ответ советский полпред услышал весьма странное обоснование позиции Ке д'Орсе. Мол, тесное сотрудничество генеральных штабов Франции и СССР может привести к «отходу

Англии от Франции и потере последней по крайней мере 60% той военной помощи, которую в случае нападения Германии французы могли бы получить извне».

Анализируя сложившуюся ситуацию, в советском полпредстве не исключали, что военный министр Эдуард Даладье и его сторонники в правительстве стремятся добиться от Москвы признания, что советская военная помощь не сможет стать достаточно эффективной. Пытаясь пресечь подобные настроения, Москва 17 февраля сообщила Парижу, что советская военная помощь будет непременно оказана любыми путями. Либо через

территорию Польши и Румынии, либо, если Варшава и Бухарест откажутся пропустить части Красной армии, воздушным и морским путем¹⁶.

Стала исчезать уверенность в надежности как союзника и Чехословакии. Советскому полпредству в Праге в январе удалось узнать о начавшихся секретных германо-чехословацких консультациях. О том, что проводятся они ради подписания двустороннего пакта, построенного на «принципе расширения Локарно», и снятия проблемы, порожденной подстрекаемыми из Берлина устремлениями судетских немцев о

присоединении населенных ими районов к Германии.

Мало того, 15 февраля полпреду С. С. Александровскому пришлось сообщить в Москву еще одну не менее удручающую новость. Премьер М. Годжа начал активную кампанию «за ревизию внешней политики Чехословакии в сторону от Парижа — Москвы и в направлении к Берлину». Полпред констатировал: «Эта кампания прямо затрагивает интересы тех стран, которые твердо стоят на принципах коллективной безопасности и неделимости мира. Она, несомненно, действует разлагающе не только на страны, колеблющиеся в этих основных

вопросах, но даже и на такие составные части мирного фронта, как Малая Антанта»¹⁷.

Наиболее же ярко обозначившийся путь западных демократий к Мюнхену, который предстояло пройти через аншлюс Австрии всего за полтора года, выразился при слишком затянувшемся решении испанского вопроса.

Советский Союз, желая как можно быстрее добиться восстановления мира на Пиренейском полуострове, но отнюдь не за счет республиканского правительства, поддержал соглашение, достигнутое в Комитете

по невмешательству 16 февраля. Оно запрещало с ночи с 20 на 21 февраля выезд волонтеров в Испанию для участия в боевых действиях. Подтверждая твердую заинтересованность в том, чтобы не допустить дальнейшего роста численности итальянских и немецких войск, сражавшихся на стороне Франко, СНК СССР принял 20 февраля декрет, повторявший практически текст соглашения «О воспрещении отправки и вербовки добровольцев для Испании»¹⁸. Тем самым вполне официально и юридически была подтверждена изначальная позиция Кремля, настаивавшего на полном запрете

появления на Пиренейском полуострове каких бы то ни было иностранных военнослужащих.

Несколько иначе пришлось поступить узкому руководству при решении задачи по введению контроля, призванного обеспечить соглашение от 16 февраля. Представители Германии и Италии в Комитете по невмешательству категорически воспротивились участию в столь важной и ответственной миссии СССР. И лишь для того чтобы максимально ускорить проведение в жизнь запрета на дальнейшее пополнение итальянских и немецких частей в Испании, И. М. Майский заявил 26

февраля в Лондоне:

«...Я получил от моего правительства инструкцию заявить, что в настоящий момент оно не заинтересовано ни с политической, ни с какой-либо другой точки зрения в присутствии своих морских сил в Средиземном море или в Атлантическом океане на большом расстоянии от их собственных морских баз. В соответствии с этими инструкциями я предлагаю, чтобы контроль над зоной,

назначенной для советского флота, а именно в Бискайском заливе, был поручен Англии или Франции»¹⁹.

Такое решение должно было лишний раз доказать отсутствие каких-либо политических или территориальных интересов Советского Союза на юго-западе Европы, а также вызвать понимание и положительный отклик в Лондоне и Париже.

Оставалось добиться последнего — полного вывода всех иностранцев, сражавшихся в Испании на стороне как мятежников,

так и законного правительства. Действуя таким образом, Кремль отлично знал о существовавшем реальном соотношении сил «добровольцев», из Италии — около 60 тыс. солдат и офицеров, из Германии — около 20 тысяч, и подлинных добровольцев-антифашистов чуть ли не из всех стран мира, пришедших на помощь республике, подвергшейся скрытой агрессии. Ведь численность иностранцев-антифашистов, находившихся в Испании всего по нескольку месяцев, за весь период гражданской войны в совокупности не превысила и 30 тысяч человек. Советских же добровольцев —

советников, танкистов, летчиков — в 1937 г. было одновременно примерно 150 человек.

В Москве не сомневались, что республиканская армия даже без поддержки иностранных добровольцев сумеет подавить мятеж. И действительно, на фронтах в те дни обозначился существенный перелом. 6 февраля франкистский корпус «Мадрид» (30 тыс. человек, около 100 орудий, до 100 танков, 70 самолетов), в который раз попытался захватить столицу, развернув наступление в районе реки Харама. Однако после нескольких дней отступления республиканцы стянули к месту прорыва пять дивизий и

остановили мятежников. Спустя месяц, 8 марта, взять Мадрид попытался итальянский экспедиционный корпус (40 тыс. человек, 200 орудий, 120 танков, 90 самолетов). Сражение под городом Гвадалахара, продолжавшееся две недели, закончилось полным разгромом итальянских интервентов. Испанская республика доказала, что может защитить себя.

И все же ситуация в Европе в целом оставляла желать лучшего. Слишком очевидным стал поворот в политике Парижа и Праги. С 31 декабря 1936. г. прекратил действие лондонский договор 1930 г. об ограничении и сокращении морских

вооружений (он обеспечивал превосходство британских ВМС), к которому так и не примкнули Италия и Япония. Великобритания и Франция продемонстрировали странную, если не сказать преступную, пассивность после заявления Гитлера 30 января в рейхстаге о том, что Германия убирает свою подпись под Версальским договором. Все это вынуждало узкое руководство несколько скорректировать свою внешнюю политику, вернее, лишь ее тактику, оставив в неприкосновенности прежние цели. А для этого, как по традиции велось во всех странах мира, провести

демонстративные перестановки на ключевых для решаемой проблемы дипломатических постах.

И здесь приходится признать, вполне возможным, что снятие Н. Н. Крестинского, возглавлявшего в НКВД европейское направление, могло быть связано не с его политическим прошлым или не только с ним, а с теми замыслами, ради которых М. М. Литвинов и затеял перетасовку кадров. На должность, которая освободилась после перевода Крестинского в наркомюст, был назначен В. П. Потемкин, человек более гибкий, нежели его предшественник, уже не раз доказавший умение

успешно добиваться того, что требовало узкое руководство. Вдобавок он лично знал, что было немаловажно, большинство видных дипломатов и политиков Франции и Великобритании.

Были проведены и другие перестановки²⁰.

Скорее всего, очевидный для всех даже просто читающих газеты неуспех советского внешнеполитического курса породил у узкого руководства предощущение грядущего столкновения с руководством широким. Такой же просчет развития ситуации оно уже однажды, в 1934 г., продемонстрировало весьма

необычным способом. Как и три года назад, широкое руководство вполне могло использовать неудачу дипломатии как формальный предлог для открытой критики группы Сталина в целом или, по меньшей мере, только Молотова и Литвинова. Пока лишь таким предположением можно объяснить беспрецедентное решение, которое ПБ приняло 14 апреля 1937 г.

Названное «О подготовке вопросов для политбюро ЦК ВКП(б)», оно гласило:

«1. В целях подготовки для политбюро, а в случае особой срочности — и для

разрешения вопросов
секретного характера, в том
числе и вопросов
политики, создать при
политбюро ЦК ВПК(б)
постоянную комиссию в
составе тт. Сталина,
Молотова, Ворошилова,
Кагановича Л. и Ежова.

2. В целях успешной
подготовки для политбюро
срочных текущих вопросов
хозяйственного характера
создать при политбюро ЦК
ВКП(б) постоянную
комиссию в составе тт.
Молотова, Сталина,
Чубаря, Микояна и

Сохранился и инициативный документ, объясняющий членам ПБ необходимость создания странного, не предусмотренного уставом партии органа, практически образующего внутри ПБ то узкое руководство, которое до той поры существовало лишь фактически.

В записке, автором которой был сам Сталин, отмечалось: «Вопросы секретного характера, в том числе вопросы внешней политики, должны подготавливаться для политбюро по правилу секретариатом ЦК ВКП(б). Так как секретари ЦК, за исключением т. Сталина, обычно

работают либо вне Москвы (Жданов), либо в других ведомствах, где они серьезно перегружены работой (Каганович, Ежов), а секретарь ЦК т. Андреев бывает часто по необходимости в разъездах, между тем как количество секретных вопросов все более и более нарастает, секретариат ЦК в целом не в состоянии выполнять вышеозначенные задачи. Я уже не говорю о том, что подготовка секретных вопросов, в том числе вопросов внешней политики, абсолютно невозможна без участия тт. Молотова и Ворошилова, которые не состоят членами секретариата ЦК. Ввиду сказанного предлагаю

политбюро ЦК ВКП(б) создать постоянную комиссию при политбюро ЦК ВКП(б) для подготовки, а в случае необходимости — для разрешения вопросов секретного характера, в том числе и вопросов внешней политики, в составе тт. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича Л. и Ежова». А далее следовал текст, который дословно был включен в решение как второй пункт^{[22](#)}.

Неоспоримым доказательством того, что решение ПБ от 14 апреля появилось как следствие неудач нового внешнеполитического курса, является обоснование создания необычной комиссии. Прежде

всего — срочная «подготовка» и «разрешение» вопросов именно внешней политики. И все же данная проблема при всей ее очевидности явно служила только предлогом, лишь формальным основанием для более важного. Напоминание о секретности вопросов внешней политики должно было пресекать желания не только обсуждать, но даже просто интересоваться ими. А еще преднамеренное раскрытие состава двух комиссий лишний раз указывало партократии, что в действительности во главе страны стоит не ПБ, а узкое руководство, а также и то, что сама власть не является одноуровневой.

Теперь любой, познакомившийся с данным решением ПБ, уже сам при желании мог легко вычислить истинный высший уровень, который вроде бы составляли только те, кто и образовал обе комиссии. То есть именно те, кто и без того вот уже почти десять лет входил в неформально узкое руководство, — И. В. Сталин, В. М. Молотов, Л. М. Каганович. Остальные же члены комиссий — К. Е. Ворошилов, Н. И. Ежов, А. И. Микоян, В. Я. Чубарь — как бы составляли всего лишь второй уровень властной группировки.

Если принимать такое

структурирование за истинное, то за пределами обладания реальной властью оказывалось слишком много людей, не без основания считавших себя принадлежащими к высшему эшелону. Три члена ПБ — А. А. Андреев, М. И. Калинин, С. В. Косиор; три кандидата в члены ПБ — А. А. Жданов, Я. Э. Рудзутак, Р. И. Эйхе; четыре члена ОБ — Я. Б. Гамарник, А. В. Косарев, А. И. Стецкий, Н. М. Шверник. И уже поэтому, можно было предполагать, что все они якобы находятся на некоем третьем уровне власти. А ниже их или наравне с ними, как это опять же представлялось по решению ПБ,

находились не только зампреды СНК СССР — Н. К. Антипов, В. И. Межлаук, но еще и нарком иностранных дел (!) М. М. Литвинов, прокурор СССР А. Я. Вышинский, заведующие отделами ЦК Я. А. Яковлев и Л. З. Мехлис, а также Б. М. Таль. То есть именно те, кто играл ведущую роль в подготовке главного в то время для Сталина дела — политических реформ.

Потому-то с очень большой долей уверенности можно утверждать, что второй истинной целью решения ПБ от 14 апреля являлась сознательная дезинформация широкого руководства о том, кто же в действии

тельности обладает властью. Ведь далеко не случайно Каганович, уже утративший положение второго секретаря ЦК ВКП(б), занял место в слишком легко поддававшейся вычислению, но на самом деле не существовавшей тогда «тройке». Вместе с тем оказались «в тени» члены подлинной группы Сталина, весьма активно действовавшие именно в те самые дни, — Литвинов, Вышинский, Яковлев, Стецкий, Таль.

Истинные намерения группы Сталина проявились не столько в решении ПБ от 14 апреля, сколько в иных акциях, несравненно более значимых для нее по своим результатам. Прежде всего в тех,

которые позволяли предельно
возможно расширять широкое
руководство, одновременно обретая в
нем надежных и благодарных
союзников. Это позволило бы
усилить таким образом влияние в ЦК
хотя бы на короткий срок, столь
необходимый для проведения через
пленум избирательного закона.

Решением ПБ от 23 апреля из
структур и из-под контроля Северо-
Кавказского (только что
переименованного в
Орджоникидзевский),
Сталинградского, Саратовского,
Горьковского, Свердловского,
Ленинградского, Восточно-
Сибирского крайкомов и обкомов

вывели партийные организации автономных республик — Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской, Калмыцкой, Немцев Поволжья, Марийской, Мордовской, Чувашской, Удмуртской, Коми, Карельской, Бурят-Монгольской. Напрямую, начиная с 1 июня, их подчинили ЦК ВКП(б)²³. На этом основании подняли ранг первых секретарей их обкомов, предоставив им всю полноту прав, присущих такой должности, практически уравнивали с теми, кому они еще вчера должны были беспрекословно подчиняться.

Достижению той же цели

послужило и еще одно решение ПБ, принятое в тот же день. В соответствии с ним Казахский крайком преобразовывался в ЦК КП(б) Казахстана, Киргизский обком — в ЦК КП(б) Киргизии, Закавказский крайком ликвидировался, а взамен его создавались ЦК компартий Азербайджана, Армении и Грузии²⁴. Круг первых секретарей нацкомпартий возрастал с пяти до шестнадцати человек.

Подобные меры обязательно должны были привести к размыванию своеобразного единства широкого руководства. Единства не столько взглядов, сколько общих

интересов, которое неизбежно возникло за почти десять лет пребывания большинства региональных первых секретарей на своих весьма высоких и довольно самостоятельных постах. Остро необходимо это было для группы Сталина потому, что ЦК еще не стал «машиной для голосования», сколь бы послушным он ни выглядел. Несмотря на давнюю внешне выражавшуюся лояльность, от него все еще можно было ожидать любых, самых непредсказуемых сюрпризов.

Чуть позже узкое руководство провело наконец и подлинную, а не мнимую реорганизацию, только не партийного, а государственного

органа. 25 апреля решением ПБ упразднили просуществовавший с конца августа 1923 г. Совет труда и обороны — рабочий орган СНК СССР, в компетенцию которого входило осуществление хозяйственных и финансовых планов, корректировка их в зависимости от политической и экономической обстановки, контроль за наркоматами в области хозяйственных мероприятий и обороны. Взамен него, но в тех же, по сути, целях — «объединение всех мероприятий и вопросов обороны», и также при СНК СССР, образовали Комитет обороны. В его состав включили председателем —

председателя СНК СССР
В. М. Молотова, членами —
И. В. Сталина, наркома путей
сообщения Л. М. Кагановича,
наркома обороны К. Е. Ворошилова,
заместителя председателя СНК
СССР В. Я. Чубаря, наркома
оборонной промышленности
М. Л. Рухимовича, наркома тяжелой
промышленности В. И. Межлаука.
Спустя два дня Комитет обороны
пополнили еще и кандидатами —
заместителем наркома обороны,
начальником ПУР РККА
Я. Б. Гамарником, наркомом
пищевой промышленности
А. И. Микояном, секретарем ЦК
А. А. Ждановым, наркомом

внутренних дел Н. И. Ежовым²⁵.

Так наряду с двумя иллюзорными комиссиями ПБ появился подлинный, обладающий всеми необходимыми юридическими правами постоянно действующий властный орган, призванный решать все важнейшие вопросы по ключевым для страны в условиях приближавшейся войны проблемам. В его состав вошли далеко не в равной степени как наркомы, хотя и занимавшие одновременно высшие партийные посты — члены ПБ, секретари ЦК, так и партийные функционеры, что ускорило давний процесс слияния обеих властных структур.

Концентрация полномочий внутри СНК СССР выразила характерную тенденцию, вскоре проявившуюся и в установлении абсолютного и монопольного контроля за всеми без исключения назначениями номенклатуры. Если прежде ОРПО занимался изучением и представлением кандидатур лишь в структурах партии — начиная с секретарей обкомов, крайкомов и выше, то теперь его функции существенно расширились. В соответствии с решением ПБ от 11 мая на заведующего ОРПО Г. М. Маленкова возложили «обязанности давать заключения по всем предложениям отделов ЦК,

касающихся назначения и перемещения работников». Самих же заведующих отделами обязали «представлять в органы ЦК свои предложения о распределении работников только с заключения заведующего ОРПО»²⁶. Иными словами, под контроль ОРПО были поставлены утверждения в должностях уже и государственных служащих соответствующих рангов — от наркомов союзных республик до начальников главков, заместителей наркомов и наркомов СССР, чем прежде вполне самостоятельно занимались отраслевые отделы ЦК, вносявшие свои предложения непосредственно

в секретариат.

Этим решением и был образован прежде отсутствовавший, единый для всей страны своеобразный отдел кадров номенклатуры ПБ. Он не только сконцентрировал в одних руках проведение всей кадровой политики, но и необычайно высоко вознес самого Маленкова, фактически вплотную приблизив его к узкому руководству. Скорее всего, это произошло потому, что тот сумел доказать за полтора года пребывания на посту заведующего ОРПО верность идеям политических реформ. Георгия Максимилиановича не ввели, что было бы вполне естественным, ни в одну из двух

только что образованных комиссий ПБ, ни в Комитет обороны, и все же его уже можно было считать членом более значимой, хотя и действующей за кулисами власти, группы Сталина.

Однако наиболее важным, прежде всего для население страны, особенно для технической интеллигенции, а также и для широкого руководства оказалось решение, принятое ПБ 28 апреля и оформленное как совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе угольной промышленности Донбасса». Выглядевшее в целом как документ чисто экономического характера, призванный искоренить недостатки в

данной отрасли и, в частности, упорядочить зарплату, он содержал выпадавший из контекста третий пункт, в котором указывалось:

«Осудить
применяемую некоторыми
партийными и в
особенности
профсоюзными
организациями практику
огульного обвинения
хозяйственников,
инженеров и техников, а
также практику огульных
взысканий и отдачи под
суд, применяемую и
извращающую

действительную борьбу с недостатками в хозорганах. Обязать Донецкий обком КП(б) Украины и Азово-Черноморский крайком ЦК ВКП(б) исправить допущенные в этом отношении ошибки и разъяснить всем партийным организациям Донбасса, что их прямой обязанностью, наряду с выкорчевыванием вредительских элементов, являются всемерные поддержка и помощь добросовестно работающим инженерам,

техникам и
хозяйственникам»²⁷.

Дабы ни у кого не оставалось сомнений, ради чего не только принято, но и предано широкой гласности данное постановление, 5 мая ПБ еще одним своим решением предложило «прокурору Союза ССР т. Вышинскому пересмотреть судебные приговоры и снять судимость с инженеров и техников угольной промышленности Донбасса, осужденных по производственным делам без достаточных оснований или на протяжении последующей работы показавших себя добросовестными и

преданными делу работниками»²⁸.

А 15 мая «Правда» под заголовком «Что делает прокуратура в связи с решением СНК СССР и ЦК ВКП(б) о Донбассе» дала большое интервью с Вышинским. В нем он воспользовался возможностью напомнить, выделив особо, важнейшее положение преамбулы постановления: «Некоторые хозяйственники в порядке самостраховки увольняют с работы лиц, виновность которых не только не доказана, но даже не расследована». Развивая данную мысль, Вышинский заявил: «В ряде случаев неудовлетворительно велось расследование дел хозяйственников и

специалистов, а судебные органы осуждали некоторых работников без достаточных оснований». Вышинский предупредил всех причастных к такого рода преступлениям:

«Прокуратура потребовала из Донбасса все дела лиц, осужденных по производственным преступлениям в 1934, 1935, 1936 и 1937 гг., для их сплошной проверки. После просмотра этих дел в Москве прокуратурой Союза приговоры, вынесенные без

достаточных оснований, будут опротестованы. В отношении лиц, осужденных по производственным делам без достаточных оснований, а также в отношении лиц, которые в последнее время показали себя честными и добросовестными работниками, будет возбужден вопрос о снятии с них судимости».

Все сказанное Вышинским выглядело отнюдь не самокритикой. Открыто било и по сотрудникам

областного и краевого управления НКВД, которые возбуждали дела о вредительстве и вели по ним следствие; и по обкому и крайкому, которые не только потворствовали беззаконию, но и слишком часто провоцировали его — в том признался на декабрьском 1936 г. пленуме ЦК С. А. Саркисов; и по наркомюсту, в полном подчинении у которого находились суды.

Глава шестнадцатая

1 мая 1937 г. страна в двадцатый раз отмечала праздник военным парадом и демонстрацией трудящихся в Москве, на Красной площади. Особенность данного дня в краткой, общедоступной форме традиционного приказа выразил нарком обороны К. Е. Ворошилов. Говорил он только о положении в стране: «Победы социализма записаны ныне в великой Сталинской конституции СССР, открывающей новую полосу в строительстве советского государства. Сталинская конституция

СССР знаменует собой расцвет подлинной советской демократии, еще более тесную связь всех трудящихся масс с органами советской власти, обеспечивает еще более широкое и всестороннее участие их в управлении своим собственным государством»¹.

Об ином аспекте ситуации поведал в пространной, на полосу, статье «Единство международного пролетариата — высшее веление переживаемого момента» генеральный секретарь ИККИ Георгий Димитров. Выражая оценку положения в мире, не столько свою, сколько узкого руководства, он прозорливо предсказал то, что

действительно произошло через два месяца в Азии, через десять и шестнадцать месяцев в Европе. Начал он с самого главного, самого тревожного:

«Вся международная обстановка в настоящий момент находится под знаком лихорадочной подготовки фашизмом нового передела мира путем захватнической войны. Гитлер усиленно готовит удар против Чехословакии, уничтожение которой как самостоятельного

государства, согласно
фашистской концепции,
необходимо для
„умиротворения Европы“.
Германский фашизм
готовит поглощение
Австрии... Японская
военщина со своей стороны
всячески старается разбить
демократическую
оппозицию у себя дома,
чтобы с тем большей
агрессивностью напасть на
китайский народ».

Перейдя к непосредственным
задачам пролетариата, Димитров
сознательно напомнил, повторив,

суть решений VII конгресса
Коминтерна:

«Главное теперь
заключается в том, чтобы,
укрепляя дальше единство
рабочего класса в
национальном масштабе,
найти общий язык, общую
платформу,
обеспечивающую
возможность пролетариату
выступать единым фронтом
в международном
масштабе, своевременно
сосредоточивать свои
главные силы на тех
участках борьбы против

фашизма, которые
являются наиболее
важными в каждый данный
момент».

Димитров, несомненно, учел
более чем годовую практику
народных фронтов Франции,
Испании и особенно — борьбы в
поддержку испанского
республиканского правительства.
Именно потому ему пришлось
осудить позицию лидеров Второго и
Амстердамского интернационалов,
упорно отклоняющих предложения
компартии Испании и ИККИ о
совместных действиях в защиту
испанского народа. Кроме того,

Димитров вынужден был принять во внимание то, что происходило в СССР: августовский и январский процессы, февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б), обвинившие Троцкого и троцкистов во всех смертных грехах. И на основании такой четко выраженной позиции сформулировал четыре «необходимо» в их принципиальной последовательности.

1. «Сосредоточить борьбу против главного врага, против ударного кулака реакционной части крупной буржуазии — против фашизма».

2. «Обуздать находящихся в рядах рабочего движения врагов единого фронта».

3. «Дать самый решительный отпор всем, кто ведет клеветническую кампанию против СССР».

4. «Ведя борьбу против фашизма, бить со всей беспощадностью по его троцкистской агентуре».

Наконец, в качестве своеобразного дополнения и в виде явной уступки коммунистам-ортодоксам, Димитрову пришлось вспомнить, но лишь в конце статьи и

весьма бегло, еще и о пятой «необходимости» — борьбы с реформизмом².

Ворошилов, обращаясь к красноармейцам и командирам РККА, лишь единожды вспомнил о троцкистах. Вспомнил только для того, чтобы значительно повысить ценность новой конституции, принятию которой, как следовало из текста приказа, те яростно сопротивлялись. Димитров, давая установку мировому коммунистическому движению, также сказал о троцкистах, и опять же лишь по ассоциации — всего лишь как об агентуре главного противника — фашизма. И

Димитров, и Ворошилов использовали понятие «троцкизм» как условное, обобщенное обозначение не конкретного врага, а всего, что мешало тогда продвижению вперед; как ставший ритуальным, просто привычным риторический прием. Не более того.

Но трудно представить, что член ПБ и генеральный секретарь ИККИ высказывали собственные, ни с кем не согласованные взгляды, лишь случайно совпавшие. Несомненно, подобная оценка троцкизма как явления уже малозначительного, практически ушедшего в прошлое, была отражением общего мнения узкого руководства на конец апреля.

Это лишний раз подтверждает стремительное изменение оценок событий, происшедших через двое суток в Испании.

...Начиная с осени 1936 г. в Каталонии, ставшей автономной республикой (провинцией) с собственным правительством — генералидад, решающую роль в политической и экономической жизни играла анархо-синдикалистская профсоюзная организация — Национальная конфедерация труда (НКТ). Она установила практически полный контроль над национализированными ею же промышленными предприятиями,

сельскохозйственными
кооперативами, возникшими как
результат аграрной реформы, над
органами местного самоуправления.
Итогом этого явилось своеобразное
двоевластие, при котором и
генералидад, и органы центрального
правительства присутствовали в
Каталонии чисто номинально. Не
довольствуясь достигнутой властью,
анархо-синдикалисты рассматривали
свои достижения как первый этап
социалистической революции,
настойчиво стремясь перейти ко
второму — установлению
классического либертального
коммунизма, да еще в масштабах
всей Испании. Стремясь добиться

именно такого развития событий, они противопоставляли себя коммунистам, по их мнению, партии порядка и этатизма.

Один из лидеров НКТ, Лопес, выражая взгляды наиболее экстремистской части конфедерации, многозначительно заявил на митинге, состоявшемся 20 сентября 1936 г. в Барселоне: «Имеется одна партия, которая хочет монополизировать революцию. Если эта партия будет продолжать свою линию, мы решим ее раздавить. В Мадриде находится иностранный посол, вмешивающийся в испанские дела. Мы его предупреждаем, что испанские дела касаются лишь

испанцев»³.

Лопес имел в виду компартию Испании и советского полпреда М. И. Розенберга.

Однако другие, более популярные лидеры НКТ, Гарсиа Оливер и Буэнавентура Дуррути, выступали за единство с компартией, без чего, по их мнению, нельзя победить в борьбе с франкистами, делали все возможное, чтобы не допустить открытой конфронтации с КПИ. Эту же позицию разделял и Коминтерн⁴.

Положение стало меняться к худшему начиная с 26 марта 1937 г., после того как анархо-синдикалисты вышли из Генералидад. Несколько

смягчился конфликт 16 апреля, с формированием нового правительства автономной Каталонии, но уже спустя четыре дня конфронтация возобновилась. Произошли стычки анархо-синдикалистов, использовавших броневики, артиллерию и пулеметы, с правительственными частями. Только 8 мая, ценою пятисот убитых и тысячи раненых, удалось прекратить братоубийственный вооруженный конфликт⁵.

Информация о событиях в Каталонии, поступавшая в Кремль, скорее всего, поначалу была неопределенной. Возможно, просто выглядела таковой для Сталина,

потому что исходила лишь из одного источника — от начальника Разведупра Генштаба С. П. Урицкого, ибо М. Кольцов в это время находился в Москве. Советские газеты сообщили о боях в Барселоне только тогда, когда исход оказался предрешенным, — 6 мая. Но поместили телеграммы не ТАСС, а нейтральные — французские агентства Гавас, под заголовком «Выступление анархистов против Каталонского правительства», что соответствовало истине. 9 мая, когда мир на улицах Барселоны был полностью восстановлен, «Правда» опубликовала материал своего собственного корреспондента

Е. Тамарина, в котором впервые ответственными за барселонские события, помимо ВКТ и ФАИ, была названа еще и протроцкистская ПОУМ. 10 мая очередную корреспонденцию Тамарина «Правда» опубликовала под кричащим заголовком «Испанские троцкисты — враги народного фронта» и сопровождала ее еще одним, столь же тенденциозным материалом — «Решение всеобщего рабочего союза об исключении троцкистов из профсоюзной организации». 11 мая «Правда» дала еще два материала откровенно пропагандистского характера: информацию «Испанская печать

требует суда над троцкистами» и статью редактора международного отдела Б. Д. Михайлова «Троцкистско-фашистский путч в Барселоне».

В тот же день, 11 мая, официальный представитель ИККИ в Испании Стоян Минев (он же И. Степанов, он же Морено), со своей стороны, дал схожую оценку событий в Каталонии. Если в информации, датированной 7 мая, организаторами вооруженного выступления он назвал только анархистов, то теперь всю ответственность за кровопролитные бои он возложил на ПОУМ. Заодно отметил: «Испанские троцкисты

представляют собой организованный отряд пятой колонны Франко»⁶. Иными словами, он повторил и конкретизировал характеристику, данную Димитровым троцкистам в статье от 1 мая.

Что же произошло в Кремле, почему столь стремительно и радикально изменились и оценка, и объяснение им барселонских событий? Почему ПОУМ, выступавший под лозунгом «Победа рабочих и крестьян Испании возможна лишь как победа социалистической революции», без каких-либо оснований не только сделали практически единственным ответственным за путч, но еще и

представили «фашистской агентурой»?

Ответы на эти вопросы кроются в той политике, которую в соответствии с новым курсом проводило узкое руководство СССР. Еще в 1934 г. полностью отказавшееся от ориентации на признанную утопичной идею мировой революции, оно делало все возможное, дабы максимально дистанцироваться от любых выступлений леворадикалов. Так произошло в дни Венского и Астурийского восстаний, так было с Китайской советской республикой, вынужденной самоликвидироваться под давлением Москвы, так было и с

восстанием в Бразилии и походом революционной «колонны Престоса». Теперь самым важным для узкого руководства было доказать свою непричастность к любым действиям радикальных партий и организаций Испании. Ведь мировое общественное мнение, равно в демократических и фашистских странах, все еще пыталось не просто связать их с Коминтерном, то есть с СССР, но и представить доказательством якобы сохранившихся агрессивных замыслов Кремля, желания его установить полный и безраздельный политический контроль над Пиренейским полуостровом. Отсюда

и проистекала кратковременная растерянность узкого руководства, проявившаяся в дни Барселонского путча, что ярко продемонстрировала советская пресса. А вслед за тем последовало настойчивое стремление Кремля не просто демонстративно отстраниться от каталонских событий, но и представить их враждебными именно Советскому Союзу, не один год ведущему борьбу с тем самым троцкизмом, который якобы и подтолкнул барселонцев на баррикады. Однако такая вполне естественная для узкого руководства позиция привела к непредсказуемым, страшным по своим итогам

последствиям, но только уже не в Испании, а в самом СССР. Она позволила Ежову вместе с НКВД воспользоваться ситуацией и начать собственную большую игру, первые признаки которой отчетливо проявились 11 мая.

В тот день «Правда» опубликовала — вместе с «Известиями», «Красной звездой», рядом других центральных газет — сообщение «В Наркомате обороны». В нем извещалось о создании военных советов при командующих военными округами, а также о важном перемещении в высшем начсоставе Красной армии. Командующего войсками Киевского

военного округа И. Э. Якира
переместили на ту же должность в
Ленинградский, И. Ф. Федько из
Приморской группы ОКДВА в
Киевский, П. Е. Дыбенко из
Приволжского в Сибирский.
Одновременно был смещен с
должности замнаркома
М. Н. Тухачевский, направленный
командующим войсками
Приволжского военного округа, а на
его место в НКО назначен
Б. М. Шапошников, до того
командующий войсками
Ленинградского военного округа. В
последних двух перемещениях и
крылась суть данных кадровых
решений: они проводились только с

одной целью — понижение
Тухачевского в должности, отправка
его из столицы в далекий
провинциальный город.

Но не менее важной была и
первая часть сообщения, по которой
восстанавливался жесткий
партийный контроль над
начсоставом армии. Ведь отныне не
только командующие войсками
округов должны были все свои
решения согласовывать с
политработниками. «В отмену
существующего порядка», в
дополнение к структуре уже
действовавших политуправлений и
политотделов, подчинявшихся
Политическому управлению РККА,

на деле являвшемся отделом ЦК ВКП(б), воссоздавался и отмененный в конце декабря 1934 г. институт военных комиссаров — «во всех войсковых частях, начиная с полка и выше, и в учреждениях НКО».

Разумеется, оба эти решения были подготовлены и приняты отнюдь не Ворошиловым единолично, а всем узким руководством. О военных советах и восстановлении института военных комиссаров — 8 мая, когда у Сталина в его кремлевском кабинете присутствовали Молотов, Ворошилов, Каганович, Ежов, а также Якир. О перемещении командующих войсками военных

округов и понижении Тухачевского в должности — 10 мая, опять же у Сталина, на заседании с участием Молотова, Ворошилова, Кагановича, Ежова, Чубаря и Микояна⁷. В заседаниях принимали участие члены ПБ и комиссий ПБ, образованных 14 апреля.

Характер решений — весьма мягкий, скорее напоминающий обычные превентивные меры, которые узкое руководство использовало с декабря 1936 г., — свидетельствовал о неожиданно появившемся сомнении в безусловной лояльности высшего начсостава армии. Возникла еще только обеспокоенность, ибо пока

все обходилось без предъявления обвинений, снятий с должностей и арестов. Ну а такую настороженность, как можно предполагать с большой долей уверенности, должна была породить некая важная информация Ежова в его своеобразной формально-биографической интерпретации реальных событий.

3 мая был арестован комбриг запаса М. Е. Медведев, отправленный в отставку с должности начальника ПВО РККА в августе 1935 г., — один из основных подозреваемых в причастности к «Кремлевскому заговору». И потому НКВД и лично Ежов могли уже

рапортовать о завершении следствия по делу «Клубок», тянувшегося более двух лет. Можно было готовить обвинительное заключение и передать суду решение судьбы не только А. С. Енукидзе, Р. А. Петерсона, М. Е. Медведева, но и В. К. Путны, Н. Г. Егорова, М. А. Имянинникова. А если понадобится, то присоединить к ним остававшегося на свободе комкора Б. М. Фельдмана, две недели назад возвращенного на свою старую должность заместителя командующего войсками Московского военного округа, и даже, в случае особой необходимости, М. Н. Тухачевского.

Но именно такой итог следствия никак не мог устроить ни Ежова, ни ответственных работников главного управления госбезопасности НКВД, занимавшихся делом «Клубок», ибо он не приносил почета. Ведь дело являлось не их собственным достижением, а всего лишь досталось в наследство от Ягоды. Мало того, каждому была понятна невозможность его огласки даже в виде крохотной, в несколько строк, газетной информации «В НКВД СССР» или «В Прокуратуре СССР».

Славу позволяло стяжать иное: превращение давнего, известного практически единицам, намерения дворцового переворота в только что

раскрытый, обширный и широко разветвленный военный заговор. Для этого требовалось объединить дела всех уже находившихся на Лубянке военнослужащих в звании от полковника и выше, изменив ранее предъявленные им обвинения. Забыть о том, что В. М. Примаков и В. К. Путна еще в августе 1935 г. признали себя участниками «боевой группы троцкистско-зиновьевской организации»; М. И. Гай, Е. Е. Прокофьев и З. И. Волович дали в апреле 1937 г. показания о связях Ягоды с М. Н. Тухачевским, А. И. Корком, Б. М. Шапошниковым и другими⁸; А. С. Енукидзе и Р. А. Петерсон взяли на себя и

организацию, и руководство подготовкой переворота. И найти нечто объединяющее не только уже арестованных, но и тех потенциальных жертв, которым только предстояло «признаться». Таким же общим для них являлась служба в РККА прежде всего с 1918-го по 1924 г., когда председателем Реввоенсовета Республики и наркомом по военным и морским делам являлся Л. Д. Троцкий.

Действительно, служба в Красной армии, особенно во время гражданской войны, связывала слишком многих. Так, в 1920 г., когда шла советско-польская война, в прямом подчинении у Троцкого

находились командующий Западным фронтом Тухачевский и член реввоенсовета фронта И. Т. Смилга, впоследствии видный сторонник Троцкого.

Непосредственно подчинялись Тухачевскому троцкист Е. Л. Пятаков — командующий 15-й армией, сторонники Зиновьева М. М. Лашевич и Е. Е. Евдокимов, последовательно командовавшие 7-й армией, В. К. Путна — командир 27-й стрелковой дивизии. Даже то, что и Евдокимов, и Пятаков уже были приговорены к высшей мере наказания на августовском и январском «московских» процессах, в глазах Ежова служило лишним подтверждением давних «связей» их

с Тухачевским, а того — с Троцким. Такую цепочку можно было выстраивать любой длины...

Беспроблемной картой в игре Ежова вполне мог быть еще и Каталонский путч, который далеко не случайно именно в те дни связали с троцкистами ПОУМ. И не только путч сам по себе. Гораздо большее значение имело то, что в Барселоне в те дни как генеральный консул СССР находился не кто иной, как В. А. Антонов-Овсеенко, который вместе с Троцким возглавлял, по сути, Красную армию, находясь на должности начальника Политуправления РККА с августа 1922-го по январь 1924 гг. Сталин не

ТОЛЬКО ВСПОМНИЛ О НЕМ В
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ СЛОВЕ НА XIII
ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ, НО ЕЩЕ И СООБЩИЛ,
ЧТО ТОТ-ДЕ «ПРИСЛАЛ В ЦК И ЦКК
СОВЕРШЕННО НЕПРИЛИЧНОЕ ПО ТОНУ И
АБСОЛЮТНО НЕДОПУСТИМОЕ ПО
СОДЕРЖАНИЮ ПИСЬМО С УГРОЗОЙ ПО
АДРЕСУ ЦК И ЦКК ПРИЗВАТЬ К ПОРЯДКУ
„ЗАРВАВШИХСЯ ВОЖДЕЙ“»⁹.

Действительно, письмо,
написанное Антоновым-Овсеенко 27
декабря 1923 г. в защиту Троцкого и
упоминавшее из «вождей» только
Сталина, было откровенно
ультимативным. Мало того, оно
сохраняло необычайную
злободневность даже тринадцать с
половиной лет спустя. Ведь в нем, в

частности, говорилось:

«...Партию и всю страну вместо серьезного разбора серьезных вопросов кормят личными нападками, заподозрениями, желчной клеветой, и этот метод возводят в систему, как будто в сем и состоит широко возвещенный новый курс. Ясно, к чему это ведет. К глубочайшей деморализации и партии, и армии, и рабочих масс и к подрыву влияния нашей партии в Коминтерне, к

ослаблению твердости и
выдержанности линии
Коминтерна... Знаю, что
этот мой
предостерегающий голос
на тех, кто застыл в
сознании своей
непогрешимости историей
отобранных вождей, не
произведет ни малейшего
впечатления. Но знайте —
этот голос симптоматичен.
Он выражает возмущение
тех, кто всей своей жизнью
доказал свою беззаветную
преданность интересам
партии, в целом интересам
коммунистической

революции... и их голос
когда-либо призовет к
порядку зазнавшихся
„вождей“, так, что они его
услышат, даже несмотря на
свою крайнюю
фракционную глухоту»[10](#).

О такой — нет, даже не
филиппике, а прямой угрозе — Ежов
неприменно должен был знать с того
самого дня, как возглавил КПК, или в
крайнем случае, когда начал писать
свой теоретический труд об
оппозиции, и прежде всего о
троцкистской оппозиции. Должен
был знать, а теперь и непременно
вспомнить. Он вполне мог связать

Антонова-Овсеенко и с Каталонским путчем, и с теми показаниями, которые уже имелись у НКВД против Тухачевского и других пребывающих во главе армии военачальников.

Наконец, идеально вписывались в создаваемую Ежовым версию военно-политического заговора и такие факты биографий высшего начсостава РККА, которыми достаточно легко можно было «подтвердить» их связь с рейхсвером или — при желании — с «германским нацизмом». Ведь для узкого руководства не являлось секретом, что в 1928–1929 гг. командарм 1 ранга, тогда командующий Украинским военным

округом Н. Э. Якир, комкоры
Ж. Д. Зонберг, Р. Я. Лонгва учились в
германской военной академии. Там
же курс, но уже в 1931 г., прошли
командующие Белорусским военным
округом А. И. Егоров, Средне-
Азиатским — П. Е. Дыбенко, Северо-
Кавказским — И. П. Белов. В 1931–
1933 гг. учились в Германии
командующий Закавказским
военным округом
М. К. Левандовский, помощник
командующего Украинским военным
округом И. Н. Дубовой, начальник
штаба Ленинградского военного
округа С. П. Урицкий, командир 13-
го стрелкового корпуса
В. М. Примаков^{[11](#)}.

И все же как в апреле, так и в первой половине мая Ежов и не смог еще получить достаточно весомые доказательства существования «военно-политического заговора», которые убедили бы узкое руководство. Даже очередной допрос Ягоды не принес желаемого. 13 мая он заявил своим следователям, Когану и Ларнеру, и без того хорошо им известное: летом 1936 г. «в протоколах следствия по делу троцкистской организации уже появились первые данные о наличии военной группы троцкистов в составе Шмидта, Зюка, Примакова и других. Вскоре я вынужден был пойти на аресты. Сначала, кажется,

Шмидта, Зюка, а в дальнейшем и самого Примакова»¹². Но такие показания доказывали лишь одно: если «заговор в НКЮ» и существовал, Ягода о нем ничего не знал, что весьма сомнительно. Скорее всего, бывший нарком внутренних дел, стремясь угодить следователям, в своих ответах исходил лишь из той информации, которой обладал перед переводом в наркомсвязь.

Естественно, эти показания никак не могли удовлетворить Ежова. Потому-то он, в надежде получить нужные, и пошел на рискованные действия. 12 мая был арестован начальник Военной академии имени Фрунзе командарм 2-го ранга

А. И. Корт, а 15 мая — временно не
имевший должности комкор
Б. М. Фельдман. Оба — только на
основании показаний
М. Е. Медведева. Ну а тот еще 8 мая
признал свое участие в
«троцкистской военной
организации», якобы возглавляемой
Фельдманом, а уже через два дня, 10
мая, существенно изменил
первоначальные показания —
сообщил о существовании «военной
контрреволюционной организации»,
якобы созданной для «свержения
советской власти, установления
военной диктатуры с реставрацией
капитализма, чему должна была
предшествовать вооруженная

помощь интервентов». Он просто повторил те самые обвинения, которые впервые были сформулированы А. Я. Вышинским на январском процессе, не используя лишь одно определение — «троцкистская». Говоря же о руководителях «подпольной организации», Медведев уже не вспоминал о Фельдмане, а назвал другие фамилии — Тухачевского как «возможного кандидата в диктаторы», Якира, Путну, Примакова и Корка^{[13](#)}.

Только теперь Ежов получил те самые «весомые доказательства», которые он столь долго искал и

которые «подтверждали» апрельские показания «чекистов» — М. И. Гая, Г. Е. Прокофьева, З. И. Воловича¹⁴. Получил «факты», которые и позволили объединить давнее дело «Клубок», к которому были причастны Корк, Медведев, Фельдман и в котором уже фигурировал, хотя и весьма проблематично, Тухачевский, с совершенно новым, только что раскрытым «заговором в армии», позволявшим выйти на самые высокие фигуры в РККА.

Однако и на этот раз, как можно довольно уверенно предполагать, узкое руководство согласилось с новыми репрессиями скорее как

завершающими дело «Клубок», нежели начинающими «заговор в армии». В пользу именно такой гипотезы говорит то, что многие из двадцати восьми военнослужащих в звании от полковников и выше, арестованных в первой половине мая, в 1933–1935 гг. служили в Московском военном округе, под командованием А. И. Корка.

Еще одним свидетельством в пользу такой гипотезы является и то, что даже после показаний Медведева, породивших первую, сравнительно небольшую волну арестов в армии, узкое руководство так и не дало Ежову карт-бланш, а ограничилось сравнительно мягкой

мерой — второй за десять дней мая перестановкой высшего начсостава. 20 мая решением ПБ были переведены И. Э. Якир из Ленинградского военного округа в Закавказский и И. П. Уборевич из Белорусского в Средне-Азиатский. Кроме того, как это уже делалось 10 мая, Я. Б. Гамарника сняли с поста начальника Политуправления РККА и понизили до должности члена военного совета Средне-Азиатского военного округа¹⁵.

Несмотря на столь подчеркнуто мягкую меру, слишком многое свидетельствовало, что ситуация в целом начинает меняться к худшему. 14 мая, поначалу без каких-либо

объяснений, были отстранены от должности три первых секретаря обкомов: Донецкого — С. А. Саркисов, Свердловского — И. Д. Кабаков, Ярославского — А. Р. Вайнов¹⁶. Понятным выглядело лишь снятие Саркисова, ибо оно легко связывалось с недавним постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе угольной промышленности Донбасса». Разъяснение по поводу Кабакова последовали три дня спустя. Еще одно решение ПБ прямо указало: «по имеющимся материалам» он «обвиняется в принадлежности к контрреволюционному центру правых», потому исключается из

партии, выводится из состава ЦК с передачей дела в НКВД¹⁷. Мотивы снятия Вайнова были даны лишь месяц спустя на областной партконференции, признавшей его работу «неудовлетворительной».

Решением ПБ от 14 мая на ставшие вакантными должности «рекомендовались» (что дискредитировало резолюцию только что прошедшего пленума о ликвидации кооптации): Э. К. Прамнэк, то того первый секретарь Горьковского обкома, — в Донецкий обком, А. Я. Столяр, возглавлявший парторганизацию Кировской области, — в Свердловский и Н. Н. Зимин,

замнаркома путей сообщения по политчасти, а еще ранее заведующий транспортным отделом ЦК ВКП(б), — в Ярославский¹⁸.

Кроме того, 17 мая по обвинению в том, что «знали о контрреволюционной работе грузинского троцкистского центра, но скрыли это от ЦК», были исключены из партии и высланы из Москвы в Астрахань двое большевиков с огромным дореволюционным стажем — Ш. З. Элиава и М. Д. Орахелашвили¹⁹. Наконец, 20 мая последовало еще одно репрессивное решение ПБ — был снят с должности и исключен из

партии с передачей дела в НКВД К. В. Уханов²⁰, нарком легкой промышленности РСФСР.

Чем же могла быть вызвана эта весьма необычная для последних лет серия снятий партийных и государственных деятелей, слишком хорошо известных в стране в 20-е годы? Действительно ли они принадлежали к каким-либо «подпольным» «троцкистским», «правым» или «троцкистско-правым» организациям и центрам? Пока, до рассекречивания всех архивов партии, но прежде всего — НКВД, можно лишь строить предположения, гипотезы, версии, создавать их на основе не

вызывающих ни малейшего сомнения фактов. Единственным же бесспорным фактом, проливающим свет на происходившие тогда события, является решение ПБ от 20 мая, принятое буквально тогда же — о дате созыва пленума ЦК для рассмотрения доклада Я. А. Яковлева о проекте нового избирательного закона. Его наметили открыть ровно через месяц — 20 июня^{[21](#)}.

Скорее всего, именно это предстоящее в скором времени событие, вызывавшее вполне обоснованное беспокойство членов узкого руководства, и развязало руки Ежову. Оно и позволило ему провести очередные аресты высшего

начсостава армии, да и не только их. Способствовали этому и очередные показания — «признания» Ягоды. 19 мая он заявил своим следователям:

«Корк являлся участником заговора правых, но имел самостоятельную, свою группу среди военных, которая объединяла и троцкистов. Я знаю, что помощник Корка по командованию Московским военным округом Горбачев тоже являлся участником заговора, хотя он и троцкист... Я знаю, что

были и другие военные, участники заговора (Примаков, Путна, Шмидт и др.), но это стало мне известно значительно позже, уже по материалам следствия или от Воловича (о Примакове). Я хочу здесь заявить, что в конце 1933 г. Енукидзе в одной из бесед говорил о Тухачевском как о человеке, на которого они ориентируются и который будет с ними»^{[22](#)}.

Но говорил Ягода о «военном заговоре» всего лишь как о части более значительного —

«Кремлевского заговора», руководителями которого он продолжал называть только Енукидзе и Карахана.

И все же дело «Клубок», как и прежде, мало интересовало Ежова. Главным для него стала «охота» на комначсостав армии. И она началась сразу же после решения ПБ о дате открытия пленума. 21 мая были арестованы начальник управления боевой подготовки РККА комкор К. А. Чайковский и начальник управления связи РККА комкор Р. В. Лонгва. 22 мая — маршал, кандидат в члены ЦК М. Н. Тухачевский и председатель Центрального совета

ОСОАВИАХИМа комкор
Р. П. Эйдеман. 25 мая — начальник
военных сообщений РККА комкор
Э. Ф. Аппога. 27 мая — начальник
артиллерийского управления РККА
комкор Н. А. Ефимов. 28 мая —
командарм 1 ранга член ЦК
И. Э. Якир. 29 мая — командарм 1
ранга, кандидат в члены ЦК
И. П. Уборевич. 31 мая у себя дома
застрелился, вполне возможно,
ожидаая ареста, армейский комиссар
1 ранга, член ЦК Я. Б. Гамарник.
Помимо них было арестовано еще
около 50 военнослужащих в званиях
от полковника и выше и им
соответствующих, что привело к
довольно значительному итогу — 82

репрессированных военнослужащих высшего начсостава только за май. Всего же с лета 1936 г. до 1 июня 1937 г. был арестован 131 военнослужащий того же ранга²³.

Однако этим майские репрессии не ограничились. 24 мая были исключены из партии и арестованы заместитель председателя СНК СССР, кандидат в члены ПБ (а в 1926-1932 гг. член ПБ) Я. Э. Рудзутак и председатель СНК БССР, член ЦК Н. М. Голодед. 22 мая — начальник ЦУНХУ (Центрального управления народно-хозяйственного учета — предшественник Центрального статистического управления) и заместитель председателя Госплана

И. Р. Краваль. В те же дни был арестован и бывший полпред СССР в Турции Л. К. Карахан. Продолжалась чистка и в НКВД. Еще 16 мая Я. С. Агранова сняли с поста замнаркома внутренних дел и начальника 4-го (секретно-политического) отдела ГУГБ и отправили в почетную ссылку, назначив начальником Саратовского областного управления НКВД на место арестованного Р. А. Пиляра. В тот же день был арестован и начальник 9-го (шифровального) отдела ГУГБ Г. И. Бокий.

Подобные чистки, которые скрыть было невозможно, нуждались в объяснении, хотя бы в таком,

который узкое руководство давало на декабрьском и февральско-мартовском пленумах, а до того — в закрытых письмах ЦК ВКП(б). Объяснение было дано, но не на пленуме или в закрытом письме, а самым необычным образом — на расширенном заседании Военного совета при наркоме обороны, проходившем с 1 по 4 июня 1937 г. Дано оно было самим Сталиным.

Открывая 1 июня заседание совета, Ворошилов чувствовал себя, несомненно, довольно уверенно. Ведь даже при сложившихся экстраординарных, казалось, бывших прежде всего именно по нему, обстоятельствах наркому не

требовалось оправдываться в утрате бдительности, ротозействе, неосознанном потворстве неким «врагам». Ровно три месяца назад, выступая на последнем пленуме ЦК, он, как бы предвидя будущее, сумел надежно подстраховать себя. Хотя Ворошилов и сообщил об увольнении из армии с 1924-го по 1936 г. около 47 тысяч политически неблагонадежных, тут же оговорился. Отметил, что в РККА все еще остается более семисот бывших сторонников Троцкого и Зиновьева как с партбилетами, так и без них. А завершил он выступление так:

«Ряд... специфических

мер, которые мы должны
провести у себя в армии,
даст нам возможность не
только не допустить
дальнейшего
распространения этой
гангрены
(„вредительства“ — Ю.Ж.)
в здоровом, безусловно
здоровом, прекрасном теле
нашей армии, но даст нам
возможность избавиться от
тех еще зловредных,
мерзких элементов,
которые несомненно и
безусловно имеются в
рядах армии, как и во всем
нашем государственном

аппарате»²⁴.

И вот теперь, уже на Военном совете, он, по сути, продолжил эту мысль, начав с того, чем закончил выступление на пленуме. Заговорил о тех самых «зловредных элементах», которые еще не были разоблачены ко 2 марта. Только на сей раз свой доклад он построил не на данных наркомата и политуправления РККА, а на материалах чужих — НКВД. «Органами Наркомвнудела, — сказал Ворошилов, — раскрыта в армии долгое время существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная контрреволюционная фашистская

организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии»²⁵. А далее он просто пересказал материалы следствия, обильно цитируя протоколы допросов не только Примакова, Зюка, Шмидта, Саблина, Туровского, Кузьмина, но еще полутора десятков тех, кого арестовали лишь в апреле и мае. В том числе Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка.

Выступавший на следующий день Сталин фактически дезавуировал изложенный Ворошиловым результат расследования. Но сделал это не сразу и не вполне открыто. Начал он с объяснения того, что же, по его

мнению, представлял собой «заговор», названный и в НКВД, и в докладе наркома обороны «военно-политическим». Основное внимание Сталин сосредоточил на второй составляющей названия, сразу же сделав ее главной. Политическими руководителями «заговора» назвал прежде всего находившегося в далекой Мексике Троцкого и уже арестованных Бухарина и Рыкова. Затем неожиданно присоединил к ним Рудзутака и (что выглядело в общем контексте не только непонятным, но и странным) Енукидзе и Карахана. Только потом он назвал других руководителей: «Ягода, Тухачевский по военной

линии, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник — 13 человек»²⁶. Тем самым придавал «Заговору в НКО» принципиально новый характер, напрямую связав его в духе тех дней как с левыми, так и с правыми — к которым стали причислять Ягоду — в равной степени.

А дальше Сталин заговорил совершенно о другом. Только четыре раза, да еще лишь поначалу, упомянув «военно-политический заговор», упорно, одиннадцать раз возвращался в докладе к «Кремлевскому заговору», правда, не называя его так. Но то, что речь шла именно о нем, подтверждало все — и фамилии «заговорщиков», и предполагавшиеся

ими действия. Заговор «они организуют через Енукидзе, через Горбачева, Егорова, который тогда был начальником Школы (имени) ВЦИК, а Школа стояла в Кремле, Петерсона. Им говорят — организуйте группу, которая должна арестовать правительство...» Потом Сталин повторит то же еще семь (!) раз: «хотят арестовать правительство в Кремле», они полагали, что «Кремль у нас в руках, так как Петерсон с нами, Московский округ — Корк и Горбачев — тоже у нас... И многие слабые, нестойкие люди думали, что это дело решенное. Этак прозеваешь, за это время арестуют правительство, захватят

московский гарнизон и всякая такая штука, а ты останешься на мели. Точно так рассуждает в своих показаниях Петерсон. Он разводит руками и говорит: „Это дело реальное“; „они хотели захватить Кремль... хотели обмануть Школу (имени) ВЦИК...“»[27](#).

Так перед участниками расширенного заседания Военного совета возникла более чем реальная картина подготовленного, но так и не состоявшегося государственного переворота. Заговора, который возглавлял Енукидзе (его имя Сталин упомянул десять раз, в то время как Тухачевского — одиннадцать) и почему-то еще Карахан,

находившийся в то время в Турции, и Рудзутак. Заговор, в котором самое активное участие принимали комендант Кремля Петерсон, Егоров — как начальник Школы имени ВЦИК, являвшейся кремлевским гарнизоном, командующий войсками Московского военного округа Корк и его заместитель Горбачев. Тем самым вольно или невольно Сталин поведал, хотя и предельно схематично, то, во что можно было поверить. Рассказал не о некоем выглядевшим слишком уж фантастическим, только что раскрытом «чекистами» «военно-политическом заговоре», а о явно

старом, «кремлевском». Еще 1935 г., что любой слушавший Сталина мог легко вычислить по должностям упоминавшихся лиц.

По сравнению с целью, которую ставили Енукидзе и Рудзутак, Петерсон и Егоров, Корт и Горбачев, то, в чем обвиняли высший комсостав, казалось теперь просто пустяком. Ведь они «всего лишь» изменили родине, выдавали врагу важные военные сведения. Следовательно, являлись заурядными шпионами, не больше: «Уборевич, особенно Якир, Тухачевский занимались систематической информацией немецкого генерального штаба»; «Якир

систематически информировал немецкий штаб»; Тухачевский «оперативный план наш, оперативный план — наше святое святых, передал немецкому рейхсверу».

Никак не соотносилось с понятием «заговор», да еще и «военно-политический», характеристика тех, кого Сталин также причислил к шестерым руководителям по военной линии:

«Агитацию ведет Гамарник. Видите ли, если бы он был контрреволюционером от начала до конца, то он

поступил бы так, потому что я бы на его месте, будучи последовательным контрреволюционером, попросил бы сначала свидания со Сталиным, сначала уложил бы его, а потом бы убил себя»²⁸.

И уж совсем нелепыми, даже смехотворными выглядели обвинения тех, кого лишь мимоходом упомянул Сталин в своей речи. Абашидзе, начальник автобронетанковых войск одного из корпусов, — князь, «пьяница, бьет красноармейцев». Командарм 2 ранга И. А. Халепский, нарком связи

СССР, до апреля 1937 г. начальник автобронетанкового управления РККА — «пьяница, нехороший человек». Комкор И. С. Кутяков, командир 2-го стрелкового корпуса Московского военного округа, с 1936 г. заместитель командующего войсками Приволжского военного округа, — написал «плохую» книгу «Киевские Канны». Командарм 2 ранга А. И. Седякин, в 1935–1936 гг. начальник управления ПВО РККА, затем командующий ПВО Бакинского района, — написал положительное предисловие к книге Кутякова. Комкор М. И. Василенко, инспектор стрелково-технической подготовки пехоты РККА, с июля 1935 г.

заместитель командующего войсками Уральского военного округа, — отстаивал плохую боевую пружину для затвора винтовки²⁹. Все это никак не могло послужить даже подобием доказательств их причастности к «военно-политическому заговору».

Еще более необъяснимой, поистине загадочной должна была стать для аудитории неожиданно брошенная Сталиным в зал, но также вдруг оборванная, не получив какого бы то ни было раскрытия, фраза: «Хотели из СССР сделать вторую Испанию»³⁰. Для тех дней общий смысл ее был понятен каждому: в самую последнюю минуту, мол,

предотвращен военный мятеж. Но мятеж какого рода — франкистского? Вряд ли. Уж скорее всего, ограниченного масштаба, типа барселонского. Ведь большинство тех, кого упомянули и Ворошилов, и Сталин, служили либо в Московском военном округе, либо в наркомате обороны, то есть опять же в Москве. И тут приходится вновь вспомнить о старом, 1923 г., письме В. А. Антонова-Овсеенко, о котором Сталин вряд ли когда-либо забывал. В нем содержалась открытая угроза двинуть войска против ПБ и ЦКК, что в новых условиях выглядело бы именно как путч войск Московского военного округа, московского и

кремлевского гарнизона с
единственной, уже открыто и
однозначно названной целью —
ареста узкого руководства, которое
Сталин вполне сознательно
расширительно именовал в речи
правительством. Только в таком
случае становилось понятным
упоминание, к примеру, армейского
комиссара 2 ранга, члена ЦРК
Л. Н. Аронштама, занимавшего в
середине 1930-х гг. должность
заместителя командующего
войсками Московского военного
округа по политической части,
переведенного в мае 1937 г.
начальником политуправления
Приволжского военного округа.

Наконец, подтверждением стремления узкого руководства поначалу, к 1 июня 1937 г., предельно ограничить масштаб вскрытого «заговора», придать ему явно локальный характер может служить и число выявленных его участников, приведенное Сталиным в речи: «Вот мы человек 300–400 по военной линии арестовали»³¹. Цифра, которая обязательно должна была вдвое, а то и втрое превышать истинную величину «заговорщиков», как это обычно бывает.

Сталин далеко не случайно акцентировал внимание на «Кремлевском деле», строил вокруг него всю речь, сводил к нему

фактически пресловутый «военно-политический заговор». Он пытался тем самым, как можно предполагать, дать понять находившемуся в президиуме Ежову, да и не только ему, что самое важное для него дело — «Клубок» — закрыто окончательно. И потому дальнейшие аресты, прямо или косвенно связанные с ним, и особенно в армии, не только не нужны, но и излишни.

Сталин, скорее всего, все еще не сделал окончательный выбор между «чекистами» и армией как главной опоры власти и узкого руководства. Он пытался таким образом контролировать положение, хотя

ситуация медленно, но неуклонно выходила из-под его контроля, и отнюдь не из-за первых репрессий, порожденных раскрытием «военно-политического заговора».

Глава семнадцатая

Расширенное заседание Военного совета при наркомате обороны и смысл выступления на нем Сталина нисколько не отразились на советской пропаганде. Главной, важнейшей темой, находившей ежедневное отражение на газетных полосах и в радиопередачах, оказалась не шпиономания, поиск и разоблачение затаившихся повсюду врагов, а совершенно иная — предельно оптимистическая, та, которая должна была внушать гражданам СССР чувство гордости за свою

страну, за ее успехи.

Начиная с 22 мая все без исключения средства массовой информации сконцентрировали свое внимание на арктической теме, день за днем рассказывали об эпопее покорения Северного полюса экспедицией И. Д. Папанина.

Публиковали радиোগраммы, которыми обменивались Москва и Северный полюс, репортажи, очерки не только о каждом папанинце, но и о командирах экипажей самолетов — М. В. Водопьянове, В. С. Молокове, И. П. Мазуруке, А. Д. Алексееве, их рассказы, а также разнообразные материалы, посвященные освоению Арктики. Но вскоре героическая

тема уступила место другой, трагической и страшной.

О ней уведомили пять строк петитом под рубрикой «Хроника» на последней, шестой полосе «Правды» от 1 июня: «Бывший член ЦК ВКП(б) Я. Б. Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами и, видимо, боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством». А десять дней спустя появилась главная информация под обычным для таких случаев заголовком «В прокуратуре СССР». Она сообщила:

«Дело арестованных органами НКВД в разное

время Тухачевского М. Н.,
Якира И. Э.,
Уборевича И. П.,
Корка А. И.,
Эйдемана Р. П.,
Фельдмана Б. М.,
Примакова В. М. и
Путна В. К. рассмотрением
закончено и передано в суд.

Указанные выше
арестованные обвиняются
в нарушении воинского
долга (присяги), измене
родине, измене народам
СССР, измене Рабоче-
крестьянской Красной
армии. Следственным
материалом установлено

участие обвиняемых, а также покончившего самоубийством Гамарника Я. Б. в антигосударственных связях с руководящими кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР. Находясь на службе у военной разведки этого государства, обвиняемые систематически доставляли военным органам этого государства шпионские сведения о состоянии Красной армии,

вели вредительскую работу по ослаблению мощи Красной армии, пытались подготовить на случай военного нападения на СССР поражение Красной армии и имели своей целью содействовать восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов.

Все обвиняемые в предъявляемых им обвинениях признали себя виновными полностью. Рассмотрение этого дела будет проходить сегодня, 11 июня, в закрытом судебном

заседании Специального
судебного присутствия
Верховного суда СССР».

А в заключении указывалось, что «дело слушается в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 г.». То есть ускоренно, с почти неизбежным приговором — расстрел.

На следующий день, но уже под заголовком «В Верховном суде СССР», появилось второе официальное сообщение:

«По оглашении
обвинительного
заключения на вопрос

председательствующего
тов. Ульриха, признают ли
подсудимые себя
виновными в
предъявленных им
обвинениях, все
подсудимые признали себя
виновными в указанных
выше преступлениях
полностью... Специальное
судебное присутствие
Верховного суда СССР всех
подсудимых... признало
виновными в нарушении
воинского долга (присяги),
измене Рабоче-
крестьянской Красной
армии, измене родине и

отношении осужденных к
высшей мере уголовного
наказания —

Тухачевского	М.	Н.,
Якира	И.	Э.,
Уборевича	И.	П.,
Корка	А.	И.,
Эйдемана	Р.	П.,
Фельдмана	Б.	М.,
Примакова	В.	М. и
Путна В. К.».		

Таким образом, все обвинения
военачальников были сведены
исключительно к измене родине и
шпионажу. О какой-либо
причастности их к попытке
кремлевского переворота, о чем

столь настойчиво говорил Сталин на заседании Военного совета, не было сказано ни слова. Также, во всяком случае в опубликованных официальных сообщениях, ничего не говорилось и о том, что совсем недавно являлось чуть ли не единственным пунктом обвинения в подобных случаях, — о действительных или мнимых связях подсудимых с бывшей оппозицией, левой или правой, безразлично.

Отныне о чисто политических «преступлениях» перед партией было надолго забыто. Вместо них надежно утвердились иные, антигосударственные: измена, шпионаж. Словом, то, что могло

быть предъявлено кому-либо в любой стране, в любое время, вне зависимости от господствующего режима. Для подтверждения главенства именно такого вида обвинений «Правда» явно преднамеренно публиковала с 9 по 13 июня отрывки из срочно переведенной, увидевший свет в Нью-Йорке еще в 1928 г. книги американского публициста Ричарда Роуана об истории шпионажа — «Разведка и контрразведка», вскоре вышедшей в Москве отдельным изданием. Практически той же, откровенно политической версии обвинения придерживалась в те дни и официальная пропаганда. Так,

«Правда» с 11 по 14 июня публиковала передовые статьи под весьма выразительными заголовками: «Кризис иностранной буржуазной разведки», «За шпионаж и измену родине — расстрел!», «Голос великого советского народа», «Мощь советского государства несокрушима». Такими же по смыслу стали и традиционные в таких случаях подборки откликов на сообщения в прессе о процессе — информации о митингах на предприятиях и в учебных заведениях, в колхозах и совхозах, подразделениях армии и флота. На них, как и должно, выразалось единодушное одобрение действий

НКВД и суда, полное согласие с вынесенным приговором. Все это публиковалось под выразительными шапками с 12 по 15 июня, сначала на пяти полосах, а в конце кампании — на двух.

Внезапно возникнув в пропаганде, тема «заговора в РККА» столь же неожиданно исчезла 16 июня. Вернее, незаметно перешла в новую — всенародной поддержки выпуска Займа обороны СССР. Вскоре ее сменило подробнейшее освещение открывшегося в Москве 16 июня Всесоюзного съезда архитекторов, материалы, связанные с экспедицией на Северный полюс. А начиная с 19 июня — еще и о первом

из двух намеченных перелетов по маршруту Москва — Северный полюс — США экипажа в составе В. П. Чкалова, Г. Ф. Байдукова и А. В. Белякова.

Но все же самыми значимыми оказались материалы иного рода, совсем неброские, на которые мало кто обращал внимание. Те, что с конца мая систематически сообщали о ходе выборов в партийных организациях, поначалу на весьма показательных городских партконференциях в центрах краев и областей, столицах союзных республик, а вслед за тем и на областных, краевых партконференциях, съездах

компартий союзных республик. Они сразу же продемонстрировали крайне неприятную и опасную для узкого руководства тенденцию — незыблемость позиций местных руководителей.

Несмотря на одобрение ими же доклада Жданова на февральско-мартовском пленуме и соответствующей его резолюции, партийная бюрократия все оставила без изменения, откровенно игнорируя смысл двух инструктивных писем ЦК. Ни ничем не ограниченная возможность выдвижения в руководящие органы, ни полная свобода критики всех без исключения кандидатов, включая

членов ЦК, ни даже тайное голосование так и не привели к появлению в бюро крайкомов и обкомов, в ЦК нацкомпартий новых людей. Практически все первые секретари сохранили ведущее положение, продемонстрировав тем Москве, узкому руководству, что именно они являются хозяевами положения в своих регионах и добровольно уходить не собираются — даже в ходе альтернативных выборов в Верховный Совет СССР.

Заметной такая ситуация стала в начале июня, после городских конференций в Киеве, Ереване, Баку и Фрунзе, в Ленинграде, Иркутске,

Калинине, Оренбурге, Энгельсе, Горьком, Челябинске, Ростове. На них, кроме иркутской, первые секретари ЦК нацкомпартий — С. В. Косиор, А. Р. Амадуни, М.-Д. А. Багиров, М. К. Аммосов, крайкомов и обкомов — А. А. Жданов, М. Е. Михайлов, А. Ф. Горкин, Е. Э. Фрешер, Ю. М. Каганович, К. В. Рындин, Е. Г. Евдокимов получили абсолютное большинство голосов «за». Доказали, что столь же просто победят и на следующем этапе. Исключение составил лишь первый секретарь Восточно-Сибирского крайкома, член ЦК М. О. Разумов. Он не сумел набрать достаточного числа

голосов, чтобы стать делегатом краевой конференции, потому, что был обвинен в защите «разоблаченных» как «оппозиционеры и контрреволюционеры» работников Иркутского горкома — второго секретаря Горбуновой и заведующего культпропотделом Шумовского¹.

Вполне возможно, что группа Сталина не исключала такого варианта событий, а потому начала готовиться к нему загодя. 5 июня «Правда» опубликовала передовую статью под откровенно подстрекательским заголовком «Беспощадно громить и корчевать троцкистско-правых шпионов».

Однако речь в ней шла не о двурушниках, не о вредителях, диверсантах и шпионах, а о... результатах выборов на областных партконференциях на Украине, о начавшихся съездах компартий Азербайджана, Армении, Украины. Завершалась передовица весьма недвусмысленно:

«Карающий меч
пролетарской диктатуры не
притупился и не заржавел.
Он опустится на головы
тех, кто хочет разодрать на
клочки нашу прекрасную
родину и отдать ее под
ярмо германо-японского

фашизма. Врагов народа —
троцкистско-правую
сволочь мы будем
беспоощадно громить и
корчевать!»

Так, отнюдь не завуалированно давалось прямое указание, в чем следует обвинять партократов, дабы со стопроцентной уверенностью не допустить их переизбрания. Широкое руководство получило наконец то, за что столь рьяно ратовало на пленумах в декабре и феврале — марте, — возможность политических репрессий. Правда, теперь угрожавших ему самому.

Одновременно с публикацией

безусловно инспирированной статьи
начались и важные перемещения,
оказавшиеся, как показало самое
близкое будущее, первой волной
чистки широкого руководства. 4
июня был отстранен от должности
председатель Дальне-Восточного
крайисполкома, член ЦРК
Г. М. Крутов, провалившийся на
краевой конференции, — он получил
428 голосов «против» и всего 21 «за».
8 июня сняли председателя ЦИК
АзССР Эфендиева, обвиненного
Багировым в покровительстве
«буржуазным националистам и
муссаватистам». 14 июня «в связи с
переходом на другую работу»
освободили от занимаемой

должности наркома внешней торговли А. П. Розенгольца, вместо которого исполняющим обязанности назначили его первого заместителя С. К. Судьина. 16 июня потерял свой пост первый секретарь Западного обкома, член ЦК И. П. Румянцев — по заявлению заместителя председателя облисполкома Клявс-Клавина о якобы «преступных связях» того с бывшим командующим войсками Белорусского военного округа Уборевичем². На следующий день центральные газеты сообщили, что «председатель ЦИК Белорусской ССР А. Г. Червяков 16 июня покончил жизнь самоубийством на личной, семейной почве»³. Вполне

возможно, истинной причиной самоубийства стало иное — опасения за свою судьбу, боязнь повторения того, что стало с арестованными в марте первым секретарем компартии республики З. И. Волковичем, а в конце мая — с председателем СНК БССР Н. М. Гололедом⁴.

В те же дни широкое руководство пополнилось новыми людьми, которые должны были быть признательны и группе Сталина в целом и лично Маленкову за свое внезапное повышение. Первыми секретарями рекомендовали 21 мая в Мордовский обком на место снятого Прусанова В. М. Путнина, 2 июня в

Восточно-Сибирский крайком
А. С. Щербакова. 4 июня
начальником Политуправления
РККА утвердили П. А. Смирнова⁵,
перед тем начальника
политуправлений Балтийского флота,
Северо-Кавказского, Приволжского,
Белорусского и Ленинградского
военных округов.

Этим узкое руководство не
ограничилось. Накануне
намеченного открытия пленума, 19
июня, первым пунктом заседания,
должным предвосхитить
выступление Я. А. Яковлева, ПБ
решило сделать сообщение
Н. И. Ежова как секретаря ЦК⁶.
Вполне вероятно, что обсуждение и

формы, и содержания
экстраординарного сообщения стало
причиной незначительной отсрочки
созыва пленума, начавшегося 23
июня более чем необычно. До
обязательного оглашения повестки
дня, до первого доклада или речи
собравшихся призвали поддержать
два предложения ПБ. По первому
«выразить политическое недоверие»
и на том основании «вывести из
состава членов и кандидатов в члены
ЦК» председателя Ленинградского
областного совета профсоюзов
П. А. Алексеева, наркома легкой
промышленности СССР
И. Е. Любимова, главу правительства
РСФСР Д. Е. Сулимова,

управляющего трестом
коммунального оборудования
наркомата местной промышленности
РСФСР В. И. Курицына,
председателя уже фактически не
существующего СНК ЗСФСР и
сопредседателя ЦИК СССР
Г. М. Мусабекова, председателя
Комиссии по оценке урожайности
при наркомате заготовок СССР
В. В. Осинского, управляющего
одним из небольших трестов в
Куйбышевской области
А. И. Седельникова.

Во втором предложении ПБ,
зачитанном Ежовым, предлагалось
одобрить еще одну более жесткую
акцию. «За измену партии и родине

и активную контрреволюционную деятельность» следовало «исключить из состава членов и кандидатов в члены ЦК и из партии», а их «дела передать в Наркомвнудел» 19 человек: председателя Комиссии советского контроля — заместителя председателя СНК СССР Н. К. Антипова, наркома внутренних дел УССР В. А. Балицкого, наркома местной промышленности РСФСР И. П. Жукова, заместителя заведующего агитпропа ЦК В. Г. Кнорина, первого секретаря Крымского обкома Л. Н. Лаврентьева (Картвелишвили), наркома пищевой промышленности РСФСР С. С. Лобова, первого секретаря

Восточно-Сибирского крайкома
И. П. Румянцева, первого секретаря
Курского обкома Б. П. Шеболдаева,
начальника ГУШОСДОРТРАНС
НКВД Г. И. Благоданова, первого
секретаря Одесского обкома
Е. И. Вегера, председателя СНК
БССР Н. М. Гололеда, бывшего
наркома совхозов СССР
М. И. Калмановича, наркома
коммунального хозяйства РСФСР
Н. П. Комарова и других⁷.

Участники пленума, не
задумываясь, единогласно одобрили
оба проекта решений. Сделали то,
чего от них ждали, но что они могли
и не делать. Ведь, не получив
никаких объяснений причин столь

срочного ostrakизма, не услышав выступлений хотя бы некоторых из обвиняемых — как это было в случае с Бухариным и Рыковым всего полгода назад, они за несколько минут сократили состав ЦК на 26 человек. А если учесть тех, кто был выведен «опросом» во второй половине мая, Кабакова, Рудзутака, Орахелашвили, Элиаву, Уханова, Гамарника, Тухачевского, Уборевича, Якира и Эйсмана, то высший орган власти, действующий в период между съездами, всего за пять недель уменьшился почти на треть — на 36 человек из 120 на 1 мая 1937 г.

Столь необычное, даже странное открытие пленума можно

понять, только если воспринимать оба предложения ПБ как ничем не прикрытую демонстрацию силы узкого руководства, как подтверждение того, о чем говорилось в передовой «Правды» от 5 июня. Его можно расценить как своеобразное начало боевых действий со стороны группы Сталина, нанесение ею превентивного удара накануне голосования по важнейшему вопросу — об альтернативных выборах. Как последнее предупреждение тем, кто еще намеревался саботировать принятие нового избирательного закона в любой форме, на пленуме или на

очередной сессии президиума ЦИК СССР.

Противники новой избирательной системы должны были в те роковые минуты осознать, что перед ними только два варианта дальнейшего поведения. Либо поддержать проект Я. А. Яковлева, либо попасть в следующий список выводимых из состава ЦК. Заставить прийти именно к такой оценке ситуации, небывалой, совершенно необычной, должна была прежде всего безликость выдвигаемых обвинений. Как и в мае, когда было предложено голосовать «опросом», решая судьбу Рудзутака, Тухачевского, Якира и Уборевича, так и теперь, в

июне, вместо конкретных фактов, подтверждавших преступления, по сути, предъявлялась только статья уголовного кодекса, определявшая меру наказания, не более того.

И все же оба списка позволяли при желании понять много. Прежде всего, что объединили они тех, кто никогда не примыкал (кроме Осинского, да и то в далеком 1918 г.) ни к каким оппозициям. Более того, все, кто оказался в проскрипционных списках, как остальные члены и кандидаты в члены ЦК, вошли в широкое руководство, укрепились во властных структурах именно в ходе борьбы со сторонниками Троцкого, Зиновьева, Бухарина, заменили тех

на высоких постах.

Бросалось в глаза и иное. В списках фигурировали все те, кто уже не первый месяц терял свои позиции, неуклонно спускаясь по иерархической лестнице: Осинский, Жуков, Кнорин, Лаврентьев, Лобов, Калманович, Комаров, Кубяк, Михайлов, Уншлихт. Да еще те, кто оказался в составе ЦК случайно, пребывал в нем чисто номинально, не играя существенной роли, — Курицын, Седельников.

Наконец, практически все жертвы объединяла явная их некомпетентность, отсутствие высшего, а слишком часто и среднего образования, опыта практической

работы по профессии. Вполне возможно, их и имел в виду Сталин, когда в заключительной речи на пленуме, произнесенной 5 марта, уничижительно, даже издевательски говорил: каждый из них полагает, что «если я член ЦК, стало быть... я все знаю». Ну а то, что они действительно, мягко говоря, знали очень мало, подтверждают их биографии кристально честных большевиков, бескорыстно преданных делу революции, социализма, партии, но слишком рано и надолго занявших весьма высокие посты, что и превратило их довольно быстро в «руководителей общего профиля», так и не

осознавших, что знаний для этого у них явно не хватает.

Послужные списки этих уже бывших членов и кандидатов в члены ЦК, подвергшихся внезапной опале, позволяют заметить еще одну существенную деталь. В отборе июньских жертв, а также выведенных «опросом» еще в мае, явно заметна прямая причастность Ежова. Вернее, его уже упомянутый формально-биографический метод «разоблачения» скрытых оппозиционеров. Свидетельством тому является слишком уж явное перекрещение судеб этих партийных и советских работников в годы гражданской войны с теми

военачальниками, которые оказались на скамье подсудимых 11 июня. Бросаются в глаза и другие совпадения. Например, вывод из состава ЦК слишком многих из тех, кто в разное время возглавлял компартию Белоруссии, Закавказскую Федерацию и Закавказский крайком, Одесский губком.

Вместе с тем общий состав людей, подвергшихся остракизму за полтора месяца и прежде ничем не связанных между собой, кроме пребывания в ЦК и борьбы со сторонниками Троцкого и Зиновьева, оказался необычайно пестрым, разнообразным как по должностям,

так и местам работы. Он включал шесть первых секретарей крайкомов и обкомов, секретаря ЦК КП(б) Украины, заместителя заведующего агитпропом ЦК ВКП(б), четырех членов Совнаркома СССР, пятерых — РСФСР, по одному — УССР и БССР, четырех работников советских органов столь же высокого уровня. Из Москвы, Киева, Минска, Тбилиси, Смоленска, Курска, Одессы, Симферополя, Куйбышева, Свердловска, Иркутска, Хабаровска. Столь странный географический разброс, да еще при отсутствии даже намека на некую объединяющую «контрреволюционную организацию», вполне мог означать,

что кем-то найден метод, позволяющий предъявлять обвинения и карать любого представителя широкого руководства.

...Члены ЦК собирались в Москве крайне медленно — из-за продолжавшихся в ряде регионов страны выборов в партийных организациях. Скорее всего поэтому сталинская группа вновь изменила повестку дня пленума. Первым основным вопросом после сообщения Ежова стали рутинные проблемы сельского хозяйства — доклады наркома земледелия СССР М. А. Чернова «О введении правильных севооборотов» и «О мерах улучшения машинно-

тракторных станций», Я. А. Яковлева «Об улучшении семян зерновых культур». Слушание и обсуждение их заняло три с половиной дня, с вечернего заседания 23 июня по 26 июня, за которые все члены ЦК не только собрались в столице, но и успели познакомиться с двумя предложениями ПБ и проголосовать по ним. И лишь затем, 27 июня, выступил Я. А. Яковлев с основным для пленума докладом — о новом избирательном законе, который был предварительно рассмотрен специальной комиссией, образованной ПБ еще 26 мая и включавшей, естественно, Яковлева, а также председателя ЦИК СССР

М. И. Калинина, секретаря ЦИК СССР И. А. Акулова, правоведов — наркома юстиции СССР Н. В. Крыленко и прокурора СССР А. Я. Вышинского, заведующего Агитпропом ЦК А. И. Стецкого и председателя правительства Украины П. П. Любченко⁸.

Яковлев начал свое выступление беглым, предельно кратким напоминанием об особенностях новой избирательной системы. О том, что выборы отныне будут всеобщими, равными, прямыми, тайными. Затем перешел к пятой особенности предлагаемого им проекта закона.

«Конституция СССР предоставляет каждой общественной организации и обществу трудящихся право выставлять кандидатов в Верховный Совет СССР... Эта статья имеет огромное значение, она внесена по предложению товарища Сталина. Ее цель — развить, расширить демократию... Эта статья обеспечивает подлинный демократизм на выборах в советы. На окружные избирательные комиссии возлагается обязанность

зарегистрировать и внести
в избирательный
бюллетень по
соответствующему округу
всех без исключения
кандидатов в Верховный
Совет СССР, которые
выставлены
общественными
организациями и
обществами трудящихся
(выделено мной — Ю.Ж.)
... Отказ окружных по
выборам... комиссий в
регистрации кандидата в
депутаты может быть
обжалован в двухдневный
срок в Центральную

избирательную комиссию, решение которой является окончательным. К

кандидатам в депутаты не предъявляется никаких особых требований, кроме предъявляемых к любому избирателю... От

общественных организаций, выставивших кандидатов, требуется лишь, чтобы они были зарегистрированы в установленном законом порядке и представили протокол собрания или заседания, выдвинувших кандидата, по

установленной форме в
избирательную
комиссию»⁹.

Так, хотя и в предельно
завуалированной форме, но с
угрожающей ссылкой на Сталина как
автора данного предложения,
Яковлев сообщил участникам
пленума об альтернативности
предстоящих выборов, о
состязательности на них,
определяемой тем, что теперь не
только партия, но и любая
общественная организация, в том
числе и ее местные отделения, а
также любые собрания граждан будут
выставлять собственных кандидатов,

да еще ни с кем не согласуя их. Таких кандидатов, которые отвечают не чьему-либо, а действительно только их собственному волеизъявлению. И тут же Яковлев перешел к еще более значимому.

Проект закона, отметил он, предусматривает исключение «всяких попыток исказить результаты голосования и действительную волю трудящихся... Некоторые формальности, введенные этой (VIII — Ю.Ж.) главой, могут показаться некоторым товарищам излишними и даже бюрократическими, но там, где вопрос идет о создании высшего государственного органа, никакая

формальность не будет излишней».

Участковая избирательная комиссия, пояснил докладчик, «посылает в окружную избирательную комиссию не только протокол голосования, но и оба экземпляра счетных листов на каждого кандидата. Совет депутатов трудящихся обязан хранить избирательные бюллетени вплоть до утверждения мандатов Верховным Советом СССР».

Трудно усомниться, против чьих возможных действий по фальсификации результатов были направлены все перечисленные выше меры. Только первые секретари — райкомов, горкомов, обкомов и

крайкомов — обладали
возможностью и неофициальными
правами, которые позволили бы в
случае острой необходимости
подтасовать число поданных за того
или иного кандидата голосов.
Именно поэтому Яковлев и
подчеркнул для него наиважнейшее:

«Цель — обеспечить
точное волеизъявление
трудящихся —
предусматривает
установленное
„Положением о выборах в
Верховный Совет СССР“
право, согласно которому
избранным считается

только кандидат, получивший абсолютное большинство голосов. Если ни один из кандидатов на выборах не получит абсолютного большинства голосов, то обязательно (не позднее, чем в двухнедельный срок) перебаллотировка двух кандидатов, получивших наибольшее количество голосов»[10](#).

Именно тут доклад неожиданно прервался весьма показательной, хотя и короткой, спонтанной дискуссией:

«Эйхе: А если во втором туре не будет абсолютного большинства?

Яковлев: Такого случая не может быть, раз голосуют при баллотировке только за двух кандидатов.

Калинин: Нужно поправку сделать, что при равенстве голосов вопрос будет решаться по жребию.

Яковлев: Это неправильно. Не годится давать жеребьевке решать — будет ли сторонник коммунистов или враг в совете.

Калинин: Ворошилов

предлагает боем дело
кончить.

Яковлев: И это лучше,
чем жребий. Тут у нас
возможностей больше.
Наши могут победить»[11](#).

На том особенности нового
избирательного закона,
нуждающиеся в разъяснениях,
Я. А. Яковлев счел исчерпанными и
перешел ко второму разделу доклада.
Однако стал говорить не о том, что
предусматривалось повесткой дня —
подготовке к выборам советов, а о
более чем серьезных недостатках в
их деятельности.

Начал с того же, о чем

применительно к партийным организациям говорил на предыдущем пленуме Жданов, — о фактически отсутствующем в жизни законном избрании в советы, о царившей повсюду кооптации. Затем преподобнейше остановился на собственно работе советов всех уровней — от районных и городских до ЦИК СССР. Оказалось, что «более двух третей всех вопросов, решенных Челябинским облисполкомом, больше 90% — Орджоникидзевским крайисполкомом, более 70% — Свердловским облисполкомом и больше 80% — Азово-Черноморским крайисполкомом были решены „опросом“». «Факт также, —

продолжил Яковлев, — что Западный облисполком из 20000 постановлений, принятых им с начала 1936 г., только 500 рассмотрел на заседаниях президиума, а остальные были приняты либо „опросом“, либо в порядке подписи председателем и секретарем»^{[12](#)}.

Другим аспектом той же проблемы стало, по словам Яковлева, повсеместное бездействие депутатских секций, которые, по конституции, призваны были направлять деятельность соответствующих отделов исполкомов и контролировать их. На практике же, как доказал докладчик, все обстояло иначе:

«В тех многочисленных случаях, когда секции проявляют инициативу, вскрывают недостатки, требуют исправления, критикуют заведующих (отделами исполкомов — Ю.Ж.), заведующие нередко начинают осаживать их, игнорировать, перестают ходить на секции, посылают вместо себя на секции пятистепенных работников и тем самым постепенно сводят секции на нет. Я бы мог привести многочисленные примеры превосходной работы секций по Москве, Ленинграду, Днепропетровску, Ташкенту, но, к сожалению, по всем этим пунктам я вынужден был бы одновременно

привести многочисленные факты игнорирования секций со стороны тех или иных бюрократов, мнящих себя стоящими выше ответственности перед советами». И Яковлев сделал единственно возможный в таком случае вывод: «Все наши работники должны понять, что нет людей, которые могли бы претендовать на бесконтрольность в работе, что подконтрольность любого работника вытекает из основ советской власти, что только с помощью контроля снизу, дополняющего контроль и руководство сверху, можно улучшить работу советов»¹³.

Подвергая нелицеприятной

критике работу советов всех уровней, Яковлев поначалу ограничился лишь указанием исполкомов: Орджоникидзевого, Азово-Черноморского, Восточно-Сибирского краевых, Западного, Ярославского, Свердловского, Челябинского областных, Брянского, Московского, Коломенского, Рязанского, Ярославского, Харьковского, Омского городских. Но почти сразу же стал называть и фамилии опорочивших себя руководителей, и не только представлявших советскую ветвь власти. Тогда-то и стала приподниматься завеса тайны вывода из ЦК первых секретарей

региональных парторганизаций — Разумова, Румянцева, Шеболдаева, Вегера, а также Голодеда и Уншлихта. Все они, как и председатели соответствующих советов, исполкомов, были обвинены докладчиком в полном пренебрежении интересами людей, в беззакониях, от которых страдало население, прежде всего сельской местности. Яковлев резюмировал:

«Само собой
разумеется, что практика
подмены законов
усмотрением той или иной
группы бюрократов
является делом

антисоветским.

Крестьянин ведь судит о власти не только по тому, каков закон — будь он великолепен. Но если исполнитель извращает его в своей деятельности, крестьянин будет судить о власти в первую очередь на основании действий исполнителей»¹⁴.

Как бы мимоходом, невзначай коснулся Яковлев и еще одной достаточно серьезной проблемы:

«Партгруппы в советах
и в особенности в

исполкомах советов
зачастую превратились в
органы, подменяющие
работу советов, в органы,
кои все решают, а советам
остается лишь
проштамповать заранее
заготовленное решение...
Вывод отсюда: необходимо
будет войти на очередной
съезд партии с
предложением об отмене
пункта устава ВКП(б) об
организации партгрупп в
составе советов и их
исполнительных комитетов
с тем, чтобы все вопросы
работы советов как в части

хозяйственного,
культурного и
политического руководства,
так и в части назначения
людей обсуждались и
решались непосредственно
советами и их
исполкомами без
возложения на
коммунистов обязанности
голосовать в порядке
партдисциплины за то или
иное решение через
партгруппы, не
являющиеся выборными
партийными органами»¹⁵.

Так вроде бы неожиданно, чисто

случайно возникла — и не где-нибудь, а на пленуме ЦК! — совершенно новая тема — постепенного выхода советов (правда, пока без указания — какого же конкретно уровня) из-под жесткого партийного контроля, превращения их в самостоятельную на деле, а не на словах, ветвь власти. Но разумеется, не для конкуренции или противостояния партийной, отнюдь нет. Главным образом для того, чтобы из нее в дальнейшем «черпать как из богатейшего резерва новые кадры для смены сгнивших или забюрократившихся»¹⁶. Именно так невзначай и прозвучала явно исходившая от сталинской группы

оценка широкого руководства.

Доклад Яковлева не вызвал какой-либо полемики. Выступавшие в прениях председатели совнаркома УССС П. П. Любченко и КазССР У. Д. Исаев, ЦИК СССР — М. И. Калинин, Ленинградского облисполкома — А. П. Гричманов, Западно-Сибирского крайисполкома — Ф. П. Грядинский, Моссовета — Н. А. Булганин, Ленсовета — В. И. Шестаков говорили лишь о том, что ближе всего касалось их лично. Не о новом избирательном законе, а о недостатках в работе советов. Не возражая докладчику в целом, они всячески выгораживали те органы

власти, которые возглавлялись ими непосредственно.

О главном же для доклада — о вводимой принципиально иной, нежели прежняя, избирательной системе — сказали лишь двое, чье мнение вполне можно было предсказать заранее. А. И. Стецкий прямо затронул вопрос возможных последствий альтернативных выборов и предостерег участников пленума от бездействия:

«И в колхозах могут выдвигать враждебного кандидата. Это совершенно ясно. Поэтому нужно заблаговременно

позаботиться о том, чтобы не только был выдвинут наш кандидат, но чтобы наши кандидаты обсуждались на общих собраниях, чтобы за них агитировали и так далее, иначе может получиться кампания наоборот»¹⁷.

После перерыва первым взял слово Молотов. Его выступление оказалось не только весьма пространным для прений — продолжалось почти час, — но и сугубо политическим по сути. Вполне возможно, уловив настроения участников пленума, он постарался

подсластить горькую пилюлю, по возможности смягчить впечатление, оставленное докладом Яковлева. Он стремился убедить членов ЦК в том, что узкое руководство не отказывается от изначального генерального курса, курса Октября, что внимание к советам, которые конечно же останутся под руководством партии, не только давно назрело, но и диктуется исключительно заветами Ленина. Молотов сразу же подчеркнул:

«Новая конституция поднимает роль советов, увеличивает их значение во всем строительстве

социализма... Смысл избирательной кампании будет заключаться в том, чтобы отточить советы как орудие нашей партии, как организатора борьбы за победу коммунизма»[18](#).

Однако вслед за тем, практически без перехода Молотов обрушился на партократию, подмявшую под себя законные органы власти. Явно имея в виду первых секретарей крайкомов, обкомов, райкомов, он заметил: «В представлении некоторых товарищей у нас можно встретить такое отношение, что советский аппарат,

это, ну второстепенная какая-то организация, а советские работники — это работники второго сорта. Речь идет о том, чтобы советы, советский аппарат, советских работников поставить в работе на более высокую ступень, выше»¹⁹. Иными словами, дал понять, что необходимо уравнивать наконец-то советскую ветвь власти с партийной. И сделать это исключительно с точки зрения конституции, как старой, так и новой, только что принятой.

А чтобы не только подтвердить, но и усилить эту мысль, Молотов перешел к проблеме кадровой ротации, о чем утром уже говорил Яковлев в своем докладе. Он привел

несколько примеров неспособности слишком многих профессиональных революционеров — несменяемых партийно-государственных руководителей — справляться со своими прямыми обязанностями на советских постах. Одновременно, опять же, как и Яковлев, весьма недвусмысленно объяснил причины вывода из состава ЦК некоторых из его членов. Назвал «Каминского по линии Наркомздрава, Сулимова по линии Совнаркома РСФСР, Жукова по линии местной промышленности», как не справившихся с решением жизненно важной проблемы охраны материнства — со строительством

родильных домов, яслей, обеспечением их всем необходимым оборудованием. Каминский, Сулимов, Жуков, как прямо заявил Молотов, «совершенно бюрократически отнеслись к этому вопросу»²⁰.

Вслед за тем помянул Вячеслав Михайлович еще и Голодеда, также предъявив к нему претензии отнюдь не политического, а чисто хозяйственного свойства²¹.

Наконец, завершая выступление, Молотов сделал важное заявление, посвященное все тому же кадровому вопросу:

«Конечно, надо

понять, товарищи, что наши старые критерии старых партийцев теперь во многих отношениях недостаточны. Товарищ Сталин за последнее время несколько раз всем нам говорил о том, что наши старые оценки людей теперь совершенно недостаточны. Имеет дореволюционный партийный стаж, потом он имеет хорошее качество, что он участвовал в Октябрьской революции, имел заслуги в гражданской войне, потом

он неплохо дрался против троцкистов и против правых. Все это надо понять и учесть как важный элемент в оценке человека. Но это недостаточно. В данное время от нас, от тех людей, которые являются представителями партии на любом участке работы, требуется, чтобы в духе тех требований партии, которые она теперь представляет в борьбе с недостатками работы в советах и с недостатками в подборе людей, требуется,

чтобы руководители находили известный подход к этим людям и умели на места устаревшего хлама, бюрократившейся или очинивничейся группы работников выдвигать новых людей. Нам надо теперь добиться того, чтобы мы теперь выдвинули такие кадры людей в советы, высшие и местные органы советов, которые в соответствии с основными требованиями теперешнего момента твердо, последовательно, разумно, со знанием дела

будут проводить политику партии на своем месте»²².

Еще более неожиданным для собравшихся и настораживающим оказалось и иное. Своеобразное объяснение того, что Яковлев назвал в докладе историческим поворотом, который производит конституция, прозвучало из уст самого Сталина. В самом конце прений, когда речь зашла о поиске наиболее беспристрастной формы подсчета голосов, Иосиф Виссарионович заметил, что на Западе, благодаря многопартийности, такой проблемы нет. И вслед за тем внезапно бросил в зал весьма странную для подобного

собрания фразу: «У нас различных партий нет. К счастью или к **несчастью** у нас одна партия» (выделено мной — Ю.Ж.). Он предложил поэтому, но лишь как временную меру, использовать для беспристрастного контроля за выборами представителей все тех же существующих общественных организаций, а не ВКП(б), как можно было бы ожидать от секретаря ЦК²³.

Вызов, открытый вызов партократии был брошен.

В тот же день, 27 июня, пленум единодушно поддержал проект нового избирательного закона и утвердил созыв сессии ЦИК СССР для его принятия на 7 июля. И все же

узкое руководство еще раз подкрепило свое желание вынудить широкое руководство согласиться с неизбежной ротацией — добровольно, мирно и бескровно покинуть властные посты — еще одной репрессивной мерой.

29 июня, в последний день своей работы, пленум утвердил новое предложение ПБ о выводе из состава членов и кандидатов в члены, об исключении из партии четырех человек «ввиду поступивших неопровержимых данных о причастности их к контрреволюционной группировке»²⁴. Трех «ленинградцев»: М. С. Чудова, в

1928–1936 гг. занимавшего
должность второго секретаря
Ленинградского обкома, а затем
пониженного, назначенного
председателем Всекопромсовета;
А. И. Струппе, в 1932–1935 гг.
председателя Леноблисполкома, с
1936 г. начальника Свердловского
областного управления наркомата
совхозов СССР; И. Ф. Кодацкого, с
1932 г. председателя
Ленгорисполкома, в 1937 г.
начальника главка легкого
машиностроения НКТП. Кроме того,
из ЦК вывели и И. П. Павлуновского,
в 1928–1930 гг. замнаркома РКИ,
затем члена президиума ВСНХ, с
1932 г. заместителя наркома тяжелой

промышленности, в 1936 г. начальника Главтрансмаша НКТП, в 1937 г. — начальника мобилизационного отдела НКТП.

Тогда же лишились своих постов еще несколько человек, видных и малозаметных. 3 июня по просьбе Н. В. Крыленко сняли с должности заместителя наркома юстиции СССР Н. Н. Крестинского; 8 июня — председателя ЦИК АзССР М. М. Эфендиева, обвиненного М.-Д. А. Багировым в «покровительстве буржуазно-националистическим и муссаватистским элементам». 14 июня «в связи с переходом на другую работу», как уведомили официальные сообщения в газетах,

освободили от занимаемой должности наркома внешней торговли СССР А. П. Розенгольца. 24 июня сняли, исключив заодно из партии и передав дело в НКВД, председателя СНК УзССР Ф. Ходжаева — по настойчивой просьбе первого секретаря ЦК КП(б) Узбекистана А. И. Икрамова, сообщившего телеграммой в Москву, ПБ, о том, что глава республиканского правительства уличен в связях с «националистами, контрреволюционными террористами»²⁵.

Однако все эти сверхжесткие меры, неизбежно приводившие исключенных из партии, рано или

поздно, в тюремные камеры, оказались бессмысленными, так и не привели к достижению той цели, которую поставила сталинская группа. Они стали всего лишь своеобразной прелюдией массовых репрессий, начавшихся буквально через несколько дней по инициативе широкого руководства, перешедшего в контрнаступление.

Глава восемнадцатая

Накануне закрытия пленума, 28 июня 1937 г., произошло нечто весьма странное, до наших дней окруженное плотной завесой тайны. ПБ приняло решение, нигде не зафиксированное — ни в его обычных протоколах, ни в «особой папке», но тем не менее существующее, даже имеющее обычный канцелярский номер: протокол 51, пункт 66¹. Оно гласило:

«1. Признать необходимым применение высшей меры наказания ко

всем активистам,
принадлежащим к
повстанческой
организации сосланных
кулаков. 2. Для
быстрейшего разрешения
вопроса создать тройку в
составе тов. Миронова
(председатель), начальника
управления НКВД по
Западной Сибири, тов.
Баркова, прокурора
Западно-Сибирского края,
и тов. Эйхе, секретаря
Западно-Сибирского
краевого комитета партии».

Содержание решения,

бесспорно, свидетельствует, что оно появилось на свет как реакция на обязательную для таких случаев инициативную записку Р. И. Эйхе. Записку, до сих пор не найденную, но содержание которой можно реконструировать с большой достоверностью. Скорее всего, ею Эйхе попытался подтвердить и развить мысль, высказанную им еще на февральско-мартовском пленуме. Тогда он безапелляционно заявил: мол, в Западной Сибири существует «немалая группа заядлых врагов, которые будут пытаться всеми мерами продолжать борьбу»². Вполне возможно, Эйхе отметил в записке и то, что не разоблаченная до

сих пор полностью некая «повстанческая контрреволюционная организация» угрожает политической стабильности в крае, что особенно опасно в период подготовки и проведения избирательной кампании. И потому, как можно предположить, просил ПБ санкционировать создание «тройки», наделенной правом выносить смертные приговоры.

Подобное откровенное игнорирование права, презрение к существующей судебной системе, даже основанной на чрезвычайных законах, было присуще Роберту Индриковичу Эйхе издавна,

практически всегда сопровождало его деятельность.

В 1930 г. жесткий, волюнтаристский стиль работы Эйхе, слишком наглядно продемонстрировавшего свою предельную некомпетентность, вызвал резкий и открытый протест большой группы ответственных работников Сибири. Однако именно они, а не Роберт Индрикович, были сняты со своих должностей. В 1934 г., в ходе хлебозаготовок, Эйхе истребовал от ПБ право давать санкцию на высшую меру наказания на подведомственной ему территории в течение двух месяцев — с 19 сентября по 15

ноября³. Видимо, вспомнив о том, он и обратился в ПБ с новой просьбой о создании внесудебного, не предусмотренного никакими законами органа, «тройки» — органа, явившегося почти точной копией тех военно-полевых судов, которые царили в стране в период первой русской революции.

Инициативная записка Р. И. Эйхе оказалась тем камушком, который вызвал страшную горную лавину. Три дня спустя, 2 июля, последовало еще одно решение ПБ, распространившее экстраординарные права, предоставленные поначалу лишь Эйхе, уже на всех без исключения

первых секретарей ЦК
нацкомпартий, обкомов и крайкомов.

«Замечено, — констатировалось
в нем, — что большая часть бывших
кулаков и уголовников, высланных
одно время из разных областей в
северные и сибирские районы, а
потом по истечении срока высылки
вернувшихся в свои области,
являются главными зачинщиками
всякого рода антисоветских и
диверсионных преступлений как в
колхозах и совхозах, так и на
транспорте и в некоторых отраслях
промышленности.

ЦК ВКП(б) предлагает всем
секретарям областных и краевых
организаций и всем областным,

краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД.

ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке»⁴.

Легко заметить странную двусмысленность решения. Прежде всего то, что первых секретарей отнюдь не обязывали создавать «тройки» и брать на учет с помощью сотрудников НКВД возвратившихся из ссылки «кулаков и уголовников». Им только предлагалось, то есть оставлялось на их собственное усмотрение, сделать это или не сделать. Во-вторых, в решении ПБ от 2 июля вполне определенно говорилось о том, что взятых на учет следует разделить на «наиболее враждебных» и «менее активных». И в том, и в другом случае явно подразумевалась отдача на произвол «троек» далеко не всех взятых на

учет, а лишь «зачинщиков всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений», а также участников подобного рода действий, несомненно, подлежащих уголовному преследованию. Наконец, вряд ли случайно на столь сложную и потому продолжительную работу отводилось всего пять дней. Безусловно, подразумевалось, что действовать «тройки» будут недолго и лишь по уже существующим в управлении НКВД спискам.

Столь же важным является иное. Что же произошло за те три дня, что отделяли два решения? Кто настоял на втором и подготовил его проект?

Сегодня достоверно известно

только то, что последнее заседание ПБ — до принятия как первого, так и второго решения — состоялось 23 июня, перед самым началом открытия пленума. На самом пленуме не прозвучало ни слова, давшего основание для принятия документа от 2 июля. Так, в докладе Яковлева можно насчитать всего несколько фраз, да и то не связанных одним периодом, о «врагах», к тому же применительно к конкретным партийным и советским работникам. Стецкий в своей речи вообще не коснулся этой проблемы, а Молотов посвятил ей всего три минуты в ходе часового выступления. Лишь двое из участвовавших в прениях, хотя и

мимоходом, говорили о
необходимости помнить о
существовании политических
противников. А. П. Гричманов:
«Многие работники... ничего не
делают в отношении разоблачения
врагов». У. Д. Исаев: «На выборах мы
будем сталкиваться с обстановкой
непосредственной классовой борьбы.
Муллы, троцкисты, всякие другие
контрреволюционные элементы уже
сейчас готовятся к выборам, уже
сейчас ведут борьбу против нас...»⁵

Решение от 2 июля безусловно
дублирует решение от 28 июня,
порожденное запиской Эйхе. Как же
возникла такая взаимосвязь и
последовательность?

Есть все основания полагать, что Р. И. Эйхе, обращаясь в ПБ, действовал не только от себя, лишь в своих интересах. Он выражал требования значительной группы первых секретарей, а может быть, и их абсолютного большинства, настаивал на том, что загодя обговорили члены широкого руководства в кулуарах пленума либо вечером после доклада Яковлева и речи Молотова. Трудно отказаться от предположения, что инициативная записка Эйхе являлась неким пробным шаром, способом проверить, пойдет ли сталинская группа им навстречу в данном вопросе и насколько, чтобы в

противном случае предпринять адекватные меры. Например, поставить вопрос о дальнейшем пребывании в составе ЦК, в партии Яковлева, Стецкого, а может быть, еще и тех, кто стоял за их спиной, — Сталина, Молотова, Ворошилова, Жданова, Вышинского и других. Тех, кто не только откровенно угрожал им, членам ЦК, от которых, единственных, и зависели состав ПБ, секретариата, оргбюро, но и продемонстрировал весьма действенный способ борьбы с противниками, заставив пленум всего лишь тремя поднятиями рук сократить численность членов и кандидатов в члены ЦК практически

на треть. В пользу такого предположения говорит косвенный, но заслуживающий самого пристального внимания факт — редкое, даже уникальное посещение руководителями региональных парторганизаций кремлевского кабинета Сталина в те самые дни, что и разделяют принятие двух решений ПБ. 1 июля со Сталиным и Молотовым встретились пять первых секретарей: Дальне-Восточного крайкома — И. М. Варейкис, Саратовского крайкома — А. И. Криницкий, ЦК КП(б) Азербайджана — М.-Д. А. Багиров, Горьковского обкома — А. Я. Столяр, Сталинградского обкома —

Б. А. Семенов. 2 июля еще четверо: Омского обкома — Д. А. Булатов, Северного крайкома — Д. А. Конторин, Харьковского обкома — Н. Ф. Гикало, ЦК КП(б) Киргизии — М. К. Аммосов. Примечательно, что они заходили в кабинет Сталина не вместе, а последовательно, друг за другом, причем первые беседовали со Сталиным и Молотовым довольно долго — Варейкис более двух часов, Булатов около часа, остальные же выходили довольно быстро, через 40, 30, 15 минут⁶.

Мы уже никогда не узнаем, о чем тогда шла речь. Возможно, о каких-либо конкретных проблемах

отдельных регионов или об общем для них, например, о сельском хозяйстве, о котором шла речь на пленуме. Может быть, о подготовке к выборам, о разработке тактики выдвижения и поддержки кандидатов в депутаты от партии. Однако нельзя исключить и того, что разговоры с первыми секретарями 1 и 2 июля стали своеобразным опросом широкого руководства по поводу записки Эйхе. Столь же вероятно и то, что все эти посетители кабинета Сталина, начиная с Варейкиса и Булатова, ультимативно требовали наделения всех первых секретарей теми же правами, которые уже обрел руководитель Западно-Сибирской

партийной организации. При этом могло оказаться и так, что Варейкис и Булатов излагали мнение большинства широкого руководства, а остальные лишь подтверждали это.

Но как бы то ни было, остается непреложным факт, что решение ПБ появилось именно 2 июля, после двухдневных переговоров с первыми секретарями. В тот самый день, в который зафиксирована рабочая встреча только двух членов узкого руководства, Сталина и Молотова, продолжавшаяся с 2 часов 40 минут дня до 7 часов 45 минут вечера. Небезынтересно и другое. 1 июля у Сталина побывал фактический руководитель КПК М. Ф. Шкирятов,

а 2 июля — заведующий ОРПО Г. М. Маленков, то есть ответственные сотрудники аппарата ЦК, напрямую занимающиеся как постоянным контролем за всеми без исключения членами партии, так и перемещением, назначением и снятием с должности тех, кто входил в номенклатуру ПБ.

И еще одно настораживающее совпадение, если это можно назвать совпадением: шестеро из девяти первых секретарей, посетивших Сталина в его кремлевском кабинете 1 и 2 июля, — Варейкис, Криницкий, Багиров, Столяр, Семенов, Булатов — оказались в числе первых, направивших в Москву на

утверждение состав «троек» и число подлежащих расстрелу и высылке. Зачем же Эйхе и его коллегам, если требование о проведении массовых репрессий исходило также и от них, вдруг потребовались не когда-либо, а именно в середине 1937 г. столь жесткие, крайние меры? Объяснение пока может быть лишь одно, то, что исходит из классического положения римского права: «Ищи, кому выгодно». Ну, а широкомасштабные репрессии, да еще направленные против десятков и сотен тысяч крестьян, были выгодны прежде всего первым секретарям обкомов и крайкомов. Тем, кто в годы коллективизации восстановил

против себя большую часть населения, которую и составляли колхозники и рабочие совхозов: верующих — бессмысленным закрытием церквей; рабочих и служащих — отвратительной организацией снабжения продовольствием, предметами широкого потребления в годы первой и второй пятилеток с их карточной системой.

Именно местным партийным руководителям, и именно теперь, в ходе всеобщих равных, прямых, тайных, да еще и альтернативных выборов, грозило самое страшное — потеря одного из двух постов, советского, обеспечивавшего им

пребывание в широком руководстве, гарантировавшего обладание неограниченной властью. Ведь по сложившейся за истекшее десятилетие практике первые секретари крайкомов и обкомов обязательно избирались сначала депутатами всесоюзных съездов советов, а уже на них и членами ЦИК СССР, как бы подтверждая тем полную и единодушную поддержку всего населения края, области. Потеря же депутатства, теперь уже в Верховном Совете СССР, означала утрату доверия со стороны как беспартийных, так и членов партии. А в таком случае чуть ли не автоматически мог возникнуть

вопрос о дальнейшем пребывании данного первого секретаря и на его основном посту, партийном. Решением ПБ по представлению ОРПО его могли утвердить на иной должности, вполне возможно, на хозяйственной, требующей образования, знаний, опыта — всего того, чем он не обладал.

Столь же выгодными массовые репрессии оказывались и для НКВД, карательной в основе организации, существование которой после фактического завершения «разоблачений» и арестов подлинных или мнимых сторонников Троцкого, Зиновьева, Бухарина теряло смысл. И потому вполне возможно, что Ежов,

сам выходец из партократии, в недавнем прошлом секретарь Марийского обкома, Семипалатинского губкома, Казахского крайкома, не утратив чувства корпоративности, легко нашел общий язык с Эйхе, со многими первыми секретарями и согласился с необходимостью как можно скорее устранить тех, кто непременно проголосовал бы против них, а может быть, и провел бы собственных депутатов.

Если это так, то становится понятным отсутствие Ежова в кремлевском кабинете Сталина 1 и 2 июля. Именно ему, вероятно, и пришлось готовить проект решения

ПБ от 2 июля, которым НКВД отводилась столь существенная, но пока не основная роль — взятие на учет «кулаков и уголовников», иными словами, тех крестьян, которым благодаря А. Я. Вышинскому возвратили избирательные права; разделение их на две группы — подлежащих расстрелу либо высылке; определение места ссылки, вернее — создание многочисленных исправительно-трудовых лагерей в соответствии с нуждами экономики.

После появления на свет решения ПБ от 2 июля, разосланного циркулярно во все крайкомы, обкомы и ЦК нацкомпартий в тот же день⁷, уже не было ничего удивительного в

том, как прошли незамедлительно созванные традиционные и в большой степени рутинные партактивы для обсуждения итогов июньского пленума, какие резолюции были на них приняты. Первые партактивы провели в Москве и Ленинграде уже 4–5 июля, где не говорили ни о сути и особенностях новой избирательной системы, ни о подготовке агитаторов и пропагандистов к выборам. Внимание было сосредоточено на другом, не имевшем отношения к пленуму, но готовившем членов партии к тому, что должно было неизбежно вскоре произойти.

«Каждый партийный и

непартийный большевик, —
отмечалось в резолюции московского
актива, на котором с докладом
выступил Н. С. Хрущев, — должен
помнить, что враги народа, подонки
эксплуататорских классов — японо-
германские фашистские агенты,
троцкисты, зиновьевцы, правые, эти
шпионы, диверсанты и убийцы, будут
всячески пытаться использовать
выборы для своих вражеских
контрреволюционных целей...
Разоблачение, выкорчевывание и
разгром всех врагов народа являются
важнейшим условием успешного
проведения выборов в советы,
осуществления сталинской
конституции и дальнейшего

победоносного продвижения нашей страны к коммунизму»⁸.

Столь же агрессивной оказалась и резолюция, принятая ленинградским партактивом. Она директивно определяла:

«Боевая задача ленинградской партийной организации заключается в том, чтобы выкорчевать до конца из партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций вредителей, шпионов, контрреволюционных троцкистско-зиновьевско-

бухаринских вырождаков и поставить на все участки работы преданных делу социализма воинствующих партийных и беспартийных большевиков, верных сынов партии и родины»⁹.

После столь откровенного призыва превратить выборную кампанию в «охоту на ведьм» не стал удивительным ход четвертой сессии ЦИК СССР седьмого созыва, открывшейся, как и предусматривалось, 7 июля. На ней, как и на пленуме, с докладом о проекте «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» выступил

Я. А. Яковлев. Практически он повторил все то, о чем говорил десять дней назад: о том, как обеспечиваются всеобщее, равное и прямое избирательное право и тайное голосование, как обеспечивается право общественных организаций и обществ трудящихся выдвигать своих кандидатов; здесь подчеркнул, что статья 125-я Конституции, провозглашая свободу слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций, собственно, и является гарантией данного права. Рассказал о том, как будут организованы выборы.

После этого Яковлев резко отрицательно оценил работу советов

в целом и настоятельно предложил
выдвигать кандидатами в депутаты
новые кадры, черпая из
неиссякаемого, по его словам,
резерва — молодежи, женщин,
беспартийных. «Советская
демократия, — подчеркнул
Яковлев, — не только не боится
народа, не только не отделяет себя от
народа, но обращается к массам
трудящихся, предлагая трудящимся
выставлять своих кандидатов на
заводах, фабриках, в колхозах,
совхозах... Неуклонное
осуществление Сталинской
конституции и избирательного
закона, несомненно, обеспечит на
основе критики недостатков работы

**СОВЕТОВ И ВЫДВИЖЕНИЯ В СОВЕТЫ
НОВЫХ ЛЮДЕЙ** (выделено мной —
Ю.Ж.) улучшение работы советов
снизу доверху»^{[10](#)}.

Однако доклад Яковлева
оказался гласом вопиющего в
пустыне. Все без исключения
участники начавшихся вслед за тем
прений демонстративно
игнорировали суть услышанного.
Говорили о чем угодно, только не о
главной проблеме. Так, взявший
слово первым глава украинского
правительства П. П. Любченко
ограничился восхвалением, да и то в
предельно общей форме,
конституции и новой избирательной
системы, доказывал их

преимущества, сравнивая с тем, чем располагали западные страны, прежде всего Польша. Столь же бессодержательными стали речи начальника Главсевморпути О. Ю. Шмидта, председателя ЦИК Грузинской ССР Ф. Я. Махарадзе, многих других. Ну а советские чиновники — председатель СНК Казахской ССР У. Д. Исаев, председатель Куйбышевского облисполкома Г. Т. Полбицын, заместитель начальника председателя Ленсовета А. М. Иванов, нарком местной промышленности БССР А. Я. Белтин, как и требовалось по плохому сценарию, занялись уничижительной

самокритикой. Но все же превалировала в прениях иная тема — та, что обозначилась на партактивах.

Вице-президент АН УССР А. Г. Шлихтер, в прошлом видный государственный деятель, занимавший посты наркома продовольствия РСФСР и УССР, Наркомзема УССР, с трибуны сессии воззвал к пролитию крови.

«Врагам народа, — запугивал он собравшихся в зале, — удалось проникнуть на ответственные участки нашей работы. Мы не сумели разоблачить своевременно всех этих мерзавцев, японо-германских шпионов, диверсантов, троцкистов и

прочую сволочь... Такие преступления, как измена родине, нарушение присяги, переход на сторону врага, — все эти преступления могли бы быть предупреждены своевременно, если бы революционная бдительность была на должной высоте... Никакой пощады врагам народа!»^{[11](#)}.

Многолетний лидер комсомольцев А. В. Косарев почему-то пренебрег возможностью выдвигать кандидатов в депутаты от молодежи. Предпочел — разумеется, от имени ВЛКСМ — лишь поддерживать кандидатов, которых должен был выдвинуть кто угодно, но только не молодежные организации.

«Молодежь нашей страны, — сказал он, — руководимая партией, ею воспитываемая, будет поддерживать тех кандидатов на предстоящих выборах в советы, кто предан социализму, кто честен перед страной, кто честен перед партией, кто борется с изменниками делу партии Ленина — Сталина, кто борется с предателями родины, врагами народа — троцкистами, бухаринцами и иными двурушниками, кто умеет обнаруживать этих врагов народа и их обезвреживать»^{[12](#)}.

Также принявший участие в прениях А. Я. Вышинский занял несколько иную, весьма похожую на

промежуточную, позицию. С одной стороны, он заклинал всех всемерно соблюдать законность. Вряд ли случайно заявил:

«Стабильность закона требует единообразия и единого понимания законности. Противниками этой законности до сих пор продолжают оставаться „местные влияния“, о которых Ленин писал как об одном из величайших препятствий к установлению законности и культурности. Надо признать, что в практике у

нас до сих пор встречаются
грубые нарушения
советских законов. Тов.
Яковлев вчера приводил
примеры нарушения
законов со стороны
советов, а я добавляю —
при явном, очень часто, к
сожалению, бездействию и
попустительстве со
стороны местных
прокуроров».

Это был явный выпад против
создания «троек»,
предусматривавших включение в их
состав прокуроров. И, чтобы усилить
именно такой смысл сказанного,

Вышинский продолжил:

«Задача
прокуратуры —
беспощадно бороться со
всякого рода нарушителями
советских законов, со
всеми и всяческими
врагами социалистического
государства и дела
социализма. Советская
прокуратура должна
наносить беспощадные и
меткие удары по всем
врагам, подрывающим
советские порядки и самую
основу социалистического
государства —

общественную
социалистическую
собственность, по всем
предателям, изменникам и
агентам фашистских
иностранных разведок, не
прекращающих своей
борьбы против СССР».

Нетрудно заметить, что в
названном ряду преступлений, с
которыми должна была, по мнению
Вышинского, бороться прокуратура,
отсутствовали «бывшие кулаки» и
«уголовники».

И все же Вышинский сделал
реверанс «ястребам». Он привел
только один конкретный пример —

случай антисоветской пропаганды, которой занимался нищий раскулаченный¹³. Но даже столь незначительный отход от прежней линии позволяет говорить не только о том, что Вышинский уже знал о содержании решения ПБ от 2 июля, но и о том, что внутри сталинской группы, до той поры, в общем, монолитной, наметились первые серьезные расхождения. Начали обозначаться различные позиции, порожденные неуверенностью в собственных силах, в способности не только выдержать, но и отразить натиск широкого руководства.

...На третий день работы сессия ЦИК СССР единогласно утвердила

«Положение о выборах в Верховный Совет СССР». Новая избирательная система, включая альтернативность, стала законом. Однако массовые репрессии, начавшиеся в те самые дни, сразу превратили его в ничего не значащий листок бумаги.

Срок, установленный решением ПБ от 2 июля, истекал спустя пять дней, то есть 7 и 8 июля — в зависимости от момента получения/расшифровки циркулярной телеграммы и от часового пояса, в котором находился тот или иной регион. Тем не менее первые ответы вовремя поступили лишь из Крымского, Татарского и Удмуртского обкомов, к тому же

только с предлагаемым на утверждение составом «троек»¹⁴. Следующая группа телеграмм пришла в Москву с небольшим опозданием — 9, 10 и 11 июля, что со всей очевидностью свидетельствовало о далеко не случайно предельном ограничении срока, данного ПБ и рассчитанного на невозможность выполнить при всем желании решение.

Свидетельствовало такое опоздание и о том, что и первые секретари, и начальники местных управлений НКВД были явно не готовы к проведению карательных операций, не располагали сведениями ни об «антисоветских

преступлениях бывших кулаков и уголовников», ни тем более о каких-либо «подпольных организациях», их «участниках» и «руководителях».

***«ЛИМИТЫ», ЗАПРОШЕННЫЕ
РУКОВОДИТЕЛЯМИ
РЕГИОНАЛЬНЫХ
ПАРТОРГАНИЗАЦИЙ И
УТВЕРЖДЕННЫЕ ПБ¹⁵***

Регион	Расстрел Высы.	
Северо-Осетинская АССР	169	200
Башкирская АССР	—	—
Омская область	479	1959

Черниговская область	244	1379
Чувашская АССР	140	877
Западно-Сибирский край	10800	—
Красноярский край	—	—
Туркменская ССР	500	1475
Куйбышевская область	1881	4259
Дагестанская АССР	600	2485
Дальне-Восточный край	3017	3681
Мордовская АССР	1250	2263
Азербайджанская ССР	1000	3000
Таджикская ССР	-	всего

1775

Северо-
Казахстанская
область

658

310

Белорусская ССР

3000

9800

Сталинградская
область

800

2200

Крымская АССР

143

1383

Московская область

8500

32805

Казахская ССР

2346

4403

Курская область

1798

2986

Кировская область

368

510

Кабардино-
Балкарская АССР

360

467

Челябинская
область

2552

5401

Марийская АССР	674	1439
Саратовская область	437	1586
Воронежская область	850	3687
Свердловская область	5000	7000
Ивановская область	342	1718
Коми АССР	211	221
Карельская АССР	12	74
Грузинская ССР	1419	1562
Горьковская область	2295	4285
Удмуртская АССР	63	423
Азово- Черноморский край	6644	6962
Орджоникидзевский край	2461	3672

Оренбургская область	1740	3150
Узбекская ССР	1489	3952
Ярославская область	685	1265
Чечено-Ингушская АССР	1417	1256
Молдавская АССР	11	248
Кустанайская область	145	354
Армянская ССР	500	650

Таким образом, на 11 июля в ПБ поступили сведения о намеченном составе «троек» от 43 из 71 первых секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов, прямо

подчиненных ЦК ВКП(б). Иными словами, треть их совсем не торопилась, а может быть, и вообще не собиралась воспользоваться весьма сомнительными правами, свалившимися на них столь неожиданно. Не собирались ни создавать «тройки», ни проводить карательные акции. Это, а также указанные в шифротелеграммах по 43 регионам страны из 78, установленных новой конституцией, цифры «лимитов» по обеим категориям — расстрел, высылка — позволяют назвать поименно тех партократов, кто более других жаждал крови, и отнюдь не в переносном смысле.

Оказалось, что численность намеченных жертв свыше пяти тысяч определили семеро: А. Икрамов — Узбекская ССР, 5441 человек; К. М. Сергеев — Орджоникидзевский (бывший Ставропольский) край, 6133; П. П. Постышев — Куйбышевская область, 6140; Ю. М. Каганович — Горьковская область, 6580; И. М. Варейкис — Дальне-Восточный край, 6698; Л. И. Мирзоян — Казахская ССР, 6749; К. В. Рындин — Челябинская область, 7953. Сочли, что число жертв «троек» должно превысить 10 тысяч человек, уже только трое: А. Я. Столяр — Свердловская

область, 12000; В. Ф. Шарангович — Белорусская ССР, 12800, и Е. Г. Евдокимов — Азово-Черноморский край, 13606 человек. Самыми же кровожадными оказались двое: Р. И. Эйхе, заявивший о желании только расстрелять 10800 жителей Западно-Сибирского края, не говоря о еще не определенном числе тех, кого он намеревался отправить в ссылку; и Н. С. Хрущев, который сумел подозрительно быстро разыскать и «учесть» в Московской области, а затем и настаивать на приговоре к расстрелу либо высылке 41305 «бывших кулаков» и «уголовников».

Но 11 первых секретарей —

четверть всех, принявших на 11 июля новые правила игры, практически отписались, определили для своих регионов число тех, кому намеревались установить либо высшую меру наказания, либо высылку, в пределах тысячи человек. Вполне возможно, это были те, кто уже был арестован и ожидал суда.

Однако к концу июля положение радикально изменилось: Ежов (или его помощники) свел воедино данные о намечаемых массовых репрессиях, полученные уже практически из всех регионов страны. И, несколько скорректировав, сделал их руководством к действию местных

управлений вверенного ему НКВД¹⁶.

Регион	Расстрел	Высы.
Азербайджанская ССР	1500	3750
Армянская ССР	500	1000
Белорусская ССР	2000	10000
Грузинская ССР	2000	3000
Киргизская ССР	250	500
Таджикская ССР	500	1300
Туркменская ССР	500	1500
Узбекская ССР	750	4000
РСФСР		
Башкирская АССР	500	1500
Бурят-Монгольская АССР	350	1500
Дагестанская АССР	500	2500

Карельская АССР	300	700
Кабардино- Балкарская АССР	300	700
Крымская АССР	300	1200
Коми АССР	100	300
Калмыцкая АССР	100	300
Марийская АССР	300	1500
Мордовская АССР	300	1500
Немцев Поволжья АССР	200	700
Северо-Осетинская АССР	200	500
Татарская АССР	500	1500
Удмуртская АССР	200	500
Чечено-Ингушская АССР	500	1500

Чувашская АССР	300	1500
Азово- Черноморский край	5000	8000
Дальне-Восточный край	2000	4000
Западно-Сибирский край	5000	12000
Красноярский край	750	2500
Орджоникидзевский край	1000	4000
Восточно- Сибирский край	1000	4000
Воронежская область	1000	3500
Горьковская область	1000	3500
Западная область	1000	5000

Ивановская область	750	2000
Калининская область	1000	3000
Курская область	1000	3000
Куйбышевская область	1000	4000
Кировская область	500	1500
Ленинградская область	4000	10000
Московская область	5000	30000
Омская область	1000	2500
Оренбургская область	1500	3000
Саратовская область	1000	2000
Сталинградская область	1000	3000

Свердловская область	4000	6000
Северная область	750	2000
Челябинская область	1500	4500
Ярославская область	750	1250
Украинская ССР		
Харьковская область	1500	4000
Донецкая область	1000	3000
Одесская область	1000	3500
Черниговская область	300	1300
Молдавская АССР	200	500
Казахская ССР		
Северо-		

Казахстанская область	650	300
Южно- Казахстанская область	350	600
Западно- Казахстанская область	100	200
Кустанайская область	150	450
Восточно- Казахстанская область	300	1050
Актюбинская область	350	1000
Карагандинская	400	600

область

Алма-Атинская

200

800

область

Таблица эта явилась составной частью приказа Н. И. Ежова по НКВД от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». И хотя составившие ее цифры еще не позволяли получить полные, исчерпывающие данные, ибо не содержали сведений по девяти регионам страны, они оказались все же более чем показательными. Уже определили число будущих безымянных жертв в ЧЕТВЕРТЬ МИЛЛИОНА ЧЕЛОВЕК,

свидетельствуя, что намеченная акция обернется невиданными ранее, воистину массовыми репрессиями.

Ну, а сами «лимиты» по союзным и автономным республикам, краям и областям подтверждали: исходят они, полностью опираются на те, что изначально предложили первые секретари, мало чем отличаются от последних, а если и меняются, то лишь в незначительных пределах, от 700 до 2000, да и то в сторону снижения. Как и в начале месяца, цифры эти выглядели откровенно произвольными, явно случайными, надуманными, о чем, помимо прочего, говорили удивительные

совпадения величин «лимитов» по ряду регионов, далеко не всегда схожих по численности населения, экономическим и социальным условиям. Например, для Башкирской с населением в 3,1 млн. человек, и Бурят-Монгольской — 0,5 млн. человек — автономных республик.

Столь же несомненно, что готовившиеся массовые репрессии сохранили свою прежнюю направленность.

«Материалами следствия по делам антисоветских формирований, — беззастенчиво фантазировал Ежов, в первом абзаце приказа ссылаясь на нечто не

существующее в природе, — устанавливается, что в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей и трудпоселков. Осело много в прошлом репрессированных церковников и сектантов».

Под всеми ими нарком, так же как и первые секретари, имел прежде всего в виду крестьян, уже отбывших наказание по указу от 7 августа 1932 г. либо досрочно освобожденных по решению ПБ, а также тех, кого в свое время раскулачили и выслали в отдаленные районы Сибири. Тех крестьян, кому новая конституция, новый избирательный закон

возвратили гражданские права, в том числе право выдвигать собственных кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, открыто агитировать за них и, главное, голосовать за них.

Лишь затем нарком добавил к крестьянам политических противников, в годы революции и гражданской войны выступавших против советской власти — открыто, на поле боя, либо в органах власти, провозгласивших независимость Украины и Белоруссии, Грузии, Армении и Азербайджана, Бухары и Хивы. Тех самых, кого предельно легко можно было обнаружить самым излюбленным Ежовым способом — простым прочтением

анкет и автобиографий, ибо все они, вновь становившиеся «врагами», хотя не так давно были помилованы той же советской властью, не скрывали, да и не могли скрыть свое прошлое.

«Остались почти нетронутыми в деревне, — многозначительно отмечал Ежов, опять же помещая всех новоявленных противников лишь в сельскую местность, — значительные кадры антисоветских политических партий: (эсеров, грузменов [грузинских меньшевиков — *Ю.Ж.*], дашнаков, мусаватистов, иттихадистов), а также кадры бывших активных участников бандитских восстаний, белых, карателей, репатриантов».

Пришлось Ежову дать четкое определение тех, кого вот уже месяц относили к весьма расплывчатой категории «уголовников». Приказом устанавливалось: «Уголовники (бандиты, грабители, воры-рецидивисты, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты, ското-конокрады), ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой.... находящиеся в лагерях и трудпоселках и ведущие в них преступную деятельность».

Не довольствуясь даже таким поистине всеобъемлющим перечнем «новых врагов», объявил нарком и о том, что репрессиям подлежат еще

две значительные по численности группы граждан СССР:

«Семьи, члены которых способны к активным антисоветским действиям. Члены такой семьи с особого решения тройки подлежат выдворению в лагеря или трудпоселки. Семьи лиц, репрессированных по 1-й категории, проживающие в пограничной полосе, подлежат переселению за пределы пограничной полосы внутри республик, краев и областей. Семьи

репрессированных по 1-й категории, проживающие в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Баку, Ростове-на-Дону, Таганроге и в районах Сочи, Гагры, и Сухуми (регионе, где находились правительственные дачи — Ю.Ж.) подлежат выселению из этих пунктов в другие области по их выбору, за исключением пограничной полосы».

Так Ежов определил объект карательной акции. Определил он и время ее проведения:

«Приказываю — с 5 августа 1937 г. во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников. В Узбекской, Таджикской и Киргизской ССР операцию начать с 10 августа с.г., а в Дальне-Восточном и Красноярском краях и Восточно-Сибирской области — с 15 августа с.г.».

Завершить же акцию органам НКВД следовало через четыре

месяца, к 5–15 декабря¹⁷. Именно тогда, когда предполагались выборы в Верховный Совет СССР. Таким образом, массовые репрессии обязательно должны были сопровождать, создавая угрожающий фон, всю избирательную кампанию — и выдвижение кандидатов, и агитацию в их поддержку, и сами выборы. При всем желании подобную временную накладку двух столь значимых событий как случайное совпадение расценить невозможно. Не может возникнуть ни малейшего сомнения в том, что карательная операция и задумывалась как предельно жесткое средство, позволявшее

воздействовать на выборы и добиться в ходе их вполне определенных, заведомо необходимых ее организаторам результатов.

Содержалось в приказе Ежова и еще одно многозначительное положение, принципиально менявшее его лично реальное положение на вершине власти, которое представляло ему поистине неограниченные полномочия. Пятый раздел документа гласил: отныне не ПБ, а только он, нарком, утверждает «персональный состав республиканских, краевых и областных троек». Далее шло уточнение, в соответствии с которым один из трех неперменных поначалу

членов таких внесудебных, незаконных органов — прокурор — «на заседании троек может присутствовать». При такой формулировке любому становилось понятно: но может и не присутствовать. А еще один пункт того же раздела практически превращал «тройки» из межведомственного органа в инструмент исключительно Наркомвнудела. «Тройки», указывалось в приказе, будут собираться для работы «в пунктах расположения соответствующих НКВД, УНКВД»¹⁸.

Так начиналась самая страшная 15-месячная полоса в жизни СССР,

почти сразу же окрещенная в народе «ежовщиной».

...С каждой неделей массовые репрессии ширились, поражая не только крестьянство, но и тех, кто развязал против них некое подобие гражданской войны. А потому сегодня может сложиться впечатление, что реформаторы, воспользовавшись ситуацией, решили под шумок продолжить расправу со своими старыми противниками. Уже не прибегая к таким формальностям, как одобрение пленума, они за три месяца сумели вывести из состава ЦК, КПК и ЦРК шестнадцать первых секретарей, почти сразу же

арестованных, а затем
расстрелянных.

В июле семерых: Воронежского
обкома — Е. И. Рындина,
Красноярского —
П. Д. Акулинушкина,
Саратовского — А. Д. Криницкого,
Ивановского — И. П. Носова,
Северо-Осетинского —
Г. В. Маурера, Мордовского —
В. М. Путнина, ЦК КП(б)
Белоруссии — В. Ф. Шаранговича.

В августе — сентябре
девятиерых: Винницкого обкома —
В. И. Чернявского, Татарского —
А. К. Лепу, Черниговского —
П. Ф. Маркитина, Харьковского —
М. М. Хатаевича, Сталинградского —

Б. А. Семенова, Башкирского —
Я. Б. Быкина, Молдавского —
В. З. Тодреса, Кара-Калпакского —
Д. Ризаева, очередного
Мордовского — М. К. Полякова.

В этот условный, ибо он
составлен постфактум,
проскрипционный список с полным
на то основанием следует внести
снятых в августе еще двоих:
кандидата в члены ЦК, второго
секретаря Дальне-Восточного
крайкома В. В. Птуху, незадолго
перед тем возглавлявшего
Сталинградский (прежде Нижне-
Волжский) крайком, и члена ЦК
И. А. Зеленского, в 1921–1923 гг.
первого секретаря МК, в 1924 г.

секретаря ЦК РКП(б), затем, как открытого сторонника Зиновьева, направленного в почетную ссылку — председателем Средне-Азиатского бюро ЦК ВКП(б), в 1930 г. его вновь понизили в должности, перевели на хозяйственную работу, утвердив председателем Центросоюза.

Все они, как и те, кого вывели из ЦК в мае и июне, были профессиональными партработниками. Большинство из них занимало свои весьма высокие посты от десяти (Быкин, Криницкий, Хатаевич) до четырех лет. Одни прежде работали областными уполномоченными ЦКК (Акулинушкин, Шарангович), другие

возглавляли крайкомы или обкомы (Криницкий, Маурер, Семенов, Хатаевич) либо трудились в них на подчиненных ролях, никогда (кроме Зеленского) не примыкали ни к какой оппозиции и являлись, казалось бы, самыми верными и надежными солдатами партии.

В свою очередь, первые секретари, пока еще остававшиеся на своих постах, не обращали внимания на происходившее с их коллегами. Как и прежде, они выступали горячими приверженцами самых жестких, насильственных мер, и не только по отношению к троцкистам, зиновьевцам, правым, к беспартийной массе крестьян.

Пытались проводить репрессии уже и советских работников на своих подконтрольных территориях с таким рвением, что ПБ и Сталину, но лишь до конца июня 1937 г., не раз приходилось их одергивать, резко осаживать. Теперь же, когда они фактически получили полную свободу действий, их ретивость стала неумолимо оборачиваться уже ничем не ограниченной «охотой на ведьм».

Вот несколько наиболее характерных примеров.

24 июня 1937 г. ПБ без каких-либо комментариев молниеносно утвердило следующую просьбу первого секретаря ЦК КП(б) Узбекистана А. И. Икрамова:

«ЦК КП(б) Узбекистана просит санкции ЦК ВКП(б) на снятие Файзуллы Ходжаева с поста председателя Совнаркома Узбекистана за связь с националистическими контрреволюционными террористами. Файзулла Ходжаев систематически поддерживал связь с рядом крупных националистов-террористов, ныне арестованных: Аминов, Санджаев, Атаходжаев, Курбанов Н., Сатарходжаев, Бурханов, Ибад Ходжаев и

др. Когда часть из них во время проверки партдокументов была исключена из партии как националисты, он не только не порвал связь с ними, но защищал их, ходатайствовал о восстановлении их в партии как неправильно исключенных, демонстративно поддерживал с ними личные связи. Также он защищал вредительскую национал-троцкистскую группу, орудовавшую в Бухаре. На квартире его

брата Ибад Ходжаева
(покончившего
самоубийством) было
совещание национал-
террористов, на котором
обсуждался вопрос о
подготовке к терактам. Все
участники этого совещания
уже арестованы и признали
себя виновными. Несмотря
на это, Ф. Ходжаев в своем
выступлении на пленуме
ЦК КП(б) Узбекистана в
марте и на съезде всячески
старался смазать это дело,
более того, Ф. Ходжаев
распространял слухи, что
его брат-самоубийца Ибад

Ходжаев — жертва
неправильного исключения
из партии. Я убежден, что
при более тщательном
расследовании вскроется
его руководящая роль в
этом деле»¹⁹.

Уже в сентябре пленум ЦК
КП(б) Узбекистана исключит самого
А. Икрамова из партии. А в марте
1938 г. Икрамов и Ходжаев вместе
окажутся на скамье подсудимых,
станут обвиняемыми по делу
«Антисоветского право-
троцкистского блока» и будут
расстреляны в один день.

8 июля в ЦК пришла еще одна

шифротелеграмма. На этот раз из Омска.

«Решением бюро
обкома председатель
облисполкома Кондратьев
снят с работы за связь с
врагами народа, как не
заслуживающий доверия
партийный работник. Снят
также секретарь Тарского
окружкома Карклин,
бывший уральский
работник, за связь с
врагами народа,
арестованными в
Свердловске. Прошу ЦК
утвердить наше решение и

командировать работника на должность председателя облисполкома. Булатов».

8 октября сам Д. А. Булатов, первый секретарь Омского обкома, «за игнорирование решений февральско-мартовского и июльского пленумов», «за покровительство врагам народа и как не обеспечивший руководство областной парторганизации» будет снят решением пленума обкома, потом арестован и расстрелян²⁰.

13 июля первый секретарь ЦК КП(б) Казахстана Л. И. Мирзоян направил в Москву на имя Сталина шифротелеграмму следующего

содержания:

«Во время съезда компартии Казахстана кандидатура председателя Казахского ЦИК тов. Кулумбетова после длительного обсуждения на пленуме съезда тайным голосованием была провалена. Основным мотивом отвода и провала был факт перехода в 1919 г. тов. Кулумбетова с оружием в руках на сторону врага. За последние два месяца после съезда ряд

арестованных участников
контрреволюционной
рыскуловской и
нурмаковской организации
показывают на
Кулумбетова как на одного
из активных участников
этой национал-фашистской
организации. Возможно, в
ближайшие дни следствие
покажет необходимость
ареста Кулумбетова. Мы
считаем совершенно
необходимым освободить
Кулумбетова от
обязанностей председателя
ЦИКа и просим ЦК ВКП(б)
утвердить наше

предложение об
освобождении Кулумбетова
от обязанностей
председателя ЦИКа.
Кандидатуру нового
председателя ЦИКа внесем
на утверждение Политбюро
в ближайшие дни».

Спустя два дня ПБ утвердило
предложение Мирзояна^{[559](#)}.
У. Кулумбетов был снят, арестован,
расстрелян. Через год его судьбу
повторил Мирзоян.

22 июля по просьбе первого
секретаря ЦК КП(б) Туркмении
Анна-Махамедова ПБ
санкционировало снятие с работы,

исключение из партии и передачу в органы НКВД председателя ЦИКа Туркменской ССР Надирбая Айтакова, заместителя председателя СНК республики Курбана Сахатова и редактора газеты «Совет Туркменистан» Ташназарова. Через два с половиной месяца, 5 октября, был репрессирован и Анна-Мухамедов^{[560](#)}.

11 сентября от первого секретаря Мордовского обкома И. А. Кузнецова, утвержденного в этой должности за две недели до того, 26 августа, поступила шифротелеграмма. Она информировала руководство:

«Пленум Мордовского
обкома ВКП(б) 9 сентября
снял с работы и вывел из
состава бюро и пленума
обкома Сурдина —
председателя ЦИКа и
Козикова — председателя
СНК Мордовской АССР за
связь и покровительство
врагам народа, потерю
политической
бдительности,
бездеятельность в работе и
игнорирование нужд
трудящихся. Прошу
утвердить данное
решение».

ПБ пошло навстречу Кузнецову в тот же день^{[23](#)}.

Скорее всего, также основываясь лишь на все усиливавшихся недоверии и подозрительности, участвовавших инсинуациях и прямых доносах, сняли с занимаемых постов и арестовали секретаря ЦИКа СССР И. А. Акулова (23 июля); председателя СНК УзССР А. И. Каримова (14 августа); председателей ЦИК КирССР А. Уразбекова и СНК КирССР Исакеева (7 сентября)^{[24](#)}.

Полностью на киевских властях лежит вина за самоубийство П. П. Любченко, председателя СНК УССР. 23 августа по инициативе

С. В. Косиора ПБ утвердило решение «О буржуазно-националистической антисоветской организации боротьбистов» — давно не существующей украинской партии левых социалистов-революционеров (боротьбистов). Выделившаяся из левого крыла украинских левых эсеров в марте 1919 г., она сразу же сблизилась с РКП(б) и КП(б) Украины, активно сотрудничала с ними в годы гражданской войны, в июле 1920-го самораспустилась, а ее члены в персональном порядке вступили в РКП(б). И вот теперь без каких бы то ни было причин на Украине началась охота на бывших боротьбистов, в том числе и на

Любченко, действительно состоявшего в этой партии. Однако в Москве, пойдя на признание боротьбистов «активными врагами народа», отказались санкционировать арест главы правительства УССР. Решение его судьбы передали на рассмотрение пленума ЦК компартии Украины. Но в Киеве были неумолимы, и 30 августа сняли своего вчерашнего товарища с должности председателя СНК УССР и исключили из партии. На следующий день П. П. Любченко, не без оснований опасаясь ареста, застрелился²⁵.

Сегодня уже трудно усомниться в том, что репрессии первых

секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов стали неизбежным и логическим развитием давнего противостояния их с реформаторами, сталинской группой, перешедшего с мая 1937 г. в новую фазу — безжалостную и кровавую. Но столь же однозначно расценить удар, нанесенный по другой, не менее влиятельной составляющей широкого руководства — членам совнаркома СССР — весьма трудно, даже просто невозможно из-за отсутствия достаточных данных об их политических взглядах. Между тем приходится констатировать, что урон, понесенный правительством

Советского Союза, оказался столь же тяжелым, как и причиненный ЦК ВКП(б).

Всего за три месяца, с июля по сентябрь 1937 г., были отстранены от занимаемых должностей, а вслед за тем арестованы и расстреляны, что стало уже правилом, шесть человек.

Наркомы: зерновых и животноводческих совхозов — Н. Н. Демченко, связи — И. А. Халепский, финансов — Г. Ф. Гринько, легкой промышленности — И. Е. Любимов; председатели комитетов при СНК СССР: заготовок — И. И. Клейнер, по делам физкультуры и спорта — И. И. Харченко.

У всех у них было много общего: дореволюционный либо с 1917–1918 гг. партийный стаж; участие в революции, служба в Красной армии во время гражданской войны. Только после Октября начало трудовой деятельности и сразу же необычайно быстрая карьера — за 10–15 лет от скромной, незаметной должности в уездном или губернском городе до поста наркома СССР. Словом, чистейшие, ничем не замаранные анкеты.

Сомнительным, но лишь после постановления ЦК от 23 августа, могло выглядеть прошлое лишь Гринько, в годы революции и гражданской войны одного из

создателей и лидеров отныне
объявленной контрреволюционной
партии боротьбистов. Гораздо
больше оснований, и уже не только у
Ежова, его НКВД, но и лично у
Сталина было для вполне
преднамеренной ликвидации
В. А. Антонова-Овсеенко. Решением
ПБ от 15 сентября его неожиданно
утвердили наркомом юстиции
РСФСР²⁶, и под этим предлогом
срочно отозвали из Испании. Однако
сразу же по прибытии на родину, так
и не дав возможности хотя бы
символически вступить в новую
должность, его арестовали. Так
расправились с Антоновым-Овсеенко
и за давнюю, 1923 г., открытую

угрозу отстранить от руководства тогдашнее ПБ, и за недавнее, бездоказательное подозрение в организации троцкистского путча в Барселоне.

...С каждой неделей, с каждым днем узкому руководству приходилось убеждаться в несостоятельности задуманной демократизации страны, неготовности населения принять и использовать только в собственных интересах новую систему выборов. Подтверждало то слишком многое.

Отрешая первых секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов, наркомов СССР от занимаемых должностей, ПБ поначалу пыталось

быть предельно осторожным, не давая НКВД формального повода для возбуждения следствия. Как и Д. А. Булатову, большинству ответственных партработников, например А. Д. Криницкому и И. П. Носову, инкриминировали лишь халатность. Первого сняли за «слабость в деле руководства и безнадёжную слепоту к врагам народа, которыми Криницкий оказался окружен». Второго — просто «как не справившегося». С последней формулировкой освободили и наркома легкой промышленности И. Е. Любимова²⁷. Тем не менее всех их практически тут же арестовывали, предъявляя

иные, политические, уголовно наказуемые обвинения.

Способствовала такому уже открытому произволу та двойственность, которая впервые открыто проявилась в выступлении Вышинского на сессии ЦИК СССР. Двойственность, порожденная усиливавшимся ощущением сталинской группой своей слабости, которая все чаще стала сквозить в решениях ПБ по кадровым вопросам, начиная с лета 1937 г., и выразилась наиболее отчетливо в деле В. Ф. Шаранговича.

В постановлении ЦК «О руководстве ЦК КП(б) Белоруссии», утвержденном ПБ 27 июля, вполне

справедливо как негативная
характеризовалась деятельность
Червякова, Голодеда, наркома
земледелия республики Бенека.
Обличался их действительный, хоть и
запоздалый, «левый уклон», который
выразился в принудительной
реорганизации десятков колхозов в
совхозы, в фактическом изъятии у
колхозников приусадебных участков,
в незаконной передаче огромных по
площади колхозных земель совхозам.
Новому руководству республики
Шаранговичу, второму секретарю
Денискевичу, наркому земледелия
Низовцеву и было поручено
«ликвидировать последствия»
подобной антикрестьянской

политики. Однако, отмечалось в постановлении, Шарангович, Денискевич и Низовцев «не только не выполнили этого задания ЦК ВКП(б), но даже не приступили к его выполнению». Своим вопиющим равнодушием к порученному делу они довели, вместе с предшественниками, сельское хозяйство Белоруссии до того, что там «появились очереди за хлебом», скрывали факт очередей от ЦК ВКП(б) и не обращались в ЦК ВКП(б) за помощью^{[28](#)}.

Чтобы исправить близкое к катастрофическому положение, пять дней спустя, 2 августа, ПБ утвердило постановление СНК СССР и ЦК

ВКП(б) «Об оказании помощи колхозному крестьянству Белоруссии». Объявило о возвращении 32 тысяч га земли колхозам, передаче прежним владельцам приусадебных участков, о ликвидации 138 совхозов и передаче их земель, 230 тысяч га, и скота частью колхозам, а частью государству, о создании 60 машинно-тракторных станций и быстрейшем обеспечении их 900 гусеничными тракторами²⁹.

И все же в этой бочке меда оказалась ложка дегтя. В постановлении ЦК Червяков, Голодод и Бенек названы «польскими шпионами». Работа Шаранговича,

Денискевича и Низовцева объявлялась «вредительской и враждебной в отношении советской власти и белорусского народа», а потому дело их как «врагов народа» передавалось в НКВД.

Проявилась со всей очевидностью в те летние и осенние месяцы тенденция еще более угрожающая. Репрессиям теперь чуть ли не непременно стали предшествовать обсуждения на партийных пленумах и съездах тех, кто оказывался незамедлительно в опале. Не от НКВД, а от рядовой партийной массы поначалу поступали сведения об отдельных фактах, порочивших

высокопоставленных лиц. Эта, порой достоверная, а подчас и вымышленная информация ложилась в основание уже чисто политических обвинений.

Все это в совокупности достаточно наглядно демонстрировало, во что неизбежно выльется задуманная избирательная кампания. Со свободой не только выдвижения, но и обсуждения каждого кандидата в депутаты, особенно — Верховного Совета СССР, на открытых собраниях. В атмосфере несомненного массового психоза, деловую критику, установление единственно требуемого — способен ли данный

человек в случае победы на выборах
выражать и защищать интересы тех,
кто его выдвинул, — непременно
подменит «охота на ведьм» с ее
вечными атрибутами —
подозрительностью, торжеством
наветов и инсинуаций,
патологической жаждой крови. И
скорее всего, начнется самое
обыкновенное сведение счетов,
далеко не всегда порожденных
политическими разногласиями.

Глава девятнадцатая

Неудачи, преследовавшие сталинскую группу последние четырнадцать месяцев, в сентябре 1937 г. достигли своего пика. Слишком уж очевидным оказался полный провал ее радикальных, реформаторских и внешнеполитического, и внутриполитического курсов.

Стало несомненным, что все попытки создать прочный, надежный антигерманский пакт обернулись сокрушительной неудачей. Не удалось заключить договоры о взаимопомощи не только с

Великобританией, но хотя бы с Румынией, Польшей или странами Прибалтики. Мало того, так и не начались рабочие контакты с генеральными штабами Франции и Чехословакии для выработки конкретных мер по совместной обороне в случае агрессии Германии. Столь же несбыточными оказались надежды и на решающую роль народных фронтов. Французское правительство правело с каждой неделей, а испанское, наоборот, слишком уж стремительно и круто уходило влево.

Фактической капитуляцией, позорным отказом от задуманного обернулись и все действия, с

помощью которых предполагалось предельно расширить круг активных участников предстоявших альтернативных выборов. У весьма значительной массы крестьянства, которой буквально только что возвратили избирательные права, вновь их отобрали. Мало того, многие крестьяне были подвергнуты репрессиям. Ни к чему не привели и обе противоречивые попытки обуздать партократию. Сначала — пойдя ей на уступки, наделив неограниченными правами, затем — обрушив репрессии против нее. Происходившее свидетельствовало, во всяком случае для латентной оппозиции, что узкое руководство

быстро слабеет, утрачивая былую монолитность. Его политика теряет определенность, изначальный смысл и направленность и потому лишается своего прежнего, не подвергавшегося сомнению господствующего положения, которое сложилось в начале 1934 г., для начала — за передел властных полномочий в ее втором эшелоне.

Первым признаком приближавшейся схватки стало смещение 7 июля И. А. Пятницкого¹, твердого сторонника старого, давно отвергнутого курса и безжалостных действий. Человека, который за пятнадцать лет работы в Коминтерне сделал немало для «экспорта

революции». А начиная с 16 августа 1935 г., с назначения на должность заведующего одним из ключевых отделов ЦК — политико-административным, изрядно потрудился для искоренения всех, кого только можно было отнести к инакомыслящим участникам былых оппозиций. Любых — в равной степени троцкистской, зиновьевской, бухаринской. Именно он, поначалу с Ягодой, а потом с Ежовым, как полномочный представитель ПБ участвовал в организации всех политических процессов. И двух шумных «московских», и многочисленных, проходивших по всей стране без огласки. Будучи

завотделом, Пятницкий каждодневно надзирал за работой НКВД, контролировал кадровый состав как центрального аппарата, так и наркоматов союзных и автономных республик, краевых и областных управлений. Да еще в обязательном порядке давал санкции на все наиболее серьезные аресты, во всяком случае тех, кто занимал достаточно высокие посты. И вот теперь арестовали его самого.

Формальным основанием стали показания оказавшихся на Лубянке отнюдь не по своей воле старых работников Коминтерна, в прошлом сослуживцев Пятницкого — Белы Куна, Людвиг Мадьяра, Вильгельма

Кнорина, некоторых других, их добровольные или вынужденные заявления, что Пятницкий до перевода в ЦК являлся якобы одним из руководителей очередной «раскрытой» НКВД «фашистско-шпионской организации троцкистов и правых», действовавшей в ИККИ с 1932 г.² Но если отбросить столь любимые следователями негативные по смыслу прилагательные да неумное стремление произвольно объединять кого угодно в некие «организации», то ничего нового в таких свидетельствах, во всяком случае для Ежова, не было. Ведь о резко негативном восприятии работниками Коминтерна нового

внешнеполитического курса Сталина знал каждый, кому довелось знакомиться с протоколами допросов Зиновьева и Каменева, датированными еще концом декабря 1934-го — началом января 1935 г. Следовательно, причиной ареста Пятницкого эти отнюдь не только что полученные данные никак стать не могли.

Нельзя принять и иную, уже современную версию, объясняющую арест Пятницкого тем, что на июньском пленуме он крайне резко выступил против массовых репрессий³. Во-первых, на самом пленуме данный вопрос не обсуждался. Во-вторых, невозможно

представить себе, что Пятницкий, твердокаменный большевик, почти сорок лет отдавший революционному движению, беззаветно преданный марксизму, идее пролетарской революции, в одночасье и беспричинно кардинально поменял свои взгляды, отрекся от былых убеждений, принципов и стал горячим защитником тех, с кем всегда и бескомпромиссно боролся, — оппозиционеров, бывших кулаков, «церковников» да вдобавок и уголовников.

Возможно другое объяснение происшедшего 7 июля. Пятницкого устранил Ежов, да к тому же по

сугубо личным мотивам. Устранил того, кто в соответствии с партийной иерархией стоял над ним как наркомом и мешал ощущать всевластие, полученное после принятия 2 июля постановления ЦК ВКП(б). Ликвидируя Пятницкого, Ежов как Наркомвнудел юридически выходил на прямое подчинение ПБ, узкого руководства, Сталина, устраняя уже изрядно мешавшую ему пусть бюрократическую, но все же инстанцию. Здесь нельзя не учитывать и того, что Пятницкий, занимая должность заведующего политико-административным отделом, воистину являлся недреманным оком партии. При

необходимости, по воле узкого руководства, он мог в любой момент дискредитировать Ежова как наркома и легко обосновать его смещение, поскольку достаточно хорошо знал все детали и обстоятельства репрессий последних двух лет. В пользу такого предположения говорит тот факт, что пост Пятницкого после ареста долго остался вакантным. ПБ в ближайшее месяцы так на него и не утвердило никого, удовлетворялось работой Шуба, заместителя Пятницкого, не назначив его хотя бы исполняющим либо временно исполняющим обязанности заведующего отделом.

Помимо прочего, обвинение

Пятницкого в заговорщицкой деятельности и его арест вполне могли стать своеобразным пробным шаром. Проверкой того, сможет ли Ежов в дальнейшем, если ему потребуется, покуситься еще на кого-либо столь же высокого ранга. Если это так, то проверка удалась как нельзя лучше. ПБ легко отреклось от Пятницкого.

Поначалу борьба за передел властных полномочий, втягивая все новых и новых участников, шла с переменным успехом, до поры до времени не нарушая существовавшего равновесия. Неудачей завершилась попытка А. А. Жданова продвинуть в ОРПО

(несомненно, с дальним прицелом) своего человека, А. А. Кузнецова, только что начавшего восхождение по партийной иерархической лестнице. Его, всего лишь заведующего отделом Ленинградского обкома, Жданов попытался поставить «под» Маленкова заместителем. Скорее всего, Жданов не желал чрезмерного усиления Ежова, а Маленкова рассматривал как его креатуру. 14 августа ПБ приняло решение об отзыве Кузнецова из Ленинграда и назначении его заместителем заведующего ОРПО, но уже на следующий день без объяснений отменило это решение⁴. Видимо,

А. А. Андреев — член ПБ, ОБ и секретарь ЦК — отстоял курируемый им отдел, не допустил раздела контроля над ним со Ждановым, вполне возможно, не без поддержки всего того же Ежова.

Разброд и шатание при решении кадровых вопросов, явно порожденных противоборством двух возникающих в узком руководстве группировок, демонстрирует и случай с А. П. Розенгольцем. Его, 14 июня отстраненного от должности наркома внешней торговли не только без объяснений, но и без негативной оценки проделанной работы или политических взглядов, 28 августа вернули во властные структуры.

Правда, на более низкий, нежели ранее, пост — начальником Управления государственных резервов при СНК СССР, поставили во главе учреждения, одновременно повышенного в ранге, преобразованного из Комитета резервов СНК СССР, Управление это имело огромное стратегическое значение, особенно в условиях приближавшейся войны. Не случайно в том же решении ПБ указывалось:

«Ввиду важности и секретности дела государственных резервов обязать начальника Управления

государственных резервов тов. Розенгольца производить подбор всех без исключения работников для Управления гос. резервов совместно с НКВД»⁵.

Однако спустя всего полтора месяца А. П. Розенгольца арестовали.

Еще более показательной для характеристики ситуации, сложившейся на вершине власти, как предельно критической стала судьба Я. А. Яковлева, в которой нашла отражение суть происходившего — острейшей борьбы из-за

альтернативности предстоящих выборов.

После июньского пленума, вынужденного одобрить проект нового избирательного закона, Яковлеву сразу же на месяц пришлось углубиться в иные проблемы — как заведующему сельхозотделом ЦК заняться положением с колхозами Белоруссии. Он готовил постановления ЦК ВКП(б) и совместное, ЦК ВКП(б) и СНК СССР, направленные на ликвидацию последствий бесспорно вызывающей «левизны» республиканского руководства. А затем двенадцать дней, с 27 июля по 7 августа, временно исполнял

обязанности первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии. Лишь после утверждения в этой должности А. А. Волкова, до того второго секретаря МГК⁶, Яковлев смог вернуться к тому, что оказалось самым важным делом всей его жизни.

К концу августа Я. А. Яковлев и его аппарат практически завершили подготовку всех документов, необходимых для предстоящих альтернативных выборов. Утвердили в ЦК образцы избирательных бюллетеней и конвертов для них, удостоверений на право голосования, счетных листов, протоколов голосования, списков избирателей⁷.

Два из этих документов однозначно свидетельствовали об альтернативности готовившихся выборов. Так, образец избирательного бюллетеня содержал три фамилии — разумеется, и они сами, и их число являлись чистой условностью. Но уже предельно безусловным по смыслу был текст, помещенный над ними справа: «Оставьте в избирательном бюллетене фамилию **ОДНОГО** кандидата, за которого Вы голосуете, остальных вычеркните»⁸.

Столь же определенно указывал на выдвижение по меньшей мере двух кандидатов и один из разделов образца «Протокола голосования» по

избирательному округу. Именно в нем содержались трафареты, раскрывавшие главную особенность неотвратимо приближавшихся выборов.

«Если ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства голосов, окружная избирательная комиссия отмечает это следующим образом: В соответствии с результатами голосования

.....
окружная избирательная комиссия установила, что из общего числа поданных

по округу голосов,
признанных
действительными, ни один
из кандидатов в депутаты
не получил абсолютного
большинства голосов.
Ввиду этого на основании
статьи 107-й Положения о
выборах в Верховный Совет
СССР... окружная
избирательная комиссия
объявляет
перебаллотировку
нижеследующих двух
кандидатов, получивших
наибольшее количество
голосов.

..... (фамилия, имя,

отчество) от ... получил ...
ГОЛОСОВ

..... (фамилия, имя,
отчество) от ... получил ...
ГОЛОСОВ

и назначает день
перебаллотировки на ...
дня ... месяца... года, то
есть не позднее чем в
двухнедельный срок по
истечении первого тура
выборов».

Завизировали образец протокола
окружной избирательной комиссии
Сталин, Молотов, Калинин, Жданов,
Каганович⁹.

31 августа, признав данную

часть работы выполненной, ЦК образовало «предварительную», как ее назвало решение, комиссию ЦК ВКП(б), ЦИК и СНК СССР, которой и предстояло уже официально внести на рассмотрение ближайшего пленума все вышеперечисленные документы. Председателем ее стал Я. А. Яковлев. Завершить всю необходимую работу комиссии следовало не позднее 5 октября¹⁰, вскоре после чего и должен был быть созван пленум.

Вслед за тем Я. А. Яковлев продолжил подготовку к выборам, но уже в несколько своеобразной форме. По личному поручению Сталина несколько скорректировав

статью 22 главы 11 конституции, разработал изменение административно-территориального деления РСФСР, что и было с 11 по 28 сентября утверждено сначала ПБ, а вслед за тем и президиумом ЦИК СССР. Так на карте страны появились вместо Азово-Черноморского края — Ростовская область и Краснодарский край, вместо Северной области — Архангельская и Вологодская, вместо Восточно-Сибирского края — Иркутская и Читинская области, вместо Московской области — Московская, Тульская и Рязанская, вместо Западно-Сибирского края — Новосибирская область и Алтайский

край, из Воронежской области выделили Тамбовскую, а на месте Западной и Курской образовали Смоленскую, Курскую и Орловскую. Кроме того, скорее всего при прямом участии или по поручению Яковлева, тогда же, 22 сентября, и на Украине образовали четыре новые области: Полтавскую, Житомирскую, Каменец-Подольскую и Николаевскую^{[11](#)}.

Такая лишь на первый взгляд очередная бюрократическая мера призвана была сыграть довольно значительную роль в ближайшее время. Прежде всего она существенно меняла число избирательных округов, создавая

дополнительные места в Верховных Советах как СССР, так и РСФСР, УССР. Более того, сразу же приводила к увеличению числа членов широкого руководства, способствовала изменению в нем расстановки сил, ибо одновременно ПБ утвердило в должностях новых первых секретарей двух крайкомов и десяти обкомов, в безусловной поддержке которых на предстоящем пленуме сталинская группа хотела быть полностью уверенной. Наконец, у весьма влиятельных партократов Е. Г. Евдокимова, Н. С. Хрущева, Р. И. Эйхе, Д. А. Конторина и М. О. Разумова изрядно сократили не столько подведомственную

территорию, сколько размах властных полномочий, в том числе и право карать или миловать в составе «троек».

Но данное поручение, как оказалось, стало последним, выполненным Я. А. Яковлевым. Судя по косвенным данным, в день открытия пленума, 12 октября, он был арестован. Однако протоколы ПБ ни тогда, ни позже так и не зафиксировали обязательное при таких обстоятельствах освобождение его от должностей заведующего сельхозотделом ЦК и первого заместителя председателя КПК. Случай редкий, хотя и не уникальный: также отсутствует

решение ПБ о снятии
И. А. Пятницкого.

Что же произошло с
Я. А. Яковлевым? Чем было вызвано
его устранение — на протяжении
полутора месяцев тайное, без
огласки, да еще и за несколько часов
до открытия пленума ЦК ВКП(б)?
Почему ликвидировали человека, два
года игравшую одну из главных ролей
на политической сцене: в разработке
конституционной реформы,
подготовке текста новой конституции
и невиданного в истории страны
действительного демократического
избирательного закона, всех
документов, необходимых для
выборов?

Чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего следует обратиться к тому положению, которое занимал Я. А. Яковлев во властных структурах. На 12 октября он уже восьмой год являлся членом ЦК; четвертый год возглавлял сельскохозяйственный отдел ЦК — один из трех экономических; год являлся первым заместителем председателя КПК — вернее, фактически руководил ею, так как Ежов, ее официальный глава, с октября 1936 г. просто не имел времени для исполнения этой своей обязанности. Помимо того, Я. А. Яковлев с 11 августа 1936 г. состоял еще и в образованном ПБ

«секретариате по первоначальной наметке программы ВКП(б)»¹².

Все это, а также самое активное участие в работе конституционной комиссии, которая для Яковлева отнюдь не завершилась 5 декабря 1936 г., предполагало как вполне заслуженное и потому возможное, избрание его ближайшим пленумом на тот пост, на который он мог претендовать с полным правом, — члена Оргбюро, секретаря ЦК или даже кандидата в члены ПБ. Во всяком случае, не только его послужной список, но и последняя конкретная работа позволяли ему давно претендовать на более высокую должность в партийной

иерархии, чему могли способствовать давнее сотрудничество с узким руководством, вхождение в группу Сталина, а потому и инициатива в этом вопросе со стороны генерального секретаря.

Теперь обратимся к тем доступным фактам, которые прямо или косвенно могут пролить свет на причины устранения Я. А. Яковлева.

4 сентября ПБ немотивированно освободило от обязанностей заведующего отделом печати и издательств Б. М. Таля, оставив его «в распоряжении ЦК» и заменив Л. З. Мехлисом^{[13](#)}. Иными словами, был выведен из игры один из трех

членов сталинской группы, кто вместе с Яковлевым и Стецким составлял мозговой центр реформаторов и узкого руководства. Ведь именно они трое являлись подлинными авторами текста новой конституции, разработчиками очередной третьей программы ВКП(б), которая должна была определить то принципиально иное по сравнению с прошлым положение партии в обществе и государстве, ее место в жизни страны при сформированном на демократической, альтернативной основе советском парламенте — Верховном Совете СССР. Кроме того, Б. М. Таль входил и в

«предварительную» комиссию по подготовке выборов, хотя и на вторых ролях.

Три недели спустя, 28 сентября, ПБ (а точнее — только Сталин и Молотов в присутствии Ежова и Маленкова¹⁴) приняло решение: «Ввести в комиссию для разработки вопросов по выборам в Верховный Совет СССР гг. Молотова, Сталина и Мехлиса»¹⁵. На первый взгляд здесь вроде бы все было ясно. Предварительная работа успешно подходила к концу. Ее результаты были столь важны, что для полной уверенности в их утверждении пленумом требовалось предельно поднять уровень комиссии. Столь же

понятным выглядело и введение в ее состав Л. З. Мехлиса — он всего лишь замещал по должности выбывшего Б. М. Таля. И все же в решении ощущалась некая недоговоренность. Не было ясно, остается в комиссии Я. А. Яковлев или нет, а если остается, то в первом или во втором ее составе.

Только после этого, 30 сентября, ПБ в лице Сталина, Молотова и Ворошилова наконец установило дату созыва пленума — 10 октября, и повестку дня, включающую всего два пункта: «1. Вопросы избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР. 2. Текущие вопросы»¹⁶. Примечательно, что докладчик по

первому вопросу определен почему-то не был.

2 октября состоялось первое протокольно оформленное заседание «предварительной» комиссии, ставшей с этого момента комиссией ЦК. В нем приняли участие члены обоих составов. Первого — Молотов. Сталин, Калинин, Яковлев, Горкин, Мехлис, Хрущев, Вышинский, Чернышев; второго — Булин, Маленков, Шверник, Косарев, Хохлов. Кроме того, протокол зафиксировал присутствие еще троих: заведующего агитпропотделом ЦК А. И. Стецкого, заведующего особым сектором ЦК А. Н. Поскрёбышева и второго

секретаря Ленинградского горкома
А. И. Угарова.

Некоторое несоответствие
между официальным составом
комиссии и теми, кто прибыл на ее
заседание, довольно легко поддается
объяснению. Андреев в тот день
находился в Самарканде, проводил
пленум ЦК компартии Узбекистана,
на котором был снят А. И. Икрамов,
а первым секретарем избран
У. Ю. Юсупов. Жданова, скорее
всего, неотложные дела задержали в
Ленинграде. Стецкого пригласили в
соответствии с занимаемой
должностью. Поскрёбышева — для
исполнения свойственной ему
обязанности секретаря, а Угарова —

вполне возможно, как представителя Жданова.

Прежде всего комиссия обсудила ряд чисто технических вопросов, не подготовленных в свое время Яковлевым: о форме и размерах ящика (урны) для голосования; об избирательных участках в частях и соединениях Красной армии, в северных и кочевых районах, небольших поселениях; о порядке включения в избирательные списки лиц 18-летнего возраста. Кроме того, она приняла решения о редакторах газет, издававшихся в центрах избирательных округов, и об увеличении ежедневного тиража «Правды» и «Известий» на 300 тысяч

экземпляров для каждой. Только затем последовало самое главное — выборы назначили на 12 декабря, а начало избирательной кампании — на 12 октября.

Тем, однако, круг требовавших решения задач не был исчерпан. Состав избирательных округов поручили доработать Маленкову, Яковлеву и Горкину (фамилии были перечислены именно в таком порядке), вопрос об отпуске средств на избирательную кампанию отложили до формирования Центральной избирательной комиссии, а вопрос об организации агитационно-пропагандистской работы в избирательных округах и на

избирательных участках отнесли на неопределенное время¹⁷.

5 октября, на втором и последнем заседании комиссии ЦК (ее протокол не обнаружен), утвердили тексты постановлений ЦИК СССР о дне выборов и избирательных округах, образец удостоверения депутата Верховного Совета СССР, а также решили финансовые вопросы, отложенные ранее. Выделили 836,7 тыс. рублей на бумагу для избирательных бюллетеней и конвертов, в которые их необходимо было вкладывать; 719,4 тыс. рублей — на производство фильма «Техника выборов в Верховный Совет СССР»¹⁸.

7 октября устоявшийся, сделавшийся даже до некоторой степени рутинным ход работы внезапно нарушился. Сталин и Молотов от имени ПБ приняли постановление, ликвидировавшее прежде декларированное равноправие ВКП(б) и общественных организаций при подготовке и проведении выборов, — «Об утверждении в партийном порядке председателей и секретарей избирательных комиссий в Совет Союза и Совет Национальностей Верховного Совета СССР». Это постановление уже вносилось на утверждение ПБ 5 октября Маленковым, но так и не было

рассмотрено. В соответствии с ним ЦК нацкомпартий были обязаны к 10 октября наметить состав республиканских избирательных комиссий, крайкомы и обкомы в тот же пятидневный срок — окружных, а к 15 октября «тщательно проверить и утвердить председателей и секретарей участковых избирательных комиссий». Все три варианта списков следовало тут же «представить на утверждение ЦК»¹⁹.

Чтобы понять причину такого поворота событий, приходится вступить на зыбкую почву догадок и предположений, попытаться реконструировать происходившее, сопоставляя известные неоспоримые

факты и данные предельно «глухого» источника, «Книги посетителей кремлевского кабинета Сталина».

После возвращения из Минска Я. А. Яковлев встречался со Сталиным чаще, нежели прежде. В августе и сентябре — по пяти раз, а всего за первую декаду октября — даже шесть. 2 октября, в день протокольного заседания комиссия ЦК, одновременно с Яковлевым в кабинете Сталина присутствовали Молотов, Ежов и Вышинский, 5 октября — Молотов, Косиор, Чубарь и Ежов, 8 октября — Молотов, Ежов, Мехлис и Горкин. 9 октября состав участников встречи существенно изменился. Среди них оказались,

помимо Ежова, члены комиссии ЦК Молотов, Жданов, Мехлис, Горкин, Косарев, Шверник, а также те, кого только три дня спустя официально введут в состав Центральной избирательной комиссии, — секретарь ВЦСПС П. Г. Москатов, начальник Главсевморпути О. Ю. Шмидт, генеральный секретарь правления Союза советских писателей В. П. Ставский и заместитель директора по учебной части казанского Института советского права Г. П. Горшенин^{[20](#)}.

Сегодня практически невозможно установить, о чем же шла речь 2 и 5 октября. Присутствие в обоих случаях Молотова и Ежова

мало о чем говорит, ибо они являлись тогда практически неизменными участниками всех рабочих встреч Сталина. Лишь появление в кабинете вместе с Яковлевым еще и Вышинского порождает неуверенную догадку. Может быть, обсуждался вопрос избирательных прав, к примеру, крестьян. Тех самых, кому их недавно возвратили, но по решению ЦК от 2 июля намеревались вновь отнять. Более понятной выглядит встреча 8 октября. Присутствие на ней Мехлиса и Горкина должно свидетельствовать о том, что темой беседы вполне могли оказаться рабочие детали подготовки к выборам. Встреча же у Сталина 9

октября только своим составом прямо указывает на обсуждение и решение чисто практических вопросов предстоящих выборов, в том числе и согласование состава Центральной избирательной комиссии.

Наконец, еще одна, промежуточная дата — 7 октября, когда при обсуждении выборных вопросов Яковлев отсутствовал, хотя, как оказалось, он сохранил свое место в комиссии ЦК, правда, в явно подчиненной роли. В тот день у Сталина находились Молотов, Ежов, пробывший всего 15 минут Маленков и пришедший после его ухода Каганович. Несомненно, Маленкова

пригласили лишь для того, чтобы одобрить наконец внесенный им проект постановления. Но кто был действительным инициатором данного документа?

Трудно себе представить, что Маленков, сверх головы загруженный работой, связанной со все возрастающей сменой первых секретарей крайкомов и обкомов, председателей край- и облисполкомов, сам по себе занялся чуждой ему проблемой, лежащей к тому же вне его прямых обязанностей даже как члена комиссии ЦК. Да и должность заведующего ОРПО еще не давала ему такого права, почему и следует

отвергнуть его личную инициативу.

Постановление, совершенно очевидно, выражало интересы только широкого руководства, не желавшего рисковать во время альтернативных выборов.

Потому-то вполне справедливо высказать следующие предположения. За документом, серьезно менявшим старые «правила игры», стояли лишь первые секретари. Маленков мог подготовить проект под непосредственным их давлением, ибо с ними ему приходилось поддерживать постоянный и прямой контакт. Возможно и иное толкование. Требования партократии

в виде конкретного поручения до сведения Маленкова довел Ежов как секретарь ЦК и в недавнем прошлом непосредственный начальник Маленкова. Нельзя исключить и того, что о требованиях широкого руководства, похожих на ультиматум, Ежов доложил Сталину и Молотову, чем вынудил их после непродолжительного, всего двухдневного сопротивления смириться и пойти на серьезные уступки партократии. Возможно, последняя гипотеза и объясняет, почему оригинал постановления был завизирован сначала Молотовым и лишь потом Сталиным, поставившим вместо обычной подписи только одну

букву инициалов — «И»²¹.

Но как бы то ни было, можно все же констатировать следующее. К 19 часам 15 минутам 9 октября, когда все посетители покинули кабинет Сталина, общая концепция выборов, включая и альтернативность, все еще не претерпела существенных изменений. В своем изначальном виде она была внесена 10 октября на рассмотрение ПБ, которому в соответствии с традицией и как обычно бывало формально, следовало, обсудив, обязательно одобрить выступление Молотова на пленуме — в тот же день, спустя час или два.

В 6 часов вечера в кабинете

Сталина собрались Андреев, Ворошилов, Каганович, Калинин, Косиор, Микоян, Молотов, Чубарь, Жданов и Ежов — все без исключения члены ПБ и секретари ЦК. Отсутствовали лишь кандидаты в члены ПБ Петровский, Постышев и Эйхе, которые должны были уже находиться в Москве, но которых по неизвестной причине в Кремль не пригласили. Через три часа после начала заседания в кабинет вошли Мехлис, Стецкий, Яковлев и Горкин и пробыли там всего тридцать минут^{[22](#)}. А через полчаса после их ухода, в 10 часов вечера, заседание ПБ неожиданно завершилось переносом открытия пленума на

сутки — на 7 часов вечера 11 октября. И утверждением тезисов выступления Молотова:

1. Как выдвигать кандидатов (колхозы, заводы, конференции).

2. **Параллельные кандидаты** (не обязательно) (выделено мной — Ю.Ж.).

3. Беспартийных — 20—25%.

4. Порядок формирования избирательных комиссий (в центре и на местах)^{[23](#)}.

Так что же произошло в тот, оказавшийся роковым для судеб политических реформ в Советском Союзе вечер?

Несомненно одно. Договоренности по проекту постановления пленума и непременно основанного на нем выступления Молотова достичь не удалось. Большинство членов ПБ решительно отвергли прежде всего альтернативность выборов, от чего Сталин, Молотов, Андреев и Калинин еще не смогли отказаться. Скорее всего, солидарную с ними позицию занял и Жданов, имевший полную возможность выразить несогласие, если бы оно у него было,

накануне, не доводя дело до открытого противостояния.

Выступить же против должны были по меньшей мере пятеро, ибо при девяти членах ПБ голоса их никак не могли разделить поровну. Следовательно, некто иной, как Ворошилов, Каганович, Косиор, Микоян, Чубарь, а также Ежов, и смогли изменить обычный ход заседания и добиться его продолжения на следующий день, чтобы принудить сталинскую группу внести в проект постановления пленума и в тезисы выступления Молотова принципиальные коррективы. Пока еще, на вечер 10 октября, по двум важнейшим

позициям: о необязательности выдвижения альтернативных, или, как их называли, параллельных кандидатов в депутаты, а также об установлении строго фиксированной квоты для беспартийных депутатов — не более четверти от общего количества членов Верховного Совета СССР. Даже прозаседав четыре часа, ПБ не сумело достичь приемлемого для обеих сторон компромиссного соглашения. Изымать же из проекта постановления все, что было связано с состязательностью при выборах, пришлось Яковлеву и Стецкому. Во всяком случае, на втором заседании ПБ, 11 октября, присутствовали они,

а не Мехлис и Горкин²⁴.

11 октября ПБ заседало с половины четвертого дня до шести, а через час открылось заседание пленума ЦК ВКП(б). Проект постановления, розданный всем собравшимся, — «Об организационной и агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с выборами в Верховный Совет СССР» выглядел несомненной уступкой широкому руководству. Вернее даже, безоговорочной капитуляцией сталинской группы, ее полным и окончательным отказом от прежних идей и намерений. Ведь уже первый пункт проекта устанавливал:

«ЦК нацкомпартий,
крайкомы и обкомы
обязаны тщательно
проверить для утверждения
ЦИКами союзных и
автономных республик,
краевыми и областными
исполкомами состав
республиканских и
окружных избирательных
комиссий».

Та же процедура
предусматривалась и при
образовании участковых
избирательных комиссий.

Мало того, второй пункт
документа уже прямо отвергал то,

что предложил Сталин весной 1936 г. Больше ни о каком свободном выдвижении кандидатов от общественных организаций речи не шло:

«Партийные организации обязаны выступать при выдвижении кандидатов в депутаты не отдельно от беспартийных, а сговориться с беспартийными об общем кандидате, имея в виду, что главное в избирательной кампании — не отделяться от беспартийных. Отдельное от

беспартийных выступление
коммунистических
организаций со своими
кандидатами только
оттолкнуло и отделило бы
беспартийных от
коммунистов, побудило бы
их к выставлению
конкурирующих
кандидатов и разбило
голоса, что на руку только
врагам трудящихся».

В этой установке зародилось
принципиально новое понятие —
«блок коммунистов и
беспартийных», которое вскоре
станет краеугольным камнем

предвыборного обращения ЦК ВКП(б) и которое, судя по всему, явилось конкретным результатом «компромисса» двух групп в ПБ.

Наконец, еще один, пятый пункт проекта не оставлял ни малейшего шанса свободному волеизъявлению людей.

«Поскольку успех выборов, — отмечалось в нем, — решает политическая и организационная работа по избирательным участкам, работа по избирательной кампании должна быть возложена на все райкомы ВКП(б)... На все районные партийные организации возлагается одинаковая ответственность за ход избирательной кампании»^{[25](#)}.

Молотов выступил на пленуме не как требовалось обычно — с докладом и даже не с сообщением, как объявил председательствующий Андреев, а скорее, с заурядной информацией. За пятнадцать минут поведал собравшимся лишь о том, что они и без того могли понять из проекта постановления, и о том, что им предстояло узнать на следующий день из газет: о создании Центральной избирательной комиссии; о назначении выборов на 12 декабря текущего года. Но в его сообщении содержалось и то, что доводить до всеобщего сведения не следовало.

«Обсуждался вопрос также о

том, — сказал Молотов, — какое количество беспартийных считать надо нормальным для введения в состав депутатов в Верховный Совет. Общее мнение политбюро было такое, что надо иметь примерно в среднем для СССР до 20% беспартийных в составе Верховного Совета». Невольно Молотов обозначил пункт, ставший, несомненно, одним из главных на двухдневном заседании ПБ. Как можно лишь догадываться, первоначально доля беспартийных либо вообще загодя не устанавливалась, либо предполагалась значительно большей, скажем, 40%.

Наконец, более конкретно, нежели в проекте постановления, высказался Молотов о подборе кандидатов:

«Вся работа по выдвижению кандидатов должна быть по-настоящему под контролем и руководством парторганизаций. Тех кандидатов, которых мы выдвигаем вместе с беспартийными и проводим через собрания... Эти кандидаты предварительно должны быть должным образом

проверены
парторганизациями... Есть
сообщения от партийных
комитетов, что выдвинутые
кандидатуры частично
сняты и заменены новыми
после двух-трех дней.
Видимо, они были
проверены недостаточно».

И далее он уточнил ту же мысль:

«Мы их должны
утвердить в Центральном
комитете партии не
позднее 17 октября,
получить по крайней мере
на утверждение. Проверка

этих кандидатов, которая будет проходить, потребует много времени для того, чтобы подготовить избирателей к тому, чтобы провести тех, а не других кандидатов»²⁶.

Тем самым вполне сознательно Молотов обозначил и еще один важный вопрос, обсуждавшийся членами ПБ, внесенный, без сомнения, Ежовым с его патологической страстью проверять всех и вся, разумеется, силами отнюдь не парработников, в способностях которых к такому роду деятельности он сильно сомневался

уже летом 1935 г., а работников НКВД. Его ведомство приобретало таким образом новые права, новый рычаг воздействия на власть.

Прения, открывшиеся после сообщения Молотова, полностью раскрыли затаенные устремления членов ЦК, их неумное желание во что бы то ни стало продолжать репрессивную политику. Первые секретари крайкомов и обкомов говорили преимущественно о необходимости, как и прежде, вести борьбу с «врагами», хотя ни проект постановления, ни выступление Молотова не давали к тому ни малейшего основания и не предполагали столь резкого

изменения темы, предложенной для обсуждения.

Постышев (первый секретарь Куйбышевского обкома): Требуется разъяснение — будут ли участвовать в выборах спецпереселенцы. Правда, Полбицын их распустил и дал указание, чтобы они вошли на общих основаниях в колхозы, но мы часть их обратно завернули. Нам разъясняли, Вячеслав Михайлович, что они имеют право участвовать в выборах на

общих основаниях и что для них специальных избирательных участков создавать не надо.

Сталин: Они прав не лишены.

Постышев: Ну хорошо, пусть выбирают. Уж больно сволочной они народ... [27](#).

Прамнэк (первый секретарь Донецкого обкома): Как готовятся к выборам наши враги? Безусловно, враги активизируются, об этом говорит целый ряд фактов... Мы имеем по

Донбассу ряд случаев, когда враждебно настроенные люди демонстративно заявляют, что они не будут участвовать в выборах.

Сталин: Много их?

Прамнэк: Я бы не сказал, что много, но на отдельных участках попадаются. Во всяком случае, десятками можно такие случаи найти... В Рутченкове (район города Сталине — Ю.Ж.) есть община баптистская, 102 человека. Раньше они собирались один-два раза в

месяц, а сейчас они собираются два-три раза в неделю, причем их агитация и работа, безусловно, направлена на объединение их в связи с выборами... Будут ли они выставлять свои кандидатуры? Я думаю, что это будут очень редкие случаи, у них не хватает смелости — побоятся, а будут выставлять даже наших людей, не враждебных нам людей, но более для них подходящих, на которых они рассчитывают, или с таким

расчетом, чтобы разбить голоса и провалить кого-нибудь из наших выставленных кандидатов... Я считаю, что у нас в Донбассе и, наверное, в других областях тоже есть такие участки, которые, если мы не возьмем их в свои руки, могут провалить нашего кандидата... Райком партии отвечает за каждый избирательный участок. Это правильно записано в проекте предложений²⁸.

Евдокимов (первый секретарь Ростовского

обкома): ...Насчет вылазок классового врага. Мы так слегка край да и область почистили, но вылазки классового врага имеют место, особенно по церковно-сектантской линии²⁹.

Марголин (первый секретарь Днепропетровского обкома): Следует отметить, что уже сейчас обнаруживаются случаи, когда подбирают кандидатуры непродуманно и без соответствующей проверки. Это обнаружено

по целому ряду районов. Есть факты, когда в участковые избирательные комиссии попадают чужаки из бывших кулаков или имевшие с ними ту или иную связь... У нас были кое-какие изъяны в деле подбора окружных избирательных комиссий, в особенности председателей и секретарей комиссий. Некоторые кандидатуры председателей пришлось отвести. Они были чрезвычайно плохо проверены, и к их

выдвижению мы подошли недостаточно серьезно. Мы эти недочеты исправили и к сроку, указанному в проекте решения ЦК, представили кандидатуры на утверждение... Пару слов относительно политических настроений. Мы безусловно имеем исключительный рост политической активности широких масс трудящихся Днепропетровщины как на заводах, так и в колхозах, у всего населения. Но мы имеем также факты активизации врага в самых

различных антисоветских формах. Мы имеем проявление вражеских вылазок и на заводах, и в особенности в тех углах, куда наша политическая работа не добирается, в так называемых подсобных цехах, которые мы не всегда обслуживаем. На заводах таких уголков имеется значительное количество, в транспортных цехах, в некоторых подсобных цехах. Там враги из троцкистско-бухаринского отребья кое-какую работу

пытаются проводить и не
всегда находят
противодействие со
стороны наших людей.
Особенно мы отмечаем
довольно серьезное
оживление антисоветских
элементов в деревне, на
селе. Антисоветские
настроения проявляются
преимущественно в
деятельности церковников.
Церковники на
Днепропетровщине,
особенно в таких районах,
как Новомосковский,
развернули довольно
серьезную работу. Имеются

случаи неоднократных
просьб об открытии
церквей. Есть факты, когда
попы...

Чубарь: Сектанты?

Марголин: И
сектанты, и несектанты
организуют свой актив, у
них есть такие кликуши-
старухи, бывшие
монашки...

Молотов: Неужели
старух испугались?

Марголин: Мы не
испугались, но борьба с
этими явлениями
проводится нами слабо...
Затем кулачье

активизируется и требует возврата своего имущества на основе закона...[30](#).

Алемасов (первый секретарь Татарского обкома): ...Настроения такие, которые дают нам полную уверенность, что, несмотря на происки отдельных вражеских элементов, которые у нас имеют также место, избирательную кампанию в Татарии мы проведем с успехом в соответствии с теми требованиями, которые предъявляет нам партия[31](#).

Щучкин (первый секретарь Крымского обкома): ...В Тельмановском и Ичкинском районах Крыма мы обнаружили основное — явную подготовку националистических элементов. Так, например, в Ичкинском районе в одном немецком селе во время изучения «Положения о выборах в Верховный Совет» в кружке был поставлен одним колхозником такой вопрос: «Нам непонятно, как это

дело будет происходить на практике. Возьмем хотя бы наш сельсовет и начнем переизбирать его. Посмотрим, как это получится на деле». Во время этой процедуры произошла следующая история. Председателя совета, хорошего партийца, оклеветали в том, что он пьяница, связан с одной колхозницей, и на этой основе его провалили путем отвода. Провалили и секретаря парторганизации и избрали явно не наш, враждебный сельсовет. Мы

**считаем, что это не что
иное, как попытка
показать на практике,
как можно организовать
мероприятия
антисоветского порядка,
направленные во время
выборов против нас...
(выделено мной — Ю.Ж.).**

Несомненно, что в
связи с той огромной
работой, которая ведется в
Крыму по разгрому
буржуазных националистов
из татарской и других
национальностей, мы
будем иметь большое
оживление в среде еще не

разоблаченных до конца
враждебных элементов³².

Конторин (первый секретарь Архангельского обкома): ...Надо отметить, что враги не дремлют и по-своему изучают закон и конституцию там, где мы зеваем. В частности, церковники, попы пытаются восстановить, воскресить лозунг «советы без коммунистов». У нас имел место случай в Котласском районе, когда поп собирал церковников и говорил: «Вы обязательно организованно идите на

выборы и там ведите себя
так, чтобы не голосовать за
коммунистов, чтобы
провалить
коммунистических
депутатов». Таким образом,
результаты там, где мы
прозевали, могут
получиться не в нашу
пользу. Последняя работа
по указанию Центрального
комитета — это
показательные процессы, а
затем работа по
выкорчевыванию и
уничтожению врагов
народа. Нам сейчас
предстоит провести

большую работу, в
особенности по
Архангельской области.
Там есть всякие категории
людей — и
административно
высланные, и
спецпереселенцы, и
лагери. Много всякой
сволочи. Мы вскрыли
дополнительно десять
контрреволюционных
организаций. Мы просим
и будем просить
Центральный комитет
увеличить нам лимит по
первой категории в
порядке подготовки к

выборам. У нас такая область, что требуется еще подавить этих гадов (выделено мной — Ю.Ж.).

Голос с места: Везде не мешает нажать.

Конторин: Мы подсчитали: на человек 400–500 не мешало бы нам лимит получить. Это помогло бы нам лучше подготовиться к выборам в Верховный Совет^{[33](#)}.

Каганович Ю. М. (первый секретарь Горьковского обкома): Мы в Горьковской области проводим большую работу

по очистке от врагов, по
разоблачению врагов,
которые у нас орудовали,
еще не выкорчеваны до
конца в промышленности,
имеющей большое
народнохозяйственное и
оборонное значение, в
сельском хозяйстве,
дорожном строительстве,
связи и так далее. Надо
сказать, что с мая месяца
посажено довольно
большое количество
врагов — троцкистов,
бухаринцев, шпионов,
вредителей, диверсантов —
1225 человек, в том числе

орудовавших на Автозаводе, на 21-м заводе, на 92-м, на Горьгэс, в управлении связи и других. Взято 2860 человек. Еще больше взято кулацко-белогвардейских, повстанческих элементов, среди которых нашлись такие типы, которые хранили до сих пор знамя Союза русского народа, и так далее. Мы чистим, но надо, товарищи, отдать себе совершенно ясный отчет, что врагов, сволочей еще много, и враги, в особенности церковники, ведут активную

избирательную борьбу,
доходящую до наглости... В
одном из районов,
пользуясь нашей плохой
политической работой,
одна псаломщица
организовала хоровой
кружок из молодежи,
начала собирать собрания
верующих женщин и
разъяснять закон так, как
это выгодно им, а не нам...
Враги пользуются всеми
формами и методами для
того, чтобы вести борьбу
против нас... [34](#)

Волков (первый
секретарь ЦК КП(б)

Белоруссии): Мы знаем, что наши враги, национал-фашисты, вели большую работу, в особенности в пограничных районах, среди учительства для привлечения на свою сторону. Они создавали огромное количество польских школ в пограничных районах и привлекали учительство всеми способами и методами на свою сторону. Мы обязаны были очистить ряды учительства от врагов и привлечь учительство к работе в избирательной

кампании... Поляки,
работая через своих
агентов — национал-
фашистов и троцкистов-
шпионов, укрепляли
пограничные районы
своими людьми, чтобы их
человек был председателем
колхоза, председателем
сельсовета и в то же время
занимал руководящую роль
в организации
повстанчества на случай
войны... Наряду с этим мы
имеем большую работу
врагов-попов, ксендзов. В
Леевском районе сектанты
собрали большое

количество верующих, где
сочиняли и декламировали
контрреволюционного
содержания стихи,
произносили
контрреволюционные
речи... Когда председатель
сельсовета зашел на
собрание и спросил, на
каком основании они
проводят это собрание, они
ответили очень характерно:
«Проводим собрание по
вопросам моления, нам
разрешает сбор этих
собраний свобода
собраний, которая
установлена конституцией,

проводим работу на основе
свободы печати». Так
легализуют свою
контрреволюционную
работу враги, прикрываясь
нашей сталинской
конституцией³⁵.

Соболев (первый
секретарь Красноярского
крайкома): Мы уже
организовали проверку и
подбор кандидатов в Совет
Национальностей и
Союзный Совет... Когда
мы получили списки
кандидатов с
рекомендациями от
райкомов партии, мы

решили проверить качество этой отборочной работы... Оказалось, что среди рекомендованных райкомами депутатов в Совет Союза и Совет Национальностей были бывшие колчаковцы, каратели, то есть проверка и отбор людей в районах были поставлены из рук вон плохо... Есть у нас такие коммунисты, которые саботировали проведение нашей партийной линии, и на них попы ставят ставку. Такие коммунисты и в

Красноярском крае есть,
мы их сейчас разоблачаем.
По мере того как мы
развертываем борьбу с
вредительством в сельском
хозяйстве, в
животноводчестве, по мере
того как мы разоблачаем и
уничтожаем врагов —
бухаринцев, рыковцев,
троцкистов, колчаковцев,
диверсантов — всю эту
сволочь, которую мы
сейчас громим в крае, они
совершенно открыто
делают выступления
против нас... [36](#).

Среди руководителей партийных комитетов, присутствовавших на пленуме, нашелся лишь один, кто отверг необходимость дальнейшего продолжения репрессивной политики, «охоты на ведьм». Им оказался утвержденный только 29 июня первым секретарем Курского обкома партии Е. С. Пескарев (перед тем был председателем Калининского облисполкома). Только он взял под защиту население области.

Мы должны будем, —
смело заявил он с
трибуны, — найти, именно
найти тех избирателей, у

которых имеются
неважные настроения, у
которых имеются обиды, и
подчас законные обиды, на
советскую власть,
причиненные им
отдельными
представителями советской
власти из мерзавцев,
вредителей, бывших у нас в
аппарате, или из
головотяпов, которые у нас
еще имеются... В связи с
тем, что в руководстве
областной прокуратуры и
облсуда долгое время
орудовали мерзавцы,
вредители, враги народа,

так же, как и в других руководящих областных организациях, то оказалось, что они центр карательной политики перенесли на ни в чем не повинных людей, главным образом на колхозный и сельский актив. Так, за три года со дня организации области было осуждено у нас 87 тысяч человек, из них 18 тысяч колхозного и сельского актива... Судили по пустякам, судили незаконно, и когда мы, выявив это, поставили вопрос в Центральном

комитете, товарищ Сталин и товарищ Молотов крепко нам помогли, направив для пересмотра всех этих дел бригаду из работников Верхсуда и прокуратуры. В результате за три недели работы этой бригады по шестнадцати районам отменено 56% приговоров как незаконно вынесенных. Больше того, 45% приговоров оказались без всякого состава преступления... Если к этим людям не подойти своевременно и не разбить имеющиеся у них

определенные настроения,
они могут пойти не за
нами³⁷.

Было среди прочих и еще одно
весьма примечательное выступление,
но не прозвучавшее, как Пескарева,
диссонансом. Первый секретарь
Краснодарского крайкома
И. А. Кравцов единственный
поведал, и весьма подробно, о том,
что его коллеги потихоньку делали
уже последние недели. Рассказал о
подборе только таких кандидатов в
депутаты Верховного Совета СССР,
которые бы отвечали интересам
исключительно широкого
руководства.

Мы выдвинули в
состав Верховного
Совета, —
разоткровенничался
Кравцов, — наших
кандидатов. Кто эти
товарищи? Членов партии
восемь человек,
беспартийных и членов
ВЛКСМ два человека.
Таким образом, процент
беспартийных мы
выдержали тот, который
указан в проекте решения
ЦК. По роду работы эти
товарищи распределяются
так: партработников
четверо, советских

сказать, что подсказали это здесь, в аппарате ЦК.

Сталин: Кто?

Кравцов: По вызову мы командировали в ЦК нашего председателя крайисполкома товарища Симочкина, который и согласовал это в аппарате ЦК.

Сталин: Кто?

Кравцов: Я не скажу, я не знаю.

Сталин: Вот жаль, что не скажете, неправильно сказано было^{[38](#)}.

Сегодня невозможно установить,

что породило нарастающий гнев Сталина, который столь отчетливо слышался в трех вопрошающих и одновременно настаивающих «кто», в конце ясно ставший уже грозным. Нельзя однозначно понять, что же конкретно Сталин подразумевал под предельно жестким определением «неправильно сказано было». Возможно, протест Иосифа Виссарионовича вызвало упоминание фамилии Яковлева, о судьбе которого из присутствовавших знали двое или трое — он сам, Ежов и, может быть, Молотов.

Но не менее вероятно и иное предположение. Гнев Сталина вызвал открыто названный принцип

отбора кандидатов в депутаты. Из десяти человек четверо оказались партфункционерами, а двое — советскими чиновниками. Иными словами, не просто сохранился, но и восторжествовал тот самый принцип, ради ликвидации которого и была затеяна им политическая реформа с новыми конституцией и избирательным законом. А может быть, глухой гнев Сталина вызвало и то, и другое, причем упоминание в данном контексте фамилии Яковлева с новой силой разбередило полученные накануне раны.

...По второму пункту повестки дня, опять же с информацией, не требовавшей ни обсуждения, ни

выработки решения, выступил Сталин. Сухо, коротко уведомил пленум о том, почему в зале заседания не оказалось непременно для таких важных встреч 24 человек. «За период после июньского пленума до настоящего пленума, — сообщил Иосиф Виссарионович, — у нас выбыло и арестовано несколько членов ЦК». Далее просто назвал их поименно. Первых секретарей обкомов: Ивановского — И. П. Носова, Харьковского — М. М. Хатаевича, Саратовского — А. И. Криницкого; Дальневосточного крайкома — И. М. Варейкиса; первого секретаря ЦК КП(б) Узбекистана А. И. Икрамова;

заведующего политико-
административным отделом ЦК
ВКП(б) И. А. Пятницкого;
председателя Центросоюза
И. А. Зеленского и заместителя
председателя СНК РСФСР
Д. З. Лебеда.

Затем в соответствии с рангом
перечислил выбывших, арестованных
кандидатов в члены ЦК. Среди них
оказались первые секретари
обкомов: Сталинградского —
Б. А. Семенов, Башкирского —
Я. Б. Быкин, Татарского —
А. К. Лепа; член ПБ ЦК КП(б)
Украины Н. Ф. Гикало; вторые
секретари: Дальне-Восточного
крайкома — В. В. Птуха и Западно-

Сибирского — В. П. Шубриков;
наркомы СССР: финансов —
Г. Ф. Гринько и совхозов —
Н. Н. Демченко; замнаркомы СССР:
тяжелой промышленности —
А. П. Серебровский и легкой —
И. Г. Еремин; председатель СНК
УССР П. П. Любченко, начальник
Управления государственных
резервов при СНК СССР
А. П. Розенгольц; председатель
Западно-Сибирского крайисполкома
Ф. П. Грядинский, начальник
управления НКВД по Дальне-
Восточному краю Т. Д. Дерибас,
начальник Донецкого угольного
бассейна С. А. Саркисов и
сотрудница наркомлегпрома

А. С. Калыгина³⁹.

Почему-то Сталин не выдвинул в их адрес обычных для таких случаев политических обвинений.

Ограничился тем, что назвал их всех «врагами народа». Поступил он так, скорее всего, чтобы хоть как-то обосновать их вывод из ЦК. Сталин объяснил применение репрессивных мер лишь по отношению к четверым. Зеленский у него «оказался царским охранником», Дерибас — «японским шпионом», Серебровский — просто «шпионом», Розенгольцу приписал работу сразу на три разведки — немецкую, английскую и японскую.

Свой «черный список» Сталин вполне мог продолжить. Ведь с 3 по

10 октября, то есть до открытия пленума, ЦК утвердило снятие членов ЦК — первого секретаря Челябинского обкома К. В. Рындина и заведующего отделом науки ЦК ВКП(б) К. Я. Баумана, члена ЦК — первого секретаря Омского обкома Д. А. Булатова; члена ЦК — первого секретаря Бурят-Монгольского обкома М. Н. Ербанова. Кроме них в те же дни были отстранены от занимаемых должностей еще трое партработников того же ранга. Первые секретари ЦК компартий Таджикистана У. Ашуров и Туркмении Анна-Мухамедов, Дагестанского обкома — Н. Е. Самурский⁴⁰, так и не успевшие

попасть в органы, избираемые съездом.

И все же очередной удар по широкому руководству ничего уже изменить не мог. С надеждой провести альтернативные выборы приходилось окончательно распрощаться. Их просто не позволили бы провести. Отказаться пришлось и от разработки новой партийной программы, помимо прочего, еще и потому, что готовить ее было некому. Партократия в самоубийственном противостоянии сумела добиться своего — сохранила в полной неприкосновенности старую политическую систему, теперь лишь прикрытую как

камуфляжной сеткой новой конституцией. Непременный эпитет последней «сталинская» отныне должен был звучать не верноподданнически, а иронично, если не издевательски, ибо из нее было выхолощено самое главное.

Потеряв большую часть своего состава, широкое руководство сумело все же необычайно укрепить свои позиции, продвинуть своих людей на вершину власти. Завершая работу 12 октября, пленум избрал Н. И. Ежова кандидатом в члены ПБ, добавив ему к уже именовавшимся трем еще один пост и сравнив по положению со Ждановым. Теперь Ежов мог официально курировать собственную

деятельность, фактически лишившись контроля за собой даже со стороны ПБ. Неделю спустя, 29 октября, опять же без предъявления какого-либо политического обвинения или претензий по работе, вполне возможно, из-за слишком тесных деловых отношений с Я. А. Яковлевым, сняли наркома земледелия СССР М. А. Чернова. Заменил его Р. И. Эйхе⁴¹, кандидат в члены ПБ, давний сторонник и проводник самого жесткого, чисто репрессивного отношения к крестьянству. Перевод же из далекой Сибири в Москву дал ему возможность постоянно участвовать в заседаниях узкого руководства.

Тогда же произошло и стремительное возвышение А. И. Микояна. Еще 22 июля его утвердили заместителем председателя СНК СССР, а неделю спустя, 31 июля, еще и председателем Валютной комиссии ЦК — вместо В. Я. Чубаря⁴². Сохранив за собой пост наркома пищевой промышленности СССР, Анастас Иванович довольно быстро получил контроль над всей системой торговли. Еще в июне, после отстранения А. П. Розенгольца, он стал курировать наркомат внешней торговли, со снятием в августе И. М. Клейнера — комитет заготовок, а чуть позже, с арестом в

октябре И. Я. Вейцера, — и наркомат внутренней торговли. Микоян вернул тем самым то положение, которое он занимал до конца 1930 г., при А. И. Рыкове.

Все это не только изменило расстановку сил в ПБ, но и повлияло на формирование нового состава узкого руководства, в котором теперь преобладали «ястребы», сторонники консервативного, предельно жесткого курса.

Заключение

Так, полной неудачей, завершилась попытка группы Сталина реформировать политическую систему Советского Союза. В нелегальной борьбе она потеряла Я. А. Яковлева, А. И. Стецкого и Б. М. Таля, но обрела Г. М. Маленкова. Человека, который уже через два месяца предпримет отчаянную попытку остановить массовые репрессии. И именно тогда же попали в номенклатуру ПБ и начали нелегкое восхождение к вершине власти те, кто очень скоро, всего через

несколько месяцев, в крайнем случае через год-другой, войдет в широкое руководство, начав теснить старых партократов, и составит новую команду Сталина.

Н. А. Булганин, с 8 августа 1937 г. — председатель СНК РСФСР, с сентября 1938 г. — заместитель председателя СНК СССР;

В. В. Вахрушев, с 14 августа 1937 г. — нарком местной промышленности РСФСР, с октября 1939 г. — нарком угольной промышленности СССР;

И. А. Бенедиктов, с 27 августа 1937 г. — нарком совхозов РСФСР, с ноября 1938 г. — нарком земледелия СССР;

Н. М. Рынков, с 27 августа 1937 г. — прокурор РСФСР, с января 1938 г. — нарком юстиции СССР;

А. П. Завенягин, с 4 сентября 1937 г. — 1-й замнаркоматяжелой промышленности, с марта 1941 г. — замнаркома внутренних дел СССР;

М. Г. Первухин, с 4 сентября 1937 г. — начальник Главэнерго НКТП, с января 1939 г. — нарком электростанций и электропромышленности СССР;

И. Г. Кабанов, с 8 сентября 1937 г. — нарком коммунального хозяйства РСФСР, с августа 1938 г. — нарком пищевой промышленности СССР;

А. Г. Зверев, с 13 сентября 1937

г. — 1-й замнаркома финансов, с января 1938 г. — нарком финансов СССР;

И. Г. Большаков, с 26 сентября 1937 г. — заместитель управделами СНК СССР, с июля 1939 г. — председатель Комитета по кинематографии при СНК СССР;

К. П. Горшенин, с 12 сентября 1937 г. — член Центризбиркома СССР, с 1940 г. — нарком юстиции РСФСР, с 1946 г. — генеральный прокурор СССР;

П. Г. Москатов, с 12 октября 1937 г. — член Центризбиркома СССР, с октября 1940 г. — начальник главного управления трудовых резервов при СНК СССР;

И. Ф. Тевосян, с 14 октября 1937 г. — замнаркома оборонной промышленности СССР, с января 1939 г. — нарком судостроительной промышленности СССР.

А до конца года начали быструю карьеру:

Н. А. Вознесенский, с 23 ноября 1937 г. — заместитель председателя Госплана СССР, с января 1938 г. — председатель Госплана СССР;

Б. Л. Ванников, с 20 декабря 1937 г. — замнаркома оборонной промышленности СССР, с января 1939 г. — нарком вооружений СССР.

Примечания

Сталин И. Собр. соч. Т. 2. М.,
1951. С. 361.

Там же. С. 362.

Там же. С. 312.

Там же. С. 313, 314, 320.

Там же. Т. 4. М. 1951. С. 352.

Там же. С. 354.

Там же. С. 362.

Узкое руководство — неформальная группа внутри ПБ (в разные годы насчитывала от трех до шести человек), присвоившая себе всю полноту власти и потому принимавшая от имени ЦК партии и правительства СССР важнейшие для судеб страны решения.

Сталин И. Собр. Соч. Т. 6. М.,
1952. С. 374

Там же. С. 283.

Там же. С. 399.

Там же. С. 107.

Там же. Т.7. М., 1952. С. 115.

Там же.

Там же. Т. 5. М., 1952. С. 163.

Там же. Т. 7. С. 390.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 104.

Сталин И. Собр. соч. Т. 9. М., 1952. С. 126–127.

Там же. Т. 7. С. 299.

Жуков Ю. Н. Операция
«Эрмитаж». М., 1993. С. 30.

Сталин И. Собр. соч. Т. 10. М., 1952. С. 305.

Революция и культура. 1930.
№ 7. С. 54.

Сталин И. Собр. соч. Т. 12. М., 1952. С. 193, 198–199.

Справочник партийного
работника. Вып. 8. М., 1934. С. 733.

Сталин И. Собр. соч. Т. 12. С.
309.

Там же. С. 355.

Цит. по: Документы внешней
политики СССР (далее —
Документы) Т. XV. М., 1969. С. 731.

Сталин и Каганович. Переписка.
1931–1936 гг. М., 2001. С. 208,212.

Письма И. В. Сталина
В. М. Молотову. 1925–1936 гг. М.,
1995. С. 240-241.

Сталин и Каганович... С. 199–
200.

Там же. С. 281.

Цит. по: Пленум ускоренной
подготовки к боям за власть, за
диктатуру пролетариата.
Коммунистический интернационал.
1932. № 27. С. 4–6.

Известия. 1932. 13 декабря.

Зиновьев Г. Проблемы германской революции. Статья 9-я. — Правда. 1923. 31 октября.

Троцкий Л. Малое и большое. —
Правда. 1923. 18 октября.

Сталин и Каганович... С. 237.

Документы... Т. XVI. М., 1970.
С. 142, 816.

Там же. С. 151, 159, 812, 817.

Там же. С. 846, 869; Известия.
1933. 5 мая.

Документы... Т. XVI С. 682–684.

Там же. С. 684–685.

Малая советская энциклопедия.
Т. 4. М., 1929. Колонка 631–632.

Документы... Т. XVI. С. 695.

Там же. С. 724–725.

Там же. С. 736; Исторический архив. 1995. № 2. С. 199.

Исторический архив. 1995. № 2.
С. 200.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 305–306.

Документы... Т. XVI. С. 772–
773.

XVII съезд Всесоюзной
коммунистической партии
(большевиков). Стенографический
отчет. М., 1934. С. 8, 11–12.

Там же. С. 11.

Там же С. 13-14.

Там же. С. 14.

Там же. С. 15–16.

Подробнее см.: Костюк Г.
Сталинизм на Украине (на укр. яз.).
Киев. 1955. С. 164–198;
Субтельный О. Украина. История. —
Киев. 1994. С. 494.

XVII съезд... С. 28, 32.

Там же. С. 561–562, 672, 676.

Широкое руководство — первые секретари ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов, а также наркомы (министры) СССР, обладавшие почти неограниченными правами на подконтрольных территориях, во вверенных отраслях экономики. Как члены ЦК, они избирали на пленумах состав ПБ, утверждали его основные решения, в силу чего юридически стояли над ПБ, включая узкое руководство

XVII съезд... С. 680–681.

Российский государственный
архив социально-политической
истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп.
3. Д. 941. Л. 14.

Там же. Д. 943. Л. 33.

Там же Д. 941. Л. 58.

Там же. Д. 943. Л. 33.

Сталинское политбюро 30-х годов. М., 1995. С. 141–142.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 948. Л.

31.

Там же. Д. 941. Л. 21; Д. 943. Л. 20, 33; Д. 944. Л. 27–28.

Правда. 1934. 13–16 февраля.

Известия. 1934. 6, 9, 12 и 15
марта, отдельное издание. М., 1934.

XVII съезд... С. 492–497, 516–521: 236–238, 627–628, 124–128, 209–212, 249–251.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп 3. Д. 944.
Л.42.

Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. Ч. 1. СПб. 2000. С. 566–568, 574.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 939. Л.

2.

Там же л. 941. Л 20.

Там же. Л. 21, 40; Оп 163. Д.
1016. Л.143.

Там же. Оп. 3. Д. 944. Л. 17.

Там же. Д. 943. Л. 33; Д. 944. Л. 3; Оп. 163. Д. 1048. Л. 26.

Там же. Оп. 3. Д. 953. Л. 22.

Там же. Оп. 163. Д. 1047. Л. 90.

Там же. Оп. 3. Д. 948. Л. 32.

Там же. Д. 941. Л. 2–3.

Там же. Д. 942. Л. 7–8.

Там же. Оп. 163. Д. 1023. Л. 87,
92, 99.

Сталин И. Собр. соч. Т. 14. М.,
1997. С. 23.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 950. Л.

18.

Большевик. 1934. № 13–14. С.
32–56.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 950. Л.

31.

Там же. Д. 951. Л. 19.

Сталин И. Собр. Соч. Т. 14. С.
41, 42, 44.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 944. Л.

63.

Там же. Д. 939. Л. 2.

Документы... Т. XVII. М., 1971.
С. 133, 139.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 928. Л.

4.

Кен О. Н., Рупасов А. И. Указ.
соч. С. 571.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 945. Л. 43; Д. 943. Л. 41; Д. 947. Л. 34; Д. 950. Л. 38.

Документы... Т. XVII. С. 775.

Правда. 1934. 11 октября.

Там же. 6, 7 и 8 октября.

Там же. 13 октября.

Дюкло Ж. Мемуары. Т. 1. М., 1985. С. 183–184.

Документы... Т. XVII. С. 686–
687, 829.

Там же. С. 725–726.

Там же. С. 738–739.

Не снятый с документов по делу об убийстве С. М. Кирова гриф секретности вынуждает ограничиться общей для данной и всех последующих цитат из следственных документов глухой ссылкой лишь на архивохранилище — РГАСПИ, исключив по не зависящим от автора причинам обычные указания на фонд, опись, дело и лист.

29 ноября 1934 г. газета «Ленинградская правда» поместила объявление о собрании 1 декабря в 18 часов во Дворце Урицкого (Таврический дворец) партийного актива ленинградской организации ВКП(б) по итогам ноябрьского пленума ЦК.

В функции оперативного отдела, в частности, входила охрана С. М. Кирова, а также здания Смольного.

Борисов М. В., 1881 г. рождения, из крестьян, кандидат в члены ВКП(б) с 1931 г., оперативный комиссар 4-го отделения, оперода УНКВД по Ленинградской области. В ОГПУ с 1924 г., ранее работал сторожем. Погиб 2 декабря 1934 г. в 10 часов 50 минут при наезде грузового автомобиля на стену дома № 50 по улице Воинова.

В ходе допроса 3 декабря на вопрос: «Как вы попали первого декабря в Смольный?» — Николаев ответил: «Я прошел по партбилету».

Чудов М. С. — второй секретарь
Ленинградского обкома ВКП(б);
Кодацкий И. Ф. — председатель
исполкома Леноблсовета;
Позерн Б. П. — секретарь
Ленинградского обкома ВКП(б).

Фомин Ф. Т. — заместитель
начальника УНКВД по
Ленинградской области.

Губин А. А. — начальник
оперативного отдела УНКВД по
Ленинградской области.

Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР. Генеральный комиссар госбезопасности. Сборник документов. (Далее — Ягода...) Казань. 1997. С. 390–391.

В справочнике «Весь Ленинград на 1933 год» (Л. 1934. С. 19) дается несколько иная информация: «Германское генеральное консульство — ул. Герцена, дом 41, тел. 169-82».

Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. (Далее — Реабилитация...). М., 1991. С. 153.

Документы... Т. XVII. С. 790.

Правда. 1934. 4 декабря.

Ягода... С. 392.

Правда. 1934. 7 декабря.

Реабилитация... С. 155.

Правда. 1934. 22 декабря.

Правда. 1935. 18 января;
Реабилитация... С. 147–170.

Реабилитация... С. 123–147.

Росляков Михаил. Убийство
Кирова. Л., 1991. С. 61.

Реабилитация... С. 170.

Кирилина Алла. Рикошет. СПб.,
1993. С. 128.

Центральный архив
Федеральной службы безопасности
(ЦА ФСБ).

Лубянка. ВЧК — ОГПУ —
НКВД — МВД — КГБ. 1917–1960.
Справочник. М., 1997. С. 127.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 947. Л.

3940.

Там же. Оп. 163. Д. 1028. Л.
137–138.

Исторический архив. 1995. № 3.
С. 131.

Документы... Т. XVII. С. 312.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 939, л.

2.

Исторический архив. 1995. № 3.
С. 154.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3275.
Л. 1–10.

Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 249. Л.

1–3.

Правда. 1935. 29 января.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 958. Л.

38.

Там же. Оп. 2. Д. 537. Л. 1.

Правда. 1935. 6 февраля.

Там же.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1106. Л. 134.

Правда. 1935. 7 февраля.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1055. Л. 92, 94–95.

Сталинское политбюро... С.

142.

Там же. С. 143.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1055. Л. 125.

Сталинское политбюро... С.

143.

Там же.

Не снятый с документов гриф секретности вынуждает ограничиться для данной и всех последующих цитат из следственных документов глухой ссылкой лишь на архивохранилище — РГАСПИ.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1055. Л. 96.

Там же. Д. 1056. Л. 199; Д. 1052.
Л. 132.

Документы... Т. М. 1973. С. 117–
118.

Там же. С. 229, 240.

Там же. С. 250.

Правда. 1935. 1 апреля.

Там же. 4 мая.

Там же. 18 мая.

РГАСПИ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 959. Л.

16.

Там же. Д. 960. Л. 15; Правда.
1935. 4 марта.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1062. Л. 169.

Там же. Ф. 84. Оп. 1. Д. 144. Л. 7,

13.

Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1057.
Л. 128–135.

Там же. Д. 1058. Л. 70, 69.

Там же. Оп. 3. Д. 962. Л. 63.

Ягода... С. 427–428.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1062. Л. 167–169.

Там же. Л. 165, 164.

Бюллетень оппозиции. 1935.
№ 43.

Бюллетень оппозиции. 1935.
№ 41.

Там же. Оп. 2. Д. 547. Л. 26–29
об.

Там же. Л. 29 об.

Там же. Л. 30–30 об.

Там же. Л. 32–33 об.

Там же. Л. 33 об. — 34.

Там же. Л. 34–35.

Там же. Л. 35.

Там же. Л. 35 об. — 36 об.

Там же. Л. 38.

Правда. 1935. 8 июня.

Там же. 16 июня.

Там же. 19 июня.

Там же. 22 июня.

Там же. 28 июня.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 7.
С. 86–90.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1061. Л. 119–120.

Правда. 1935. 6 мая.

ЦАФСБ.

Там же; Сувениров О. Ф.
Трагедия РККА. 1937–1938. М., 1998.
С. 160, 167.

Ягода... С. 168–171, 189–191.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1057. Л. 153.

Там же. Д. 1061. Л. 6 об.

Там же. Д. 1074. Л. 128.

Ягода... С. 465.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1063. Л. 136–138.

Там же. Д. 1066. Л. 83–85.

Там же. Д. 1071. Л. 178.

Там же. Д. 1106. Л. 134.

Правда. 1935. 23 сентября.

Там же.

Цит. по: Адибеков Г. М.,
Шахназарова Э. Н., Шириня К. К.
Организационная структура
Коминтерна. 1919–1943. М., 1997. С.
179.

Там же. С. 180.

Пик В. Отчет о деятельности
исполнительного комитета
Коммунистического
интернационала. М., 1935. С. 7, 85,
86, 98.

Резолюции VII всемирного
конгресса Коммунистического
интернационала. М., 1935. С. 16–18.

Димитров Г. Наступление
фашизма и задачи
Коммунистического интернационала
в борьбе за единство рабочего класса
против фашизма. М., 1935. С. 32.

Правда. 1935. 29 августа.

Резолюция VII всемирного
конгресса Коммунистического
интернационала. М., 1935. С. 38.

Адибеков Г. М. и др. Указ. соч.

С.

Кабанов В. В. Из истории создания конституции СССР 1936 года. История СССР. 1976. № 6. С. 118.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3275.
Л. 26.

Кабанов В. В. Указ. соч. С. 118.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163 Д. 1085.
Л. 16.

Правда. 1935. 21 и 29 декабря.

Там же. 5 декабря.

Там же. 27 декабря.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 949. Л.

22.

Правда. 1935. 17 декабря.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1091. Л. 60.

Там же. Д. 1086. Л. 9, 11.

Известия. 1936. 18 января.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1090. Л. 43.

Там же. Д. 1092. Л. 36; Д. 1098.
Л. 131; Д. 1114, Л. 3.

Там же. Д. 1087. Л. 51–54.

Там же. Д. 1086. Л. 9; Д. 1093. Л.
103.

Правда. 1936. 5 марта.

Там же.

Цит. по: Ширер Уильям. Взлет и падение третьего рейха. Т. 1. М., 1991
С. 333

Документы... Т. XIX. М., 1974.

С. 148.

Правда. 1936. 24 марта.

Документы... Т.ХІХ. С. 181–182.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1100. Л. 15–19.

Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизм политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 150–151.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1106. Л. 134–136.

Там же. Д. 1098. Л. 7–8.

Там же. Д. 1116. Л. 105–107.

Цит. по: Реабилитация... С. 216.

Там же. С. 176.

Там же.

Там же. С. 176–177.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1093. Л. 47.

Там же. Ф. 83. Оп. 1. Д. 10. Л.

18.

Реабилитация... С. 216–217.

Там же. С. 217.

Там же.

Кабанов В.В. Указ. соч. С. 121–122, 124.

Правда. 1936. 17 мая.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1107.
Л. 79–79 об.

Реабилитация... С. 217.

Конституции и
конституционные акты Союза ССР.
(1922-1936). М., 1940. С. 41–42.

Там же. С. 43.

Основной закон (конституция)
Союза Советских Социалистических
Республик. М., 1931. С. 12.

Конституция и
конституционные акты Союза ССР.
(1922–1936). М., 1940. С. 189.

Там же. С. 179, 188.

Там же. С. 44, 182, 184.

Там же. С. 187.

Программа Коммунистического интернационала. М.-Л., 1928. С. 49–51.

Первоначальная редакция письма, представленного в ЦК ВКП(б), цит. по: Молотов В. Коминтерн и новый революционный подъем. М., 1929. С. 69.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 572. Л.

3–8.

Там же. Д. 563. Л. 4.

Там же. Л. 5.

Там же. Д. 572. Л. 5 об. — 6; Д.
571. Л. 2-3.

Там же. Д. 572. Л. 35.

Там же. Д. 567. Л. 134, 136, 137,
139.

Там же. Л. 135.

Там же. Д. 572. Л. 38.

Там же. Д. 571. Л. 205–206.

Правда. 1936. 12 июня.

Берия. Новая конституция и Закавказская федерация. — Правда. 1936. 12 июня.

Правда. 1936. 5, 16 и 27 июля.

Пришвин М. Дневники. М.,
1990. С. 235.

Реабилитация... С. 177.

Там же. С. 178, 181, 183,

Там же. С. 196–210.

Сталин и Каганович. Переписка.
1931–1936. М., 2001. С. 630.

Там же.

Там же. С. 634–635, 638.

Там же. С. 639–640.

Там же. С. 642, 645.

Там же. С. 640–641.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1116.

Л.

XVI съезд ВКП(б).
Стенографический отчет. М., 1930.
С. 723.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1118.
Л. 74.

Цит. по: Война и революция в Испании. 1936–1939. Т. 1. М., 1968. С. 186.

Известия. 1936. 6 августа.

Цит. по: Сория Жорж. Война и революция в Испании. 1936–1939. Т. 1. — М., 1987. С. 111.

Известия. 1936. 26, 28 августа.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1120. Л. 48–49.

Правда. 1936. 5 сентября.

Там же. 4 сентября.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1118.
Л. 63–65.

Там же. Д. 1119. Л. 1163.

Там же. Л. 110.

Там же. Д. 1123. Л. 58.

Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 96.

Цит по: Рыбалкин Ю. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000. С. 28.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 96.

Л. 4.

Цит. по: Рыбалкин Ю. Указ. соч.
С. 29.

Там же.

Там же.

Литвинов М. Против агрессии.
М., 1938. С. 30.

Известия. 1936. 8 октября

Правда. 1936. 16 октября.

Известия. 1936. 24 октября.

Мещеряков М. Т. Испанская республика и Коминтерн. — М., 1981. С. 52.

Война и революция в Испании.
1936–1939. Т. 1. М., 1968. С. 544.

Внешняя политика СССР.
Сборник документов. Т. IV. М., 1946.
С. 226.

Документы... Т. XIX. С. 659–
660.

Коминтерн и гражданская война
в Испании. М., 2001. С. 110-111.

Там же. С. 113.

Война и революция в Испании.
1936–1939. Т. 1. М., 1968. С. 363-364.

Там же. С. 419.

Оруэлл Дж. Памяти
Каталонии. — Согласие., 1990. № 1.
С. 107-110.

Рыбалкин Ю. Указ. соч. С. 31.

Сория Жорж. Война и революция в Испании. 1936–1939. Т. 2. М., 1987. С. 118–119.

Правда. 1936. 10 октября.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 96.
Л. 5; Ф. 17. Оп. 163. Д. 1122. Л. 104.

Там же. Ф. 17 Оп. 163. Д. 1117.
Л. 109–110.

Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 93. Л.

35.

Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1123.
Л. 33.

Там же. Д. 1118. Л. 74.

Там же. Л. 78.

Там же. Д. 1125. Л. 21–22.

Сталин и Каганович... С. 682–
683.

Там же. С. 683.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1123. Л. 146–147.

Там же. Д. 1124. Л. 35.

Там же. Д. 1127. Л. 31.

Там же. Д. 1124. Л. 55. Впервые опубликовано в «Реабилитация...», с. 221, с существенной ошибкой. Решение подписано не Сталиным, а Кагановичем, Молотовым, Андреевым, Ежовым, Рудзутаком.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1124. Л. 56–62.

Там же. Оп. 2. Д. 572. Л. 35.

Там же. Ф. 83. Оп. 1. Д. 10. Л.

18.

Там же

Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1125.
Л. 74.

Там же. Д. 1127. Л. 88–89.

Правда. 1936. 14 ноября.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163 Д. 1128.
Л. 1–2.

Там же. Л. 88.

Там же. Л. 87.

См.: Петров Н. В., Скоркин К. В.
Кто руководил НКВД. 1934–1941.
Справочник. М., 1999.

Там же.

Там же.

Подробнее см.: Жуков Ю. Н. Так был ли «заговор Тухачевского?»— Отечественная история. 1999. № 1. С. 177.

Правда. 1936. 18 ноября;
Внешняя политика СССР. Сборник
документов. Т. IV. М., 1946. С. 218–
219.

Правда. 1936. 20 ноября.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 575. Л.
107-108.

Там же. Оп. 163. Д. 1118. Л. 148-150.

Там же. 21 и 22 ноября.

Там же. 23 ноября.

Там же. 23 и 26 ноября.

Костюк Г. Сталинизм на
Украине (на укр. яз.). Киев., 1995. С.
293–298.

Сталин И. Вопросы ленинизма.
М., 1939. С. 509, 511.

Там же. С. 515–516, 525–526.

Там же. С. 516, 522.

Там же. С. 531-532.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1128. Л. 60.

Там же. Л. 88.

Правда. 1936. 27 ноября.

Там же.

Там же. 29 ноября.

Там же.

Там же. 30 ноября.

Там же. 3 декабря.

Там же. 29 ноября; полный текст см.: Документы.... Т. XIX. С. 705–719.

Правда. 1936. 29 ноября.

Жданов А. А. Победа социализма и расцвет советской демократии. Речь на чрезвычайном VIII всесоюзном съезде Советов. М., 1936. С. 4–5, 13.

Малая советская энциклопедия.
Т. 2. М., 1929. Колонка 866.

Жданов А. А. Указ. соч. С. 20–
21.

Документы... Т. XIX. С. 775.

Молотов В. М. Конституция социализма. Речь на чрезвычайном VIII всесоюзном съезде Советов. М., 1936. С. 6–9.

Там же. С. 10-11.

Там же. С. 11-12.

Там же. С. 35.

Правда. 1936. 2 декабря.

Там же. 5 декабря.

Исторический архив. 1995. № 4.
С. 33-34.

Правда. 1936. 6 декабря.

Там же.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 575. Л.

1-а.

Там же. Л. 1-а-5.

Там же. Л. 6–7.

Там же. Л. 7–8.

Там же. Л. 10.

Там же. Л. 13–14.

Там же. Л. 29, 31, 33, 37.

Там же. Л. 21.

Там же. Л. 13.

Троцкий Л. Преданная
революция. М., 1991. С. 234.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 575. Л.
19, 21.

Там же. Л. 59.

Там же. Л. 57–65.

Там же. Л. 67–68.

Там же. Л. 69, 90–91.

Там же. Л. 73, 74, 79.

Там же. Л. 92.

Там же. Л. 73.

Там же. Л. 91.

Там же. Л. 94.

Там же. Л. 97, 103.

Там же. Л. 107–108, 112.

Там же. Л. 131, 135–136.

Там же. Л. 138–140, 144, 146.

Там же. Л. 149, 157.

Там же. Л. 115–188, 122–127.

Там же. Д. 573. Л. 2; Д. 576. Л.
114.

Там же. Д. 575. Л. 134,26.

Там же. Оп. 163. Д. 1129. Л. 107, 123; Д. 1131. Л. 149; Д. 1133. Л. 133, 135.

Там же. Д. 1132. Л. 96–99.

Там же. Д. 1133. Л. 37–42; Д. 1139, Л. 170.

Там же. Оп. 3. Д. 983. Л. 43.

Там же. Оп. 163. Д. 1138. Л. 48;
Оп. 3. Д. 983. Л. 43.

Там же. Оп. 163, Д. 1140. Л. 109.

Там же. Д. 1140. Л. 197.

Там же. Д. 1129. Л. 66–68; Оп. 3.
Д. 983. Л. 31.

Там же. Д.1128. Л. 50, 59; Д.
1133. Л. 173.

Правда. 1936. 16 ноября.

Документы... Т. XIX. С. 650.

Там же. С. 649–650.

Известия. 1936. 11 декабря.

Документы... Т. XIX. С. 675–
676.

Там же. С. 679.

Там же. Т. XX. М., 1976. С. 13.

Там же. С. 43–45.

Реабилитация... С. 225

Судебный отчет по делу
антисоветского троцкистского
центра. М., 1937. С. 10.

Там же. С. 24, 52, 75, 84, 90, 94.

Там же. С. 41, 56, 70, 130.

Там же. С. 222, 224, 232, 237,
239, 241.

Там же. С. 34–35, 54, 76, 84, 90,
95.

Там же. С. 234.

Там же. С. 258.

Правда. 1937. 31 января.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1130. Л. 146.

Там же. Д. 1135. Л. 1; Д. 1136. Л. 6; Д. 1137. Л. 11; Оп. 3, Д. 983. Л. 1, 64.

Там же. Оп. 163. Д. 1138. Л. 8–9.

Вопросы истории. 1992. № 2. С.
5–43.

Там же. 1993. № 2. С. 24–25.

Там же. 1993. № 5. С. 3–14

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 18.
Л. 24.

Вопросы истории. 1993. № 6. С. 4, 7, 18, 21, 25, 27; № 7. С. 11.

Там же. № 6. С. 6, 17.

Там же. С. 12, 16.

Там же. № 7. С. 23.

Там же. 1993. № 8. С. 3–26.

Там же.

Там же. 1994. № 10. С. 13.

Там же. С. 13–27.

Там же. № 12. С. 3–28; 1995,
№ 2. С. 3–6, 14–21.

Там же. 1995. № 2. С. 7–8.

Там же. С. 11–14.

Там же. № 3. С. 3–15

Там же. № 4. С. 9–14.

Там же. № 5–6. С. 3–8.

Там же. С. 16–24.

Там же. № 10. С. 3–11.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 18.
Л. 130.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 612.
Вып. III. Л. 49 об. — 50.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 56.
Л. 31–32 об.

Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1141.
Л. 68–69.

Там же. Д. 1147. Л. 98.

Правда. 1937. 2 апреля.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 56.
Л. 6, 16, 19, 20, 27–28, 46, 81.

Там же. Л. 41–41 об.

Ягода... С. 88–108.

Там же. С. 112–116.

Там же. С. 125, 129.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1140. Л. 107, 109, 197; Д. 1144. Л. 13;
Д. 1145. Л. 87; Д. 1148. Л. 1.

Там же. Д. 1136. Л. 144; Д. 1142.
Л. 106; Д. 1143. Л. 175.

Там же. Д. 1142. Л. 83.

Там же. Д. 1145. Л. 10.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1140. Л. 48.

Там же. Д. 1141. Л. 23. Д. 1144.
Л. 5–5 об.

Документы... Т. XX. С. 703.

Там же. С. 698, 702–703.

Внешняя политика СССР. Т.IV.
М., 1946. С. 245–246.

Там же. С. 245.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1142. Л. 85.

Хлевнюк О. В. Указ. соч. С. 238.

Там же. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163.
Д. 1145. Л. 62–63.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1146. Л. 83.

Там же. Л. 85.

Сталинское политбюро в 30-е
годы. М., 1995. С. 33–34.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1148. Л. 78.

Правда. 1937. 29 апреля.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1147. Л. 94.

Правда. 1937. 1 мая.

Там же.

Шубин А. Анархо-синдикалисты
в испанской гражданской войне
1936–1939 гг. М., 1997. С. 34.

Там же. С. 36.

Коминтерн и гражданская война в Испании. М., 2001. С. 276–280; Сория Ж. Война и революция в Испании. 1936–1939. Т. 1. М., 1987. С. 29–31.

Коминтерн и гражданская война
в Испании... С. 277.

РГАСПИ. Ф. 17.0.163. Д. 1147. Л. 114, 142; Исторический архив. 1995. № 4, с. 51.

Реабилитация... С. 282, 285.

Тринадцатая конференция
Российской коммунистической
партии (большеви́ков). М., 1924. С.
155; Сталин И. Собр. соч. Т. III., 1952.
С. 43.

Известия ЦК КПСС. 1991. № 3.
С. 207–208.

Колпакиди А., Прудникова Е.
Двойной заговор. М., 2000. С. 50–51;
РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 39.

Ягода... С. 149.

Реабилитация... С. 286.

Там же. С. 285.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1143. Л. 133.

Там же. Д. 1148. Л. 137.

Там же. Д. 1149. Л. 87.

Там же. Д. 1148. Л. 137.

Там же. Д. 1149. Л. 88.

Там же. Л. 130.

Там же. Л. 137.

Ягода... С. 172–173.

Сувениров О. Ф. Трагедия РККА,
1937–1938. М., 1998. С. 373–481.

Вопросы истории. 1994. № 8. С.
12–13, 17.

Источник. 1994. № 3. С. 72.

Там же. С. 73.

Там же. С. 76–78.

Там же. С. 75–77.

Там же. С. 79, 81–82.

Там же. С. 77.

Там же. С. 78; данная цифра согласуется с данными, полученными О. Ф. Сувенировым, — см. его «Трагедия РККА...» С. 373–483.

На прежних позициях. Правда.
1937. 3 июня.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1151. Л. 101. Д. 1152. Л. 24, 165. Д.
1153. Л. 10.

Правда. 1937. 17 июня.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1150. Л. 15.

Там же. Л. 49. Д. 1151. Л. 70; Д.
1152. Л. 169.

Там же. Д. 1153. Л. 6.

Там же. Оп. 2. Д. 614. Л. 1.

Там же. Оп. 163 Д. 1150. Л. 104.

Там же. Оп. 2. Д. 616. Л. 5–7.

Там же. Л. 8–9.

Там же. Л. 9.

Там же. Л. 12.

Там же. Л. 16–18.

Там же. Л. 26.

Там же. Л. 33–34.

Там же. Л. 18.

Там же. Л. 138.

Там же. Л. 164.

Там же. Л. 166, 170.

Там же. Л. 175.

Там же. Л. 176.

Там же. Л. 187–188.

Там же. Л. 224.

Там же. Л. 3.

Там же. Оп. 163. Д. 1151. Л. 87.
Д. 1152. Л. 24, 165. Д. 1154. Л. 76-77.

Arch Getty, Naumov Oleg V. The Road to Terror. New Haven and London. 1999. P. 469.

Вопросы истории. 1993. № 6. С.

5.

Хлевнюк О. В. Указ. соч. С. 134,
228.

Труд. 1992. 4 июня.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 616. Л.
129, 154.

Исторический архив. 1995. № 4.
С. 56–57.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1154. Л. 180.

Правда. 1937. 6 июля.

Там же. 8 июля.

Там же.

Там же. 9 июля.

Там же. 10 июля.

Там же.

РГАСПИ.

Труд. 1992. 4 июня; РГАСПИ. Ф.
89. Оп. 73. Д. 49. Л. 1–2; РГАСПИ.

Труд. 1992. 4 июня.

Там же.

Там же.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1154. Л. 76–77.

Там же. Д. 1155. Л. 154; Д. 1170.
Л. 19–20.

Там же. Д. 1156. Л. 141–142.

Там же. Д. 1157. Л. 126–128; Д.
1169. Л. 122.

Там же. Д. 1165. Л. 47.

Там же. Д. 1155. Л. 4–5; Д. 1161.
Л. 31. Д. 1163. Л. 157, 159.

Там же. Д. 1162. Л. 27-28; Д.
1163. Л. 4–5.

Там же. Д. 1166. Л. 18.

Там же. Д. 1156. Л. 69. Д. 1158.
Л. 171. Д. 1163. Л. 160.

Там же. Д. 1158. Л. 86.

Там же. Д. 1159. Л. 17–24.

Пятницкий В. Заговор против Сталина. М., 1998. С. 100.

Там же. С. 126.

Там же. С. 61–62.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1161. Л. 16, 73.

Там же. Д. 1162. Л. 144–146.

Там же. Д. 1158. Л. 86. Д. 1159.
Л. 169.

Там же. Д. 1162. Л. 77.

Там же. Д. 1160. Л. 61 об.

Там же. Д. 1163. Л. 31.

Там же. Л. 7.

Там же. Д. 1165. Л. 24. Д. 1166.
Л. 189. Д. 1167. Л. 10, 142, 145.
Д.1168. Л. 24, 61.

Там же. Д. 1118. Л. 74.

Там же. Д. 1163. Л. 106.

Исторический архив. 1995. № 4.
С. 65.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1168. Л. 65.

Там же. Л. 140.

Там же. Д. 1169. Л. 79–81.

Там же. Д. 1170. Л. 26–27.

Там же. Д. 1169. Л. 154.

Исторический архив. 1995. № 4.
С. 61–66.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1169. Л. 154.

Исторический архив. 1995. № 4.
С. 66.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1170. Л. 85–86.

Исторический архив. 1995. № 4.
С. 67.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 627. Л.
117–118, 120.

Там же. Л. 8–10, 15.

Там же. Д. 625. Л. 27.

Там же. Л. 44–49.

Там же. Л. 82.

Там же. Д. 627. Л. 2–10.

Там же. Л. 19.

Там же. Л. 27–28.

Там же. Л. 37–39.

Там же. Л. 49–51.

Там же. Л. 54–60.

Там же. Л. 96–103.

Там же. Л. 68–71.

Там же. Л. 107–109.

Сталинское политбюро в 30-е
годы... С. 157–158.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.
1169. Л. 69, 121–123. Д. 1170. Л. 19,
106.

Там же. Д. 1173. Л. 72.

Там же. Д. 1157. Л. 151. Д. 1158.
Л. 173.